
Digitized by Google

TAYLOR INSTITUTION
DOMI MINA
NUS TIO
ILLU MEA

КЪ
ИСТОРІИ ЗВУКОВЪ
РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. Потебни.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ Типографіи В. И. Исаева
1876.

Дозволено Ценцзурой. Москва, 18 Августа 1876 г.

(Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ»).

Книжка эта написана, кромѣ позднѣйшихъ вставокъ, въ 1873 г. и въ концѣ того же года находилась уже въ рукописи въ Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ печати появились: главы I—IV въ Журн. М. Н Пр 1873, X; гл. V - ib. 1874, III; гл. VI—ib IV; §§ 1—3 главы VII—ib. X; §§ 3 19 главы VII и глава VIII—въ «Филологическихъ Запискахъ» 1875 г. вып. I, IV, V, VI. Затѣмъ перепечатаны въ Фил. Зап. (вв. I, II, III) и главы I—VII (§ 1—2) съ нѣкоторыми дополненіями и ссылками на сочиненія, которыя въ 1873 г. небыли еще изданы или были мнѣ неизвѣстны. Дополненія заняли мѣста болѣе, чѣмъ предполагалось; отсюда двойная нумерація страницъ 113*—126* и 113 - 126.

Сочиненія I. Шмита «Zur Geschichte des indogermanischen vocalismus. Zweite Abtheilung» Weimar 1875 г., отчасти сходнаго съ моимъ по предмету, я еще и до сихъ поръ нечиталъ; между тѣмъ статью проф. Ягича «Ueber einige Erscheinungen des slavischen vocalismus» (Archiv für slavische Philologie, B. I), представляющую разборъ вышеупомянутаго сочиненія Шмита, а отчасти и моего (гл. V—VI), я, благодаря дру-

жественному вниманію автора, прочелъ еще до выхода въ свѣтъ 3-ей книги Arch. f sl. Phil., въ коей она должна быть помѣщена, но уже по напечатаніи предлагаемаго сочиненія.

Непослѣдовательность правописанія и опечатки, изъ коихъ отмѣчены мною только болѣе крупныя, до нѣкоторой степени заслуживаютъ извиненія: того и другаго трудно избѣгнуть при заглазномъ печатаніи.

Іюль 1876.

А. Потебня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕНЫ ОПЕЧАТКИ:

стр. строка:	*вмѣсто:*	*слѣдуетъ:*
9—28	удается	удастся
10—36-9	(неясно напечатано)	свою уста неесть форма равная этимологически древнѣйшей формѣ им., вин. мн. сред. род. своя уста, но возникла изъ формы=вин. м. р. и им. вин. ж. р. своѭ
13—11	сумарчность	суммарность
19—34-5	принадлежатъ великорусскія	принадлежитъ великорусское
37— 7	то это *е*, такъ	то это *е* такъ
» —24	Роношескъ	Ропошескъ
42—35	молвяше	молвяте
41— 1	Перхурей	Перхурей Ѳомипѣ
51—29	значка ʹ	значка ʼ
» —31	соънъ	сънʼ
53—19	(uo изъ ό есть	(uo изъ ό) есть
60— 7	brnać	brnąć
» —12	brnać	brnąć
68—23	на такое	петакое
70—34-5	pirrwenecz	pirzwenec
71—20	польск.	(польск.
74—15	сохранили	сохраняли
79—24	obvêknoti	odvêknoti

80—34	ср. чело, челесе= осн. карас	ср. чело, челесе= осн. карас, а равно и отношеніе ст. сл. сцѣглъ, цѣглъ, unicus, къ поль. szczegoł, Mikl. Gr. II, 95.
91—34	вихоръ	вихорь (рь=р́), а съ другимъ зн.—вихбр
97—16	ib, одьрнь	ib. Одьрнь
105—31	отвьрзи	отврьзи
106—21	Ѳракіи Болгар.	Ѳракіи; Болгар.
120* 13-4	обыкновенно	обыкновенною
113— 1	=в. бро	=русс. бро
114—33	думалъ какъ и о формѣ вълосъ, долженъ	думалъ такъ и о формѣ вълосъ (т. е. что въ ней 1-е ъ есть настоящій звукъ, а не ошибочное написаніе) долженъ
120— 9	череда»),	череда»,
» — 9-10	стало	стадо
125—16	врлб-ок	връб-ок
126—27	*оро*, *оло*	*оро*, *оло*)
131—36	(лора̑	ра̏ло)
132— 3	ákmů	ǎkmů
136—36	*калкал въ*	*калкал, въ*
146—28	wa-,	(wa-,
147—24	porsą,	porsą
155—15	согласною,	согласною),
156—35	онъ	оно
» —36	обязанъ	обязано
167— 9	el, er,	el, er
168— 2	bérzs	be'rzs
» —36	*ар*: въ ра-	*ар* въ *ра*
171—32-3	собственно опочка	собственное Опочка
172—12	нетанія	метанья
» —15	nerz-tas	nersz-tas
» —27	*нересть*	*нерестъ*

179—33	слѣдустъ	слѣдуетъ
187—20	Миклошика	Миклошича
195—21	*najajamu*	*nâjojamu*
200— 8	*cy* jamê (a)	*cynjamê*
» — 9	дв(a)ра-	двара-
» —37	*cвanajamu*	*cвânajamu*
206—12	skă'ldit)	skă'ldit)
207— 3	блавити)	бавити)
» —24	? Или	) или
216—13	и змѣняло	измѣняло
217—11	мантh а то	мантhати
218— 5-6	подчинялось	подчинилось
219—16	стоявшихъ	стоявшимъ
221—29	je a и аю a	$\frac{je}{a}$ и $\frac{аю}{a}$
222—21	съ корнемъ *мук*	съ корнемъ *мак*
226—38	М. Дриковъ	М. Дриновъ
229—11	съ ia, тутъ	съ *ia* тутъ
» —20	(и), хотя	(u), хотя
235—30	*e* изъ	*e* изъ *ь*
242—16-17	noszc-zioti	nosz- czioti
243—14	der gestossene	(der gestossene

КЪ ИСТОРІИ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе, М. Колосова. Варшава 1872.

Starobulharská fonologie se stálým zřetelem k jazyku Litevskému. Sepsal dr. Leopold Geitler. V Praze. 1873.

I.

Нарѣчія въ древнемъ Русскомъ языкѣ.

«Насъ могутъ упрекнуть въ томъ», говоритъ г. Колосовъ, «что нами вовсе обойденъ важный въ исторіи Русскаго языка вопросъ о времени раздѣленія его на два главныя нарѣчія. На это мы отвѣтимъ, что несчитаемъ возможнымъ, со стороны кого бы то ни было, рѣшительно въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ» (Оч., VIII). Дѣйствительно, это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, коихъ при такой задачѣ, какова задача г. Колосова, нельзя обходить безнаказанно, такъ какъ, обойденные, они мстятъ за себя неопредѣленностью и ошибочностью дальнѣйшихъ выводовъ. Нужно имѣть смѣлость встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу, недожидаясь, когда эти вопросы найдутъ будьто бы такое рѣшеніе, которое невызоветъ сомнѣній и отрицаній. Окончательныхъ рѣшеній въ такихъ случаяхъ и небываетъ, а временныя и для насъ не только возможны, но и необходимы. Нужно же изслѣдователю исторіи Русскаго языка съ первыхъ письменныхъ памятниковъ дать себѣ отчетъ, о какомъ именно языкѣ онъ говоритъ: объ

общемъ ли Русскомъ, если таковой ему кажется существующимъ въ изслѣдуемый періодъ времени, или объ одной изъ его вѣтвей? Здѣсь дѣло вовсе не въ томъ, когда именно произошло раздѣленіе языка. Обособленіе этнографической единицы, это—не рожденіе ребенка и не паденіе яблока, о которыхъ при наблюденіи можно сказать, что они произошли во столько то часовъ, минутъ и пр. Здѣсь возможно опредѣлять только столѣтія, позднѣе которыхъ немогло произойдти раздѣленіе языка. Въ этомъ смыслѣ и былъ до сихъ поръ рѣшаемъ упомянутый вопросъ. Мнѣніе мною высказанное, и сколько знаю, неопровергнутое, было таково, что «раздробленіе Русскаго языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII вѣка находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого Велико-Русскаго нарѣчія на Сѣверное и Южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже существованіе Малорусскаго, «которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга». (Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка. 138). Ниже я постараюсь разъяснить, что въ языкѣ Остромирова Евангелія встрѣчается Сѣверно великорусская черта, именно дълъгъ и пр. Прибавивъ къ этому два другіе Свр. признака, именно смѣшеніе *ц* и *ч*, е и ѣ (Триодь Новгород. Софійск. до 1100. Срезн. Пам. Рус. Письм. 151 слѣд.) можно теперь навѣрное сказать, что раздѣленіе Русскаго языка древнѣе XI вѣка и вся исторія его, основанная на свидѣтельствѣ памятниковъ, имѣетъ діалектологическій характеръ и есть исторія русскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и нарѣчій письменныхъ, къ коимъ принадлежитъ и нынѣшній литературный нашъ языкъ. Послѣдній неможетъ быть названъ областнымъ только потому, что люди, органомъ коихъ онъ служитъ, разсѣяны по лицу всей Русской земли. Если бы они были скучены, то немогли бы густо населить и одной губерніи, и съ этой стороны (но не вообще) каждое изъ остальныхъ крупныхъ дѣленій Русскаго языка важнѣе русскаго литературнаго. Ни одно изъ этихъ нарѣчій не-

должно быть принимаемо за субститутъ всѣхъ или нѣсколькихъ. Языкъ неесть такое дѣлимое, чтобы можно было безнаказанно брать изъ него для изслѣдованія часть вмѣсто цѣлаго. Такое утвержденіе могло бы быть названо слишкомъ пошлымъ, если бы нельзя было доказать, что у насъ, въ примѣненіи къ языку, pars pro toto безсознательно считается чуть-ли не правиломъ.

Изслѣдователь долженъ помнить, что съ первыхъ памятниковъ письменности онъ имѣетъ дѣло съ образцами не всего Русскаго языка, а лишь нѣкоторыхъ его частей. Пусть о многихъ частяхъ цѣлыя столѣтія небудетъ никакихъ свѣдѣній, все-таки вышеупомянутое сознаніе окажется для выводовъ не безразличнымъ, а весьма важнымъ.

Итакъ, г. Колосовъ оправдывается тѣмъ, что считаетъ вопросъ о времени раздѣленія Русскаго языка въ настоящее время неразрѣшимымъ. Это во-первыхъ. «Во-вторыхъ», говоритъ онъ, «мы имѣли въ виду только Великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи» (Оч., VIII). Но если такъ, то, стало быть, онъ разрѣшилъ для себя вопросъ о времени раздѣленія Русскаго языка также, какъ рѣшаемъ его и мы. Это и хорошо, но нехорошо то, что г. Колосовъ невполнѣ признаетъ вытекающія отсюда послѣдствія и несвободенъ отъ упомянутаго выше пріема обобщать частныя явленія. Такъ напр., въ числѣ особенностей древняго Русскаго языка (всего), отличающихъ его отъ старославянскаго, онъ приводитъ замѣну *ѣ* черезъ *е* (о чемъ скажемъ ниже), мѣну *у* и *в*, «сравнительно позднее измѣненіе ы на *о* (ый—ой) и *и* на *е* (ій—ей)» (Оч., 14). О предпослѣднемъ сказано, что оно «является (въ XIV вѣкѣ) какъ законъ, дѣйствующій въ Русскомъ языкѣ и до сихъ поръ» (Оч., 104). Изъ этого слѣдовало бы, что понятіе Русскаго языка столь тѣсно, что исключаетъ не только малорусскіе говоры, но и западную часть южно-великорусскихъ, начиная съ юга Тверской губерніи. Позволитъ ли г. Колосовъ дѣлать такіе выводы изъ его словъ? На стр. 108 онъ говоритъ: «Если

имѣть въ виду только *обще-русскія* звуковыя видоизмѣненія, то слѣдуетъ сказать, что фонетика XIV вѣка представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе тѣхъ чертъ, которыя уже были намѣчены въ предыдущемъ столѣтіи. Ново лишь слѣдующее (между прочимъ) отвердѣніе *т* въ оконч. 3 го л. *ть*». Но эта черта, какъ извѣстно, не только не обще-русская, но и не обще великорусская и и не обще-малорусская.

«Можно упрекнуть насъ», говоритъ г. Колосовъ, «за отсутствіе сравненія звуковъ и формъ Русскаго языка съ звуками и формами другихъ Славянскихъ нарѣчій и за отсутствіе такого же сравненія съ данными, представляемыми говорами современнаго нашего языка. На послѣднее отвѣтимъ: 1) разработка народныхъ говоровъ у насъ еще въ зародышѣ; 2) древніе памятники почти ничего недаютъ для характеристики діалектическихъ различій Русскаго языка; 3) мы невидѣли особой пользы для нашей цѣли въ сопоставленіи фактовъ современнаго Русскаго языка съ соотвѣтствующими фактами древняго. Положимъ, напримѣръ, что форма *во лузяхъ*, какъ архаизмъ, можетъ служить указаніемъ на существовавшую нѣкогда переходную смягчаемость гортанныхъ; но и безъ такихъ указаній мы знаемъ по памятникамъ, что такое смягченіе существовало въ древне-русскомъ. Отъ настоящаго *можно* заключать къ прошедшему; но *должно* лишь тогда, когда это прошедшее само непредставляетъ намъ достаточно данныхъ для сужденія о немъ». (Оч., VIII—IX).

Мнѣ кажется, г. Колосову, неслѣдовало заранѣе оправдывать возможныхъ недостатковъ своего труда, потому что дѣлая это, онъ къ упомянутымъ недостаткамъ, каковы бы они ни были, заставляетъ прибавить еще ошибочность своихъ оправданій. Извѣстно, что изслѣдователю весьма трудно воспользоваться для своей цѣли всѣми средствами, какія могутъ быть замѣчены его современниками со стороны, и эта трудность служитъ для него самымъ лучшимъ оправданіемъ, между тѣмъ какъ, отвергая цѣлесообразность и даже сущ ствованіе

средствъ, которыми онъ непользовался. авторъ убѣдитъ этимъ лишь тѣхъ, которые вѣрятъ на слово.

Что жь изъ этого, что наша діалектологія находится еще въ зародышѣ? Еслибъ она созрѣла, то намъ пришлось бы заниматься вопросами языкознанія менѣе элементарными. Но во всякомъ случаѣ, она даетъ намъ кое-что. Никто не въ правѣ требовать отъ г. Колосова, чтобъ онъ оставилъ старинные памятники и взялся за изслѣдованіе современныхъ нарѣчій; но есть общедоступныя діалектологическія свѣдѣнія, которыми легко можно воспользоваться, если чувствуется въ этомъ надобность. *)

Мнѣніо г. Колосова, что древніе памятники почти ничего непредставляютъ для характеристики нарѣчій Русскаго языка, мы противопоставляемъ другое упомянуто выше: уже въ началѣ русской письменности языкъ нашъ является лишь совокупностью русскихъ нарѣчій, народныхъ и одного, а потомъ и двухъ, литературныхъ; слѣдовательно, за вычетомъ того, что̀ не только попало въ эту письменность извнѣ, но и осталось въ ней неусвоеннымъ и случайнымъ, все, что̀ ни даетъ она, ближайшимъ образомъ характеризуетъ не Русскій языкъ вообще, а русскія нарѣчія. Правда, что многимъ мы до сихъ поръ неумѣли пользоваться; но для насъ важно убѣжденіе, что всякое новое, хорошо направленное усиліе должно открывать намъ на этомъ полѣ опредѣленныя, замкнутыя очертанія тамъ, гдѣ донынѣ мы видѣли толь-

*) Этими свѣдѣніями отчасти пользуется и самъ г. Колосовъ, напр. Оч. 61 (*и* изъ *ч* въ памят. XI в.) и въ болѣе позднемъ своемъ сочиненіи «Матеріалы для характеристики Северно-великорусск. нар.» (Варш. Ун. изв. 1874), напр. стр. 17. Здѣсь тоже кое-что вызываетъ на споръ, но изъ своихъ возраженій я могу, неотклоняясь въ сторону, вставить въ эту свою статью лишь немногое. Въ 1875 г. уважаемый авторъ предпринялъ путешествіе для изслѣдованія сѣвернорусскихъ говоровъ на мѣстѣ. Въ настоящее время это путешествіе еще неокончено. Оно продолжится, какъ извѣстно уже, до мая.

ко тьму или безобразное смѣшеніе линій. Авторъ говоритъ, что невидитъ особой пользы въ сопоставленіи фактовъ современнаго и древняго Русскаго языка; а намъ кажется, что польза этого сопоставленія ничѣмъ незамѣнима, и что памятники прошедшаго, сами по себѣ, безъ сравненія съ настоящимъ, никогда не бываютъ достаточно ясны. Изъ примѣровъ, подобныхъ тому, какой приведенъ г. Колосовымъ, видно слѣдующее: что бы ни говорили намъ древніе памятники русской письменности, мы до тѣхъ поръ можемъ сомнѣваться въ томъ, что явленія представляемыя ими, дѣйствительно составляли принадлежность народнаго языка (какъ сомнѣвались, напримѣръ, нѣкоторые относительно *г*, *ь*), пока въ нынѣшнемъ народномъ языкѣ ненайдемъ явленій, или такихъ же, или предполагающихъ такія же. Если представляется возможность основать заключеніе на двухъ или нѣсколькихъ посылкахъ, то-есть, въ настоящемъ случаѣ—на нынѣшнемъ языкѣ и на свидѣтельствѣ памятниковъ, то основываясь на чемъ-нибудь одномъ, мы во всякомъ случаѣ остаемся въ накладѣ. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы г. Колосовъ былъ вѣренъ своему рѣшенію несравнивать древняго языка съ нынѣшнимъ. Такая послѣдовательность потребовала бы значительныхъ усилій. Г. Колосова можно упрекнуть только въ томъ, что онъ сравнивалъ не вездѣ, гдѣ сравненіе само напрашивалось.

Извѣстно, что по неизбѣжному закону мы объясняемъ себѣ отдаленное близкимъ, то есть, судимъ о другихъ по себѣ, о прошедшемъ по настоящему, и т. д. Въ поясненіе того, въ какой зависимости находятся наши заключенія о древнемъ языкѣ, который можетъ быть извѣстенъ только посредственно, т. е. по памятникамъ и изъ заключеній отъ памятниковъ, отъ сравненія съ современнымъ, съ которымъ возможно болѣе близкое знакомство, который мы отчасти сами создаемъ, я приведу одинъ—другой примѣръ.

«Не было ли,» говоритъ г. Колосовъ, «предполагаемымъ общерусскимъ звукомъ, смѣнившимъ *ѣ*, *іе* (то-есть, j*e*)? Допущеніемъ такого посредствующаго звука

можно бы въ равной степени объяснить, какъ великорусское *е* (изъ *ѣ*), такъ и малорусское *і* (изъ *ѣ*). Последнее могло развиться въ Малорусскомъ вслѣдствіе преобладанія въ вокализмѣ этого нарѣчія небнаго элемента». Дѣлая это предложеніе, г. Колосовъ самъ считаетъ невозможнымъ доказать его на основаніи памятниковъ, такъ какъ въ послѣднихъ «на мѣстѣ *ѣ* является или *ѣ*, или *е*, но никогда *іе*» (Оч. 38). Но могутъ ли насъ здѣсь стѣснять памятники, когда мы знаемъ навѣрное, что теперь во многихъ мѣстностяхъ на мѣстѣ *ѣ* встрѣчается ѥ, котораго, однако, въ азбукѣ нашего литературнаго языка вовсе нѣтъ? Невѣроятность предположенія можетъ быть доказана инымъ путемъ. Понятію «великорусское *е* изъ *ѣ*» въ его всеобщности несоотвѣтствуетъ ничто дѣйствительное, потому что основное *ѣ* является въ Великорусскихъ говорахъ весьма различно: въ однихъ оно=ѥ, или *е* послѣ небныхъ согласныхъ, и=*э* послѣ согласныхъ, недопускающихъ небности, какъ, напримѣръ, мѣстами *ц*; въ другихъ *ѣ*=частью ѥ (*е* послѣ небныхъ согл.), частью *и* (*і*). Хотя я не могу пріурочить къ опредѣленной мѣстности произношенія *ѣ*, какъ *эі* (то-есть, какъ *э* наклонное къ *и*, напоминающее *еи*, хотя отнюдь не двогласное), но я его замѣчалъ у многихъ Великороссіянъ (не только въ *цэна*, но послѣ согласныхъ, въ другихъ случаяхъ способныхъ стать небными, напримѣръ, *бэлый*), и недумаю, чтобъ это было слѣдствіемъ посторонняго вліянія (хотя такъ произносятъ иногда и Нѣмцы) или явленіемъ совершенно личнымъ. Стало быть, понятіе «великорусское *е* изъ *ѣ*» есть лишь ошибочное отвлеченіе, съ которымъ намъ нѣчего и дѣлать. Въ Малорусскомъ *ѣ*=не только *і*, но и=*е*=*э*. Что же касается того, можетъ ли предполагаемое ѥ изъ *ѣ* объяснить всѣ замѣны этого послѣдняго въ русскихъ говорахъ, то отрицательное рѣшеніе этого вопроса вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что малорусское *мéди* (род. отъ *мідь*) отнюдь непредполагаетъ ѥ. Но какъ бы ни было, во всякомъ случаѣ рѣшеніе будетъ зависѣть отъ наблюденія надъ современнымъ языкомъ.

Г. Колосовъ, на основаніи нѣкоторыхъ случаевъ заключивъ, что знакъ *ѣ* имѣетъ значеніе=*е*, распространяетъ такое толкованіе на многіе другіе случаи изъ другихъ памятниковъ, и притомъ, во многихъ мѣстахъ своей книги. Такъ въ памятникахъ XIV вѣка *и* смѣняется на *е* не только передъ *й*, но и будучи конечнымъ звукомъ въ словѣ: взял*ѣ*, доконцял*ѣ*, был*ѣ*, Ростовц*ѣ* (Оч., 105); творил*ѣ* есмя, дали есме был*ѣ* (Оч. 114); въ XV вѣкѣ измѣненіе *и* въ *е* часто, какъ и въ предыдущемъ столѣтіи, имѣетъ мѣсто въ концѣ словъ и въ рединѣ передъ гласнымъ: Дмитреевъ и Климуш*ѣ*, володѣт*ѣ*, запродал*ѣ*, и пр.» (Оч. 132); «*е* въ Ипатьевскомъ спискѣ нерѣдко заступаетъ мѣсто *и*: истеннаго (въ Лавр. сп. ист*ин*.), Казим*е*ру (Лавр.—*ми*ру), не створ*ѣ* (Лавр.—ри), пригвозд*ѣ* (Лавр.—*ди*) и пр.» (Оч., 152); именит. падежъ существит., прилагат. и мѣстоим. въ Ипат. часто оканчивается на *ѣ*=*е*, вслѣдствіе стремленія измѣнять конечное *и* на *е*: языц*ѣ* (Лавр.—ци), чес*ѣ* (Лавр.—си), добр*ѣ*и человѣц*ѣ* (Лавр.—ии,—ци), сам*ѣ* (—ми), тѣи (тии), (ib. 155). Сюда же и нѣкоторые примѣры на стр. 156—7, 163 (просил*ѣ*, не про*лей*та, Василѣи и др.), 165 (полц*ѣ*), 166 (Русьстѣи, им. мн.; которѣи, тоже).

Здѣсь скучены весьма различныя явленія, и дѣйствительные факты фонетики (напримѣръ, удержаніе *ѣ* въ видѣ *е* въ непро*ле*йта, о чемъ см. въ моихъ Замѣткахъ о Малорусскомъ нарѣчіи 17; замѣна *и* въ ѥ, изображаемое посредствомъ *ѣ* въ именахъ на ий) неотличены отъ случаевъ ошибочнаго написанія. Такъ, авторъ считаетъ *ѣ* въ именит. пад. мн. ч. муж. р. причастія *лъ* (дали есме был*ѣ*) за фонетическую замѣну, равносильную съ *е* (или ѥ?), тогда какъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ мнѣ, ни одно русское нарѣчіе, въ коемъ произносилось бы былѥ и т. п. Еслибъ авторъ зналъ такое нарѣчіе, онъ долженъ былъ бы упомянуть объ этомъ; если жь онъ незнаетъ, то почему онъ неруководится слѣдующими соображеніями, для которыхъ всѣ данныя находятся, по видимому, у него въ рукахъ: въ настоя-

щее время во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ произносится здѣсь или *и* (были), или звуки очевидно предполагающіе это *и*=*і* (Мр. булй); основной языкъ и вмѣстѣ древнѣйшіе памятники русской письменности имѣютъ тоже *и*: слѣдовательно, «*былѣ*» есть только написаніе, а не произношеніе. Откуда взялось такое написаніе, это ясно изъ отмѣченныхъ у г. Колосова многочисленныхъ случаевъ замѣны *ѣ* посредствомъ *и*, между прочимъ въ Ипатьевскомъ спискѣ (Оч., 151 и др.): писецъ ставилъ *ѣ* тамъ, гдѣ произносилось *и*, потому что привыкъ знаку *ѣ* придавать значеніе *и*—явленіе мѣстное, и если рѣчь идетъ объ Ипатьевскомъ спискѣ, сѣверное. Если г. Колосовъ неразсуждаетъ вмѣстѣ съ нами такимъ образомъ, то виною тутъ лишь предразсудки, которые онъ самъ себѣ создалъ: эмбріональность нашихъ діалектологическихъ свѣдѣній и безполезность сравненія древняго языка съ новымъ. *)

Случаи такіе, какъ *ѣ* въ родит. ед. женск. *доброѣ* и *добрыѣ*, *землѣ* и въ винит. множ. *своѣ*, получаютъ смыслъ для исторіи языка лишь тогда, когда будутъ ближайшимъ образомъ опредѣлены не только на основаніи другихъ данныхъ памятника, въ коемъ встрѣчаются, но и на основаніи живаго языка той мѣстности, къ которой относится памятникъ. Что такое опредѣленіе не всегда легко, о томъ и говорить нѣчего (sic). Однако, если во многихъ мѣстностяхъ сѣверной и западной Руси донынѣ слышится своѥ́—сваѥ́ (=древ. своѩ), и если удается отнести древній памятникъ къ тѣмъ же

*) Въ соч. «Матеріялы и пр.» г. Колосовъ, указывая на случаи—правда узятѥ, пьредъ судиянѥ (Смол. Гр. 1229, по Рум. сп.), людє (Ип. л.[2] 300), какъ на доказательства замѣны *и* посредствомъ *е* въ древ.-Русскомъ, говоритъ: «если г. Потебнѣ такая смѣна все-таки кажется невѣроятною то онъ долженъ бы дать свое объясненіе подобнымъ случаямъ» (стр. 12, прим. 3). Но я говорю только о частномъ случаѣ *былѣ*. Я вовсе неутверждаю, что *е* изъ *и* невѣроятно, а нахожу лишь ошибочнымъ приписывать его какому то древнерусскому языку, непоясняя, что

мѣстностямъ, то небудетъ сомнѣнія, что въ этомъ памятникѣ слѣдуетъ читать *своѧ*. какъ своѥ, а не какъ сво*и*. **)

«Въ Актахъ Западной Россіи», говоритъ г. Колосовъ «встрѣчаемъ явленіе, обратное опущенію j въ судя (вм. судья), именно встрѣчаемъ jа вм. *а* со смягченіемъ предыдущаго согласнаго звука (то есть, *ья* вм. *я*): *жеребьяти* вм. *жеребяти*. Явленіе это несоставляетъ исключительной особенности языка Актовъ Зап. Россіи. Есть подобные случаи и въ Новгородскихъ памятникахъ. Такъ, въ 1-й Новг. лѣтоп. по Академ. списку находимъ формы Устьюгъ (=Устjугъ), устьюскии князи» (Оч. 135). Автора поражаютъ эти формы своимъ сходствомъ съ *жеребьяти*, потому что онъ ошибочно принимаетъ позднѣйшую сокращенную и затемненную въ этимологическомъ отношеніи форму *Устюгъ* за болѣе древнюю; но извѣстно, что слово *Усть-югъ* (то-есть, устье Юга,

---

именно подъ нимъ разумѣть Я и прежде (Два изсл. 77) считалъ Гр. 1229 г. сѣверновеликорусскою по языку, и теперь неимѣю ничего противъ сближенія, дѣлаемаго г. Колосовымъ (Матер. 12) формы судиямѥ съ нынѣшн. Олонец. «села со поселками» (Рыбн. III 372) Прибавлю сравненіе: неупѥрати (Гр. 1229) съ Сит. упѥраемся (Два изсл. 75), Онеж. доберается, забералъ (Матер. 10). Другое дѣло фор. *люде*, гдѣ *е* могло возникнуть не только изъ *и* (люди), но и изъ *иѥ*, или ьѥ. Ср. им. мн. печате (Mikl. V. Gr. III. 47) и четыре при четырие.

**) На мнѣніе мое, что въ Свр. и Бр. своѥ уста, маѥ дзѣтки, тваѥ ключи ѥ есть непосредственная замѣна ѧ (Два изслѣд. 83), г. Колосовъ возражаетъ, что въ первыхъ двухъ случаяхъ звука ѧ никогда и небыло Въ моихъ словахъ слѣдуетъ вычеркнуть «непосредственная», ибо ѥ вѣроятнѣе примыкаетъ здѣсь къ я изъ ꙗ, а впрочемъ все вѣрно. Подобно тому, какъ оконч именит. мн. сред. р. прилагат. членныхъ сравнялись во всѣхъ русскихъ говорахъ съ мужск. и женскими (добр*ыи* дѣла изъ ыѥ, а это изъ *ыя*=ыꙗ; ср. мыты давныи пошлыи въ Грам. Дм. Ив. 1381); такъ и именит. винит. мн. ч сред. р своѥ уста и свои уста неесть форма равная этимологически древнѣйшей Слав. своя уста, но возникла изъ формы=винит. м. р. и именит. винит. ж. р. своꙗ.

или по памятникамъ XV вѣка съ род. на *у* Югу-рѣки *), образовано, какъ *усть-Лугъ* (нынѣ Устилугъ), Устьсысольскъ, Устьмедвѣдицкъ, такъ что отдѣленіе небнаго *т* отъ слѣдующаго *ю* въ *усть-югъ* этимологически необходимо. Между тѣмъ, отдѣленіе небнаго *б* отъ *я* въ *жеребьяти* неорганично и составляетъ діалектическую особенность. Авторъ довольствуется здѣсь общею ссылкою на 1-й т. Актовъ Зап. Россіи, но, вѣроятно, форма *жеребьяти* взята имъ изъ записи о Ржевской дани (Акты Зап. Росс. I, № 71, послѣ 1479 года). Хотя эта запись имѣется въ болѣе позднемъ спискѣ изъ метрики Литовской, но первоначальный ея языкъ врядъ ли значительно измѣненъ Она писана, безъ сомнѣнія, Ржевитиномъ и заключаетъ въ себѣ весьма интересныя данныя для сличенія нарѣчія XV вѣка въ западнорусскихъ мѣстностяхъ, на границѣ Новгородскихъ владѣній, съ нынѣшнимъ говоромъ той же мѣстности, образцы коего мы имѣемъ. Вырванная изъ своей этнографической связи, форма *жеребьяти*, сходная съ нынѣшними бѣлорусскими и малорусскими, повела автора къ тому, что онъ такія же формы приписалъ сѣверновеликорусскимъ памятникамъ. Кромѣ того, въ вышеприведенномъ мѣстѣ авторъ говоритъ о языкѣ Актовъ Западной Россіи, какъ о чемъ то единомъ, тогда какъ одинъ внимательный разборъ упомянутой записи могъ бы убѣдить его въ противномъ.

«Смягченіе гортанныхъ встрѣчается нерѣдко и въ памятникахъ XV вѣка, но, вѣроятно, въ живомъ языкѣ оно было уже утеряно». Слѣдуютъ примѣры, именно: «на рѣцѣ» и тутъ же «на рѣчкѣ». «Случаевъ смягченія (въ *з*, *ц*, *с*), какъ видно изъ этого, немало, но едва ли они не представляютъ собою только книжную установившуюся форму: въ грамотѣ 1451—1452 гг. «о *лихе*», въ послѣдующихъ же «о *лисѣ*» (Оч., 135). Шаткость этой догадки видна какъ изъ того, что въ нѣко-

---

*) *Югъ* = финск. juga, joki, рѣка *Гротъ*. Филологич. розыск 259.

торыхъ, собственно великорусскихъ говорахъ, неговоря уже о бѣлорусскихъ, формы «на Оцѣ рѣцѣ» и т. п. живутъ донынѣ (Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка, стр. 67—8), такъ и изъ того, что въ тѣхъ же мѣстностяхъ, а равно и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ, рядомъ съ ними, частью какъ правило, частью какъ исключеніе, живутъ и формы съ гортанными: на ріці= на рѣцѣ и «на річкі=рѣчкѣ».

«Шипящіе и *ц* (въ XV вѣкѣ) хотя и соединяются съ мягкими, но чрезвычайно рѣдко; на оборотъ, сочетаніе ихъ съ твердыми сдѣлалось правиломъ; оно встрѣчается въ памятникахъ даже и тамъ, гдѣ, быть можетъ, въ живомъ говорѣ и неслышалось». Слѣдуютъ примѣры: селищо и пр. «Изъ этихъ примѣровъ видно, въ какой степени ничтожно количество случаевъ употребленія шипящихъ съ мягкими, сравнительно съ количествомъ случаевъ употребленія ихъ съ твердыми. Встрѣчая въ однихъ и тѣхъ же словахъ, и притомъ, въ однихъ и тѣхъ же грамотахъ шипящіе и *ц* съ твердыми и мягкими и замѣчая громадный перевѣсъ на сторонѣ сочетаній перваго рода, имѣемъ полное право заключить, что въ *живомъ языкѣ шипящіе* и *ц сочетались въ XV столѣтіи тол ко съ твердыми*» (Оч., 135—6). Здѣсь тотъ же способъ разсматривать явленія огуломъ, въ произвольномъ ихъ обобщеніи. Прежде всего сообразимъ, какой такой можетъ быть одинъ живой языкъ въ XV столѣтіи? Неужели еще и въ это время свидѣтельства памятниковъ недостаточны для того, чтобъ убѣдить насъ, что передъ нами не одинъ Великорусскій языкъ, а нѣсколько, хотя и близкихъ между собою нарѣчій, или, если угодно, говоровъ? Затѣмъ, имѣется ли основаніе разсматривать въ указанномъ выше отношеніи шипящіе звуки и *ц* вмѣстѣ, и полагать, что гдѣ тверды шипящіе, тамъ твердо и *ц* и на оборотъ? Подтверждается ли свидѣтельствомъ современныхъ нарѣчій мнѣніе, что шипящіе и *ц* сочетались въ XV вѣкѣ только съ твердыми? На оба послѣдніе вопроса отвѣчу вмѣстѣ. Донынѣ есть великорусскіе говоры, гдѣ шипящіе небны (хо*чю* и пр.),

но въ тоже время *ц* твердо, и наоборотъ, есть такіе, гдѣ шипящіе тверды почти постоянно, а *ц*, кромѣ опредѣленныхъ случаевъ, какъ *царь* и др., мягко. Здѣсь врядъ-ли авторъ найдетъ основанія заподозрить показанія моей статьи (Два изслѣд., 86—8). Такое различіе между нарѣчіями замѣчается не позже, какъ съ XVI вѣка. Въ XV вѣкѣ во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь *ц* твердо или тверды шипящіе, или то и другое, могла существовать еще мягкость этихъ звуковъ, что̀, я полагаю, можетъ быть и доказано. Даже относительно одного *ц*, или однихъ шипящихъ сумарчность выводовъ не умѣстна. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что въ восточномъ Малорусскомъ *ц*, постоянно соединяясь съ *я*, *ю*, *ї*, никогда несочетается съ ѥ, но всегда требуетъ твердаго *е*=*э*; что въ одномъ и томъ же Малорусскомъ говорѣ шипящіе въ однихъ случаяхъ тверды (жук, шуба) въ другихъ—мягки (держя́ть, 3 е л. мн. ч.). Самое утвержденіе автора, что въ памятникахъ, на которые онъ ссылается, громадный перевѣсъ сочетаній шипящихъ и *ц* съ твердыми, могло бы получить для насъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы была предварительно опредѣлена мѣстность памятниковъ; но и въ такомъ случаѣ настоятельно нужна повѣрка. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ XV вѣка не только нѣтъ такого перевѣса, но совсѣмъ наоборотъ, *ц* почти постоянно мягко, такъ что отклоненія отъ этого правила можно бы приписать литературному вліянію; въ другихъ почти постоянно находимъ сочетанія *чь*, *чя*, *чю*.

II.

Для характеристики древняго Русскаго языка сравнительно со Старославянскимъ, г. Колосову кажутся важными слѣдующіе звуковые признаки: *о*=ст.-сл. ѥ (*олень*); *я*, *у*=юсамъ; полногласіе; *ж*, *ч*=*жд*, *шт*; мягкость шипящихъ; глухіе передъ *р*, *л* (търгъ); замѣна *ѣ* черезъ *е*; мѣна *у* и *в*; *ой* изъ *ый* и *ей* изъ *ий*.

Послѣдніе четыре признака, конечно, ошибочно внесены въ характеристику *всего* древ. Русск. яз. Что же касается замѣны *и* передъ гласною звукомъ *ь* (Лавровскій, О язык. Сѣв. русск. лѣтоп. 44) и близости глухихъ *ъ* и *ь* къ *о* и *е* (при чемъ авторъ ссылается на мое сочиненіе, Два изслѣд. 138), то эти признаки г. Колосовъ считаетъ несущественными: «Сокращеніе *и* въ *ь* имѣетъ мѣсто и въ памятникахъ, неносящихъ на себѣ признаковъ русскаго письма (напримѣръ, въ Супрасльской рукописи); на близость же *ъ* къ *о* и *ь* къ *е* нельзя, думаемъ, указать, какъ на отличіе Русскаго отъ Старославянскаго, такъ какъ мы незнаемъ, какую замѣну получили бы глухіе въ послѣднемъ, еслибъ исчезли въ немъ: быть можетъ, ту же, что̀ и въ Русскомъ» (Оч. 14). Я попытаюсь сказать два слова въ пользу этихъ забракованныхъ признаковъ.

Во-первыхъ, нужно условиться относительно значенія, какое придаемъ мы Старославянскому языку въ подобныхъ случаяхъ. Когда въ непрерывномъ теченіи явленій славянскихъ языковъ бываетъ нужно опредѣлить разстояніе одной точки отъ другой, и когда въ извѣстныхъ случаяхъ эта послѣдняя берется изъ старославянскаго языка, то мы очень хорошо знаемъ, что этотъ языкъ, подобно всякому другому, измѣнялся, стало быть, согласно съ дѣйствительностью могъ бы быть изображенъ только исторически, а не описательно. Но въ такихъ случаяхъ намъ нужно не теченіе этого языка, а взятая въ немъ для сравненія точка, принимаемая за неподвижную. Согласно съ этихъ мы отвлекаемся отъ мысли о подвижности этого языка; мы идеализируемъ его на время, допускаемъ условную ложь, то есть, дошедши до познанія извѣстныхъ правилъ, принадлежащихъ, по нашему мнѣнію, къ одному и тому же слою языка и гармонирующихъ, какъ намъ кажется, одно съ другимъ, мы временно оставляемъ безъ вниманія отклоненія отъ этихъ правилъ. Такъ, напримѣръ, въ извѣстныхъ случаяхъ мы считаемъ необходимыми *ъ* и *ъ* на такомъ-то мѣстѣ, хотя въ памятникахъ, которые мы можемъ назвать

не иначе, какъ старославянскими, или, какъ другіе говорятъ, староболгарскими, въ этихъ случаяхъ можемъ встрѣтить и чистые звуки, или и глухой звукъ, но на другомъ мѣстѣ. Можетъ ли быть безъ неудобства устранена эта фикція, это—вопросъ другой. Достаточно, что она можетъ стать совершенно безвредною. Понимаемому въ этомъ смыслѣ Старославянскому языку мы можемъ приписать только сочетанія *иѥ*, *иꙗ*, *ию* и проч., а не ьѥ и проч. послѣ согласныхъ. Старинные русскіе памятники, конечно, даютъ намъ и формы, совершенно тождественныя со старославянскими (*братия*); но такъ какъ формы *братья* и т. п. съ первыхъ временъ весьма часты, то возникаетъ предположеніе, что первыя уже въ эти времена были литературнымъ заимствованіемъ, и что вторыя показываютъ намъ дѣйствительную исходную точку русскаго просторѣчія, по памятникамъ. Возможно, что форма *братья* возникла въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ самостоятельно; но необходимость такого предположенія недоказана, а это-то и нужно, чтобъ имѣть право выкинуть сочетанія ьѥ, ьꙗ и проч. изъ числа признаковъ древняго общерусскаго языка. *)

Какое дѣйствительное значеніе имѣло начертаніе *братья* въ XI—XII вѣкахъ на Руси? Составляло ли здѣсь *ь* слогъ (бра-ть-я), было ли оно глухимъ гласнымъ? Быть можетъ; но нисколько неподрывая положенія, что глухіе гласные дѣйствительно существовали въ это время въ Русскомъ языкѣ, можно думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже тогда знаки *ъ*, *ь* имѣли другое значеніе. Быть можетъ, уже къ тому времени слѣдуетъ отнести произношеніе, частью сохраняемое всѣми русскими нарѣчіями, за исключеніемъ тѣхъ, которыя въ этомъ отношеніи могли подвергнуться польскому

*) Здѣсь рѣчь идетъ только объ *ье*, *ья* на концѣ словъ. Внутри словъ *ия*, *иѥ* отчасти остаются до нынѣ (сіѥтъ). Ср. въ Лужск. у. Петерб. губ. *и* передъ ударяемымъ я: пі-явка, пі-яной, Таті-яна (Зап. Геогр. Об. по отд. Этн. IV 248); въ Тв. г. Осташк. у. пі-явица.

вліянію, именно *братъјa* (*т* небно, за нимъ ј явственно), откуда пошло вост. М.-р. *братьтя* (оба *т* небны, йоты отдѣльно неслышно), Зап. В.-р. *брацьця* (=*цьця* оба *ц* небны). Произношеніе *братъја* характеристично для Русскаго языка и по отношенію къ Польскому bracia (то есть, ća) и сербскому браћа, въ коихъ ј изъ *и* совершенно исчезло какъ самостоятельный звукъ, превративъ предыдущую согласную въ небную. Врядъ-ли можно думать, что уже въ основной формѣ ти одно сосѣдство съ *и* обратило предшествующій согласный звукъ въ небный: *ти* можетъ быть произнесено такъ, что *т* въ немъ останется часто зубнымъ: конецъ языка прикладывается къ концу или къ основанію переднихъ зубовъ. Не думаю, чтобы когда либо въ Польскомъ существовали формы braćija sędźija, предположенныя для этого языка въ Beiträge, VI, 25, ибо въ такомъ случаѣ *i* осталось бы донынѣ, какъ осталось это въ kopija, bi-ję, pi-ję при русскомъ: копье, бью, пью.

Во-вторыхъ, то, что говоритъ г. Колосовъ противъ моего мнѣнія о близости глухихъ ъ, ь въ древнемъ Русскомъ къ *о*, *е*, основано на недоразумѣніи. Если мы незнаемъ, какую замѣну получили бы глухіе звуки въ Старославянскомъ («быть можетъ, ту же, что и въ Русскомъ»), то намъ этого и знать ненужно. Здѣсь рѣчь не о томъ, что *ъ*, *ь* въ Русскомъ замѣнились чистыми *о*, *е*, а о томъ, что они, еще существуя какъ глухіе, склонялись къ *о*, *е*. Это именно объясняетъ, почему русскіе писцы ошибались всегда въ одну сторону, т. е. вм. ъ ставили о (и никогда *а* или *и*) и на оборотъ, а вмѣсто ь — *ѣ*, *е*, рѣдко *и* и никогда *а*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ глухіе звуки до замѣны чистыми должны были склоняться не въ ту сторону, что въ Русскомъ, такъ какъ невозможно предположить, чтобъ основныя формы *вълкъ* и *дьнь* разомъ перескочили въ польское wilk и сербское *дан*. Когда я говорю, что наклонность къ *о*, *е* въ ъ, ь характеристична для древняго Русскаго сравнительно со Старославянскимъ, то предполагаю, что старославянскіе ъ, ь рѣзко отличались отъ *о*, *е*, а что

было бы, еслибы..... о томъ недумаю. Само собою разумѣется, что вмѣсто старославянскаго здѣсь можно поставить доисторическое состояніе, предполагаемое самимъ Русскимъ языкомъ.

III.

Начальное русское о=старо-славянскому ѥ: олень =ѥлень.

Г. Колосовъ старается обойти вопросъ о времени образованія русскихъ нарѣчій, конечно, для того, чтобы, не касаясь сомнительнаго, придать своему изслѣдованію болѣе прочности. Однако, разсматривая звуковые признаки древняго Русскаго языка, г. Колосовъ затрогиваетъ другой, гораздо болѣе трудный вопросъ: о генеалогіи славянскихъ нарѣчій. Это не только не грѣхъ, но даже необходимость, и автора можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ недовольно ясно сознаетъ, куда хватаютъ затрогиваемые имъ вопросы. Въ такихъ случаяхъ труднѣе бываетъ воздержаться отъ прикосновенія къ сомнительному, чѣмъ относиться къ нему смѣло, сознательно дѣлая своею исходною точкою предположеніе, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности замѣнить въ концѣ изслѣдованія такую его основу другою. Если же мы этого нежелаемъ, то намъ остается только заявлять о существованіи такихъ то явленій (напримѣръ, русское *о* въ началѣ такихъ-то словъ=старо-славянскому ѥ), а не спрашивать себя, какъ это дѣлаетъ г. Колосовъ: «что древнѣе: русское ли начальное *о*, или старо-славянское ѥ?» (Оч., 15). Еслибы первое оказалось болѣе древнимъ, то двойственное дѣленіе Славянскаго языка стало бы крайне сомнительно, такъ какъ, несмотря на общность ѥ въ ѥлень всѣмъ остальнымъ славян. нарѣчіямъ, другіе признаки непозволяютъ допустить ихъ единства въ то время, когда Русскій языкъ уже выдѣлился.

Альтернатива, принимаемая г. Колосовымъ, неисчерпываетъ всѣхъ возможностей, такъ какъ связь между

пачальнымъ *о* и *ѥ*, говоря *a* priori, можетъ состоять и въ одномъ томъ, что оба эти звука независимо другъ отъ друга возникаютъ изъ третьяго. Для родословія славянскихъ нарѣчій послѣдствія этого были бы тѣ же, что̀ и отъ бо̀льшей древности *о*.

Согласно съ этимъ это родословіе можно бы представить себѣ двояко: а) согласно съ дѣленіемъ, которое принято было и И. И. Срезневскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1845, ч. 48) и по которому Русскій языкъ образуетъ отдѣлъ, соподчиняемый съ отдѣлами югозападнымъ (нарѣчія Церковно Слав., Болг., Серб Хорв. и Хорут.) и сѣверозападнымъ (нар.: Полаб., Польск., Лужицкія, Чешское со Слов.); б) согласно съ видоизмѣненіемъ этого дѣленія, состоящимъ въ предположеніи, что общеславянскій языкъ сразу распался неменѣе, чѣмъ на 5 или на 6 нарѣчій, именно: Русское, Болгарское (т. е. то, потомки коего суть Церк.-Слав. и Болгар.), Сербо-Хорв., Хорут., Ляшско-Чешское (или же, что менѣе вѣроятно, отдѣльно Ляшское, отъ коего—Полаб., Лужиц., Поль. и Чешско словенское).

Способы, какими г. Колосовъ взвѣшиваетъ pro и contra своихъ предположеній, вызываютъ на нѣкоторыя замѣчанія.

А) «Хотя *е*, также какъ *о*, соотвѣтствуетъ исконному *а*, но въ градаціи славянскихъ звуковъ *о* стоитъ ближе къ *а*, чѣмъ *е*: первый изъ этихъ звуковъ составляетъ среднюю ступень между *а* и *е*. Можно бы поэтому думать, что начальное русское *о* древнѣе старо-славянскаго *е*, что послѣднее явилось изъ перваго или какъ результатъ ослабленія его (*а-о-е*), или какъ результатъ йотаціи (*а о* j*о*=*е*-j*е*)» (Оч., 15). При этомъ г. Колосовъ ссылается на Шлейхера, мнѣніе коего усвоиваетъ себѣ и г. Дювернуа (Система звуковъ и формъ, 41). Шлейхеръ (Formenlehre, 90; Compendium, 104, 126) думаетъ, что j*o* переходитъ въ j*e*, такъ какъ формамъ, въ родѣ нес*о*мъ, соотвѣтствуютъ формы, подобныя биј*е*мъ Это у него въ связи съ другимъ положеніемъ, что jъ= ь послѣ пебной согласной, такъ какъ формамъ бог*ъ*

соотвѣтствуютъ формы конь, вой. Незнаю, извѣстно ли уже то, что мнѣ кажется здѣсь существеннымъ, именно, что изъ соотвѣтствія *несомъ* съ *біемъ* никакъ неслѣдуетъ, что въ древнѣйшемъ періодѣ славянскихъ нарѣчій ѥ непремѣнно происходитъ изъ jo. Такъ какъ форма *бijомъ* построена совершенно гадательно, то по меньшей мѣрѣ съ такою же вѣроятностью можно предположить, что ѥ въ биѥмъ возникло непосредственно изъ ja. Славянское *e* во многихъ случаяхъ древнѣе *o*, то-есть, въ то время, какъ внутри *вез*, *нес*, *греб*, *пек* было уже *e*, звука *o* въ *воз*, *нос*, *гроб*, *пок* (въ сл. *о-пок а*) еще небыло, а на мѣстѣ его стояло *a*, которое и осталось въ Латышско-Литовскомъ. Такимъ образомъ и *e* въ зват. Боже древнѣе, чѣмъ *o* въ бого угодьнъ. Самое *e*, при своей большей древности сравнительно съ *o*, возникло не въ одинъ періодъ языка, а въ нѣсколько (Geitler, Fonologie, § 7—8). Такъ, мнѣ кажется, первое *e* въ *вез*-е-те древнѣе, чѣмъ второе, котораго въ Литовскомъ wežate еще нѣтъ, изъ чего слѣдуетъ, что сходство славянскаго глагольнаго характера (или такъ называемой связочной гласной) *e*, въ вез-*e*-те съ греческимъ ε въ ἔχ-ε-τε лишь случайно, то есть, невосходитъ ко времени единства этихъ языковъ.

Дѣйствительно, въ Русскомъ есть немногіе случаи, въ коихъ je возникло изъ jo, но они такъ рѣдки и поздни, что ссылаться на нихъ при объясненіи столь древняго явленія, какъ *o*=ѥ въ *о*лень, было бы черезъ мѣру смѣло. Я говорю объ иѥ въ Иѥвъ (=Іовъ), откуда фамилія *Иевлевъ*, и ѥ въ ѥсипъ (изъ Іосипъ), откуда фамилія ѥсиповъ. Принимая за основную форму ольха (польское olcha, olsza, малорусское вільха, лужицкое wolsza, чешское volše, словацкое olsza, хорутанское olša, сербское joxa, joва (изъ j*олха*), велико-русское (Влад., Ват.) ёлха, можно думать, что сюда же принадлежатъ велико-русскія (Нижегородск.) jелóха, то-есть, что и здѣсь ѥ изъ jo; тоже, быть можетъ, и въ хорутанскомъ jelša при olša. Срав. также ѥ въ нижне-лужицкомъ jereł, hereł при верхне-лужицкомъ worjeł, орелъ.

Б) Итакъ, предположеніе, что ѥлень изъ јолень, или изъ *елень*, а это изъ *олень*, и безъ всякихъ другихъ опроверженій, само по себѣ мнѣ кажется мало вѣроятнымъ. Г. Колосову мѣшаютъ на немъ остановиться слѣдующія соображенія:

1) «Уже въ Литовскомъ мы встрѣчаемъ *e* въ *ežis*, ѥжь, русское *ожь*, elnis, ѥлень, русское *олень*». Во-первыхъ, на счетъ примѣра *ожь*. Современныя русскія нарѣчія указываютъ въ этомъ словѣ только на ту форму, которая свойственна и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, именно ѥжь: ѥ предполагается какъ формою *ёж* =j*ож*, такъ и малорусскимъ j*іж*, j*іжак*. Форму *ожь* г. Колосовъ, быть можетъ, заимствовалъ изъ Дан. Заточ. по сп. XV в. (Буслаевъ, Хрестоматія, 624: «не звѣрь въ звѣрехъ ѡж»), гдѣ возможно предположеніе, что ѡ— лишь неточное написаніе вмѣсто неизвѣстнаго тогда начертанія ё. Несомнѣнно *o* только въ производномъ малорусскомъ *ожина* (какъ колючій кустарникъ) при великорусскомъ ѥжевика и польскомъ jeżyna. Во-вторыхъ, ссылка на начальное *e* въ Литовскомъ имѣла бы здѣсь значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы предварительно было доказано, что это *e* неесть позднѣйшее діалектическое измѣненіе, но восходитъ ко времени единства Литовско-латышскаго и Славянскаго. Я нахожу болѣе вѣроятнымъ, что *e* въ elnis и ѥ въ ѥлень возникли независимо другъ отъ друга, такъ что литовское *e* здѣсь можетъ быть даже новѣе славянскаго ѥ, ибо на мѣстѣ литовскаго начальнаго *e* въ литовско-латышскихъ нарѣчіяхъ до нынѣ встрѣчается болѣе древнее *a*: при южно-литовскомъ elksnis, ольха, въ самомъ же верхне-(или южно)-Литовскомъ около Мемеля и въ Латышскомъ alksnis; при ámalis, ámalas (обыкновенно во мн. ч. amalei, amalai), омела, стоитъ и emalas, emala; при южно-литовскомъ erelis, южно-литовское и жмудское arelis, орелъ; при лит. eżeras, прус. ażaran (acc. sing); прусс. asanis=осень, ѥсень; при южно-литовскомъ eszis, ось, жмудское aszis; при eszutas, конскій волосъ, волосень, лѣса—aszutas; при elkunė, локоть,=alkunė; при ėpuszė,

черный тополь, жмудское и около Мемеля apuszis, осина; при erdwas и ardwas, широкій, просторный; (сравненіе eszmû, остріе съ aszmû id. быть можетъ, сюда пойдетъ; по крайней мѣрѣ eszmas, вертел=jëszmas, id. въ коемъ jë=ai (прусс aismis вертелъ); даже при южно-литовскомъ esmi, ѥсмь въ томъ же нарѣчіи мѣстами asu, asiu (Фортунатовъ и Миллеръ. Литовскія пѣсни, 130). Такъ какъ *ладии*, *ладья* и т. п. несомнѣнно изъ алдии, то встрѣчая *е* въ Литовскомъ eldija, а равно и въ elnis, elnė при *алъний*, *лань*, въ elk-unė при *лакътъ*, локоть, слѣдуетъ думать, что *е* возникло уже на почвѣ литовско-латышскихъ нарѣчій, тѣмъ болѣе, что въ нихъ есть случаи очень поздняго измѣненія начальнаго *а* въ *е*, какъ, напримѣръ, въ ekrutas при akrutas, гдѣ *а* есть литовское отраженіе польскаго *о* въ okręt. Разсматривая этотъ вопросъ, слѣдуетъ также принять во вниманіе смѣну звуковъ *е*, ė и *о* при *а*, напримѣръ, въ ėglus—oglus, дерево тисъ, при находящемся вѣроятно въ связи съ нимъ литовск. egle—agle, прусск. adle (Beiträge, VI, 445), основная слав. форма—западно славянское ѥдла, ель.

Такимъ образомъ, Литовскій языкъ нетолько непомогаетъ предложенію, что *о* въ *олень* произошло изъ общеславянскаго ѥ, но скорѣе, напротивъ, можетъ внушить мысль, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ и тамъ, гдѣ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ *о*, это *о* прямо примыкаетъ къ литовскому *а*, какъ въ *оба* при литовскомъ abu; въ *осотъ*, *осока* (какъ рѣзучія растенія) при литовскомъ akotas, ячменная ость, aszaka, рыбья кость, ость; въ *остьнъ*, stimulus, при литовскомъ akstinas, колючка и остріе на палкѣ, которою погоняютъ воловъ; въ *олъ*, хорутанское ol при литовскомъ alus, пиво, брага и проч., неговоря уже о множествѣ литовскихъ заимствованій изъ Русскаго, а отчасти и Польскаго.

2) «За исключеніемъ Русскаго, ни одно изъ другихъ славянскихъ нарѣчій нерасходится въ этомъ случаѣ (ѥлень) со старо-славянскимъ». Это положеніе должно быть нѣсколько ограничено: при ѥмела, польск,

jemioła, в.-луж. jemjelina, н.-луж. также, и hemelina, съ измѣненіемъ je въ ji, i (какъ въ ꙗсто, ꙗсе testiculus при ꙗсто, id.) сербск. имела, чешск. jmelí, melí, находимъ нетолько русск. омела, по хорут. omela, также и сербск. (боснійск.) и хорват. по ссылкѣ Линде; ср. также Miklosich, Lexicon, омельникъ; при поль., лужицк., чешск., слов. и по ссылкѣ Линде, сербск. jelito, кишка, внутренности (Линде сравниваетъ съ лат. ile, мн. ilia, кишки)—хорут. olita, мн.; при ꙗсень русс. осень, чешск. jeseň и oseň; при ꙗдва русск. одва, хорут. (Mikl. Lex.) odvaj, что Миклошичъ сопоставляетъ съ литов. adwôs. Важность этихъ отклоненій должна быть соразмѣряема съ тѣмъ, что и всѣхъ словъ съ начальнымъ ꙗ=о немного, едва-ли наберется два десятка: кромѣ вышеупомянутыхъ—ꙗдинъ, ꙗзеро, ꙗжина, ꙗже, ꙗлень, ꙗсе, ꙗсетръ и немногія другія. Затѣмъ, допустивъ, что дѣйствительно только Русскій языкъ имѣетъ о=ꙗ (олень=ꙗлень), обязаны ли мы изъ этого заключать, что о изъ ꙗ? О подобныхъ вопросахъ будетъ рѣчь ниже по поводу полногласія.

3) «Слова съ начальнымъ е, заимствованныя изъ-чужа, измѣняютъ въ Русскомъ этотъ звукъ на о: ἔλαιον—олѣй». Примѣръ выбранъ дурно, такъ какъ олѣй, м.-р. олія есть форма не только русская, но и польская, чешская, хорутанская (olej) и сербская (олаj при уље), и, вѣроятно, примыкаетъ прямо къ oleum; но есть значительное число другихъ примѣровъ: Евсевій—м. р. Овсій, Евстафій—м.-р. Остап, Евстратій—Овъстратъ (Новг. I, 31, Син.), Елезаръ—м.-р. Олизаръ, Елевферій—м. р. Олихвер, Олихвір (оба послѣднія стали родовыми прозвищами), Емиліянъ - м. р. Омелян, Евдокія—в.-р. Овдотья, Авдотья (м. р. Явдоха), м.-р Вивдя (то есть, Овдя), кажется, Евдоксія; Елена—Олена; м.-р. Орина изъ ꙗрина, Ирина. Можетъ быть, сюда же относится осетръ—ꙗсетръ, если это слово заимствовано, какъ полагаютъ, изъ лат. sturio (Miklosich Fremdwörterb.) черезъ посредство формы съ приставочнымъ е, въ родѣ e-stur (франц. esturgeon). Можно думать, что здѣсь

русское *о* изъ jo, а это изъ je, *е*, то-есть, что, напримѣръ, Овсѣй—изъ Іовсѣй, Іевсѣй, Евсевій, подобно тому, какъ болг. *оште*, при посредствѣ jo, какъ въ серб. *jоште*, хорут. jošče—изъ ѥще. Относительно опущенія j ср. Осипъ изъ Іосипъ, Акимъ изъ Якимъ. Однако, еще вопросъ: слѣдуетъ ли тѣмъ же путемъ объяснить и всѣ древнія русскія слова съ начальнымъ *о*? Слѣдовало бы, еслибы небыло другаго способа объясненія; но мнѣ кажется несомнѣннымъ, съ одной стороны, что *о* можетъ возникнуть прямо изъ *а*, съ другой —что отъ того же *а* можетъ пойти и ѥ черезъ посредство ꙗ. Такимъ образомъ *ошути*, напрасно, можетъ ближе стоять къ ст.-слав. *ашуть*, чѣмъ къ ст.-слав. ѥшуть. Утвержденіе, что ѥ въ послѣдней формѣ «указываетъ на болѣе древнее *о*, а не *а*» (Schmidt въ Beiträge VI, 131) въ своей исключительности произвольно: ѥшуть могло возникнуть изъ формы, тоже отмѣченной въ памятникахъ, ꙗшуть. Недумаю, чтобы, на оборотъ, можно было доказывать производность ꙗшуть отъ ѥшуть, указывая на такія позднія явленія, какъ м.-р. *Явтухъ* (а не *Овтухъ*, хотя и это встрѣчается въ западно-русскихъ памятникахъ) изъ *Евтихій*, *Ярема* изъ *Іеремія*. Напротивъ, относительно *ja* изъ *а* можно сослаться, между прочимъ, на общеслав. *jаворъ*, заимствованное изъ нѣм. ahorn. Такъ догадывается уже Линде, а нынѣ Миклошичъ (Fremdwörterb.). Въ пользу этого говоритъ и б.-р. jáhор, въ коемъ h я прежде (Два изслѣд., 69) считалъ происшедшимъ изъ *в*. Литовское owaras, яворъ, было бы въ такомъ случаѣ древнѣе, чѣмъ jowaras, и указывало бы на русскую форму *аворъ*. Подобнымъ образомъ хорут.-сербск. *jасика* можетъ быть отнюдь не изъ *jесика* (хорут.), а прямо отъ *а*, отъ котораго въ другую сторону пошла форма съ начальнымъ *о*: русск. *осика*, *осина*, польск. osika, чешск. osyka (съ у?). Такъ, *ja* въ *ясенъ*, серб. *jасен*, хорут. jesen, jasan, кажется древнѣе, чѣмъ *je* въ Польск. jesion, Чешск. jesen, и пошло прямо отъ *а*, откуда й въ Литовск. ûsis, osis, нѣм. esche. Такъ, и въ М.-р.

ялина, **ѥль**. и *ялівець*, польск. jałowiec, четск.-слов. jalovec. в.-л. jałowc, н.-л. jalowenc, можжевельникъ, можетъ вовсе не предполагать того **ѥ**, которое находится въ **ѥль**, если только эти слова сродны. Незнаю, можно ли приписать большую древность j*a* въ Хорв. jalša (при хорут. olša, jelša)?

Изъ числа старинныхъ незаимствованныхъ словъ съ русск. *о*=**ѥ** лишь одно, мнѣ кажется, можно съ нѣкоторою увѣренностію объяснять такъ, какъ *Овсѣй*=**ѥ**всевій, именно—союзъ *оже*, относя его къ мѣстоименному корню j*a* (хотя отъ *иже*, средній родъ и въ русскихъ памятникахъ имѣетъ **ѥ**, а не *о*: **ѥ**же, попѥ и пр.).

IV.

Мнѣнія о происхожденіи ъ и ь и времени ихъ исчезновенія въ Русскомъ.

«Что глухіе древне Русскому языку были свойственны», говоритъ г. Колосовъ, «въ томъ нельзя сомнѣваться въ настоящее время» (Оч., 26)—выраженіе не совсѣмъ точное, какъ видно изъ сдѣланной тамъ же ссылки на мнѣнія г. Гатталы. Г. Гейтлеръ, авторъ труда, поименованнаго въ заглавіи этой статьи, былъ, по его словамъ, слушателемъ профессора Гатталы и пользовался при составленіи своей книги совѣтами этого ученаго (Fonologie, VI). Онъ утверждаетъ, что русск. *о*, напримѣръ, въ *полнъ* отнюдь невозникло изъ *ъ*, какъ мы привыкли думать; что, напротивъ, это *о* въ подобныхъ случаяхъ есть звукъ основной для старо-Болгарскаго (=ст.-Слав.) и Русскаго, но не для Польскаго, въ которомъ *е* (pełny), равно какъ *i* въ wilk, суть ослабленія, возникшія независимо отъ ст.-Болг. и Русскаго (Fonologie: § 47). Ъ, говоритъ онъ, такъ сказать, «передъ нашими глазами возникаетъ изъ *о*» въ слѣдующихъ случаяхъ,

«1) въ творительномъ пад. ед. ч. муж. и ср. р. склоненія -*а*: *гладъмь*, *дѣлъмь* изъ—*омь*», ибо хотя въ

Остромировомъ Евангеліи постоянно *ѣмъ*, но въ Ассеманіевомъ Евангеліи, памятникѣ глагольскомъ, и *по языку, болѣе древнемъ*, постоянно—*омь*»;

2) въ именительномъ ед. муж. того же склоненія, *ъ* именъ муж. (раб ъ) стоитъ рядомъ съ болѣе древнимъ *о* именъ среднихъ (иг о); что всѣ мужескія имена нѣкогда оканчивались на *о*, неопровержимо доказываетъ Ассеманіево Евангеліе: древнее *о* вм. *ъ* сохранилось при сліяніи именъ съ указательнымъ мѣстоименіемъ *сь*, *тъ*: *работъ*, *иноплеменикос*—формы, ничѣмъ неотличающіяся отъ среднихъ *лѣтось*, *утрось*.

«Въ сложеніяхъ словъ (бого-въгодьнъ) сохранилось старинное *о*, которое есть не что иное, какъ тематическая гласная въ окончаніи ослабленная въ *ъ*» (Fonologie, § 9).

Остановимся пока на этомъ. Говоря о большей древности Ассеманіева Евангелія и ряда другихъ подобныхъ памятниковъ, разсмотрѣнныхъ г. Срезневскимъ (Древ. глаголич. памятники, 57 и слѣд.), слѣдуетъ отличать случаи, какъ *братръ*, или нѣкоторыя формы аориста, отъ другихъ, сообщающихъ языку Ассеманіева Евангелія характеръ относительной новизны, каковы: смѣшеніе ъ и ь (къде, Срезн. 64, посълахъ 67, събрани 68, а съ другой стороны—истинънъ, 63, брашъна, 65, дождъ и почти постоянно—*тъ* въ 3-мъ л. ед. и мн. наст. вр.); опущеніе глухихъ (что—Срезн. 64, никтоже 67) между прочимъ и на концѣ словъ (живот вѣчънъи Срезн. 6 ; случаи эти у Гейтлера § 35); смѣшеніе ъ и *и* (прыѩъ); постоянное *ѣ* вмѣсто ꙗ и въ случаяхъ, когда ꙗ этимологически несомнѣнно (девѧтаѣ, въсѣ 66, ѣко 67); *ѣ* вм. ь (двѣремъ 68), неправильности въ употребленіи ѩ и ѫ (ѩже вм. ѭже, слъишахѫмъ); *ꙑ* вм. *еи* (блажени невидѣвъшꙑ Остр. въшеи) и вѣровавшꙑ 69); винительный сходный съ родительнымъ въ случаяхъ, гдѣ въ Остромировомъ Евангеліи онъ сходенъ съ именительнымъ (пригласи мѫжа своего, 66, вѣроуите въ Бога, 67). Нужно особое пристрастіе къ глаголитизму, чтобы въ этихъ отношеніяхъ поста-

вить Ассеманіево Евангеліе наравнѣ съ Остромировымъ, или выше его. Я полагаю, что въ Ассеманіевомъ Евангеліи и подобныхъ ему памятникахъ *о*, *е* въ иноплеменик*ос* (Остр.=иноплеменьникъ сь) денет (Срезн. Глаг. пам., 6 =Остр. день тъ) совершенно объясняются тѣмъ же, чѣмъ и подобныя явленія въ русскихъ памятникахъ (хълм*о*тъ) и въ случаяхъ, приводимыхъ г. Гейтлеромъ изъ старо-чешскаго (večeroš) и современнаго болгарскаго (празникот), именно тѣмъ, что конечный глухой звукъ мѣстоименія исчезъ и, вслѣдствіе этого, предыдущій прямой слогъ превратился въ средній, потребовавшій за тѣмъ, при новомъ фонетическомъ складѣ языка, замѣны глухаго звука чистымъ. Это совершенно такъ, какъ въ современномъ Русскомъ въ *сон* и т. п. (Два изслѣд., 56). Тоже о творительномъ *омь*, предполагающемъ, что конечное *ь* уже невыражаетъ гласнаго звука, вмѣсто Остромировскаго *ъмь*. Если бы въ твор.-*омь* была общеславянская форма болѣе древняя чѣмъ -*ъмь*, то въ мр.-вост. твор. ед. м. р. было бы панім, въ Польск. panom, въ Чеш. panům (какъ въ дат. мн.) между тѣмъ, какъ на дѣлѣ—въ Мр. паном, въ Поль. и Чеш. panem.

Мнѣніе, что *раб-ъ* возникло изъ *раб-о* и что было время, когда въ Славянскомъ языкѣ слова этого рода по звукамъ ничѣмъ неотличались отъ *иг о*, вызвано только желаніемъ доказать, что вообще *ъ* произошло изъ *о*. Напротивъ, можно думать, что съ самаго того времени, когда возникло различіе родовъ и падежей, именительные мужескаго рода -*ас* и средняго рода -*ам* уже никогда неотождествлялись и въ звуковомъ отношеніи. Положеніе, что Славянскій языкъ потерялъ конечные согласные, если неприкрылъ ихъ новыми суффиксами, вообще несомнѣнно, но не въ томъ смыслѣ, что потеря конечныхъ согласныхъ наступила вездѣ одновременно, стерла прежнія грамматическія различія и заставила языкъ вновь отыскивать эти различія какъ-бы въ потьмахъ. Могло случиться и такъ, что -*м* въ *а-м* изчезло раньше, чѣмъ *с* въ *а-с*, вслѣдствіе чего тематическое *а* въ обоихъ случаяхъ подверглось неодинаковымъ измѣне-

ніямъ. Мнѣ кажется, что именно на это указываетъ Литовскій языкъ. Извѣстно, что *с* въ *а-с* уцѣлѣло въ литовско-Латышскомъ донынѣ, и только предшествующее ему *а* уже по раздѣленіи этого языка исчезло въ Литовскомъ въ извѣстныхъ случаяхъ (pon s, но gars-a-s, Schleicher, Lit. Gram., 82), а въ Латышскомъ во всѣхъ словахъ муж. р. темы *а*. Что случилось съ среднимъ окончаніемъ *ам*, объ этомъ, казалось бы, менѣе всего слѣдовало совѣтоваться съ Литовскимъ и Латышскимъ языками, такъ какъ они потеряли средній родъ; однако, въ Литовскомъ сохранились остатки этого рода въ одной формѣ причастій страд. наст. и прошедш. и причастія необходимости на tina, въ безличныхъ оборотахъ, отчасти буквально сходныхъ съ такими, какъ *хожено*, *лажено*, польск. mówiono, ст.-чешск. byto (man war): литовск. to dél sakoma, буквально—того для говоримо, то есть, потому то и говорится, напримѣръ, въ пословицѣ; taipo nedaroma, буквально: такъ недѣлаемо, то-есть, такъ негодится дѣлать (Библія); ne turéjo tą wakarą but skalbiema Schleicher, Leseb 202), буквально—не имѣло въ тотъ вечеръ быть прано, то-есть, не слѣдовало мыть бѣлья; man pawelyta yr, мнѣ повелѣно; tai Déwo žadéta, tai prilikta buwo (Schleicher Gr., 318), это отъ Бога обѣщано, это было допущено (о судьбѣ), szénden eitina (ib. 320), буквально—сегодня идомо, то-есть, необходимо идти.

По видимому, и въ такихъ выраженіяхъ, какъ лит. je rado daug iszwogta, они нашли (что) много выкрадено; jis rado swetimo buta, онъ нашелъ (что) (отъ) чужого быто, то есть, что кто то чужой былъ,—нѣтъ надобности писать этимологически iszwogtą, butą, какъ думалъ Шлейхеръ (Lit. Gr, 319). Окончанія -*м*, общаго въ среднемъ родѣ ед. ч. тремъ падежамъ, давно здѣсь невидно; между тѣмъ знакомъ ринезма, напримѣръ, ą, означается обыкновенно относительно недавняя потеря носовой согласной, которая можетъ быть возстановлена внутренними средствами Литовскаго языка, безъ помощи болѣе обширнаго сравненія. Различеніе, подоб

ное тому, какое замѣчается между лит. муж. sakomas и среднимъ sakomá, могло лежать въ основаніи славянскаго различія между конечнымъ *ъ* и *о*. Латышскій языкъ при этомъ оставляется въ сторонѣ, такъ какъ въ немъ, въ случаяхъ подобныхъ вышеприведеннымъ, ставится причастіе въ мужескомъ родѣ: déws gan gulêts, буквально—довольно спанъ, то есть, спано (Bielenstein, Lett. Gr., § 770). Сравнительно съ Литовскимъ, это явленіе позднее. Незнаю, на сколько, изложенное мною мнѣніе объ исчезновеніи *-м* въ именит., винит. ед. сред. въ славяно-литовское время можетъ быть ограничено или опровергнуто тѣмъ, что Биленштейнъ говоритъ о латышскихъ нарѣчіяхъ на -am, u, im, въ коихъ, по его словамъ, навѣрно сохранились формы средняго рода (Lett. Gr., § 210). Онъ неговоритъ, какой именно падежъ онъ разумѣетъ, такъ что изъ его словъ неслѣдуетъ, чтобъ онъ считалъ латышскія нарѣчія klussam, klussu этимологически равными съ *тихо*. Окончаніе *am* можетъ принадлежать не именительному-винительному, а другому падежу, напримѣръ, дательному ед. ч. въ смыслѣ творительнаго, хотя послѣдній въ ед. ч. въ Латышскомъ языкѣ совпадаетъ не съ дательнымъ, какъ во множественномъ числѣ а съ винительнымъ. Навѣрное является дательный въ одномъ изъ приводимыхъ Биленштейномъ примѣровъ, именно въ pa maz-am =м.-р. помалу, срав. лит. po mažam (предл. po съ дат. ед.)=по малому времени (Schleicher, Lit. Gr., 291) и лит. pamažuy, pamažu, тоже, что pamaži=мр. помалу. Мнѣ неясно, какой падежъ въ литовскихъ нарѣчіяхъ palengwà и lengwà, тихо, медленно. Есть ли это сокращеніе изъ lengway=льгъцѣ, или это—тоже, что pawilyta, то-есть, именительный ед. ср.?

Что *о* въ *бого угодьнъ* есть тематическая гласная, или точнѣе. замѣна основной тематической гласной *а*, это такъ; но что изъ этого слѣдуетъ, будто *ъ* въ *Богъ* перешло черезъ ступень *о*, этого невидно: условія, при которыхъ возникло *ъ* въ *Богъ* и *о* въ *бого*, различны.

Было бы долго разсматривать порозпь всѣ слова,

приводимыя г. Гейтлеромъ (§§ 9, 3, 4) въ доказательство происхожденія *ъ* изъ *о*. Вообще чередованіе въ этихъ словахъ *ъ* и *о* троякаго рода: 1) такое, которое мы относимъ къ случаямъ позднѣйшей замѣны глухаго звука чистымъ, а г. Гейтлеръ наоборотъ, напримѣръ, дождь—дъждь; 2) такое, гдѣ *ъ* вмѣсто *о* есть или ошибка личная, или діалектическая, то есть позднѣйшая замѣна, напримѣръ въскъ вмѣсто воскъ; 3) такое, гдѣ въ двухъ различныхъ образованіяхъ находимъ въ одномъ *о*, въ другомъ *ъ*, напримѣръ, корень и къръ, при чемъ каждый изъ этихъ звуковъ на своемъ мѣстѣ, по нашему, общеславянскій

Допуская второй случай, я тѣмъ самымъ признаю, что въ отдѣльныхъ, вообще рѣдкихъ, случаяхъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ новоболгарскаго и хорутанскаго (гдѣ это часто), имѣются или имѣлись глухіе звуки позднѣйшаго образованія, и что основное *о* можетъ діалектически переходить въ глухой звукъ и исчезать, какъ въ русскомъ литературн. *ров-ъ—рва* (изъ *ръва*), при основной формѣ *ровъ*, род. *рова*, по аналогіи съ *ротъ*, *рта* (осн. ф. *ръть*, *ръта*). Но я слѣдую тѣмъ, которые отличаютъ позднѣйшіе глухіе и позднѣйшіе бѣглые гласные отъ тѣхъ, которые предполагаются всѣми славянскими нарѣчіями.

Рѣшительное доказательство г. Гейтлера заключается въ слѣдующемъ (Fonologie, § 10):

1) «Нѣтъ объективнаго доказательства, что *ъ* возникло изъ *а*», а между тѣмъ «естественный переходъ отъ ă къ слабѣйшей гласной *ъ* составляетъ *о*». Естественнымъ г. Гейтлеръ называетъ здѣсь апріорное рѣшеніе, что возможенъ только такой, а не другой переходъ. Мало ли что̀ въ языкѣ считалось невозможнымъ, но оказалось дѣйствительно существующимъ? Въ настоящемъ вопросѣ можно сослаться на то, что южно.-в.-р. именно основное *а*, а равно и *а* изъ *о* неударяемаго въ извѣстныхъ случаяхъ, переходитъ въ глухой звукъ: *ѓ-варит* (3 слога) не изъ *говорит*, а ближайшимъ образомъ изъ гаварит (см. Два изслѣдованія о звукахъ Русск. языка, 61—62).

Въ такой же глухой звукъ такъ же могутъ преходить и всѣ остальные твердые гласные (см. ib.). Поэтому мнѣ нисколько некажется нужнымъ предположеніе, что основное *у*, чтобы стать глухимъ звукомъ. должно было перейдти черезъ ступень *о* (Fonologie, § 12): *ъ* могло прямо образоваться изъ ў. Славянскія формы съ *о* тамъ, гдѣ предполагается основное *у* (медо-точивъ, дат. мн. сыномъ), легко объясняются не фонетически, а переходомъ темы *-у* въ тему *-а*, то-есть, тѣмъ, что форма *медо* образована не согласно съ тою темою, которую мы находимъ, напримѣръ, въ звательныхъ *меду*, *сыну*, а такъ, какъ будьто основная форма темы есть madha и suna. Въ иныхъ случаяхъ допущеніе основнаго *у* можетъ быть и ошибочно. Такъ, ошибочнымъ кажется мнѣ мнѣніе, что *о* въ льгота принадлежитъ къ именной темѣ *лагһу*, а не къ суффиксу (осн. ф. *атâ*); что первое *ъ* въ *пъсъкъ* тоже изъ тематическаго *у*. Въ послѣднемъ случаѣ г. Гейтлеръ напрасно слѣдуетъ за ссылкою Миклошича (Lexicon: пѣсъкъ) на Потта Forschungen, 2, 1, 324, и сближаетъ славянское слово съ санскр. *пâнсу*, пыль. Правильнѣе было сближено *пѣс-ъкъ* относительно корня съ санскр. *пиш* (VII кл.), растирать (какъ скр. *чўрна*, пыль, собств. нѣчто растертое), куда тянутъ и славянскія слова *пьшено*, *пьшеница* (Mikl. Pott.), и съ литовск. pais-y-ti, околачивать ячмень, обмолачивать, русск. *опихать* пшено. Суффиксъ *-ъкъ* было бы произвольно дѣлить на *ъ-къ*, или *ъ-к-ъ* вмѣсто —*ък-ъ*. Первое *ъ* здѣсь принадлежитъ суффиксу производнаго слова, а не темѣ первообразнаго.

Въ § 14 и слѣд. г. Гейтлеръ старается доказать, что *ь* ближайшимъ образомъ возникло изъ *е*, каковъ бы ни былъ основной звукъ, предполагаемый этимъ послѣднимъ. Его доказательства здѣсь вообще сходны съ тѣми, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе о происхожденіи *ъ* изъ *о*. И здѣсь на первомъ планѣ формы Ассеманіева Евангелія, то-есть, то, что̀ намъ представляется позднѣйшею замѣною болѣе древняго *ь*, именно формы: денетъ, страненъ, вѣренъ, вѣнецъ.

Чередованіе между *е* и *ь* въ *странепъ*, при *страньна* приводитъ г. Гейтлера не къ тому заключенію, что въ первой формѣ *ъ* на концѣ уже непроизносилось (Miklosich, Vergl. Gr. I. 72), а къ тому, что въ этомъ чередованіи *е* древнѣе, чѣмъ *ь* (Fonologie, § 19, 4). Чешскія формы den, lehký, pes, а равно и соотвѣтствующія имъ нынѣшнія русскія съ *е* для автора ступенью древнѣе, чѣмъ *дьнь* и пр. (ib. § 20). Точно также и формы родит. множ. *дьнеи*, *людеи, дѣтеи* (Ассем. Евангеліе) и такія же нынѣшнія русскія для него древнѣе, чѣмъ *дьнии* и пр. Напрасно возражать, что окончаніе *ии* не только есть господствующее въ тѣхъ старославянсхихъ памятникахъ, которые мы считаемъ болѣе древними, но и предполагается польскимъ, чешскимъ и сербскимъ, что *еи* является господствующимъ и въ русской письменности далеко не съ самаго ея начала. Г. Гейтлеръ предпочитаетъ заключеніе отъ созданнаго имъ самимъ общаго: «Всякое краткое *и* (*i*) на славянской почвѣ измѣняется въ *е*; слѣдовательно, окончаніе родительнаго множ *iy* (лит. aka iu, žwer·iu) перешло сначала въ *ев* *), за устраненіемъ гіята—въ *ejъ*, посредствомъ ассимиляціи—въ *еи*, оттуда, вслѣдствіе уже полной ассимиляціи, въ *ии*» (Fonologie, § 26).

Для себя я считаю лучшимъ остаться при слѣдующемъ мнѣніи о происхожденіи *ь*, мнѣніи, которое какъ и Гейтлерово, есть только mutatis mutandis, повтореніе мнѣнія объ *ъ*: *ь*, какъ и *ъ*, есть звукъ общеславянскій. Кромѣ позднѣйшихъ отклоненій, чистые звуки, изъ коихъ возникли эти глухіе, относятся не къ славянскому, а къ дославянскому періоду. **) Возникновеніе *ь* предполагаетъ *нѣкоторую* степень палатализація предыдущей согласной, а за невозможностью непосредствен-

---

*) N. b. *ъ* послѣ гласнаго звука!

**) По Гейтлеру (Fon. § 27) «даже въ отдѣльныхъ слав. нарѣчіяхъ чистыя гласныя древнѣе глухихъ: «полныя переходятъ въ полугласныя, а *не наоборотъ*».

ной палатализаціи, измѣненіе гортанной въ шипящую. Въ этомъ отношеніи *ь* сходно съ *е*. *Ь* въ конь и *е* въ *поле* одинаково предполагаютъ *а* послѣ небной согласной, но возникли при различной обстановкѣ, о чемъ уже сказано выше по поводу *ъ* и *о*. Что глухой звукъ можетъ непосредственно происходить изъ *я* и другихъ йотированныхъ гласныхъ, это видно изъ южв.-в.-р. *пи-р-вя зй* (4 слога; можно бы написать *пи ръ-вя зи*) изъ пирявязй, то-есть перевези, и т. п. При такихъ же условіяхъ какъ и въ *конь* (ь=ja-с) *ь*, по всей вѣроятности, возникло изъ j*у* между прочимъ въ тѣхъ именахъ муж. р. на *й*, въ коихъ *ь* на концѣ не писалось, но безъ сомнѣнія, произносилось, и кои соотвѣтствуютъ литовскимъ на jus. Возникновеніе *ь* изъ *е* въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно, но оно ошибочно, какъ общее правило.

При опредѣленіи первопачальной разницы между *ъ* и *ь* за фонетическую единицу должны приниматься не эти гласныя сами по себѣ, а ихъ сочетанія съ предыдущею согласною, независимо отъ коей *ъ* и *ь* были тождественны. Тотъ фактъ, что въ стар. Сербскомъ оба глухіе замѣняются однимъ знакомъ *ь*, а потомъ оба переходятъ въ чистое *а* (сънъ=сан, дьнь=дан), допускаетъ такое толкованіе: при самомъ началѣ обособленія нарѣчіе это *удержало* первоначальное тождество гласнаго элемента еровъ, именно потому, что уже тогда начала въ немъ исчезать разница между твердостью согласныхъ передъ *ъ* и мягкостью передъ *ь*. Въ другихъ нарѣчіяхъ, какъ русс. ляшское, въ тоже время противоположность твердости и мягкости согласныхъ стала увеличиваться, что повело къ разграниченію гласнаго элемента *ъ* и *ь*, а за тѣмъ къ различнымъ ихъ замѣнамъ чистыми. Въ свойствахъ глухихъ звуковъ и ихъ замѣнъ въ Сербскомъ я немогу усмотрѣть основанія для предположенія, что это нарѣчіе обособилось раньше другихъ слав., когда послѣднія составляли еще одинъ языкъ (ср. Jagić, Podmladjena vokaliz. 24, Rad IX).

Мнѣніе мое объ общемъ значеніи *ъ* и *ь* находится

въ связи съ изложеннымъ ниже, въ главѣ «объ этимологичихъ различеніяхъ гласныхъ» мнѣніемъ объ ѫ и ѧ. *)

Относительно произношенія ъ и ь въ древнемъ Русскомъ я думаю, что хотя эти звуки незадолго до своего перехода въ *о*, *е* должны были быть близки къ этимъ послѣднимъ, но близость эта, какъ уже упомянуто, небыла тождествомъ. Свойство глухого звука именно и состоитъ въ нѣкоторой неопредѣленности. Быть можетъ, слѣдуетъ придавать нѣкоторое значеніе тому, какъ представлялись эти глухіе звуки ближайшимъ сосѣдямъ Руси. Въ Литовскомъ, при большомъ количествѣ позднѣйшихъ заимствованій изъ Русскаго языка, сохранились и такія, которыя кажутся болѣе древними, чѣмъ исчезновеніе еровъ въ Русскомъ. Если ь въ Литовскомъ grynyczia, gesindestube (то-есть, гридьница) исчезло, то оно сохранилось въ видѣ *i* въ griwina (гривьна), kriwida (кривьда), быть можетъ, и въ triwoga (трьвога), между тѣмъ, какъ triwoti могло возникнуть черезъ зап. и южн. русск. *тривати* изъ поль trwać (одинъ слогъ). Въ числѣ случаевъ, на которые указываютъ, какъ на подтвержденіе того, что *ъ* произошло изъ основнаго *у* (*u*), есть такія литовскія слова, которыя мнѣ кажутся прямыми заимствованіями изъ Русскаго языка и въ ко-

*) Для сравненія привожу слѣдующ. изъ Разсужд. о Слав. языкѣ Востокова (1820, перепеч. въ Уч. З. Ак. Н. II, 18):

«Полугласныя *ъ*, *ь* ничто иное суть, какъ стремленіе воздуха изъ гортани, потребное для образованія всякой изъ пяти гласныхъ а, е, и, о, у, но недостигающее сего полнаго изглашенія, потому что, на половинѣ пути остановленное, ударяется въ небо, вмѣсто того, чтобы устремиться въ отверстіе рта. *Ь* ближе подходитъ къ чистымъ гласнымъ отъ того, что гортанный воздухъ для произношенія его совершаетъ въ устахъ болѣе пути и ударяется въ переднюю часть неба, почти въ деснахъ; *ъ*, напротивъ того, при самомъ исходѣ изъ гортани въ небо ударяется.... *ь* или *й* (ибо это одно и тоже) находится и въ другихъ языкахъ подъ именемъ j или y.... Западные Славяне, пишущіе латинскими буквами, неимѣютъ у себя знака для дебелой полугласной, кромѣ Поляковъ, кои ѧ выражаютъ косвенно

ихъ, наоборотъ, литовское *и* передаетъ русское *ъ*: kumetys=*кмѣть*, tulkas=*тълкъ*, (въ значеніи толковника), tulkoczus=тълкачь и tulmoczus=idem (вѣроятно тълкмачь, ср. мр. товкмачити), pulkas=пълкъ (въ разныхъ значеніяхъ, какъ и въ литовскомъ, напримѣръ, полчокъ дѣвокъ, какъ говорится «дѣвокъ табунокъ»), kurtas=хъртъ, stulpas—стълпъ, strustis=тръсть. Слова, какъ *тълкачь*, въ этой формѣ нѣтъ въ Польскомъ (есть tłuczek); будь оно заимствовано хотя и изъ Русскаго, но поздно, когда *ъ* измѣнилось въ немъ въ *о*, то оно имѣло бы въ Литовскомъ *а* (talk), а не *и*.

Съ другой стороны, есть случаи, въ коихъ русскій *ъ* является въ литовскомъ и въ другомъ видѣ. мр. *дбати* на що (польск. dbać na co, обращать вниманіе) предполагаетъ форму *дъбати*. Въ этомъ словѣ *ъ* въ историческія времена никогда непроизносилось какъ чистое *о*, иначе оно немогло бы исчезнуть. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что отъ этого *ъ* произошло *а* въ Литовскомъ, заимствованномъ daboti, между тѣмъ, какъ лит. atboti

---

перечеркнутымъ l. Прочимъ Славянамъ ненужно теперь такого знака, потому что они потеряли звукъ изображаемый *ъ*-мъ. Въ богем. словѣ vlk слышенъ полугласный звукъ не дебелый, какъ вълкъ, и не тонкій, какъ вьлкъ, а средній, какимъ сопровождается l въ Нѣм. и Франц. Богемцы, Сербы и можетъ быть всѣ южн. Славяне весьма рано утратили.... ежели когда имѣли, дебелый полугласный звукъ *ъ*-ра.... Сербы и Болгары потерявши *ъ*, потеряли и составную съ нимъ гласную *ы* или ы, которую нынѣ всѣ Юго-славяне какъ *и* выговариваютъ. Они замѣнили и въ начертаніи сей составной буквы ъ *ь*-мъ, можетъ быть еще въ X или XI в.

Здѣсь ошибочно различеніе еровъ по степени ихъ чистоты, отождествленіе гласнаго *ь* съ согласнымъ j, смѣшеніе твердости и мягкости согласныхъ, составляющихъ съ *ъ* и *ь* одинъ слогъ съ противоположностью твердыхъ и мягкихъ согласныхъ въ случаяхъ, какъ *ла, ля*. Но въ томъ, что Востоковъ называлъ большею близостью *ь* къ полнымъ гласнымъ и приражені емъ воздуха къ передней части неба, можно видѣть лишь небность согласной передъ *ь*.

пошло отъ формы *дбати* уже безъ *ъ*, но, быть можетъ, снабженной эвфониче кою приставкою, какъ въ *авчера*=*вчера*. Въ этой послѣдней литовской формѣ, по недоразумѣнію и въ силу стремленія осмыслить этимологически-неясное слово, at- принято за литовскій предлогъ at и отъ якобы—предложнаго глагола at boju образованъ простой boju—boti=*дбаю*—*дбати*.

О времени исчезновенія глухихъ гласныхъ въ Русскомъ языкѣ г. Колосовъ говоритъ: «глухіе въ XIV вѣкѣ по всей вѣроятности въ рѣчи уже неслышались. Въ томъ убѣждаютъ: частое опущеніе ихъ въ корняхъ и суффиксахъ, замѣна чистыми тамъ, гдѣ, въ слѣдствіе стеченія согласныхъ, совершенное отсутствіе гласнаго невозможно... Слѣды глухаго сохраняются однакоже и въ этомъ вѣкѣ, т. е. является еще нерѣдко на мѣстѣ глухого чистый тамъ, гдѣ впослѣдствіи его уже невстрѣчаемъ, напр. Болонескъ, Можаескъ, царество» (Оч. 102). Въ болѣе позднемъ своемъ соч. г. Колосовъ, какъ и слѣдуетъ, болѣе специялизируетъ вопросъ: «Случаи сохраненія слѣда глухихъ въ (новомъ) сѣвер.-влр. наводятъ на заключеніе, что въ немъ глухіе жили долѣе, чѣмъ въ южномъ. Слишкомъ однакоже сомнительно, чтобы даже въ XIV в. они, какъ думаетъ г. Потебня (Два изслѣд. 56), на сѣверѣ произносились еще явственно какъ глухіе. Едва ли въ то время они гдѣ либо въ области Русс. языка еще слышались» (Матеріялы, 20).

Посмотрю еще разъ, великъ ли излишекъ сомнительности въ томъ моемъ мнѣніи, что древніе глухіе вовсе нетакъ далеко остались за нами, какъ думаютъ нѣкоторые, между прочимъ и болѣе радикальные въ этомъ отношеніи, чѣмъ г. Колосовъ.

Во-первыхъ, относительно ювр. Конечно, здѣсь неможетъ быть рѣчи о массовомъ появленіи новыхъ глухихъ звуковъ изъ древнихъ чистыхъ въ ювр. говорахъ

(Два изслѣд. 61, 66); но никто меня неубѣдитъ, что я неслышалъ въ нынѣшней ювр. пѣснѣ (т. е. въ пѣніи) явственныхъ *слоговъ—тъ, зь*: «за рѣшо-тъ-ками, за же-лѣ-зь-ными». Равно, никому я неповѣрю, что теперь нельзя услышать «Ку́ре́ск» (небное р и неявственное *е*) при односложномъ Ку́рск и Курск. Зная обычныя формы «жимши, бымши, бога́тства, смёртном», за что, если не за survival древнихъ глухихъ гласныхъ, я долженъ счесть формы: жимыши, бымыши (Можайск. у. Кал. пер. I, 45), богатиства, ib., богатества ib. 52, при семёртном часѣ, ib. 97, при семёратныим часѣ (ib. Влад. г. уже съ свр. оттѣнкомъ; *сэмьрът...*)? А между тѣмъ насъ отдѣляетъ отъ XIV в. полъ тысячелѣтія. Поэтому я нимало несомнѣваюсь въ томъ, что въ русск. кондакаряхъ XII—XIII в. (Срезн. Пам. Русск. письм. 186, 220) заключено несомнѣнное свидѣтельство того, что въ это время въ русск., покрайней мѣрѣ мѣстами, слоги съ глухими протягивались въ пѣніи: «отъ зъъълъхъъъ»=отъ зълъ (но съ графическимъ изображеніемъ того гагаканья, которое и теперь можно услышать въ деревенскихъ церквахъ), «дьььньсььь»= дьньсь. Извѣстно, что стихирарь конца XIV или нач. XV в. съ крюковыми нотами подъ *ъ* и *ь* (въходъ—трехсложно, ликъ—2-хъ сложн., свѣтьлыи—4-хъ сложн., весей=вьсей) далъ основаніе Востокову сказать, что «сіи буквы въ старину слышимы были въ произношеніи, а въ пѣньѣ протягивались также, какъ у Французовъ *е* muet» Вост. Оп. Рум. Муз. стр. 650). Эта «старина» была между прочимъ и XIV-е столѣтіе. Въ позднѣйшихъ стихирарях XVI и XVII в. сохраняется тоже живое преданіе, съ тою разницею, что вм. *ъ*, *ь* ставятся чистыя *о* и *е*: «возносяи себе *с*о*мирите*ся. *Сомиримо*ся пред*о* Бог*оме* мытарески пост*оме* возывающе»; на недвижим*оме* камени, святым дух*оме*» (ib. 651—4). Я говорю здѣсь объ этихъ памятникахъ не потому, что считаю ихъ ювр-ми, а лишь по поводу глухихъ, слышныхъ спорадически въ нынѣшнемъ пѣніи, конечно, больше, чѣмъ въ просторѣчіи.

Изъ двухъ вышеприведенныхъ мѣстъ видно, что г. Колосовъ видитъ въ формахъ, какъ Болонескъ (XIV в.), не графическое только, но настоящее *е*. Между тѣмъ, такъ какъ опущеніе чистыхъ гласныхъ въ Русск. языкѣ вообще рѣдко, то вся вѣроятность въ пользу слѣдующаго: если бы въ XIV в. или раньше въ именахъ на *-ъскъ* произносилось чистое *е*, а не *ь*, то это *е*, такъ и осталось бы донынѣ, какъ въ человѣческій и т. п. Однако *ь* въ *-ъск* (ъ) исчезло вездѣ, гдѣ только была возможность его выпустить. Отсюда видно, что въ южно-великорусскихъ (по крайней мѣрѣ не новгородскихъ) грам. XIV в. -ескъ слѣдуетъ читать: ьск(ъ). Такъ въ Духовной Ив. Калиты 1328 (Соб. Г. Гр. I, № *21*) Можаескъ (т. е. Можаjьск), при постоянномъ сохраненіи *ь* въ другихъ именахъ на ьск: Коломеньскими, въ Похряньскомъ у., село Рузьское, какъ и въ Дух. Сем. Ив. 1353 (ib. № 24) — у Дрюцьского. Въ послѣднемъ слогѣ *ц* вм. *т* (Дрьютьскъ) показываетъ не исчезновеніе *ь*, а лишь вліяніе *с* на *т'* черезъ ь. Въ Догов. и дух. гр. Дм. Ив. 1388—9 (ib. № 33—4)— Можаескъ, Болонескъ при ь въ Коломеньскиѣ, Звенигородьскіе и ъ въ—Московъскихъ. Въ запад. русск. гр. короля Влад. (Срезн. Пам. Русск. п. 266)—Менескъ, Бобруєскъ, Ропошескъ, Логожескъ, Полтєскъ. Формы: Логозсская дань и Полоцкомъ допускаютъ такое же толкованіе, какъ и выше Дрюцьского, именно Логозьская, Полоцьскомъ. Изъ написанія Козлескъ (1405 г. Соб. Г. Гр, № 38), при нынѣшнемъ Козе́льск, видно, что и написаніе Козельска (ib.) слѣдуетъ читать четырехсложно. Кто говоритъ *дщан* (а не *чан*), тотъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что въ его произношеніи сохранился ъ, послѣ *д*, хотя и не столь явственный, какъ въ стар. дъщанъ. Такимъ образомъ и написаніе: по Тцну, отъ усть Тцны, по Тцнѣ (Дог. гр. Дм. Ив. съ Олег. Ряз. 1381, С. Г. Гр. I, № 32) указываетъ на слѣдъ глухого, потеряннаго въ нынѣшнемъ Цна. Итакъ въ этихъ, а вѣроятно и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, глухіе въ юнр. XIV в. существовали.

Чтожь тутъ мудрёнаго, если въ подобныхъ случаяхъ они есть и теперь? Что до конечныхъ *ъ*, *ь* въ ювр., то и я того мнѣнія, что въ это время они уже необразовывали слоговъ.

Во-вторыхъ, относительно нѣкоторыхъ свр. говоровъ.

Самъ г. Колосовъ приводитъ замѣчаніе Гильфердинга, что одинъ Пудожскій пѣвецъ вм. *ъ* (на концѣ) произносилъ почти *ы* (идуты=тъ), а вм. *ь* въ -ьск, ьн — почти *и*. Къ послѣднему случаю примыкаетъ то, что и вообще въ Онежскихъ пѣсняхъ, на мѣстѣ *ь* въ суффиксахъ, опускаемаго въ другихъ русск. говорахъ, встрѣчаемъ *и* и *е*: крылеч*и*ко, колод*е*цы, къ обѣдени. См. Колосова, Матеріялы 18—19, а также 20, 38, 43, 45, 46. И прежде было извѣстно, что въ свр. говорахъ записывателямъ слышится на мѣстѣ древняго *ъ* (основного, или происшедшаго изъ *ь*, какъ уже въ грам. 1229 г. отидет*о*=ть)—*о* и а (идето и идета, 3 л. ед.), именно въ просторѣчіи, а на мѣстѣ *ь*, неизображавшагося на письмѣ, по существовавшаго въ древнемъ языкѣ въ окончаніи ый, ой, въ пѣсняхъ—то *е*, то *я*, то *ю* (конь косматыё, добрыя=ый, правою=ой, дат. ед. ж.). См. мое сочин. Два изслѣд. 74—5. Отсюда мнѣ ясно нетолько то, что нѣкоторые свр. говоры удерживаютъ до нынѣ гласное окончаніе (=древн. ъ, ь), но и то, что это окончаніе—весьма неопредѣленнаго свойства, т. е. что въ немъ слышенъ глухой звукъ, хотя, вѣроятно и не такой самый, какъ въ древнемъ языкѣ. Что такое значитъ заявленіе, что пѣвецъ произноситъ почти *ы* во «Владимеры=меръ, это мы знаемъ по ювр. случаямъ глухого звука (изображаемаго нѣкоторыми посредствомъ *ы*) изъ древняго *о* и пр. напримѣръ, въ г-лава (3 сл.). Встрѣчая въ пѣснѣ, для размѣра, формы послѣ-дь-няя (5 слог.), Владимеры, добрые (=ый), мы не въ правѣ еще сказать, что тоже возможно и въ просторѣчіи. Такъ, слыша въ пѣніи француз. *e* muet (gloire, 3 слога), мы обыкновенно неслышимъ его въ говорѣ. Но пѣсня сама есть проявленіе слова, и между иною и

г. Колосовымъ существуетъ недоразумѣніе, если онъ (Матер. 43) нехочетъ видѣть въ пѣснѣ живаго народнаго языка, потому что у нея свои условія стиха и мѣры. Поэтическія вольности здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, состоятъ лишь въ несовсѣмъ обычномъ удержаніи старины; ибо, какъ трехсложное gloire неесть растяженіе формы gloir, а на оборотъ, такъ и *добрые*—не изъ двухсложнаго *добрый*, а на оборотъ.

Перехожу затѣмъ къ стар. свр. памятникамъ. Уже здѣсь, еще не дошедши до мр. нарѣчія, я сталкиваюсь съ мнѣніями г. Житецкаго. *) Относительно грам. 1229 г. (Срезн. М. объ ист. Русск. яз. 194 слѣд.; прилож. къ Русско-лив. акт.) я держусь того мнѣнія, что въ нѣкоторыхъ изъ изводовъ этого памятника нѣтъ никакихъ слѣдовъ книжно-церковнаго вліянія. Тѣмъ самымъ я признаю ошибочность мнѣнія г. Гаттялы (Uvâho o Gram. Busl. 19, Čas. m. kr. č. 1862), повторяемаго г. Житецкимъ (напр. У. И. № 8, 611), что чѣмъ старѣе памятникъ, тѣмъ больше онъ придерживается староболгар. образцовъ, и чѣмъ новѣе, тѣмъ болѣе прибли-

*) «Очеркъ звуковой исторіи Малорусскаго нарѣчія». Сочин. это помѣщено въ 2—3 кн. Кіевск. Унив. Изв. 1875. Приложенія—въ кн. 9 и слѣд. Касаясь здѣсь только немногихъ затронутыхъ въ немъ вопросовъ, я вообще, противопоставляя это соч. сжатымъ соч. Колосова и Гейтлера, замѣчу только одно: оно слишкомъ многословно и было бы лучше, если бы было въ нѣсколько разъ меньше. Если бы (допустимъ невѣроятное) ученый, съ такимъ запасомъ данныхъ, какъ Миклошичъ, былъ такъ говорливъ, то онъ, вмѣсто своихъ 4-хъ томовъ Грамматики, долженъ бы написать томовъ сорокъ. Нынче и у насъ время дорого. Я прошу читателя невполнѣ полагаться на г. Житецкаго, когда онъ приписываетъ мнѣ извѣстныя мнѣнія: Напр. на стр. 587 (У. Из. № 7) онъ, ссылаясь на мое сочин. Два изслѣд. 12, говоритъ: «устраняя изъ этихъ словъ нѣкоторую неточность въ названіи *ж*, то общерусскимъ, то немалорусскимъ, мы вполнѣ согласны съ г. Потебней въ томъ, что въ мр. нарѣчіи не *ж* образовалось изъ *дж*, а это послѣднее изъ перваго». Между тѣмъ у меня буквально и безъ грубыхъ опеча-

жается къ простонародной русской рѣчи. Тутъ надобно различать двѣ вещи: сознательное устраненіе подражанія и безсознательное подчиненіе народному языку. Отъ послѣдняго менѣе застрахованы древніе писцы, чѣмъ позднѣйшіе, болѣе книжные. Извѣстно мнѣніе Ак. Срезневскаго объ отношеніи правописанія упомянутой грамоты къ произношенію: «Если можно было смѣшивать на письмѣ ь съ *е=ѣ* и ъ съ *о*, значитъ и самые звуки ими изображаемые смѣшивались въ произношеніи, т. е.... ь (произносилось) сходно съ е=ѣ, а ъ съ *о*. А что они выговаривались только сходно, это доказываютъ случаи пропуска *е* и *о* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ заступать могли ь, ъ: горда, сербра, смрти, напсати вм. города, серебра, смьрти, напьсати» (Мысли 195). Здѣсь между прочимъ вѣрно то, что пользоваться подобными памятниками можно лишь признавая необходимость ихъ толкованія, сравненія различныхъ написаній въ нихъ самихъ и другихъ близкихъ по времени и характеру. Г. Житецкій другаго мнѣнія: «Мы принимаемъ фактъ, какъ онъ есть: стоятъ чистые вмѣсто глухихъ, мы и понимаемъ ихъ чистыми, а никакъ не глухими» (У. И. № 3, 257). *) Въ грам. 29 г. «неприбѣгая къ натяжкамъ, можно видѣть только равенство ъ

томъ стоитъ слѣдующее: «Господство звука *ж* изъ *dj* (=ст.-слав. жд) въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности служитъ доказательствомъ, что разницею между дж (Мр.) и *ж* (Вр.) было намѣчено раздѣленіе Русскаго языка на нарѣчія не позже X—XI в. *Ж* изъ *дж* въ украинскомъ, вѣроятно, новѣе, чѣмъ *ж* изъ дж въ великорусскихъ говорахъ. кромѣ бр. Невижу возможности предположить, что не мр. *ж*» (т. е возникло) «изъ сохранившагося въ мр. *дж*, а наоборотъ, послѣднее—изъ общерусскаго *ж*,» т е. я (и теперь, десять лѣтъ спустя) считаю невозможнымъ предположеніе, что мр. *роджу*—изъ якобы общерусскаго *рожю*; наоборотъ, я думаю, что мр. рожу произошло изъ мрусскаго же *роджу*.

*) Отсюда бы слѣдовало, что въ такихъ памятникахъ, какъ Псалт. Марг. skoczǫ, pecus, sczyrpecz sustinere, нужно читать; скоцзбн, счырпецз и т. п.

и ъ гласнымъ *о* и *е*... а никакъ не глухое, древне-славянское произношеніе ъ и ь... Мы несомнѣваемся въ томъ, что ъ и ь очень часто были слышны въ произношеніи, но именно какъ звуки чистые, сообразно съ народной фонетикой, которую писцы неумѣли приспособить къ своему правописанію. Произнося ъ и ь, какъ *о* и *е*, они немогли поладить съ четырьмя буквами, выражавшими два звука, и потому постоянно смѣшивали эти буквы между собою». *) Напрасно несомнѣвающійся авторъ говоритъ (ib. 256), будьто онъ присоединяется въ этомъ случаѣ къ Миклошичу. Слова Миклошича, на которыя ссылается г. Житецкій и раньше его г. Колосовъ (Оч. 17), слѣдующія: «въ гр. Мст. Дав. замѣну ъ и ь на концѣ словъ посредствомъ *о* и *е* слѣдуетъ приписать *или* тому, что здѣсь еще слышался звукъ» (гласн.). «*или*, что вѣроятнѣе, ошибочной аналогіи... Подобное встрѣчается и въ Новг. пам. XIV в.» (V. Gr. I, 381). Какая ошибочная аналогія могла заставить писцовъ нѣсколькихъ столѣтій писать идуто и т. п., а нынѣшняго простолюдина пѣть и говорить идуты, идуто, этого я непостигаю.

Грам. 1229 и сродная по языку, но болѣе правильная по написанію грам. 1230 (Срезн. Пам. Русск. п. 223), несмотря на свое отношеніе къ Смоленску, *принадлежатъ* къ свр. и служатъ коррективомъ и объясненіемъ другъ другу. а) Какъ понимать замѣну и опущеніе глухихъ при *р*, *л* въ случаяхъ: утвѣрдать, смрти (1-я гр.) видно изъ умьрлъ, мьртвъ, утвьрживати (1-я), търгованіе, дългъ, дължьнъ и -енъ, дължьбита (2 я). б) Въ корняхъ при другихъ согласн. притъча, мьзду, почьнѣть (2-я). Случаи: възьметь, въ Ризѣ (ib.) наводятъ на мысль, что, гдѣ писцу 1-ой гр. слышалось *у* (уздумалъ, на устоко, науспять, у Ризѣ), тамъ въ

*) Но вѣдь написаніе «свободьный, вьсѣхо» стоитъ по серединѣ между «свобо-дь-ный, вьсѣ-хъ и нынѣшнимъ «свободный (к-нной, какъ свр. ланно=ладьно) всѣх. Послѣднія формы немогли бы возникнуть, если-бы въ XIII в. ь было=ю, ъ=о,

произношеніи было еще *ъ* , но съ *е* уже нѣсколько вокализованнымъ. в) Какъ понимать чистые гласные въ суфиксахъ внутри словъ въ 1-ой гр. (латинескымь, свободѣпыи и пр.) показываетъ 2-я гр., гдѣ: задьница, нѣмѣчьскому, послушьство, купоемьчи, поемъши. г) Какъ понимать чистые гласные вмѣсто еровъ на концѣ (дѣютѣ=ть, и т. п.; Тумаше, князѣ=зь, языкомѣ, берьго, Ролфо, дългo=ъ, битося=тъся, въ 1-ой гр.), это видно изъ 2 ой, гдѣ дългъ, битъся, гътьскомь, хотя и въсхочетп=ть-и. Наоборотъ, основываясь на одной 2-ой гр. и неимѣя въ виду частыхъ случаевъ замѣны конечныхъ еровъ посредствомъ *о*, *е*, *ѣ* въ Грам. 1229 г., можно бы подумать, что въ 2-ой еры на концѣ несоставляли слога, что однако несправедливо. д) Наконецъ коррективомъ употребленія ъ и ь вмѣсто основныхъ *о*, *е*, *ѣ* служитъ современный языкъ, доказывающій, что ни въ одномъ изъ прежнихъ періодовъ языка немогли произноситься глухіе звуки въ случаяхъ, какъ вѣдомъ (=е), посль (=ѣ), берьго, промьжю, пальзлъ.

Весьма важно, что Гр. 1229 г. стоитъ по характеру правописанія не особнякомъ, но примыкаетъ къ ряду свр. памятниковъ конца XII—начала XV в. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть и черта, невстрѣчаемая въ гр. 29 г., именно *е* на концѣ вм. ъ. Такъ въ грам. 1192 въдале Варламе при далъ Варламъ (Срезн. Пам. Русс. пис. 183); около 1249—написане (ib. 59); во Вънраш. Кюр. (ркп. XIII в. Калайд. Пам. XII в.)—елико служ*бе* (=службъ) 174, аще кто вѣрн*е* есть ib. 177, крестъ честный недошл*е* (=шьлъ) Царя града, егда обрѣтен*е*, 179. Объ этомъ см. Колосовъ, Матер. 17; въ XIV в. id. Очеркъ 103. Но большею частью разница между ъ и ь выдерживается: Петр*о*, рабо (около 1249. Срезн. Пам. 60); тре*е* дворць (=трејь) въ гр. 1257 —63 (Русс. лив. акты); к*о* королевым*о* мужемо, къ вам*о*. посъло, молваш*е* въ гр. 1294—1304 (ib. № 43); путь имъ чисто въ гр. ок. 1300; вьс*е*.. чинъ, дожд*е*, *мо*ножьствомь, об*ѣ*щ*е*никомъ (дат. мн.=обьщьникомъ), причащеникомъ, обьт*о*шавшии (=обьтъшавъшии) въ

Служебн. 1250 (Срезн. Пам. 225); кръвавъ муже, познаюти и въ Русс. Пр. по сп. XIII в. (Русс. Дост. I, 33, 4) и пр.

Говоря о XIII вѣкѣ, г. Колосовъ несомнѣвается, что напр. въ Паремейникѣ 1271, памятникѣ Двинского письма, *е* послѣ j слѣдующаго за гласною и послѣ другихъ согласныхъ есть изображеніе глухого звука (Оч. 88): отьць мо*ѥ*, въ поко*ѥ* (=ой) *) братъ ваш*е*, уклонит*е*ся (=ться) терпит*е*, раздѣляете. Здѣсь же слѣдовало отмѣтить изъ того же пам. к*ъ* нему, сѣдм*е* тысящъ вел*е*блудъ, и на оборотъ *ъ*, *ь* вм. *о*, *е*: въловныхъ, пирьния (Бусл. Хр. 75—6); Олуферьѥ, (Срезн. Пам. 235—6). Но когда г. Колосовъ переходитъ въ XIV в., то на него вдругъ находятъ сомнѣнія. Между тѣмъ мое мнѣніе о глухихъ въ свр. въ XIV, нач. XV в. основано на такихъ же данныхъ, какъ и тѣ, которыя онъ находитъ удовлетворительными для XIII вѣка.

Въ купчей 1389 (Срезн. Пам. 268)—за Кузьм*о*кою (Кузьмъкою, нынѣ Куземкою), на Словѣнокѣ (—нькѣ, нынѣ -нкѣ), пополонока (попълънъка). Неужели можно думать, что здѣсь *ъ* сначала измѣнилось въ *о*, а потомъ исчезло? Тамъ же: съ путиком*о* (ъмъ или омъ вм. ъмь), оць д(у)ш(е)вно*е* (=ой=ый) игумено. Въ Новг. купчихъ XIV—XV в. (Ак. Юр. 110, 114—6) а) *о* вм. *ъ*: Окынф*о*, Өедор*о*; Жирятиничем*о*, Яков*о*, послух*о*, Дрочил*о* Олексин*о*, Созонъ Нлѣно (И-ль-и-нъ, 4 слога), а псал*о* Олуферій, а стояло у печати Гошкуй; б) *ъ* вм. *о*: а на т*ъ* люди (=а на то свидѣтели), стъялъ, къ зеру (к-оз...), събѣ на чьрьмхов*ъ*и кустъ (=ой; въ другихъ мѣстахъ—Левушиньской, соцкой, 117); опущено *о* въ Өедровъ; в) *е* и *ѣ* (на письмѣ) вм. *ь* изъ *ъ*: Марк*е*, Констянтине, Смене, Петре, Игнате, Грихне, Павле Труфоновичь; Сидоръ Труфановѣ, Есипъ Өоминѣ, Ти-

*) Отсюда видно, какъ ошибочно отъ написанія *краи* (им. ед.) заключать, что въ XI в. во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ было здѣсь на концѣ согл j безъ гласн. *ь* (Житецкій, У. И. № 3, 257—8).

моѳей Ивановѣ, Перхурей; г) *е* на мѣстѣ основ. ь: Ил*е*ѣно, съ чѣмъ ср. Дементей *де*якъ, деякъ Иванъ (1479—81, Ак. Ю, 3) у Мадяровъ—Деак; Иванович*е*, купил*е* собѣ одерен*е* (Ак. Ю, 114, но часто одерень, одерьнь); д) ь вмѣсто основнаго *е* и опущеніе такого *е*: Сменъ (часто), братья Смене и Ортемья (быть можетъ Ортеме-я вмѣсто -ме-јь, какъ въ новыхъ говорахъ «добрыя»=добрый), Дементьи, Григорьи (=ей, какъ въ Перхурей), черьмховъй (116).

Спрашивается, почему мнѣ иначе судить о написаніи берьг*о* (XIII в.) а иначе о Яков*о* (XV в.)?

Приведенныя здѣсь данныя, по моему мнѣнію, свидѣтельствуютъ, что древніе глухіе звуки во многихъ случаяхъ были живы еще въ XIV—XV, особенно въ свр. говорахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ на концѣ, въ свр. (спорадически) доходятъ вплоть до нашего времени. Если даже толковать эти данныя согласно съ глубокомысленнымъ принципомъ г. Житецкаго («стоятъ чистыя, мы и читаемъ ихъ за чистыя»); то всеже для насъ остаются поразительными слѣдующія откровенія, полученныя этимъ ученымъ:

1) «Движеніе звуковъ въ мр. нарѣчіи, *какъ и во всѣхъ славянскихъ* нарѣчіяхъ, началось... *) съ потери глухихъ звуковъ *ъ* и *ь*.. которая.. обнаружилась еще на почвѣ праязыка Русскаго... въ прадавнюю эпоху» (№ 3, 251). Къ такимъ признакамъ «общимъ *всѣмъ говорамъ* Русск. праязыка», **) какъ полногласіе, г. Житецкій

---

*) Вѣроятно тутъ неточность, ибо чтоже дѣлали звуки до того времени, если они недвигались, и откуда въ такомъ случаѣ взялся самъ праязыкъ Русскій?

**) Авторъ придаетъ большее значеніе мысли (по моему, неимѣющей никакой цѣны), повторяемой имъ на разные лады въ 8-хъ (и болѣе) мѣстахъ, что «не формeнное однообразіе составляло характеристическую особенность праязыка Русскаго, а та широкая полнота звуковъ и формъ, которая вмѣщала въ себѣ *всѣ* діалектическія разновидности» 2, 192. Это нѣсколько напоминаетъ К. Аксакова: «сущность, духъ, разумъ Русск. языка—свобода» (Соч. К. Акс. II, IX).

находитъ нужнымъ «прибавить еще одну особенность Русск. праязыка, безъ которой немыслимо самое существованіе его, именно—паденіе глухихъ гласныхъ, тотъ знаменательный въ исторіи слав. нарѣчій моментъ, съ котораго началось отдѣленіе ихъ отъ праязыка Славянскаго и который выразительными чертами отмѣченъ уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ древнеславянскаго нарѣчія» (№ 8, 610).

Кромѣ другихъ данныхъ, которыя я считаю нужнымъ объяснять иначе (напр. описка «*Богомъ*» въ Ост. Ев. 180,[a]), г. Житецкій опирается еще на слѣдующія:

а) Вѣроятно, заключая отъ бѣглой гласной въ вр. лед—льду, г. Житецкій видитъ *е* вм. *ь* въ записи Глѣба на Тмуторок. кампѣ 1068: «по леду» (3, 257). Туже ошибку сдѣлалъ я (Два изслѣд. 94) и Колосовъ (Оч. 59); но *е* здѣсь общеславянское. Въ тойже записи два случая правильнаго *ъ*: от(ъ) Тъмутороканя до Кърчева».

б) О заключеніи отъ *краи* см. выше (стр. 43).

в) «Надстрочное изображеніе глухихъ гласныхъ всегда» (въ XI, какъ и въ XVI в.) «означало ихъ отсутствіе въ смыслѣ звуковъ, ниспаденіе звуковъ на степень простаго знака этимологическаго» (№ 3, 259).— Нѣтъ, въ этомъ отношеніи есть разница между столѣтіями. Если напр. въ Остр. Ев. *ъ* есть изображеніе звука въ тълъцѣте, то и ˢ тоже въ тълˢкжщууму.

г) «Встрѣчая въ самыхъ древнихъ памятникахъ отсутствіе *ъ*, *ь* въ предлогахъ и въ предложныхъ словахъ, мы имѣемъ право заключать, что уже очень рано началось паденіе ихъ и въ срединѣ словъ ... Да иначе и быть немогло: звуковыя превращенія въ одной части слова должны были немедлено отразиться на всемъ составѣ его. По мѣрѣ того, какъ конечные глухіе падали, серединные должны были превращаться въ полные гласные: изъ сънъ, дьнь должны были образоваться сон, день» (*ib.* 259—60).

Дѣйствительно, предлоги съ *з* (без, въз, из, раз), являются безъ *ъ*, откуда—формы въ родѣ, и-чрѣва, ицѣлити, раздрушити (объ этомъ Mikl. V. Gr. I, 211—7;

Срезнев. Пам. Русск. пис. 50; Пам. юс. письма 161, 18 и мн. др. См. ib. указатель; Колос. Оч. 66, 81, 107); но отсюда нельзя заключать не только къ потерѣ глухихъ въ случаѣ *търгъ*, но и къ другимъ предлогамъ: отъ, подъ, прѣдъ, надъ, въ, съ, обыкновенно сохраняютъ *ъ* (Mikl. ib. 190—1, Lex. pass.), а *об* хотя и встрѣчается безъ глухаго звука, откуда форма, какъ обетшати, но встрѣчается, именно въ русск. памятникахъ, и съ *ь* (и съ -*и*: *оби*). Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ частнымъ звуковымъ явленіемъ, условленнымъ, быть можетъ, свойствомъ согласной предлога, во всякомъ случаѣ—вовсе нехарактеризующимъ состоянія глухихъ звуковъ вообще.

2) «Начало (эпохи превращенія основныхъ *о* и *е*) совпадаетъ съ паденіемъ глухихъ гласныхъ на концѣ». «Потеря *ъ*, *ь* немедленно должна была отозваться на измѣненіи срединныхъ *о* и *е*.. А такъ какъ глухіе начали исчезать въ доисторическую эпоху, то и *дифтонги на мѣстѣ о, е, появились тогда же*... Признать можно *безспорнымъ*, что *съ дифтонгами вм. о и е Русскій языкъ началъ свое историческое существованіе*» (№ 4, 317). То обстоятельсво, что въ XII—XIII в. двоегласія (т. е. напр. воолъ, вуол=волъ) незамѣтно, «доказываетъ глубокую древность двоегласія, а не его позднее происхожденіе» (6, 611) «Великорусская система стяженныхъ гласныхъ» (т. е. напр. *вол*) выводится изъ подлясскихъ (мр.) дифтонговъ» (ўо, ю́о и уо́, юо́? или только *оо*, *ёо?*), которые «*древнѣе нарѣчій* вр. и мр.» (ib. 612) и «относятся къ праязыку» (ib.). «Характеристическій тонъ русск. правокализма» состоитъ въ «двоегласіи и полногласіи», «въ своеобразной полнотѣ гласныхъ элементовъ», которая появилась въ замѣнъ древней полноты, обусловленной присутствіемъ глухихъ гласныхъ» (ib. 613).

По моему мнѣнію, нѣтъ никакой пользы въ подобной характеристикѣ всего вокализма одною чертою; нѣтъ никакихъ основаній распространять свойство мр. языка не весь Русскій, а тѣмъ менѣе на всѣ славянскіе. Я

остаюсь при своемъ мнѣніи, что то удлинненіе, которое я не совсѣмъ удачно назвалъ вліяніемъ слав. позиціи, появилось въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ независимо и въ разное время (Два изслѣд. 108). Изъ того, что, какъ я выше старался доказать, въ свр. конечное ъ частью вовсе непотеряно, частью потеряно поздно, слѣдуетъ, что удлинненіе гласныхъ *воол* (откуда вуôл, вўол, вул и пр.) неможетъ быть даже общерусскимъ, а не то что общеславянскимъ явленіемъ. Изъ того, что ювр. относительно потери конечныхъ еровъ сходно съ мр., неслѣдуетъ, что форма какъ *воол* (а тѣмъ менѣе вуол) была и въ ювр.: удлинненіе срединной гласной при превращеніи двухъ прямыхъ слоговъ (во-лъ) въ одинъ средній можетъ быть признано лишь a posteriori. A priori это удлинненіе также ненеобходимо, какъ и превращеніе глухого звука въ среднемъ слогѣ въ чистый: ср. напр. болгар. *сън*, *зъл*, или серб. не только *трг*, но и *тр̈к* (съ болѣе тяжкимъ удареніемъ на краткомъ глухомъ звукѣ, несмотря на потерю конечнаго ъ). Стало быть, почему же въ ювр. и послѣ потери *ь* немогло остаться краткаго *о* напр. въ конь (серб. кȍњ, род. кòња=русс. коня́)? Кто хочетъ доказать противное, тоже долженъ не высасывать это изъ пальца, а показать въ ювр. столь-же явственные слѣды удлинненія, какъ тѣ, которые намъ извѣстны въ мр. куонь и т. п.

Въ Замѣт. о Мр. нар., 12—13, я говорю, что случаи, какъ мр. *тривати*, «суть не самостоятельныя отклоненія отъ общерусскаго правила, по коему (на мѣстѣ глухихъ звуковъ) должно бы быть *о* или *е*... (тровати или тревати), и лишь *приспособленія* польскихъ словъ къ малорусскому произношенію». Переходя за тѣмъ къ другому отклоненію отъ Русск. правила, къ тервати, тръвати, къ̑вавый (такъ изображаютъ эти слова галицкіе ученые, на отвѣтственности которыхъ лежитъ здѣсь и различіе *ъ* и *ъ*), я говорю: «несомнѣнно, что въ этихъ говорахъ (между прочимъ у Бойковъ и Лемковъ) глу-

хой звукъ и *е*... не составляютъ правила, а суть скорѣе исключенія и, какъ такія, легко могутъ быть заимствованіями (,) или (=то есть) туземными приспособленіями не русск. произношенія» ib. 14. Передъ *или* пропущена запятая, а въ *нерусскаго не* напечатано раздѣльно. Эти опечатки дали поводъ г. Житецкому утверждать будто я считаю здѣсь глухіе гласныя «*или* заимствованіями, *или* туземными приспособленіями нерусскаго *происхожденія*». Послѣднее вѣроятно опечатка. «Но, возражаетъ г. Житецкій, Карпатскимъ Русинамъ не отъ кого было заимствовать глухихъ гласныхъ, если только они дѣйствительно существуютъ въ ихъ говорѣ, да еще съ тонкимъ различіемъ ъ отъ ь. Гораздо вѣроятнѣе въ самомъ дѣлѣ. что они явились плодомъ приспособленія мѣстнаго говора къ нарѣчіямъ словацкому и польскому» (№ 3, 251). Если было приспособленіе, то, тѣмъ самымъ, было и заимствованіе. Послѣдняго безъ перваго и небываетъ.

«Въ Волынскихъ памятникахъ XVI в.; говоритъ г. Житецкій, Потебня нашелъ два слова (чернъгородци и гридуню) на основаніи которыхъ предполагаетъ, что ъ *въ то время еще слышалось*; но изъ его словъ неясно, слышился ли ъ, какъ звукъ чистый, или же какъ глухой. По нашему мнѣнію, букву *у* никакъ нельзя прочесть глухимъ звукомъ, а ъ нетолько въ XVI в., но и гораздо раньше имѣлъ значеніе чистаго гласнаго» (№ 3, 255). Но изъ моихъ словъ (Два изслѣд. 93) видно, что я вовсе неутверждаю, будьто ъ *вообще* въ то время слышалось. Я говорю только о частныхъ случаяхъ, въ томъ убѣжденіи, что только специялизація вопроса ведетъ къ правильному его рѣшенію. Если человѣкъ въ XVI в. пишетъ ъ вм. *о* въ чернъгородци, то, значитъ, въ немъ сохранилась смутная память близости ъ и *о*. Если онъ пишетъ *гридуню*, то значитъ, слово это казалось ему трехсложнымъ; но чистаго *у* въ дѣйствительности здѣсь никогда небыло: слѣдовательно буква *у*

изображала здѣсь глухой звукъ, именно ъ изъ ь, ибо само ь такъ бы выражено быть немогло. Эта черта однородна съ упомянутыми выше ювр. спорадическими случаями, какъ жйм*ыш*и=основ. живъши.

Въ своемъ соч. Зам. о Мр. пар. 11—2 говорю: «безъ сомнѣнія, во всѣхъ русскихъ говорахъ глухіе звуки прежде всего стали исчезать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, въ нынѣшнемъ языкѣ они вовсе непроизносятся; дольше они удерживались тамъ, гдѣ нынѣ они замѣняются чистыми *о* и *е*. Если принять, на основаніи волынскаго сп. Ефрема Сирина, что въ южн. русс. глухіе звуки слышались еще въ XIII вѣкѣ въ такихъ случаяхъ, какъ бъдѣти, лукавество, то вмѣстѣ съ тѣмъ нужно будетъ принять и то, что въ случаяхъ, какъ търгъ, вълкъ, сънъ, дьржати, льнь, они *внутри словъ* слышны были и въ болѣе позднее время, *приблизительно* до полов. XIV вѣка». Между тѣмъ *о конечныхъ* глухихъ у меня сказано (ib. 14), что въ юж.-вр. и мр. въ отличіе отъ сѣв.-вр. они могли быть потеряны еще въ XII в. или раньше». Послѣднее положеніе, какъ увидимъ, нуждается въ поправкѣ.

Теперь, первые слѣды *качественной* замѣны *основныхъ о*, *е* въ Мр. относятся къ концу XIV вѣка. *Количественныя* замѣны, предполагаемыя этими качественными (напр. *коонь*), должны были появиться раньше. Каково было отношеніе этого явленія къ глухимъ и ихъ замѣнамъ? A priori возможно двоякое предположеніе: а) въ тоже время, какъ появилась форма коон′ (*н* небное), возникло и чистое *о* изъ ъ въ сон, такъ что разница между срединными звуками этихъ словъ была только количественная; б) во время возникновенія долгаго *о* въ *коон′*, ъ внутри словъ, какъ *сън*, еще удерживалось и разница между ō=основ. *о* и ъ была вмѣстѣ и качественная. Перваго предположенія держится г. Житецкій (№ 4, 307); я-же на основаніи вышеприведеннаго мнѣ-

нія о существованіи глухихъ звуковъ внутри словъ въ мр XIII—XIV в. счелъ себя въ правѣ допустить только второе предположеніе и сказалъ: «въ то время какъ началось спеціяльно-малорусское измѣненіе основныхъ *о*, *е*, глухіе звуки внутри словъ, какъ *сънъ*, еще существовали» (Зам. 12), а «если бы въ то время, какъ началось удлинненіе *о*, *е* въ среднемъ слогѣ, глухіе звуки (т. е. внутренніе) въ мр. *уже* замѣнились чистыми», то они были бы вовлечены въ тотъ же процессъ удлинненія и «мы имѣли бы теперь мр. форму суон—сону, сін—сону, а не сон—сону, сну, сна» (ib. 35—6). Другими словами: такое отождествленіе *о*, *е* происшедшихъ изъ *ъ*, *ь*, съ *о*, *е* основными имѣло бы мѣсто, если бы удлинненіе основныхъ *о*, *е*, застало уже въ языкѣ *о*, *о* изъ *ъ*, *ь*.

На это г. Житецкій возражаетъ мнѣ, что съ допущеніемъ предположенія о существованіи глухихъ одновременно съ *оо* и пр.=основ. *о*, устраняется причина того, что основное *о*, *е* путемъ дифтонговъ перешло въ *і* (№ 4, 307). *) Это на первый взглядъ кажется вѣрнымъ, ибо, допустивши существованіе *ъ* въ срединѣ слова *сън*, казалось бы, мы должны бы признать такую форму ошибочною, въ силу того, что удержаніе *ъ* въ срединѣ предполагаетъ *ъ* на концѣ: *съ-нъ*. Но форма *съ-нъ* неможетъ существовать одновременно съ *коон́*, а присутствіе конечнаго глухого звука въ *коо нь* находилось бы въ противорѣчіи съ удлинненіемъ *о* въ этомъ словѣ. Стало быть, остается одно: одновременно съ потерею конечныхъ глухихъ средніе чистые удлиннились. Какъ гармонируютъ съ собою древнія формы *ко-нь*, *съ-нъ*, такъ и новыя *коон́*, *сон*.

Тѣмъ неменѣе я нахожу возможнымъ сказать нѣ-

---

*) Этотъ упрекъ съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесенъ къ моимъ словамъ, что «долгота въ *моой* есть, вѣроятно, явленіе *болѣе позднее*, чѣмъ утрата конечныхъ глухихъ» (въ настоящемъ моемъ соч. стр. 125). Эти слова прошу считать за обмолвку.

что въ пользу возможности одновременнаго существованія въ мр. среднихъ глухихъ (сън) и удлинненія чистыхъ.

Мы говоримъ о превращеніи двухъ прямыхъ слоговъ въ одинъ (напр. съ-нъ въ сон), о замѣнѣ глухихъ чистыми, объ удлинненіи чистыхъ гласныхъ такъ, какъ будьто бы каждое изъ этихъ явленій совершилось вдругъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ каждое изъ этихъ явленій было длинный процессъ. Предполагаю, что въ моментъ, который можно принять за исходный, оба ъ въ *съ-нъ* были одинаковы. Потомъ началось ихъ различеніе: первое пошло по направленію къ чистому *о*, второе—къ уничтоженію. До полнаго уничтоженія однако дѣло недошло и теперь, если взять во вниманіе, что свойственное многимъ мр. говорамъ удержаніе *л* въ *дíл* и т. п. (между тѣмъ какъ *л* въ прич. на *лъ* переходитъ въ *в* или *у* несоставляющее слога) и сохраненіе разницы между конечными звучными и отзвучными (*біб* и *піп*) невозможно безъ сохраненія нѣкотораго остатка глухого звука (Ср. Два изслѣд. 132—4). Два-три столѣтія тому назадъ этотъ остатокъ былъ, конечно, гораздо значительнѣе; слова какъ *сон* были тогда близки къ двухсложности, а между тѣмъ *о* изъ ъ въ нихъ уже существовало. Согласно съ этимъ можно думать, что какъ замѣна глухихъ чистыми, такъ и удлинненіе чистыхъ въ среднихъ слогахъ суть вознагражденія не за потерю, а лишь за ослабленіе конечныхъ глухихъ. Означая ступень паденія глухихъ, среднюю между нынѣшнею и древнею, посредствомъ значка ʼ, я представляю себѣ такую постепенность формъ: 1) ко-нь, съ-нъ; 2) ко́нʼ, соънʼ (т. е. ō еще далеко отъ двухъ явственныхъ *оо*, близкихъ къ дифференцированью въ *уо*, а ъ еще отличимо отъ *о*); 3) коо́н, сон.—Мнѣ кажется, что Польскій языкъ даетъ основаніе думать, что въ одномъ и томъ же нарѣчіи, въ одно и тоже время конечные глухіе звуки могутъ быть разной силы, смотря потому, какова предшествующая согласная. Фактъ въ томъ, что въ поль. литературн. (кромѣ исключеній) въ среднихъ сло-

гахъ передъ звучными стоитъ ó (изъ *oo*, *ўo*), а передъ отзвучными ŏ: bób и pop, chód и kot, bóg и bok, wóz и kos и пр. Объясненіе, которое кажется мнѣ умѣстнымъ (быть можетъ предложенное кѣмъ либо и раньше меня), состоитъ въ томъ, что конечный глухой звукъ долѣе удерживался здѣсь послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ, требовавшихъ большаго напряженія дыханія), чѣмъ послѣ звучныхъ, почему передъ послѣдними появилось удлинненіе основнаго *о* (и основного *е*, изъ коего—é) въ то время, какъ передъ первыми нѣтъ.

Г-ну Житецкому «*извѣстно*, что основное *о*, *е* образовалось нѣкогда изъ простѣйшихъ элементовъ: а+i =е, а+у=о; слѣдовательно, по своему образованію, *о* и *е*, въ отличіе отъ *а*, *і*, принадлежатъ къ разряду дифтонговъ» (№ 4, 307—8). Это мнѣніе дѣйствительно извѣстно (ср. Hatt. Sr. Ml. 112), но какъ ошибочное. Г. Житецкій (ib. 310) принялъ слова Шлейхера (Comp. § 5), сказанныя объ образованіи скр. ô, ê изъ *ау*, *аі* за равноотносящіяся и къ слав. *о*, *е*; но изъ *аі* въ слав. можетъ выйти только *ѣ*, *и*, изъ *ау*—только *ов* и *у*, между тѣмъ какъ слав. *е*, *о*, по правилу, непосредственно примыкаютъ къ основному *а*. На такомъ основаніи г. Житецкій строитъ дальше: «*исконная* (!) долгота *о* и *е* съ теченіемъ времени утратилась во многихъ языкахъ, между прочимъ въ древнеславянскомъ, гдѣ гласный элементъ въ концѣ словъ ослаблялъ необходимость долгихъ гласныхъ въ серединѣ словъ» (ib.). Это значитъ, напр. въ *домъ о* кратко потому, что на концѣ гласный звукъ *ъ*, а нѣкогда было долго, потому что по предположенію г. Житецкаго возникло изъ *даум*. На самомъ же дѣлѣ гласное окончаніе слова *домъ* неимѣетъ никакого отношенія къ предполагаемой краткости коренной гласной, которой соотвѣтствуетъ ă: скр. *дăм-áс*, греч. δόμος, латин. dŏmus. Все это нужно г. Житецкому лишь какъ фундаментъ для (ошибочнаго) положенія, что мр. *і* въ *кінь* есть возстановленіе первоначальной долготы *о*.

Въ Королевскомъ разнорѣчіи (Гродн. г. Бѣлост. у.) замѣчены формы коонь, воол. Можетъ быть, говоритъ г. Житецкій, первоначально изъ *оо* образовался дифтонгъ *оу*, соотвѣтственно съ древнеславянскимъ начертаніемъ его; затѣмъ произошла *обычная* (!) въ этихъ случаяхъ перестановка гласныхъ (Hatt. Sr. Ml. 118). Чешск. ů изъ оу образовалось именно посредствомъ этой перестановки: здѣсь uо вм. долгаго ó въ срединѣ словъ появилось въ послѣдней четверти XIV в., но въ устахъ народа существовало, конечно, несравненно раньше» (№ 4, 310—11). Но вѣдь церк.-слав. *оу* (Греч. ου) нетолько изображаетъ звукъ *у* (въ чемъ, пожалуй нѣкоторые сомнѣваются, читая оу, какъ написано), но и этимологически связано съ *у*, неимѣя отношенія къ слав. *о*. Обычность перестановки есть чистая выдумка, поводомъ къ которой служитъ развѣ предполагаемая перестановка въ *квас*. Чешск. ů возникло изъ uо безъ всякой перестановки. Если проф. Гаттала (l. c.) думаетъ, что это удлинненіе (uо изъ *ó* есть возвращеніе къ первоначальному ау, отъ коего будьто бы пошло *о*; то это падаетъ вмѣстѣ съ утвержденіемъ, что слав. *о* происходитъ изъ ау.

Что я стараюсь объяснить мр. *і* изъ *о*, *е* не однимъ вліяніемъ средняго слога (resp. компенсаціи), но также и долготою (б. м. относительно новаго происхожденія) въ прямомъ слогѣ, объ этомъ въ моихъ соч. Два изсл. 99, 102, 109, Зам. о Мр. нар. 34—5. Говоря объ этомъ (№ 4, 308—9) г. Житецкій приравниваетъ мр. літати къ слав. летѣти (а не къ *лѣтати*, какъ бы слѣдовало; быть можетъ, г. Житецкій, основываясь на нынѣшнемъ правописаніи, побоялся написать *лѣтати* черезъ ѣ), а мр. замітати сравниваетъ съ слав. заметати (слѣдуетъ: замѣтати). Г. Житецкій невидитъ, что въ обоихъ случаяхъ, и въ мр., и въ ст.-слав. стоитъ *ѣ*, что, стало быть, примѣры эти неимѣютъ отношенія къ измѣненію *е* въ *і* по малорусскому способу (сім—семи), но относятся къ случаямъ, какъ віра=вѣра.

Подобнымъ образомъ г. Житецкому неизвѣстно, что въ празднуимъ, разумѣимъ (I л. мн. повел.) вовсе не *е* переходитъ въ *и*, а *ѣ*; равно и въ твор ед. зноимь *и*—не изъ *е*, а изъ jь (№ 4, 419).

V.

Глухіе звуки ъ и ь при плавныхъ р, л между двумя другими согласными.

Вопросъ о мѣстѣ глухихъ при плавныхъ г. Колосовъ считаетъ существеннымъ въ исторіи Русскаго языка. Онъ держится того взгляда, что въ словахъ *търгъ*, *вълкъ* и т. п. гласная есть не *р*, *л*, а *ъ*, что̀ и мнѣ кажется несомнѣннымъ. Приводя мое мнѣніе (Два изслѣд., 138), что особенность древняго русскаго по отношенію къ старо-славянскому состоитъ въ постановкѣ *ъ*, *ь* передъ плавными въ большинствѣ случаевъ, г. Колосовъ спрашиваетъ, о какихъ исключеніяхъ здѣсь рѣчь: о тѣхъ ли, кои принадлежатъ самому языку, или о тѣхъ, которыя суть лишь слѣдствіе неустановившагося правописанія, и рѣшаетъ вопросъ въ мою пользу (Оч., 23). Дѣйствительно, я неставилъ въ число особенностей языка малограмотности писцовъ. Впрочемъ, я недавалъ повода къ самому вопросу, потому что то меньшинство случаевъ, въ которомъ *ъ* и *ь* стоятъ въ древнемъ русскомъ послѣ плавныхъ, было указано мною въ томъ же сочиненіи (Два изслѣд., 34). Въ числѣ приведенныхъ тамъ словъ есть и пять изъ тѣхъ семи, которыя приводитъ г. Колосовъ на стр. 26.

Нѣнѣшнія русскія нарѣчія почти единогласно предполагаютъ въ однихъ словахъ глухой звукъ передъ плавною, въ другихъ—послѣ нея. Для сравненія съ этимъ я бралъ старо-славянскій языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно встрѣчается въ памятникахъ, и какъ его понимаетъ Миклошичъ, который по написанію недѣлаетъ разницы между *плъкъ*=русск. *полкъ*, и *плъть*, =русск. *плоть*. Указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что

гдѣ въ русскомъ замѣна ъ, ь — послѣ плавной, тамъ въ польскомъ она большею частію или стоитъ на томъ же мѣстѣ, или выпускается; я тѣмъ самымъ признавалъ, что это свойство не исключительно русское. Только выводы изъ этого представляются мнѣ теперь нѣсколько иные, чѣмъ прежде.

I. *Глухіе послѣ плавныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ бръвь* и проч. Г Дювернуа (Система основн. элементовъ и формъ слав. нарѣчій) выставляетъ слѣдующее положеніе: «Славянское полугласіе находится въ тѣсной зависимости отъ кириловскаго преданія. Степенью точности въ воспроизведеніи кирилловскихъ элементовъ ъ, ь легко измѣряется древняя литературная связь славянскихъ племенъ съ проповѣдью и ученіемъ блаженныхъ первоучителей слав.» (положеніе 7-е). Подробнѣе, хотя не убѣдительнѣе, сказано объ этомъ тамъ же на стр. 87—88: «Для древней области Славянъ верхнепаннонскихъ чешско-моравское нарѣчіе есть на столько же вѣрное хранилище кириловскаго преданія, на сколько словинское нарѣчіе для области Славянъ нижнепаннонскихъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ чешской письменности кириловскіе полугласные элементы имѣютъ замѣны.... въ гласной *е*, которая.... постоянно сопровождаетъ произношеніе гласныхъ элементовъ r, l и образуетъ изъ нихъ отдѣльный, независимый отъ предшествующаго, слогъ, и именно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ современное нарѣчіе чешско-моравское несопровождаетъ ничѣмъ гласные элементы, сами по себѣ слога несоставляющіе *).

*) Какъ понять, что такъ-называемый авторомъ гласный элементъ несоставляетъ слога, напримѣръ, въ vlk? Что же тутъ составляетъ слогъ, если не l? Чтобы имѣть право думать, что l несоставляетъ здѣсь слога, нужно считать его согласнымъ звукомъ, сопровождаемымъ или предшествуемымъ глухимъ гласнымъ, хотя бы и малозамѣтнымъ. Или авторъ хочетъ сказать, что въ чешскомъ *р* въ началѣ слова несоставляетъ слога, между тѣмъ какъ въ сербскомъ оно можетъ его составлять (по нашему—потому, что имѣетъ при себѣ глухой гласный звукъ), напримѣръ, въ словѣ: р-вати?

Таковы, напримѣръ, реченія Суда Любушина и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ чешско-моравскаго нарѣчія, первоначертанныя руками латинскихъ клериковъ по слѣдамъ свѣжаго преданія кириллицы: plezne, pleki, bred, prevencu, dlesno *). Эго начертаніе» (а выше говорилось о произношеніи e при r, l), «зависящее вполнѣ и безраздѣльно отъ кириловскаго преданія, такъ укоренилось въ правописаніи, что ясные его слѣды остаются на памятникахъ гораздо позднѣйшаго времени. Такъ въ глоссахъ «Mater verborum» 1202 года встрѣчаемъ: plet (rates), trest (arundo), drebne (riget). Кромѣ того, находимъ и понынѣ въ чешскомъ лексиконѣ нѣсколько такихъ кириловскихъ реченій, унаслѣдованныхъ изъ глубины среднихъ вѣковъ: krev (вмѣсто krv). Тѣмъ яснѣе это заимствованіе изъ кирилицы, что нарѣчіе чешское въ тѣхъ случаяхъ, когда гласные элементы r, l имѣютъ благозвучную потребность превратиться въ согласные, примѣняютъ для ея удовлетворенія свое, специфически свойственное средство,—гласную *u*: slunce, chlum и т. п.». Выходитъ, какъ будто и при r примѣняется тоже средство.

Если и допустить вмѣстѣ съ Шафарикомъ и Палацкимъ (Die ältest. denkmäler der Böhm. sprache), что въ Судѣ Любуши и отрывкѣ глоссъ къ Евангелію отъ Іоанна, относимыхъ къ одному времени, написаніе le между двумя согласными есть лишь подражаніе старославянскому правописанію (plezne, wletauo, pleki, hlemca; dlesno, mleui, naplenila sę, pleti; creconosi, bred, preuencu; mretuich, zreno, oturedi, zredce, neuimreglisę), то это подражаніе окажется далеко не вѣковѣчнымъ, ибо невидно возможности отнести къ нему изображеніе глухаго звука посредствомъ *i* передъ l, r въ глоссахъ Вацерада: dilh, pilst, birdo, birui и пр. Я немогу согласиться съ г. Гейтлеромъ (Fonologie, § 38), что въ этихъ случаяхъ ir, il звучало именно какъ *ьр*, *ъл*, и изъ

*) И тутъ же подъ рядъ примѣры безъ l, r: kegdi, okence, deski. О чемъ же рѣчь?

тождества написанія словъ, какъ sirtwa (=*жьртва*) и tirh (=*търгъ*), вывожу, что разница между *ь* и *ъ* здѣсь несказывается, что *і* выражаетъ здѣсь глухой звукъ вообще. Когда Вацерадъ въ нѣсколькихъ словахъ, имѣющихъ въ ст.-слав *ъ* при *р*, *л* между согласными, пишетъ не такъ, какъ выше, то и въ этомъ немогу усмотрѣть кирилловскаго вліянія, а вижу частію слѣдствіе неопредѣленности произношенія (wlichuec при wilchuec, slich=злъчь), частью совершенно опредѣленныя звуковыя явленія, именно: а) появленіе lu на мѣстѣ *ъл*: slunek (člunek, navis), umluua, slutek (žlutek), и б) появленіе чистаго *е* на мѣстѣ глухаго звука *послѣ р*, *л*: drebnu (нынѣ dřebnu), trest, plet (rates). Что re, le въ этихъ послѣднихъ словахъ есть не какая-либо случайность, которую можно было бы объяснить литературнымъ вліяніемъ, а явленіе, вытекающее изъ большей глубины языка, это видно не столько изъ самаго Чешскаго языка, сколько изъ его сравненія съ Русскимъ, Польскимъ и Лужицкимъ.

Въ большей части случаевъ, гдѣ въ русскомъ *о*, *е* вмѣсто *ъ*, *ь*—*передъ* плавными между двумя согласными, тамъ замѣны глухихъ на томъ же мѣстѣ въ польскомъ (кромѣ случаевъ łu, ło, о чемъ скажемъ ниже) и лужицкихъ; тамъ глухіе при r, отчасти и при l, остаются въ чешскомъ *) (кромѣ случаевъ lu и нѣкоторыхъ другихъ). Напротивъ, гдѣ *о*, *е* вм. *ъ*, *ь*—*послѣ* плавныхъ въ русскомъ, тамъ въ польскомъ и лужицкихъ—или замѣна глухого звука на томъ же мѣстѣ, или его опущеніе; иногда тоже и въ чешскомъ, хотя и съ меньшею правильностію, такъ какъ и въ этомъ случаѣ глухой звукъ въ чешскомъ можетъ оставаться.

а) *рв*: русск. *бръвь*—бровь, польск. brew', род. brwi (одинъ слогъ), полаб. мн. ч. brawoj, по Шлейхеру brâvai и brâvâi, но въ чешск. brv'.

дръжь, *дръжати*—дрожь, дрожать, польск. drež и

---

*) или, если угодно такъ выразиться, тамъ r, l имѣютъ гласное произношеніе въ чешскомъ.

dreszcz, -u, dreść, -i, drżać (одинъ слогъ) и drgać, drgnąć (1 слогъ), в.-луж. ržeć (1 слогъ), н. луж. dźaś.

дръва — дрова, польск. drwa (1 слогъ), drewno (то-есть, дръвьно; несмѣшивать съ drzewo=дрѣво—дерево), drewniany, н.-луж. drejany=польск. drewniany, полаб. drava, drova, по Шлейхеру dråva (дрова), но чеш. drvo (2 слога).

кръшити—крошить, польск. krszyć; *кръха*—кроха. польск. krszyna (2 слога), krzta (1 сл.=кръхъта? мр. крихта), krztyna (2 слога); *кро*хкій (кръх—), въ чешск. съ е послѣ r: křechký (пишутъ křehký).

кръвь — кровь, кровавый, польск. krew, род. krwi (1 слогъ), krwawy (2 слога), н.-луж. krej, kšej, kšew, kšawy, kšawiś, krawnik, kšawnik (=польск. krwawnik, achillea millefolium), в.-луж. krej, krew, krwawy (2 слога). Въ чешск. krev согласно относительно замѣны ъ съ русск., польск. и луж., но krvi, krve (род.), съ сохраненіемъ глухого звука, двусложно. Полабск. karoi, kroi, по Шлейхеру kåråi, есть, быть можетъ, форма, буквально равная не основной формѣ кры (Schleicher, Polab. Spr., 240), а формѣ *кръвь*, луж. krej.

тръсть—трость, тростина, чешск. trest (чистая гласная, замѣняющая глухую, стоитъ послѣ р), třtí (=тръстиѥ), съ опущеніемъ глухого, какъ въ польскомъ и лужицкомъ: польск. trzćia (старин., одинъ слогъ), trzćina, в.-луж. třćinina (3 сл.), н.-луж. śćina.

тргст-, русск. *трощить* сродно съ предыдущимъ. Ср. польск. treść, род., съ удержаніемъ чистой замѣны ера, treśći (хотя можно бы ожидать trzći), собственно выжатый сокъ, откуда—содержаніе, извлеченіе, смыслъ, сущность, чешск. tresť, род. tresti. Къ той же основной формѣ относительнаго корня (тръст) принадлежитъ польск. trestkać, trestać, чешск trestati, наказывать.

кртъ—кротъ, польск. kret—род. kreta, н.-луж. kšet, но чешск. krt (съ глухимъ звукомъ).

Въ русскомъ къ такимъ словамъ съ основнымъ *ръ* принадлежатъ, между прочимъ, мал.-русск. *бро*сть, род. -сти, сербск. брет., и вел.-русск. *кострома*, въ коемъ

происхожденіе втораго *о* изъ *ъ* подтверждается чешск. kostrbatý, косматый. *Ъ* въ этомъ словѣ относится къ *у* въ мал. русск. *коструб*, *кострубонько* (миѳологическое лицо Кострома), *кострубатий* (косматый), какъ *кръх*- къ *крух*, *крушить*?

б) *рь*: *крьстъ*, крестъ, -ить, польск. chrzest, род. chrztu (крещеніе), chrzćić, в. луж. chćić, kću, нижнелуж. kšćiś, kšćony, чешск. krest, krtu (одинъ слогъ). Сюда жь относится и польск. krzczyca, выя, затылокъ, волосы (какъ падающіе по плечамъ?), колтунъ, нижнелуж. kšica, крестецъ. Что до полабскаго wakarst, wakorst, по Шлейхеру vàkàrst, окрестъ, то здѣсь гласная +р есть позднѣйшая перестановка изъ р+гласная.

хрьбьтъ, хребетъ, польск. chrzept (стар.) и grzbiet (1 слогъ), н.-луж. kšebiat, chrebiat, в.-луж. khribiet, khriebiet, полабск. gribiat, чешск. hřbet (1 слогъ).

грьмѣти, гремѣть, польск. grzmieć (1 слогъ), чеш. hřmeti (2 слога). Хотя *і* въ н.-луж. se grimaś, se grimotaś, в.-луж. so hrima, hrimot, hrimanje, не есть діалектическая замѣна глухого звука, а равносильно съ *і* (*и*) въ мал.-русск. грімати, съ *и* въ—бирать и т. п., но оно указываетъ на мѣсто, гдѣ стоялъ глухой звукъ въ болѣе первообразной формѣ. Полабск. grame, по Шлейхеру grâmî, гремитъ.

скрьжьтъ—скрежетъ, скрежетать, польск. съ опущеніемъ перваго глухого zgrzytać, чешск. křehot.

Польск. trzmić предполагаетъ не *ъ*=русск. *о* (мал.-русск. строміти), а *ь*=*е* (стрьмѣти); въ чешскомъ удержанъ глухой звукъ: strmeti; ср. однако střmiti, třmiti po čem—сильно желать.

Русск. стринадка, птичка изъ рода синицъ (Даль), вѣроятно правильнѣе *стренадка*, польск. trznadel, н.-луж. tšnarl, šnarl, в.-луж. sknadź, но чешск. strnad (2 слога).

дрьст- (въ нынѣшнемъ русск. только производная форма *дристать*), польск. trznąć (то-есть, дрьстнѫти).

Хотя въ русскомъ обыкновенно *стержень* (то-есть, стьржьнь, съ *ь* передъ р), но мал.-русск. *стрижень* и

вел.-русск. *стрежа*, *стрежь*, *стрежень* указывают на возможную форму *стрѣжьнь*, которая подтверждается опущеніемъ глухаго звука въ польск. zdrzeń, drzeń, rdzeń, н.-луж. dźeń.

При нѣсколькихъ польскихъ словахъ, въ коихъ, по видимому, опущенъ глухой звукъ послѣ *р*, стоятъ русскія съ *е* основнымъ, а не изъ *ь* послѣ *р*: brnać (брести), и вѣроятно, относящееся сюда ubrdać sobie (uroić sobie, ср. бредить)—изъ *брьд*, при чемъ *ь* опущено еще въ то время, когда р (r) въ польскомъ еще неассибилировалось; въ старо-русскихъ памятникахъ, впрочемъ, встрѣчается *брьсти*, *брибрьде*; въ польскомъ brnac глухой звукъ послѣ *р*, потомъ утраченный, могъ возникнуть подъ вліяніемъ характера $\frac{\text{не}}{\text{нж}}$. Польск. drwić—трунить (вѣроятно, изъ *дрьв*, какъ выше), при в.-р. *древить* сердце, раздражать. Польск. trwać (одинъ слогъ), чешск. trvati (3 слога) и польск. trwonić, расточать имущество—изъ *трьв*, но вовсе не имѣютъ противней въ русскомъ, такъ какъ мал.-русск. *тривати*, ждать, заимствовано, а мал.-русск. *теревені правити*—говорить пустяки, далеко и по смыслу, и по формѣ. Польск. trzpiot, вертопрахъ, изъ трьпетъ съ ассибиляціей *р*, какъ grzmot и пр. При *е* въ русск. и ст.-сл. трепетъ, чешск. třepetati, н.-луж. tšepetaś. Польск. trzmiel—шмель и trzpień—шпень, сюда неотносятся и rz (вмѣсто sz) въ нихъ неможетъ быть оправдано.

в) *лъ*: *блъха*—блоха, польск. pchła (перестановка формы błcha, одинъ слогъ), płeszka, чешск blecha (но словен. blcha), в.-луж. pka, bka, н.-луж. pcha (изъ błcha) полабск. по Шлейхеру blácha.

глът—глотать, глонуть, польск. pochłonąć, по чеш. съ удержаніемъ глухаго звука pohltnouti.

яблъко, яблоко, польск. jabłko (2 слога), jabko, чешск. jablko (2 слога?), полабск. jobki, по Шлейхеру jobkü (*і* изъ *о*). Въ луж. jabłuko *и*, можетъ-быть, столь же поздне, хотя и не такого происхожденія, какъ и

мал.-русск. *у* изъ *о* въ яблуко. Я думаю, что лужицкая форма изъ jabłko (2 слога).

плтъ, плоть, польск. płeć, род. płći (1 слогъ), чешск. plet', н.-луж. płeś.

Польск. płta, чешск. plt' неимѣетъ соотвѣтствія въ русскомъ, такъ какъ въ *плотъ* *о* врядъ ли изъ *ъ*, а скорѣе тождественно съ польск. *о* въ płot.

г) *лъ*: *блъвати*, *плъвати*, *клъвати*, польск. plwać, klwać (1 слогъ), полаб. по Шлейхеру blåwe (=блъветь).

клъну, откуда клепу и позднѣе кляну, польск. klnę (1 слогъ).

слъза, слеза, польск. łza, род. мн. łez (изъ słdza), н.-луж. słdza, dza, za, полабск. по Шлейхеру sládza, sláza, но въ чешск. slza съ глухимъ звукомъ; в.-луж. selza, sylza, предполагаетъ форму близкую по неопредѣленности гласнаго звука къ чешской и уже черезъ посредство этой восходитъ къ *слъза*. Польская и верхнелужицкая формы твердостью ł какъ будто указываютъ на *ъ*, а не на *ь* послѣ *л* (слъза); однако вѣроятнѣе, что въ этихъ нарѣчіяхъ *л* изъ средняго, какое требовалось слѣдующимъ *ъ*, превратилось по опущеніи *ъ* въ твердое, чѣмъ то, что изъ твердаго (въ предполагаемомъ слъза) оно въ русскомъ языкѣ безъ видимой причины стало среднимъ и нёбнымъ въ слеза, слёзы.

Изъ всего этого вывожу слѣдующее: въ случаяхъ, когда чешская форма, какъ brv, которая одинаково могла возникнуть и изъ *бръвь* и изъ *бъръвь*, недаетъ яснаго указанія на мѣсто глухого звука въ болѣе древнемъ языкѣ, она неуничтожаетъ опредѣленности указаній, получаемыхъ нами отъ нарѣчій русскаго, польскаго, лужицкаго, полабскаго, и непротиворѣчитъ имъ. Когда же и въ чешскомъ находимъ *е*, какъ замѣну глухаго звука послѣ *р*, *л*, или опущеніе этого звука, тогда всѣ названныя нарѣчія единогласно заставляютъ принять основную форму съ *ъ*, *ь*, послѣ *р*, *л*, какъ *блъха*. Вообще, отъ одного какого-либо нарѣчія нельзя заключать о мѣстѣ *ъ*, *ь* при плавныхъ въ болѣе древнемъ языкѣ. Слѣдуетъ смотрѣть какъ на исключеніе на то, что

напр. не смотря на *гр* въ русск. *гъртань*, гортань, въ польск. krtań (1 слогъ) и сродныхъ (krtęczyć, давить за горло, krtunić się, krztusić się, давиться, першить (ср. также grdyka—кадыкъ, grdać, дергать, о дергачѣ), глухой звукъ не замѣненъ, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ (gardło), а опущенъ, какъ еслибъ основная форма была грътань. Тоже въ чешскомъ křtan (1 слогъ) при hrtan, hrtal (2 слога). Исключеніе и то, что въ чешскомъ křeč *е* стоитъ послѣ *р*, несмотря на русск. кърчь, корчи, польск. kurcz.

II. *Глухіе звуки передъ плавными въ такихъ случаяхъ, какъ: вълкъ, търгъ.*

А. выше мы ненашли ни одного случая, въ которомъ русскому сочетанію *лъ=ло* между двумя согласными въ польскомъ и чешскомъ соотвѣтствовало бы łu, lu. Напротивъ, именно русскому сочетанію *ъл* соотвѣтствуетъ польск., чешск. łu, lu.

Въ чешск. lu=*ъл* въ началѣ XIII вѣка уже существовало, но не во всѣхъ словахъ, въ коихъ оно теперь: у Вацерада—dilh, нынѣ dluh. Въ Судѣ Любуши и Глоссахъ на Евангеліе отъ Іоанна этого lu еще нѣтъ, изъ чего можно заключить, что оно появилось позже этихъ памятниковъ (по мнѣнію И. И. Срезневскаго. Судъ Любуши не X, а XI или XII вѣка), но до начала XIII вѣка. Та же относительная новость lu видна и изъ того, что при нынѣшнихъ чешскихъ dluh, dlouhý, slunce, sloup, tlustý, žluč въ ближайшемъ къ чешскому нарѣчіи, словенскомъ—dlh, dlhý, slnce, stlp, zlč, формы, которыя, по вышесказанному, могли бы безразлично предполагать и *ъл*, и *лъ*. Сравненіе чешскаго съ польскимъ и сравненіе этихъ нарѣчій, взятыхъ частью вмѣстѣ, частью порознь, съ лужицкими, полабскимъ и русскимъ также ведетъ къ заключенію о новости łu, lu и о возникновеніи его изъ *ъл*. Такимъ образомъ къ мнѣнію, что напр., въ *блъха* *ъ* послѣ *л* есть черта, предшествующая раздѣленію нарѣчій, прибавляется здѣсь другое, что напр., въ *пълкъ* *ъ* передъ *л* свойственно не одному русскому, но и западнымъ нарѣчіямъ, почему

здѣсь сочетаніе *ъл* слѣдуетъ признать болѣе древнимъ, чѣмъ *лъ*. По видимому, подобнаго мнѣнія былъ и Шлейхеръ, когда говорилъ, что *вълкъ* точнѣе (genauer), чѣмъ *влъкъ* (Polab. Spr. 158). Я неотвергаю того, что послѣдняя форма можетъ быть совершенно правильна для старославянскаго, какъ одного изъ славянскихъ нарѣчій опредѣленнаго времени; но думаю теперь, въ отличіе отъ прежняго своего мнѣнія, что она никогда небыла общеславянскою, и что *вълкъ* древнѣе.

Переходя къ частностямъ, мы видимъ:

а) Русск. *лъ*=*ол*=польск. eł, oł (иногда лужицк. oł, полаб. au)=чеш. l составляющему слогъ, и вообще согласіе между нарѣчіями почти полное:

пълнъ—полнъ, польск. pełny, pełen, в.-луж. połny (powné), но pjelnić, н.-луж. połny, powny, p'ełniś, полаб. paun, poun, по Шлейхеру pâun., чеш. plný.

вълна (lana)=вóлна, польск. wełna, в.-луж. wołma (wowma), н.-луж. wołma (wałma, wawna), полабск. wauno, по Шлейхеру wâuno, чешск. vlna.

вълна (fluctus)=волнá, ст.-польск. wełm, (Пс. Марг.) wełn, wełna, чешск. vlna.

болтать (бълт), *бóлкать*, *болкнуть* (молвить глупое слово), польск. bełk ot и проч.

хол(б)*нуть* (обл.—хълб), колыхнуть, польск. chełbać.

пълсти, ползти, ползать, польск. pełzać, pełznąć (нити—о волосахъ), чешск. plzniti.

колбь (*кълбь*), польск. kiełb'—рыба.

болботать (в. русск. бормотать, болтать пустое), польск. bołbotać (мутить, мѣшать жидкость), чеш. blbati (бормотать, заикаться), blb—дураковатый.

кълтъкъ, м.-русск. ковткй (серги), польск. kołstka.

колтунъ (кълт—), польск. kołtun, слово, которое можетъ, однако, быть и заимствованнымъ изъ русскаго: «gościec, wieszczyce, krzczyce, albo Ruski kołtun» (у Линде).

зълз—?, польск. zołza, родъ конской болѣзни, чирей, н.-луж. załze, zawze, опухшія желѣзы, в.-луж. zawza.

мълния, полабск. màuńa (Schleicher), ст.-чеш. mlń.

б) Русск. *гл=ол*=польск. eł и oł, чешск. lu:

хълмъ—холмъ, польск. chełm, в.-луж. chołm, чеш. chlum.

пълкъ—полкъ, польск. pełk въ Swiętopełk и pułk (вѣроятно, изъ półk), чешск. pluk.

гълкъ—*голкъ*, ст.-польск. giełk, н. польск. zgiełk, чешск. hluk.

колзать, *холзать* (обл.=късз), польск. kiełzać, kiełznąć się, чешск. kluzeti, скользить.

мълвити—молвить, польск. mówić изъ mołwić, в. луж. mołwić, чешск. mluviti.

Польск. *ie* въ kiełb', zgiełk и проч., совершенно равносильно съ *е*=*ъ* и возникло изъ твердаго *е*=*ъ*, какъ въ kiedy, стар. kedy=къ-ды, въ силу наклонности гортанной къ переходу въ гортаннонебную.

Нѣкоторое отклоненіе отъ предыдущихъ представляетъ слово *колбаса* (кълб-), польск. kiełbasa, в.-луж. kowbas, н. луж. kiałbas, kiawbas, но чешск. klobasa.

в) Русск. *гл*=*ол*=польск. ło,=луж. ło и łu,= чешск. lu:

сълньце—солнце, польск. słońce, в.-луж. słońco, swońco, н.-луж. słuńco, słyńco, чешск. slunce, словацк. slnce. Если въ полабскомъ неокажется åu, то это почти единственный случай, въ коемъ русская форма съ *гл*=*ол* стоитъ въ ряду сравниваемыхъ нарѣчій уединенно.

г) Русск. *гл*=*ол*=польск. łu, луж. łu и oł, полаб. åu, чешск. lu.

дългъ—долгъ, польск. dług, н.-луж. dług, dwug, чешск. dluh; но в.-луж. dol, dów (изъ dowh), полабск. daug, по Шлейхеру dåug.

дългъ—долгій, польск. długi, н.-луж. dłujki, dłejki, dwejki, чешск. dlouhý (dlúhý); в.-луж. dołhi, dowhi, полабск. daudja, по Шлейхеру dåug'ý.

дълбсти—долбить, долбать, польск. dłubać, н.-луж. dłypaś, dwypaś (изъ dłubać), чешск. dlubati; но в.-луж. dowbać.

тълчи, поль. tłuc, н -луж. tłukaś; но в.-луж. tołc.

тълстъ—толстъ, польск. tłusty, чешск. tlustý, н.-луж. tłusty, kłusty; но в.-луж. tołsty (towsty), полабск. по Шлейхеру tåustý, tust

стълпъ—столпъ, польск. słup (изъ stłup), н.-луж. słup, чешск. sloup; но в. луж. stołp, stowp, stup.

тълпа—толпа, польск. tłum, чеш. tlupa.

толмачъ, польск. tłumacz, врусск. *втолмить*, втолковать, внушать (ср. съ лит. tar-ti, говорить, думать, tar-ma, рѣчь, isztarme, изреченіе, pra-tar-me, предисловіе, su-tar-me, соглашеніе, условіе; ср. *тъл-къ*).

д) Русск. *ъл=ол*, польск. il, полабск. åu чеш. l:

вълкъ, польсл. wilk, в. луж. wjelk, н.-луж. welk, полабск. wåuk, wuk, чешск. vlk.

вълг—волгло (сыровато), м.-русск. вохкий (изъ вовгкий), польск. wilgoć, odwilż и проч. Чешск. vlh; в.-луж. włoha, włóha, wuha, н.-луж. łoga, относятся не сюда, а къ Русск. волога.

мълк—молчать, польск. milczeć, в.-луж. mjelčeć, н.-луж. melčaś, полаб. причастіе наст. времени måučącí, чешск. mlčeti.

полсть, польск. pilść, чешск. plsť.

иволга (-вълга), поль. wilga, wywilga, чешск. vlha.

Полабскія формы съ åu=*ъл* и отчасти н.-луж. (welk) показываютъ, что и для польскаго слѣдуетъ принять здѣсь основную форму *ъл*, при чемъ магкость замѣны *ъ* посредствомъ *i* и *ie* въ польскомъ и в.-лужицкомъ слѣдуетъ приписать (какъ въ польскомъ kiedy, kieł, kierz) вліянію предыдущей согласной, въ настоящемъ случаѣ губной, въ польскомъ языкѣ наклонной къ переходу въ небно-губную. Нужно думать, что въ первое время по замѣнѣ въ польскомъ *ъ* черезъ *i* за нимъ слѣдовало еще ł, а не l: сначала wiłk, потомъ wilk. Ошибочно непосредственное сближеніе *i* въ этой формѣ съ *i* въ литовскомъ wilks.

Б. *ър* и *ьр между согласными.*

Уже говоря о случаяхъ *кръстъ*, *сльза*, мы перешли въ область вопроса, который несуществуетъ для те-

оріи гласности *р*, *л* (Mikl. Vergl. Gr. I, 41), но не для насъ, именно—въ область вопроса о различіи ъ и ь при плавныхъ. Я думаю, что какъ безразличіе случаевъ *кръстъ* и *тръгъ* относительно мѣста глухого звука, такъ и безразличіе *тръгъ* и *трънъ* относительно ихъ качества, суть явленія не общеславянскія, а позднѣйшія. Къ этому заключенію можно прійдти съ двухъ сторонъ: съ точки сравненія русскаго языка съ польскимъ, лужицкими и полабскимъ и на основаніи однихъ старославянскихъ задунайскихъ памятниковъ.

а) Русск. *ър*=*ор* въ польскихъ, лужицкихъ и полабскомъ или имѣетъ при себѣ твердую замѣну ера, или предполагаетъ ее тамъ, гдѣ мы находимъ мягкую. Въ большинствѣ случаевъ въ польскомъ языкѣ здѣсь ar и на оборотъ польск. ar=чешск. r заставляетъ ожидать въ русск. *ор*: польск. barki, плечи, чешск. brk, маховое перо, русск. *бъркъ*, *борк?* *борщъ*, польск. barszcz, куда, быть можетъ, относится и н.-луж. baršč, нѣмец. Forste (имя города); *борз*—польск. bardzo, barzo, в.-луж. bórzy; *хортъ*—польск. chart, н.-луж. chart, в.-луж. chort; польск. charkać, н. луж. charchnuś; *горбъ*—польск. garb, в.-луж. horb; *горло*—польск. gardło, в.-луж. hordło; *гордъ*—польск. gardzić (между тѣмъ какъ h въ hardy несогласно съ польскою фонетикою), в.-луж. hordy; *горнецъ*, горшокъ=м.-русск. горщóк (изъ горнчокъ), польск. garnek, garniec, полабск. gôrnak, по Шлейхеру gârnâk, в.-луж. hornc, hornik; *горт* (м.-русск. горнути, при гортати), польск. garnąć; сюда же *горсть*, польск. garść, в. луж. horść; польск. karcić (?); мр. *картáти* («Вона мене не бьє, не лає, Вона мене словом картає» и. п.) заимствовано; польск. kark, в.-луж. kerk. kyrk (?); *кормъ*, польск. karmia и проч. в.-луж. korm; польск. karpa (корчь), karpić się (=bryłowacieć, o ziemi); сюда, быть можетъ, Karpaty, Karpak (гора) (?); *корпѣть*, польск. karpić nad czém; *корчь* (пень), польск. karcz, в.-луж. kurc; сюда же *корчма* (съ первоначальнымъ значеніемъ осѣдлости: «сидѣть на корю»), польск. karczma, в.-луж. korčma; польск. karw (старый волъ);

польск. Karwat (Хорватъ); польск. mordać, margać (вилять хвостомъ, сербск. мрдати, врдати); *моркотно*, польск. markotno; в.-луж. morkotać (ворчать); польск. marcha (плохая кляча, падаль), чешск. mrcha; *морщить*, польск. marszczyć, в.-луж. moršćić; *портъ*, польск. part, partacz (плохой портной); польск. parskać н.-луж. parskaś, (фыркать); *порскъ*, польск. parsk (жаръ); *сморчокъ*, польск. smardz, smarz, н.-луж smaržl (чешск. smrž, smrha); *сморкать*, польск. smarkać, в.-луж. smarkaś; *торгъ*, польск. targ, в.-луж. torh;—*торгать*, польск. targać, в.-луж. torhać, н.-луж. tergaś, полабск. dargne, по Шлейхеру tårgne, er hechelt; м русск. *торкати*, н.-луж. starcyś, starkaś (толкать); *ворчать*, поль. warczeć, н.-луж. warčaś; *Воршъ* (польское личное имя въ Ипатьевской лѣтописи), польск. Warsz, откуда Warszewa, Warszowa, нынѣ искаженное и непонятное относительно второго *a* Warszawa. Небность *г. к*, въ нижне-лужицкомъ gjarb, gjardło, gjardy, gjarnc—gjanc, gjarść, kjarčma, kjarmiś предполагаетъ формы=польск. ga, ka и есть явленіе столь же позднее, какъ и небность k въ польск. kieł=кълъ (клыкъ). Къ разряду словъ съ *ър*=польск. ar отнесены въ польск. и заимствованныя слова, въ коихъ новый верхне нѣмецкій языкъ представляетъ er: польск. karb (откуда м.-русск. карбовати), karbacz, warchlak, marchew (н.-л. marchej, в.-луж. morchwa, чешск. mrkev, морковь).

Гораздо рѣже на мѣстѣ *ър* въ польскомъ or, ur, ru, er, yr. Or въ польскомъ, въ отличіе отъ в.-луж., даже сомнительно, такъ какъ korczować (при karczować) можетъ быть руссизмомъ, равно какъ и portki (при part), storczeć (при stark, sterk, styrk—что торчитъ и въ этомъ смыслѣ—помѣха, starczeć, stérczeć, styrczeć); korczak и kord могутъ предполагать *ор*, а не *ър*.

Ur въ польскомъ kurcz, kurcz, kurczyć (корчить), purchawka (в. луж. porchava, lycoperdon, русск. порховка, порховица, порхлякъ; между тѣмъ польск. próchno=русск. порохно, пороxня), szturchać (м.-русск. штовхати), kurp (лапоть, постолъ, сербск. крпље—родъ

лыжъ, чешск. křес; сюда—польск. Kurp—имя жителей нѣкоторыхъ поселеній около Цѣханова и Ломжи).

Ru въ польскомъ pruchawka (при purchawka), mrugać (моргать, при margać), mrukać (при markotać) аналогично съ łu въ dług (при основномъ дългъ) и подобно этому łu заставляетъ предположить основное ъ передъ плавною.

Польское er (откуда, по видимому, ér, yr)=ър аналогично съ eł (pełny)=ъл: sterczeć, stérczeć, styrczeć; merskać (н.-луж. marskaś, чешск. mrskati, сѣчь розгами, хлестать); ст.-польск. mercha, myrcha (при marcha, падаль, распутная женщина).

Старопольское kirsć («lędźwie abo kirsć, za którą ubranie zachodzić ma») можетъ предполагать кърсть (а не кърсть) и въ такомъ случаѣ относительно і сходно съ wilk.

б) Замѣны ьр.

Если имѣть въ виду только одинаковость замѣны глухаго звука въ польск. martwy и marszczyć, то попытка подтвердить польскимъ языкомъ древность различія между ь, ъ, указываемаго русскими формами мьртвъ и мърщити, покажется напрасною. Однако дѣло это на такое отчаянное.

α) Прежде всего бросается въ глаза нѣкоторое число случаевъ, въ коихъ русскому ьр=ер въ польскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ только ier (ierz), iar, то есть, er, ar съ предыдущею небною согласною. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что на мѣстѣ русск. ър=ор мы въ польскомъ этихъ сочетаній ier, iar вовсе невстрѣчали. Сравнимъ: бьрвьно, польск. bierwiono, bierzmo; стерня, польск. ściern, ciern, в.-луж. ścernišćo. н.-луж. ściernie; тьрп,—польск. ciergieć, в.-луж. cerpić, н.-луж. śerpeś; тьрп—терпнуть, польск. ciergnąć, ciergnieć, существ. ciarki (мурашки по тѣлу), н.-луж. ściergnuś (съ....); сверчокъ, польск. świerszcz, świercz, ćwiercz, в.-луж. świerč, н.-луж. swierc; сюда же польск. ćwierczeć, н.-луж. ścirčeś (то-есть, ścwirčeś); дьрг, польск. dzierg (узелъ), dziergać; деркачъ, польск. dzier-

kacz (и derkacz, которое можетъ быть руссизмомъ[1]; *държати*, польск. dźierżeć, в.-луж. dźeržać; н.-луж. žaržaś; *мърк*—польск. zmierzch, в. луж. so smerka; *мърз* —польск. mierźić; в.-л. mjerzać; *мърв*—м.-русск. мерва, мервиця, польск. mierzwa, н.-луж. m'erwa, чеш. mrva (вымолоченная солома, околотъ); *пърд*—польск. pierdzieć, piardnąć, в.-луж. p'erdžić (pie...), н.-луж. p'erd (pierd), p'erdnuś; *пърси*—польск. pierś; *пърсть* (прахъ, земля), в.-луж. pjeršć; *първ*—польск. pierw, pierwiej, pierwszy, н. луж. p'erv, p'ervej, p'erej и проч.; *перга*, польск. pierzga; *пърх*—польск. pierszyć=чешск. pršeti; *стерво*, польск. ścierw, в.-луж. šćerb, н.-луж. ščierb, ćervišćo; *сърпъ*, польск. śierp, в.-луж. serp, н.-луж. śerp; *пасербъ*, польск. paśierb (ср. в.-луж. собств. Serb. Serbski, н.-луж. Serbski, Serski); польск. sierść, śierć, в.-луж. serstka; польск. sierszeń, szerszeń, в.-луж. и н.-луж. šeršeń; польск. świerzbieć, в.-луж. šv'erbić; *сврькъ* (?) —польск. świerk, (между тѣмъ какъ польск. smrek, smrok=м.-русск. смерекъ, ст.-слав. смрѣкъ); *верша*, польск. wiersza; wierzba, в.-луж. и н.-луж. vierba (v'erba); польск. wierzch, в. луж. и н.-луж. wierch (werch); *вързи*—польск. wierzgać (лягать), н. луж. v'ergaś (бросать); польск. žiarno, ziernisty, полаб. ziorni, ziurni, по Шлейхеру źärnü, н. луж. zerno, в.-луж zorno; *зерцало*, польск. źwierciadło.

Слова съ основнымъ *ър* послѣ шипящей, вслѣдствіе твердости этой послѣдней въ польскомъ, имѣютъ въ этомъ языкѣ не ier, а er: *чьрмънъ*, польск. czermieniak (растеніе); czerpać; czerstwy, в.-луж. čerstwy; czerw' czerwień, czerwony, в.-луж. čerw, čerweny, н.-луж. cerv, cerv'eny, cer'eny; szczerb, н. луж. ščerba, ščerbina; žerdź, в. луж. žerdź, н.-луж. žerź. Сюда жь относятся польск. cerkiew и serce (такъ уже въ XV в. serce). Первое совершенно правильно, такъ какъ основное *с* въ польскомъ постоянно твердо; вмѣсто втораго можно бы скорѣе ожидать śierce, но *ie* находимъ только въ śierdzić się. Сходство словъ, какъ польск. czerwony, относительно замѣны глухого звука, съ тѣми немноги-

ми, въ коихъ *ър*=польск. er (sterczeć), только мнимое, потому что если бы въ послѣднихъ польскихъ словахъ была замѣна *ьр* (а не *ър*), то мы имѣли бы ścierczeć, а не sterczeć.

Какъ въ великорусскихъ говорахъ, наклонныхъ къ неорганическому смягченію гортанныхъ и губныхъ, въ случаяхъ, гдѣ основное *ьр* стоитъ передъ губнымъ или гортаннымъ звукомъ, этотъ послѣдній смягчаетъ предшествующее *р* (верьх,=v'er'ch, черьвь=čer'v'); такъ и въ польскомъ r (въ сочетаніи основ. *ьр*) передъ ch, g, m, b, w (не вездѣ) смягчается въ rj=rz: wierzch, źmierzch, pierzga, wierzgać, bierzmo, mierzwa (но czerwony), swierzbi, wierzba (но pasierb). Хотя, по сказанному, rz условлено слѣдующею согласною, однако оно было бы невозможно, если бы въ основной формѣ стояло не *ьр*, а *ър*, какъ напримѣръ, въ parch.

Ier=*ьр* въ польскомъ не непосредственно примыкаетъ къ *ьр*, а черезъ посредство другого сочетанія. Это ier оказывается болѣе позднимъ, чѣмъ другія польскія замѣны глухого звука при плавномъ. Именно въ польскихъ памятникахъ XV вѣка замѣны сочетаній не только *ръ* (krwie, 1 слогъ), *лъ*, *рь*, *ър* (ar), *ьл* (eł, łu, il), но и *ьр*=польск. iar (въ перев. Вислицк. стат. 1449 г. szarna, zarna=ziarna, Lelewel, Księgi ustaw, 61), вообще такія, какъ и нынѣ; но на мѣстѣ нынѣшняго ier=*ьр* съ большимъ постоянствомъ ставится ir. Такъ въ переводѣ статутовъ (Lelewel, ib.) читаемъ: pyrzwej, pirwe, pyrwym; dzirzan, odzirzi, dzirzecz, dzirżewczą; czyrpączemu, szcirzpy (нынѣ ściérpi); geną cziwirtnyą (=ćwiertnią), czwirdzancz; ku myrsząnczcze (=ku mierżączce); czyrwonosczą; cirkew и пр. Тоже и въ другихъ памятникахъ того времени (Maciejowski, Dodatki do piśmennictwa, passim) и раньше, въ Псалт. Марг., гдѣ читаемъ: cirzpec, czyrpǫcy, czirw, czwyrdza, pirrwenecz, poczwirdzicz (и czwerdzicz) posquirnǫcz (contamirare) swirzchu. Линде занесъ въ свой словарь, какъ архаизмы, mirk=mirsch, czirwienić, czyrwiwy, wirsza и нѣкоторыя другія. Впрочемъ, уже въ XV вѣкѣ нахо-

днимъ при ir и ier: dzyerzelij (Maciejowski, 108=dżier-żeli) и проч. Я считаю это ir=ър за особенность фонетическую, а не графическую, и такое мнѣніе едва ли можемъ быть опровергнуто тѣмъ, что и основное *ie* (=ѣ, ѥ) кое-гдѣ изображается въ видѣ *i*, *y*: dzywka (Maciejowski, 110), wylkoscz (ib. 108), ogarnyenym, pyenym (ib. 161). Въ этихъ случаяхъ тоже слѣдуетъ предположить произношеніе, близкое къ *i*. Нѣсколько случаевъ съ ir=ър есть въ полабскомъ языкѣ: dirze (по Шлейхеру dirzî, дьржить), dirzol są, wirgene, wirgenunt (вьргнеть, вьргнѫти), waspirgene (=польск. pierzgnie, лопнетъ, треснетъ), Шлейхеръ, Polab. Spr. 33.

Въ чешскомъ языкѣ сочетаніямъ *ър* и *ьр* послѣ какой-либо согласной, кромѣ шипящей, одинаково соотвѣтствуетъ r (trh=търгъ, trn=тьрнъ), такъ что въ этихъ случаяхъ чешскій языкъ—со счетовъ долой; но *ьр* послѣ шипящей и, повидимому, вслѣдствіе ея вліянія въ чешскомъ языкѣ замѣнилось посредствомъ чистаго e+r: čermák, čermný, černý, čerpák, čerstvý, čert, červ, červený, štĕrba, šterk польск. szczerk, дресва), šerpivý (шерсткій), žerd, žerna. Послѣ s стоитъ не er, а r: srst', sršeň.

β) Чередованіе ier и iar, ar (=*ьр*) въ польскомъ языкѣ.

Относительно такихъ случаевъ, какъ польск. ziarno и ziernisty, я того мнѣнія, что въ послѣднемъ словѣ ier хотя и непередаетъ болѣе древняго произношенія ir, а тѣмъ менѣе *ьр*, но болѣе близко къ этому послѣднему, чѣмъ iar въ ziarno.

Если въ ziernisty, видѣть случай регрессивной ассимиляціи, то есть, вліянія послѣдующаго слога на предыдущій, то здѣсь вліяніе мягкаго слога состоитъ не въ приближеніи iar къ *i*, а лишь въ удержаніи сочетанія, происшедшаго изъ *ьр*, на степени болѣе близкой къ *i*, чѣмъ iar. Поэтому съ такимъ же или съ еще бо̀льшимъ основаніемъ можно назвать iar ассимиляціей, подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго слога.

Нѣчто совершенно сходное съ этимъ—въ измѣне-

ніи въ южн.-вел.-русск. основнаго *е*, (ѥ) ударяемаго въ ё (jȯ) передъ твердымъ слогомъ: хотя вѥлй отличается отъ основной формы большею мягкостью *е*, или точнѣе большею небностью предыдущей согласной, но все жь эта форма ближе къ основной *вели*, чѣмъ *вёл* (v'oł). Въ польскомъ языкѣ измѣненіямъ, аналогичнымъ съ źiarno—źiernisty, подчинено основное *е* (wiedli—wiodl, weselszy—wesoły; въ послѣднемъ *о*, а не j*о*, какъ въ serce *е*, а не *іе*) и основное *ѣ*. Не *іа*, *а* въ biały, cały измѣняются въ *іе*, *е* (biel, celc, цѣликъ, цѣлина) подъ вліяніемъ слѣдующей мягкой согласной, а напротивъ *іе*, *е* удерживаются слѣдующею мягкою согласною на степени болѣе близкой къ первоначальному произношенію *ѣ*, чѣмъ другая замѣна этого *ѣ*, именно *іа*, *а*. Одинаково съ согласными явственно небными дѣйствуютъ въ польскомъ на *ѣ* тѣ согласные, которыхъ небность, такъ-сказать, скрыта, то-есть, которые и непринимая той яркэнебной окраски, какая, напримѣръ, въ b (gołąb'), тѣмъ не менѣе близки къ небности. Таковы губные и гортанные: chléb (а не chliab), grzech (а не grzach). Доказательствомъ того, что исходною точкою для польскаго языка было произношеніе *ѣ* не за *іа*, а за звукъ близкій *е*, хотя и отличный отъ него (какъ и для русскаго языка), служитъ, во-первыхъ, удержаніе *іе*, *е*=*ѣ* на концѣ словъ, а во вторыхъ то, что основное *іа*, равно какъ и *іа* (ja), стяженное изъ *ѣа*, *ѣѫ*, по правилу, неподлежитъ вліянію слѣдующаго мягкаго слога и остается передъ нимъ неизмѣннымъ: zapalić, zapalali, zapalał; chwiać (=хвѣѩти), chwiali, chwiał (Małecki, Gram. § 70), такъ что лишь немногія слова съ основнымъ *іа* (resp. *а* послѣ шипящихъ) увлечены аналогіей съ *ѣ*: czasza—cześnik. Сходство отношеній старо-чешскаго viace къ новому víc и польскаго biały къ bielić лишь поверхностное, ибо чешск. *іа*=ѧ болѣе древне и близко къ основному произношенію ѧ, чѣмъ чешск. *і*=ѧ; между тѣмъ въ польскомъ на оборотъ *іе* въ biel болѣе близко къ основному *ѣ*, чѣмъ *іа* въ biały. Съ тѣмъ, что̀ говоритъ

объ этомъ г. Дювернуа (Система основныхъ элементовъ и формъ слав. нарѣчій, 43), молчаливо слѣдуя Миклошичу (Vergl. Gramm. I, 460), именно, что siedli происходитъ изъ siadł, я несогласенъ, ибо, кромѣ вышеприведеннаго cześnik, всѣ остальные примѣры съ *ia* —*ie* (ludojedź, jeść, jedli, jedziesz; у Миклошича еще niedźwiedź, drżeć) обнаруживаютъ чередованіе *ie* и *ia*, потому что имѣютъ основное *ѣ*, а не *ia*. *) Что же касается czekać, при чаяти, то *e* въ польскомъ словѣ нисколько не сходно съ *e* изъ *a*=*ѫ*—мъ cześnik и есть основное, общеславянское *e*. Извѣстно, что здѣсь и русск. («быть на чеку»—ошибочно у Даля «на чику» якобы—отъ *чикъ*), и сербск. (чекати) имѣютъ *e*.

Нынѣшнему твердому произношенію шипящихъ и rz=*р* въ польскомъ предшествуетъ произношеніе болѣе небное, явственные слѣды коего есть еще въ XV вѣкѣ (zyądaly 1449; użrvala=użrziała 1450 и т. п.). Поэтому *a* и *e* (=*ь*) послѣ шипящихъ (czarny—czern') этимологически равносильны съ *ia* и *ie*=*ь* въ ziarno—źiernisty, и сходство между czarny и targ относительно замѣны глухаго звука только мнимое. Гораздо бо́льшее отклоненіе отъ случаевъ źiarno—źiernisty представляютъ тѣ слова, въ коихъ и послѣ согласныхъ нешипящихъ ier=*ьр* чередуется не съ iar, а съ ar: twierdźić—twardy.

Основываясь на случаѣ, впрочемъ рѣдкомъ, какъ *стар.*-польск. miartwy («myarthwe a dokonane rzeczi» 1419 г., Lelew. księgi ustaw, 42) вмѣсто нов.-польск. martwy, а равно и на полабскихъ формахъ: eum'ārtÿ (въ польск. было бы umarty), tjārdÿ (польск. twardy), cetjārty (zittjoarte) (Schleicher, Polab. Spr. § 17), можно думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ польскомъ сначала *ър* передъ твердымъ согласнымъ замѣнилось че-

*) Въ *часъ* сочетаніе *ча*—общеславянское, но оно предполагаетъ основную дославянскую форму *каиса-с* (Fick. Wb.[2] 46). Возможно поэтому, что чередованіе *a* и *e* въ поль. czas·wcześny, doczesny условлено чутьемъ этимологическаго тождества этихъ звуковъ съ *ѣ*, какъ въ drżeć, drżał.

резъ iar, а потомъ это iar отвердѣло: *мьртвыи*, miartwy, martwy. Этого предположенія я необобщаю. Въ другихъ случаяхъ, между прочимъ тамъ, гдѣ не только въ польскомъ, но и въ лужицкихъ и полабскомъ замѣна *ь* тверда, можно допустить переходъ *ь* въ *з* до замѣны глухаго звука чистымъ. Разсматривая польскій языкъ въ нынѣшнемъ его состояніи, нельзя сказать, чтобъ этотъ предполагаемый переходъ *ьр* въ *зр* совершился непремѣнно подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго слога. Напротивъ того, есть возможность думать, что во время этого перехода регрессивная ассимиляція, какую мы видимъ въ wiódł—wiedli, biały—biel, czwarty—ćwierć, еще недѣйствовала. Предполагаемый переходъ возникъ тогда, когда въ польскомъ d, t передъ мягкими гласными еще сохранили свое произношеніе и неизмѣнялись въ dź, ć; въ противномъ случаѣ мы имѣли бы формы въ родѣ carćica вмѣсто наличной tarćica. Такъ какъ различеніе двухъ указанныхъ возможностей (то-есть, перехода iar (=*ьр*) въ ar и перехода *ьр* непосредственно въ *зр* и затѣмъ въ ar) въ частностяхъ кажется затруднительнымъ, то я приведу примѣры чередованія ier и ar=*ьр*, непытаясь распредѣлять ихъ по этимъ разрядамъ: *тьр*—, польск. ćierlica, но tarł, tarli, tarty, tarka, tarćica, tarlica, (=ćiarlica), н.-луж. tarlica; *тьрн*—, польск. ćiern (н.-луж. śierń) и tarnie, tarnina, tar(n)ka (н.-луж. tarnik, но и съ мягкою замѣною ternik, ternka); полабск. drên (dorn) можетъ относиться не сюда, не къ *тьрнъ*, а къ *дрънъ*, русск. деренъ; *четвьрт*—, ćwierć, ćwiertować и ćwiartować, czwarty, в.-луж. štwórty, н.-луж. stworty; *чьрн*—, польск. czern, czernić, czerniejszy и czarny, н.-луж. carny, в.-луж. čorný, полаб. cziurna, czorna, corna, по Шлейхеру c'árnŷ, то-есть, съ мягкимъ *ц*; *дьр*—, польск. zdźierstwo и darł, darli, darty; сюда жь и *дьрнъ* (верхній пластъ, проросшій травой, *сдираемый* съ цѣлины), польск. darń, -ia и -iu, в.-луж. dern, derno и dorn, н.-луж. dern муж. рода и derno средняго; *дьрз*—, dźiarski и darski; *мьр*—, польск. śmierć, umarł, umarli, umarły, martwy, в.-луж. śmierć,

mordwy, н.-луж. śmierć, humarły; *пьрх*—(перхоть и проч.), польск. pierzchnice (родъ сыпи) и parch, park, parkot (русск *парши* повидимому изъ польск.), н.-луж. parch; *пьрсть*, польск. pierścien, pierść (шепоть) и naparstek, в.-луж. pierśćeń, porst, н.-луж. pierščień, полабск. porstin, porstin, по Шлейхеру, pârstîn; *смьрд* — польск. śmierdźieć, smierd, smard, в.-луж. smierdźu, smierdźawy, н луж. smierźieś, полабск. smârde, по Шлейхеру smârdî; *тьрд*—польск. twierdźić, twardy, н.-луж. twardy, twarźiś, в.-луж. twerdy; *вьрт*—польск. wiercieć, (н.-луж. wierćieś) и wart (zakręt głównego nurtu rzeki), wartki.

γ) Въ польскомъ одно ar=*ър*.

Подобно тому, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, еслибъ и небыло въ польскомъ чередованія ier и ar (twiedza, twardy), мы для ar приняли бы за основную форму *ър*, основываясь на согласіи русскаго тверд =тверд— съ в. луж. twerdy и полабск. tjârdŷ; подобно этому мы заключаемъ и въ слѣдующихъ случаяхъ: польск. czart, н.-луж. cart, но в.-луж. čert, чешск. čert, русс. чёрт=чьртъ: польск. marznąć, н.-луж. marznuś, полаб. marze, marzne (мерзнетъ), но в.-луж. mierznuć, полаб. ejmerzon (ist gefroren), русск. мерз=мьрз.—

Бываютъ случаи, когда слова, несомнѣнно родственныя между собою, имѣютъ въ корнѣ при плавной одни ъ, другія ь, напримѣръ, м.-русск. *мерщій* (скорѣе, отъ значенія стегать, хлестать, какъ и нарѣчія *шибко*, *хлестко*) предполагаетъ форму *мьрск*, что̀ и подтверждается н.-лужицкимъ m'ersno (miersno), m'ersńej, скоро, -ѣй; но м.-русск. *морськати*, стегать, южн. в.-русс. *морснуть*, стергнуть, ударить, польск. merskać (=чешск. mrskati), н.-луж. marskaś, сѣчь, стегать розгой, а равно и н.-луж. marsny, małsny, скорый, быстрый, предполагаютъ *мърск*. Здѣсь первенства одного изъ двухъ еровъ мы доказать неможемъ; но такіе случаи рѣдки, и обыкновенно или одно ъ, или одно ь проходитъ черезъ весь рядъ словъ, ближайшимъ образомъ сродныхъ. Основываясь на этомъ, мы разсуждаемъ

такъ: если Русскій языкъ доселѣ оказывался вѣрнымъ руководителемъ при отыскиваніи основнаго сочетанія *ър*, то мы полагаемся на него и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его свидѣтельство ненаходитъ поддержки въ другихъ сравниваемыхъ нами нарѣчіяхъ. При этомъ неутверждаемъ, чтобы такая поддержка и немогла быть найдена: въ однихъ словахъ она просто намъ неизвѣстна (*бердо* ткацкое, польск. bardo; *берлога*, польск. barłog, н.-луж. barłog, в.-луж. borło(h); *пър*—польск. parł, parły; *серна*, польск. sarna, н. луж. sarna, в.-луж. sorna; *верста*, польск. warsta, warstwa); для другихъ (какъ польск. żarłok, zażarty, żarna) ниже приведемъ основанія, требующія и независимо отъ русской формы *жер* предположенія основнаго *ьр*. Уже изъ предыдущаго видно, что переходъ *ър* въ *ър* (или же переходъ мягкой замѣны ь въ твердую?) имѣетъ мѣсто не въ одномъ польскомъ, но и въ лужицкихъ и, прибавляю, въ полабскомъ, гдѣ: czerwena, но и carwena (Шлейхеръ неразделяетъ этихъ формъ и ставитъ вмѣсто обѣихъ твердую замѣну глухого звука: cärwenẙ); cartiw, carťaj (по Шлейеру cärküw), стар.-польск. cirkiew; sarsin, по Шлейхеру sarsin, шершень; wârch, wârsak (верхъ, вершокъ), wârchene (по Шлейхеру ẘärchnî, верхній); para, по Шлейхеру pärẙ, первый. Впрочемъ, какъ я старался показать, эти нарѣчія далеко недоходятъ до того почти полнаго отождествленія ь съ ъ, какое находимъ въ сербскомъ. Нижне-лужицкое здѣсь весьма близко подходитъ къ польскому, замѣняя *ър* черезъ ar (chart, gjarb), *ър* частью посредствомъ ar (twardy), частью посредствомъ ier (v'er'ch). Въ в.-лужицкомъ *ър*=or (horb), *ър*=частью er (twerdy), частію, преимущественно, но не исключительно передъ твердыми—or: porst, štwórty, worsta, sorna, borło(h), mordwy, dorn, worću, štwórć (Mikl., V. Gr. I, 488). Слѣдуетъ полагать, что въ этомъ нарѣчіи *о*, замѣняющее ь въ *ър* (žórło, čorny) и въ другихъ случаяхъ (pos, род. psa, šoł (шьлъ), lohki) возникло изъ ѥ подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и основное *е*, и ѥ изъ ѭ (на концѣ) измѣняют-

ся въ *о* (lód, pčoła, pačos, polo, płomjo), и что żórło, čorny предполагаютъ такія же формы съ er. какія мы дѣйствительно находимъ въ čerstwy, żerdź, śćerb, čert. Въ польскомъ языкѣ число словъ съ or=*ьр* весьма незначительно, сравнительно съ тѣми, гдѣ *ьр*=ar: sorbać и serbać, но sarbać, sarkać (хлебать), м.-русск. сёрбати; szorstki и szerstki, sierść.

В. *ъл послѣ шипящихъ=польск.* oł. Въ немногихъ случаяхъ, относящихся сюда, Польскій языкъ согласенъ съ лужицкими, какъ относительно *о*=*ъ*, такъ и относительно происхожденія этого *о* изъ *е*=*ь*. Мы выше видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и *ъл*=польск. *oł* (польск. mówić изъ mołwić, в.-луж. mołwić), но здѣсь *о* непосредственно примыкаетъ къ *ъ*; слѣдовательно, сходство между mołwić и żołty (откуда żółty) лишь въ результатѣ, а не въ процессахъ. *Чълнъ*, польск. czółn, czółno, в.-луж. čołm - čowm, čownik, н.-луж. cołn-cown; *чълг?* (=русск. *кълз*—), польск. czołgać się; *жьлтъ*, польск. żółty, в.-луж и н.-луж. żołty-żowty; *жьлчь*, польск. żółć, в.-луж. żołč - żowč, н.-луж. żołc; *жьлна*—польск. żołna, н.-луж. żołma. Сюда же въ польскомъ относится стар. żełw', -i, żełwica, żołwica (золовка), предполагающее *жьлвь*. Русское *золовка* имѣетъ полногласіе не такое, какъ въ *золото—злато*, а такое позднѣйшее, какъ *полонъ=пълнъ*; оно соотвѣтствуетъ, кромѣ окончанія, сербскому *заова* и вмѣстѣ съ нимъ предполагаетъ форму *зълвь*. Такимъ образомъ, русскій языкъ здѣсь расходится съ польскимъ. Обѣ формы слѣдуетъ, повидимому, отнести ко времени до начала замѣны глухихъ звуковъ чистыми. Въ польскомъ языкѣ нѣтъ ни одного слова, въ коемъ бы *ъл*=łu (какъ *вл*), но въ чешскомъ člun, žlutý, žluva, žluna, изъ чего видно, что и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ это нарѣчіе менѣе польскаго наклонно къ различенію *ъ* и *ь* при плавныхъ.

Г. Перехожу къ упомянутому подъ В доказательству съ точки зрѣнія общеславянской, что разница между *ъ* и *ь* при плавныхъ и постановка ихъ передъ *р*, *л* есть явленіе не исключительно русское, но общеславянское.

Шмитъ въ статьѣ «Объ образованіи непервоначальнаго j въ славянскомъ и литовскомъ языкахъ» (Beitr. zur Vergl. Spr. VI, 143—14) говоритъ: «Нерѣдко мы находимъ передъ *р*, *л*, *в* ассибиляцію гортанныхъ безъ присутствія (за этимъ сочетаніемъ) такой гласной, которая могла бы причинить это измѣненіе гортанныхъ. Между тѣмъ многочисленныя сочетанія *к*, *г*+*р*, *л*, *в* въ началѣ словъ доказываютъ, что сами по себѣ *р*, *л*, *в* вовсе не необходимо ассибилируютъ предыдущіе гортанные... По моимъ наблюденіямъ, количество случаевъ, въ коихъ гортанные и свистящіе остаются неизмѣнными, приблизительно равно числу тѣхъ случаевъ, въ коихъ они измѣнены. Здѣсь я укажу извѣстные мнѣ случаи, въ коихъ слова того же корня, а частью и того же образованія, то удерживаютъ гортанный, то ассибилируютъ его. Шлейхеръ (Comp. 2, 303) приводитъ: *цвѣтъ* и чешск. květ, *цвѣлити* и ст.-чеш. květiti, *человѣкъ* (кор. кру, слу), *чрътати* и *кратъкъ*.... Изъ Миклошича (V. Gr. I. 199) заимствую *жрѣло* и *грьло*. Я самъ замѣтилъ *жрѣти*, *жрж* (deglutire) при *грътань*..., *жрѣти*, *жрж* (sacrificare; ср. литовск. girti, хвалить, санскр. грнâми—хвалю. Curtius, Grundz.[2] 162) при *грай*; *жлъдати* при *гладъ*; *шрършень* при *сръшень*; *чрѣпъ* при русск. *кирпичъ*. Относительно чрѣпъ можно бы, быть можетъ, принять, что въ немъ ассибилирующая сила *ѣ* подѣйствовала на гортанную черезъ *р*. Такъ какъ мы видимъ, что обыкновенно *ч*, *ж*, *ш* возникаютъ только передъ j и небными гласными, то я заключаю, что *р*, *л*, *в*, гдѣ они ассибилируютъ предыдущіе согласные, имѣли йотоподобный звукъ, то есть, что изъ нихъ развилось паразитное j. Это j на письмѣ не обозначалось, какъ нерѣдко необозначается и основное j при *р*, *л*, напримѣръ, въ *бура* вмѣсто *бурꙗ*, *вола* вмѣсто *волꙗ*; но какъ въ послѣднихъ случаяхъ *р*, *л* имѣютъ значеніе rj, lj, такъ они могли имѣть это значеніе и въ вышеупомянутыхъ *жрѣло*, *жлъдати*». Въ подтвержденіе Шмитъ приводитъ еще польск. chrząszcz, grzbiet и кое-что вовсе неподходящее.

Здѣсь сначала отдѣлимъ діалектическія явленія отъ общеславянскихъ, въ той увѣренности, что тѣ и другія въ дѣйствительности раздѣлены временемъ и причинами. Къ первымъ относится *г*, *к* въ случаяхъ, какъ польскія gwiazda, kwiat. Удержаніе этихъ гортанныхъ точно предполагаетъ въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ раннее появленіе небности губнаго звука и наклонность гортанныхъ къ палатализму. Далѣе, нѣкоторыя изъ живыхъ нарѣчій показываютъ, что въ бу*ра*, во*ла* начертаніе есть слѣдствіе произношенія: *ра* вмѣсто *рѣ* свидѣтельствуетъ о потерѣ смягчаемости *р*, какъ между прочимъ въ нѣкоторыхъ западно-малорусскихъ говорахъ; *ла* вмѣсто *лѣ* говоритъ объ образованіи въ говорѣ писца звука средняго между твердымъ и небнымъ *л*, и о потерѣ обоихъ крайнихъ. *Чловѣкъ* предполагаетъ *чьловѣкъ* или *человѣкъ*, *) а потому здѣсь можетъ быть рѣчь не о паразитномъ j при *л*, или изъ *л*, какъ въ италіанскомъ fiore=florem, но о появленіи мягкаго гласнаго передъ *л*;

---

*) *Чело-вѣкъ*. Такое дѣленіе этого темнаго слова я предпочитаю дѣленію *члов-ѣкъ*, при коемъ *-ѣкъ* считаютъ за единственный въ своемъ родѣ суффик., а *члов* безъ достаточныхъ основаній приравниваютъ къ *слов-* въ *слово* и *слов-акъ* (кор. *кру-*).

1. *Вѣкъ* а) сила. Ср. хорут. obvêknoti, corroborare, odvêk dati, reficere, vêk, virtus («sol vêk zgubi» соль обуяетъ), vêčan, robustus, malovêčen debilis, Mikl. Lex. s. v.; лит. wéka, ж. физич. сила. б) Отсюда *у-вѣчье*=*безвѣчье* (*у* въ знач. отрицательной частицы, какъ въ *у-богъ*=небогъ), состоянье человѣка лишеннаго силы, здоровья: «Добрыня.. бралъ Алешу за желты кудри.. началъ шалыгой поворачивати. Недалъ ему смерти скорыя, А далъ безвѣчье вѣковѣчное, Рыбн III, 75; в) *вѣкъ* безъ предлога, имѣющаго отрицательное значеніе, сначала вѣроятно употреблялось въ знач. *силы*, здоровья, какъ можетъ быть въ слѣдующемъ: «аще ли утнетъ руку, отпадетъ рука или усъхнетъ, или нога, или око, или неутнетъ (вар. или носъ утнетъ»), тъ полъ виры, к҃ гривенъ, а тому *за вѣкъ* (т. е. раненному, за силу, коей онъ лишенъ) і҃ гривенъ», Русс. Пр. по Син. сп., Русск. Достоп. I, 32—3; но

кирпичь есть заимствованіе изъ турецко-татарскаго и не имѣетъ ничего общаго съ *чрѣпъ*. Затѣмъ остаются только случаи, какъ *жрьло*, *жльдати*. Противъ Шмита говоритъ то, что въ формахъ, соотвѣтствующихъ формѣ *жрьло р* несмягчается ни въ одномъ славянскомъ нарѣріи. Относительно *л* я держусь того мнѣнія, что древнѣйшее, общеславянское его произношеніе передъ твердыми гласными есть то, которое существуетъ теперь въ русскомъ языкѣ (кромѣ немногихъ пограничныхъ говоро́въ) и польскомъ и явно предполагается лужицкими и полабскимъ. Въ *жьлтъ* и т. п. *л* рѣшительно было твердо долгое время послѣ измѣненія гортаннаго въ шипящій. Поэтому, принявъ за основную форму *жлътъ*, невозможно объяснить появленія *ж* изъ *г* свойствами звука *л*. Это будетъ невозможно и въ томъ случаѣ, если допустимъ основную форму *жльтъ*. *Ь* принадлежитъ къ

подъ вліяніемъ значенія слова *безвѣчье* само *вѣкъ* въ выраженіи *безъ вѣка* получило смыслъ *увѣчья*: «аже кого уранять, полуторы гривны серебра, аже будѣте (=будеть) *без вѣка* (вар. а хромоты на тѣлѣ небудеть)», Смол. Грам. 1229 г. по Рум. сп.; г) *вѣкъ* срокъ жизни, откуда—столѣтіе, продолжительное время. Сближеніе съ αἰών, aevum, гот. aivs лишено основанія; напротивъ, несомнѣнно сродны: литов. wykis, м. жизнь, живость; wykrus, бодрый, живой, оживленный; weikti дѣлать, įweikti mėsta взять, одолѣть городъ; лат. vi-n-c-o, vīci, vic-tum, гот. veihan, streiten, Fick, Wb.[2] 399,606.

2. Слов. *цѣлъ* и гот. hails относятся къ кор. *кал*; ср. Скр. *калја*, здоровый, готовый, пріятный и пр. *кал-јāна*, прекрасный, милый, благопріятный, греч. καλός. Такъ между прочимъ Fick. Wb. 351., гдѣ указано на другой случай ѣ= осн. а въ лит. kёmas. гот. baims, arc. châm, англ. home, греч. κώμη=основ. кâма. Слав. *чело-* въ *чело-вѣкъ* можетъ принадлежать къ тому же корню и значатъ тоже, что *цѣлъ*; относительно звуковъ ср. *чело*, *челесе*=осн. карас.

Такимъ образомъ *чело-вѣкъ*, какъ compositum possessivum (баһуврûһи) значило бы «имѣющій цѣлую силу, полносильный, т. е. взрослый, мужъ, почему напр. въ мар. *чоловік*

одному разряду съ *е*, *и*, *ѣ*, *ѧ*. Между тѣмъ сочетанія гортаннаго съ *р*, или *л*+*е*, *и*, *ѣ*, *ѧ* остаются неизмѣнными, такъ что мы имѣемъ только такія основныя (и относительно гортанной, до нынѣ общеславянскія) сочетанія, какъ *крило*, *кривъ*, *крѣсъ*, *клѣть* и т. п., а не *чрило* и пр. Исключеніе составляють только тѣ слова съ *рѣ*, коимъ въ Русскомъ языкѣ соотвѣтствують *ере*: *жрѣбѧ* (а не *грѣбѧ*, какъ *грѣхъ*)=*жеребя*, а почему такъ, объ этомъ рѣчь впереди. Поэтому, еслибы когда-либо существовала общеславянская форма *гльтъ*, то она и осталась бы съ *г* (а не *ж*), какъ остались *г*, *х* въ *хрьбьтъ*, grzbiet. Итакъ, если *л*, *р* въ *жлътъ*, *чръта* всегда было твердо; если даже мягкій гласный послѣ *л*, *р* (какъ въ *крѣсъ* и пр.) немогъ бы измѣнить гортаннаго въ шипящій; то остается принять, что формы *жлътъ*, *чръта* не основныя, а діалектическія и позднѣйшія. Какія древнѣе ихъ, мы старались показать выше, именно: гдѣ общеславянское слово имѣетъ въ себѣ сочетаніе шипящаго съ *р*, *л* и глухимъ звукомъ, тамъ первоначально глухой звукъ стоялъ передъ *р*, *л* въ непосредственной близости къ шипящему и былъ не *ъ*, а *ь*: основная форма есть не *жлътъ*, а *жьлтъ*. Такимъ образомъ мы получаемъ увѣренность, что различіе между *гърло* и *жьрло* древнѣе ихъ безразличія относительно *еровъ* въ написаніи *грьло*, *жрьло*. Если жь это такъ, то и различіе еровъ въ другихъ случаяхъ, не послѣ гортанныхъ и шипящихъ, указываемое русскимъ и другими нарѣчіями (*пьрвени* и *пъртъ*), древнѣе ихъ безразличія въ *пръвени*, *прътъ*.

есть мужъ по отношенію къ женѣ и по отношенію къ неполномочнымъ, каковы *хлопецъ* и *парубок*. Такъ какъ съ одной стороны *жизнь* значитъ богатство, съ другой богатство человѣка условлено полнотой его силы, то понятно, почему влр. *полномочной* мужикъ—зажиточный (Нижегор.), у коего много въ семьѣ работниковъ (Онеж.): «въ почетѣ ходитъ дочь да все безотняя: пеобносятъ ю крестьяна полномочныи», Барсовъ. Причит. сѣв. кр. 130; *маломочной*—бѣдный: «я богатому сосѣду непокорилася, у маломошняго я недоложилася» Барс. ib. 135.

Сказанное здѣсь отлично отъ того, что̀ говоритъ о томъ же предметѣ г. Гейтлеръ.

«Слова съ начальными сочетаніями *чр*, *жр*, уже своимъ *ч* и *ж* обнаруживаютъ, что въ корнѣ ихъ было нѣкогда *е*: *чрътати* возникло изъ *чьрътати*, которое изъ *чьртати*, *чертати*, какъ показываетъ русское *черта*. Это послѣднее изъ kertati (ср. лит. kertu, неопред kirsti, съ ослабленіемъ *е* въ *i*)... Перестановки плавнаго звука въ томъ видѣ, какъ мы ее (обыкновенно) представляемъ, небыло: ибо, еслибъ *ъ* былъ основнымъ въ корнѣ, то какъ мы оправдаемъ *ч*, которое можетъ возникнуть передъ мягкимъ гласнымъ, но никакъ не передъ *л*, *р*, или *г*? Какъ могло развиться *чрът* изъ санскр. *кӑрт*, *если непризнаемъ русской формы черт—старѣйшею?* *ӑ* корня *кӑрт* ослабѣло до *е* уже во времена дославянскія; изъ kert (ср. лит. kertù) на славянской почвѣ прежде всего образовалось *черт*; на этой степени стоитъ Русскій языкъ; отсюда *чьрт*, *чьрът*, *чрът*... Подобнымъ образомъ развилось *чрънати*, русск. черп, чешск. čerpati; *чръвенъ*, чешск. červený; *чрьвь*, лит. kirmis, русск. червь, чешск. červ; *жлътъ*, лит. geltas, желтъ; *жрънъı* изъ жьрънъı, жьрнъı, жернъı, русск. жерновъ, чешск. žernov, лит. girnos изъ gernos... *а* въ польск. martwy и пр. этому непротиворѣчитъ, потому что образовалось внутри польскаго языка» (Fonol., § 45) «Русскія формы *смерть* и пр., по коренной гласной и по несовершившейся въ нихъ перестановкѣ, не одною, а нѣсколькими ступенями древнѣе соотвѣтственныхъ словъ старо-болгарскихъ, между тѣмъ какъ чешскій языкъ, относительно паденія гласныхъ, пошелъ дальше, потерявъ и другую полугласную (смрътъ), вытѣснившую полугласную коренную: smrť и пр. Только словами, какъ červ, въ коихъ *е* весьма древне, чешскій языкъ вмѣстѣ съ русскимъ превосходитъ древностью древнѣйшія славянскія нарѣчія» (Fonol., § 46).

Кромѣ отрицанія перестановки, это намъ и прежде было извѣстно изъ трудовъ покойнаго Максимовича.

Г. Гейтлеръ смѣшиваетъ двѣ вещи: изъ того, что

чьрвь и *червь*, относительно мѣста гласнаго звука передъ *р*, древнѣе, чѣмъ *чрьвь*, отнюдъ неслѣдуетъ, что *е* въ *червь* древнѣе *ь* въ *чьрвь*. Съ мнѣніемъ о дославянскомъ происхожденіи *е* въ чешск. červ и пр. слѣдуетъ сравнить сказанное г. Гейтлеромъ въ § 38. Здѣсь приводятся слова съ ir, il между двумя согласными (изъ Mater Verborum), относительно которыхъ авторъ убѣжденъ, что въ нихъ звучало *ь*: cirv=*чьрвь*. Стало быть выходитъ, что въ чешскомъ нѣкогда было червь, потомъ *чьрвь* (въ началѣ XIII вѣка), потомъ опять *червь*.

Что русское *е* въ *червь* не древнѣе *ь*, а предполагаетъ его равно какъ *о* въ *торгъ* предполагаетъ *ъ*, это, на нашъ взглядъ, совершенно доказано, во первыхъ, свидѣтельствомъ русской письменности до XIII вѣка включительно. Я невижу слабыхъ сторонъ въ извѣстныхъ уже соображеніяхъ такого рода: сравнимъ, например, отрывокъ изъ житія Бориса и Глѣба XII вѣка съ тѣмъ же мѣстомъ по списку половины XIV вѣка (Срезневскій, Сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ, XXIII и сл. и 65 и сл.; формы XIV вѣка ставлю въ скобкахъ) и спросимъ себя, откуда, если не изъ своего собственнаго говора и слуха, писцы могли взять такое написаніе, какъ почьрнѣло (почернѣло), мьртвыхъ (мертвыхъ), вьрхоу (верху), сьрны (серны), дьржавно (державно), утвьрженик и утверженик (утвержениѥ), дьрзость (дерзость), плътоꙗдьца, плътьскꙑ (плотоядца, плотьскꙑ), скърбящихъ (скорбящихъ)? Оставляемъ въ сторонѣ случаи, гдѣ *ъ* и *ь* не при плавныхъ: шьдьше (шедше) и пр. Мы неможемъ, подобно тѣмъ, которые отвергаютъ глухіе звуки въ древне русскомъ, замѣтить здѣсь ничего школьнаго, условнаго, никакого посторонняго вліянія. Это—прямое отраженіе народнаго выговора, отраженіе вѣрное, благодаря чуткости писца. Точно такъ въ сербск. царв, парст новѣе, чѣмъ чьрвь, пьрстъ, ср. Jagić, Podmladjena vokalizacija 53 и pass. (Rad. IX). Во вторыхъ, малорусское нарѣчіе въ наиболѣе чистыхъ своихъ говорахъ довольно строго отличаетъ *о*, *е* основные отъ тѣхъ *о*, *е*, которые соотвѣтствуютъ ерамъ древнихъ русскихъ па-

6*

мятниковъ и, какъ мы думаемъ, произошли изъ этихъ глухихъ. Оно почти всегда измѣняетъ въ *у*, *ю*, *і* и пр. только основные *о*, *е* (см. мои «Два изслѣдованія», 98, и «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи», 11 и сл.), и это, по моему, происходитъ, между прочимъ, отъ того, что въ жизни этого нарѣчія никогда не было такого времени, когда бъ основное *о*, *е* ничѣмъ не отличалось отъ *о*, *е*=*ъ*, *ь*.

По Гейтлеру *е* въ жерновъ, чешск. žernov, есть тоже самое, что и *е*, предполагаемое литовскимъ *і* въ gìrnos (изъ gernos), откуда можно заключить, что лит. *і* и *е* въ ir, er соотвѣтствуютъ *именно ерю* и славянскому *е* въ *ьр*, *ер*. Конечно, я ошибался въ своей статьѣ о полногласіи («Два изслѣдованія», 15—16), считая вѣроятнымъ, что образованіе глухихъ гласныхъ относится къ дославянскому времени. Эта ошибка была замѣчена г. Ягичемъ (Rad. Jugoslav. Akad. XIV, 203—204). Въ литовскомъ и латышскомъ еще нѣтъ глухихъ гласныхъ. Однако, есть значительная степень соотвѣтствія между литовско-латышскимъ *е*, *і* передъ плавными между двумя согласными и славянскими глухими на томъ же мѣстѣ. Только соотвѣтствіе это никакъ непростирается до спеціально славянскаго различенія *ь* и *ъ*. Этого различенія нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ литовско латышскомъ. Правда, что при формахъ, какъ *пьрстъ*, мы встрѣчаемъ литовскія съ ir (er): wirbas, wirwas (лат. wir'we), wirszus (латышск. wir'sus), pirmas, pirsztas (латышск. pir'ksts), kirmis (латышск. cer'me, cérme), szirdis (латышск. sir'ds) и пр.; но значеніе этого факта опредѣляется тѣмъ, что въ тоже время при славянск. *ъ* (въ *ъл*, *ър*) мы находимъ въ литовск. тоже *і*: wilkas, wilgyti, wilna, wilnis, pilnas, milžti, латышск. wilks и пр., литов. mirk-s-y-ti—мърг-ати (но mirgěti—мьрк въ мьрцати); литов. tirsztas, густой, о пивѣ или молокѣ, крутой—о кашѣ, густой—о дымѣ, лѣсѣ, хлѣбѣ=*тълстъ*, которое въ русск. между прочимъ—о пивѣ, сметанѣ, голосѣ, звонѣ, дымѣ, снѣ (мал.-русск. «то за тим, то за сим, то за сном товстим», народная пѣсня); литов.

pirksz-nis = русск. *порскъ* (пърскъ), горячая зола и мѣсто въ печи, куда она сгребается. чешск. prsk, очагъ и пр.

Допустивши вмѣстѣ съ Гейтлеромъ, что литовск. girnos (латышск. dzirna) —изъ gernos и т. д., мы найдемъ, что и это предполагаемое *е* соотвѣтствуетъ отнюдъ не въ частности славянскому ь, resp. *е*, а безразлично и звукамъ ъ=русск. *о* и ь=*е*. Такимъ образомъ, если съ одной стороны литовск. el, er соотвѣтствуютъ славянскимъ *ъл*, *ър* (geltas, geltonas, латышск. dze'ltens, жьлтъ; perdžiu—persti, латышск. per'du, pérdu. pi'rst—пьрд·); то, съ другой—при литов. gerkle находимъ слав. *гърло*, при mérkti merkéti (и mirksyti) · мъргати.

Принимая такого рода соотвѣтствіе между славянскими глухими и литовско латышскими ослабленіями болѣе древнихъ основныхъ гласныхъ, неслѣдуетъ ожидать, что это соотвѣтствіе найдемъ во всѣхъ сродныхъ словахъ. Напротивъ, основному славянскому *мърс* (русск. *морсъ*, сокъ, напримѣръ, малиновый (Домострой), старослав. *мрьсити* и пр.)=литовск. smars въ smarsas, жиръ, заправа, окраса кушанья (санскритск. *марш·ати*, spargere, effundere, irrigare, основная форма смарс·); славянскому *вьрста* соотвѣтствуетъ литовск. warstas, поворотъ плуга, гоны и пр. Итакъ, если вообще литовско-латышскій языкъ неуказываетъ на различіе ъ и ь въ славянскомъ, то онъ неможетъ и въ частности служить доказательствомъ, что ь въ *чьрвь* возникло изъ славянолитовскаго *е*. Затѣмъ входятъ въ силу изложенныя выше (§ IV) соображенія, что *е*=ь въ славянскомъ вообще новѣе этого ь.

VI.

Два ъ или ь по обѣ стороны р или л между двумя другими согласными составляютъ такую крупную особенность правописанія нѣкоторыхъ древне-русскихъ памятниковъ, что незамѣтить ея невозможно, почему ея касался почти каждый, кому былъ для того случай.

Востоковъ въ словарѣ къ Остромірову Евангелію полагаетъ, что *влкъ* стоитъ вмѣсто *вълкъ*, то-есть, что послѣднее написаніе древнѣе; *вьр*ˢ*хоу* стоитъ вмѣсто *вър*ˢ*хоу*; «правильнѣе, чѣмъ *дрьжати*, *дрьзаи* было бы *дьр*ˢ*жати*, или *държати*, *дързаи*» и пр., изъ чего видно, что онъ считалъ различіе ъ и ь при плавныхъ, на которое указываютъ памятники русскаго письма, болѣе древнимъ, чѣмъ безразличіе этихъ глухихъ, что̀ и я старался доказать; во-вторыхъ, что на второмъ мѣстѣ ъ и ь (если на первомъ ъ), на его взглядъ, безразличны, неизвѣстно, по сущности ли дѣла, или потому, что онъ немогъ рѣшить, который изъ двухъ глухихъ здѣсь умѣстнѣе. Къ этому его же Словарь Церковно-славянскаго языка, кажется, неприбавляетъ ничего новаго, или, по крайней мѣрѣ, непротиворѣчитъ вышеизложенному. Въ немъ Востоковъ пишетъ, напримѣръ, *вълкъ*, но тутъ же и *вълци*; *вълна* и рядомъ *вълнѥниѥ*; *вълхвовати*; въ красной строкѣ *вьрьста* и пр., смотря по написанію въ памятникѣ, изъ коего слово взято.

Миклошичъ замѣчаетъ, что «написаніе *дързати* и пр., защищаемое Востоковымъ, основано на Остромировомъ Евангеліи» (точнѣе было бы: и на другихъ древнихъ памятникахъ, какъ Сборникъ 1073 года) «которое въ этомъ отношеніи представляетъ удивительныя колебанія, а потому должно быть исправлено по другимъ памятникамъ» (V. Gr. I, 42). Исправленіе Миклошича состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что онъ пишетъ постоянно какъ *влькъ*, такъ и *дрьзати*.

Максимовичъ, согласно со своимъ мнѣніемъ о большей древности полногласія въ обширномъ смыслѣ этого слова (то-есть, не только *оро*=*ра* и пр., но и *ор*, *ол* и пр.=*ър* и пр.), говоритъ: «Древняя церковная правопись тѣмъ важна для филологіи нашей, что по ней можно заключать, въ какихъ полногласныхъ формахъ нѣкогда были въ славянской рѣчи слова, теперь употребительныя уже сокращенно. Такъ, напримѣръ, изъ слова *връхъ* можно заключать, что оно сокращено изъ *верехъ*; и такое заключеніе оправдывается поднарѣчіемъ новго-

родскимъ, въ которомъ вмѣсто *верхя* говорится *верёхя* (а *верхомъ* называется мѣра вершокъ); изъ слова *съмьрть* видно, что вмѣсто *смерть* говорили нѣкогда *сомереть*; и подобная форма встрѣчается въ глаголитской письменности—*смереть*. Она видна и въ уменьшительныхъ словахъ *семерётка*, *семерёточка*, весьма извѣстныхъ въ нарѣчіи верхнерусскомъ (Начатки Русской филологіи 1848, 68—9).

П. Лавровскій въ статьѣ о полногласіи (1859 г.): «Катковъ» (Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка) приводитъ слово *молонья*, въ Остром. Евангеліи *мълнии*, въ доказательство того, что письменность древняя указываетъ на большую древность полногласной формы; примѣръ, вопервыхъ, единичный (?), а вовторыхъ, неможетъ быть подтвержденъ ни однимъ нарѣчіемъ родственнымъ: сербск. *муня* свидѣтельствуетъ (?), напротивъ, объ отсутствіи ъ между *м* и *л* въ старославянскомъ и о тождествѣ въ фонетическомъ отношеніи съ *вуна*, *пук* и др., въ русск *волна*, *полкъ*. Отсюда скорѣе должно, думаемъ, заключить, что и форма Остромірова Евангелія *мълнии* вошла въ памятникъ подъ вліяніемъ русскаго переписчика, діакона Григорья, вмѣсто старо-славянск. *млънии*, обыкновенной для всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ, болѣе обычной и въ самомъ Остроміровомъ Евангеліи. Отсюда же понятно, почему до сихъ поръ съ большею силою господствуетъ и въ простомъ народѣ форма *молнія*, вполнѣ (?) соотвѣтствующая церк.-славянск. *млънии* и сербск. *муня*; форма *молонья* явилась посредственно, вслѣдствіе господства полногласія при плавныхъ въ другихъ случаяхъ, слѣдовательно позднѣе, неорганически, потому что въ противномъ случаѣ соотвѣтствовала бы церк.-славянской *млании*, сербск. *мланя*». Какъ примѣчаніе къ первому изъ поставленныхъ мною вопросительныхъ знаковъ, приведу здѣсь слова того же автора изъ болѣе ранняго его сочиненія «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» 1852, стр. 45. Упомянувъ о русскомъ полногласіи (оро =ра и пр.), онъ продолжаетъ: «Любовь къ гласнымъ

въ народѣ Русскомъ столь сильна, что онъ прибѣгалъ къ удвоенію *о* при *р* и въ такихъ словахъ, въ которыхъ, по требованію древней фонетики общеславянской, *р* соединенъ былъ съ глухимъ звукомъ *ъ*; такъ, и въ лѣтописяхъ, и въ грамотахъ въ XIII вѣкѣ вмѣсто *Тържекъ*, *Новотържьци* читаемъ *Торожокъ*, *Новоторожьци* (Новг. I, 45: Собр. Гос. Гр. I; № 1)». Итакъ, *молоньа* не единичный случай. Впрочемъ, неподлежитъ для насъ сомнѣнію, что это полногласіе слѣдуетъ отличать отъ того, гдѣ русск. *оро* и проч.=старо-славянск. *ра* и проч.

Ягичъ (Napredak Slovinske filologije pošljednih godina, Rad Jugosl. Ak., XIV, 205 слѣд). высказываетъ свое мнѣніе о нашемъ вопросѣ по поводу статей о полногласіи П. Лавровскаго и моей. Въ этой послѣдней (31—34) я слѣдовалъ тому мнѣнію, что глухой звукъ послѣ плавнаго (мрътвъ) предполагается всѣми славянскими нарѣчіями (чего теперь недумаю); что, между прочимъ, и въ русскомъ на такое мѣсто глухаго звука указываютъ слова какъ *бровь* (заключеніе отъ бръвь къ большей древности *влъкъ*, *мрътвъ* ошибочно); что глухой звукъ послѣ плавнаго есть слѣдствіе того же стремленія языка, въ силу котораго чистый звукъ слѣдуетъ за плавнымъ, а не предшествуетъ ему, какъ въ литовск. garsas; что изъ этого и для русскаго языка вытекаетъ вѣроятность большей древности формы *гласъ* сравнительно съ *голосъ*.

Положенія г. Ягича слѣдующія:

«Извѣстно, что полугласнымъ *ъ* и *ь* въ нашемъ случаѣ обыкновенное мѣсто послѣ *р*, *л*: способъ писанія, составляющій правило въ древнѣйшихъ памятникахъ. Что̀ выводимъ отсюда?—Что и та чистая гласная, которую принимаемъ за болѣе древнюю, исходную для позднѣйшихъ полугласныхъ, въ общемъ имѣла мѣсто послѣ *р*, *л*» (204).

»Прежде, чѣмъ полугласные появились въ организмѣ славянскаго языка, когда вмѣсто нихъ еще вездѣ стояли чистые гласные, вполнѣ было уже развито стрем-

леніе славянскихъ языковъ измѣнять per metathesin такія сочетанія, какъ *ар* и согл., *ал* и согл., *ер* и согл. и т. д. въ такія, какъ *ра* и согл. и т. д. Напримѣръ, хотя литовскому wilna соотвѣтствуетъ славянск. (ст.-болгарск.) *влъна*, но эта историческая славянская форма предполагаетъ, что уже въ болѣе древнюю, доисторическую пору, когда краткіе гласные еще несократились въ полугласные, въ славянскомъ должна была жить форма влăна или влĕна, какъ и въ литовскомъ wilna предполагаетъ болѣе древнюю форму walna» (207).

«Русскія формы, какъ *полнъ*, *мертвъ*, *торгъ* суть не что иное, какъ реакція, отпоръ болѣе древнимъ полугласнымъ, какъ проявленіе «подновленной» вокализаціи, коей физіологическое развитіе можемъ себѣ представить такимъ образомъ. Прежде, чѣмъ дошло до того, что гласный звукъ послѣ *р*, *л* изнемогъ и ослабѣлъ до полугласнаго, прежде чѣмъ исчезъ и этотъ полугласный звукъ, и его задачу приняло на себя одно *р*, *л*, нѣкоторые славянскіе языки, какъ русскій, польскій, серболужицкій, стали избѣгать такихъ сочетаній, какъ *плн*, *млня*, *мртв*, *срдце*, и искать отъ нихъ отдыха и облегченія, колеблясь въ выговорѣ приблизительно такъ, какъ показываетъ написаніе Остромірова Евангелія *мьрътвъ*, мълънии и пр. Вскорѣ *р*, *л* освободились отъ этого плаванья въ двухъ гласныхъ такимъ образомъ, что первый, некоренной звукъ ъ, на который, по причинѣ сокращенія слова на концѣ, могло пасть еще и удареніе, взялъ перевѣсъ надъ другимъ ъ (ь), и чѣмъ болѣе первый раздвигался и расширялся (въ *о*, *е* и пр.), тѣмъ болѣе сжимался второй, пока наконецъ изъ перваго ъ (ь) не вышло чистое *о* (*е*), а другое ъ (ь) вовсе неисчезло. Такой процессъ, давно совершившійся въ русскомъ языкѣ, діалектически возобновляется въ южно-славянскихъ, можно сказать, передъ нашими глазами и въ наши дни, ибо есть края, гдѣ у насъ вмѣсто *крв*, *грм* говорится *карв*, *гарм* (на нѣкоторыхъ островахъ Далмаціи), или *керв*, *герм* (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Хорватіи, напримѣръ въ Загорьи, около Крапины)» (206).

Такимъ образомъ, Ягичъ принимаетъ форму *пълкъ* за переходную ступень отъ *плъкъ* къ *полкъ*, а весь рядъ принимаемыхъ имъ формъ (для русск. языка) слѣдующій: а) чистый гласный звукъ передъ плавнымъ (вăлна); б) чистый гласный послѣ плавнаго (влăна); в) глухой гласный послѣ плавнаго (влъна); г) плавный между двумя глухими (*вълъна*); д) чистый передъ плавнымъ (*волна*).

Совсѣмъ иначе представляетъ себѣ это дѣло г. Гейтлеръ. Какъ мы видѣли выше, онъ за древнѣйшія славянскія формы принимаетъ нынѣшнія русскія съ чистымъ гласнымъ (мертвъ). Затѣмъ написанія, одновременно данныя въ Остроміровомъ Евангеліи, онъ приводитъ по времени ихъ возникновенія въ такой порядокъ: а) ъ, ь стоятъ *еще* передъ плавнымъ (*мъртвъ*, *испълнь*); б) для устраненія стеченія плавной со слѣдующею согласною (какъ въ алъкати изъ алкъти) появляется второй глухой звукъ послѣ плавнаго: *мълъза*, *съмърьть*; в) затѣмъ, за устраненіемъ перваго полугласнаго, *съмрьть* и проч. (Starobulg. fonolg. § 37—42).

Что для насъ окажется возможнымъ удержать изъ этихъ мнѣній, будетъ видно изъ слѣдующаго.

Мы различимъ здѣсь два вопроса: одинъ—о распространеніи такихъ формъ, какъ *вьрьхъ*, по русской почвѣ и объ отношеніи ихъ къ соотвѣтственнымъ діалектологическимъ явленіямъ нынѣшняго Русскаго языка, другой—объ отношеніи этихъ формъ къ соотвѣтственнымъ явленіямъ другихъ славянскихъ языковъ.

1) Для краткости назовемъ какъ нынѣшнее явленіе *должно*, такъ и древнее *дълъжьно* однимъ именемъ *втораго полногласія*, желая пока этимъ только отличить это явленіе отъ другаго, которое назовемъ *первымъ полногласіемъ*: *голова=глава*. Кажется, что, пользуясь наличными свидѣтельствами о нынѣшнемъ состояніи языка, мы въ правѣ сказать: второе полногласіе есть явленіе не только почти исключительно русское, *) но даже почти

*) Какъ рѣдкій случай, можно отмѣтить въ Псалт. Маргар. czerekew, czyerekew, czirekew, род. czyrekwe.

исключительно свойственное сѣверновеликорусскимъ говорамъ. Я думаю, слѣдуетъ отдѣлить то стремленіе, по которому мѣстами говорится *доложник*, *твередить*, отъ того болѣе распространеннаго, въ силу котораго говорится въ м.-русск. *пов-г-н*, *чов-е-н*, въ польск. peł e-n (русск. литер. полн, челн). О малорусскихъ словахъ мы говоримъ навѣрное: что они возникли изъ *човнъ*, *повнъ*, такъ какъ если бы въ основной ихъ формѣ гласная стояла послѣ *л* (въ родѣ *плъчъ*), то *л* неизмѣнилось бы въ *в*; что *е* появилось въ нихъ послѣ *в* лишь тогда, когда конечное *ъ* (пълнъ, чьлнъ) исчезло; *е* въ этихъ словахъ должно быть отнесено къ такъ-называемымъ бѣглымъ гласнымъ, то есть, къ такимъ, коихъ существованіе и исчезновеніе условлено качествомъ слога. Съ точки исторіи языка слѣдуетъ здѣсь различать во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ: а) замѣну глухой гласной внутри слога соотвѣтственною чистою, вслѣдствіе отпаденія конечной глухой и сліянія двухъ прямыхъ слоговъ въ одинъ средній, какъ въ русск. *зол* изъ *зъ-лъ*, *горек* изъ *го рь-къ*; сюда же русск. *полоть*, польск. pełeć, чешск. polet′, для которыхъ принимаемъ основную форму *по* лъ-ть (три слога, *ъ* второго слога принадлежитъ къ суффиксу, какъ въ *дегъть*), несмотря на то, что по в.-луж. pówć и литовск. paltis можно бы заключать объ основной формѣ *пъл-ть*; кажется сомнительнымъ, чтобы въ *пълъ-тьма*, пополамъ (Востоковъ, Слов. ц. слав.), первое *ъ* было правильнѣе чѣмъ *о*; б) выпаденіе глухого (иногда и чистаго) гласнаго звука, сопровождаемое сліяніемъ двухъ прямыхъ слоговъ въ одинъ прямой, какъ въ русск. *зло*, *зъ ло*; в) случай сходный съ *а*: появленіе неорганической гласной, вслѣдствіе потери гласной въ слѣдующемъ слогѣ и превращеніе прямого слога съ двумя согласными въ средній, какъ въ русск. свекор, *вѣ тер*, *ви-хоръ* изъ све-кръ, *вѣ тръ*, *ви хръ*; сюда же слѣдуетъ отнести образованіе средняго слога съ неорганическою гласною съ привлеченіемъ къ этому слогу конечной согласной предыдущаго слога, какъ въ м.-русск. *по-вен* изъ *пъл-нъ*. Замѣчу, что съ русскимъ

вь-тер совершенно тождественны въ латышскомъ случаи, какъ wepparз (съ неорганическимъ *а*) изъ weprз (съ потерею гласной передъ з), которое изъ weprіs, вепрь (Bielenstein, Lett. Spr., 100—101, § 58, г). Къ одному разряду съ повен и ретеп относятся и распространенныя въ русскомъ литературномъ языкѣ формы *по-лон* (=пъл-нъ), *до лог* (дъл-гъ, между тѣмъ сущест. debitum—*долг*, съ однимъ *о*). *ве рёв-ка* (=вьр-въ ка), которыхъ нельзя пріурочить къ какой-нибудь одной части велико-русскаго языка. Можетъ быть, сюда же относится и в. русск форма *посолонь* (три слога, по теченію солнца, изъ по-съл-нь). Но уже форма мо-ло нья́ отмѣчена въ Великорусск. Областномъ Словарѣ, какъ встрѣченная въ сѣверно-великорусскихъ мѣстностяхъ (въ губ. Арханг., Волог., Олон , Костр., Пск.), и лишь въ одной южно великорусской (Тамб.)—*молонье*. Форма молы́нье, отмѣченная у Даля, какъ принадлежащая губерніямъ Каз. и Перм., или совершенно иначе образована, то-есть, имѣетъ суффиксъ ын (какъ *млынъ*, *полынь*), или есть искаженіе, такъ какъ *о* ударяемое недолжно бы измѣниться въ ы.

Остальныя извѣстныя слова со вторымъ полногласіемъ въ нынѣшнемъ русскомъ пріурочиваются къ сѣверно-великорусскимъ мѣстностямъ:

сто́лоб и *столо́б*, род. *столба* (Псков.)—столбъ, *столобе́нька* (Псков., Твер.), ударъ по головѣ; но тамъ же *столбе́нь*, *столбё́ха*, *столбец*.

доложно, *доложни́к*, Псков.

холомы́, покрытое кочками мѣсто, *холомо́к*, холмикъ, Псков., Твер.

колоб, шаровидный хлѣбецъ и пр. (Арх., Волог., Ниж., Пск., Твер.), *колобо́к* (Арх., Олон., Вят., Влад., Нижегор., Костр.), *колобушка* (Новг., Пск.). *колобан*, толстая лепешка (Твер.), *колобашка* id, (Пск.). Предполагая основ. форму *кълбъ* (ср. *колбян*—отрубокъ, Сар.), *) мы ожидаемъ южн. в.-русск. формы *колб*, *колбок*.

---

*) Въ Сарат. и Ворон. г. всегда слышно: *колбякъ*, *колбяшка*. Ред.

полóк, *полкá*, полчокъ дѣвокъ, Влад.

полонýшка, сборъ разныхъ сельскихъ произведеній (?), Тв.; сравн. полнъ.

толонýть=толпуть, толкнуть (Пск., Тверск.).

кóром, коромнó, коромнúкъ, Пск., Твер. (=кормъ).

челонóкъ (Арх., Новгор.).

беревено, Пск. (срав. Смол. бервено, польск. bierwiono, bierzwiono, bierzmo=бьрвьно; между тѣмъ Кур. *беревно*=чешск. břevno=брѣвьно).

веревныя книги (Арх.), писцовыя (вьрвь); *верево*, верве (Вятск.) можетъ сюда неотноситься, такъ какъ суффиксъ можетъ быть—*ево*, какъ *варево*; неясно *-оро* въ воровúна, веревка.

верёх, *верхá*, Новг., Арх., Олон., Пск., Тверск.

зáвереть, вихорь (заверть), Пск., Тверск.

дерень, *дерня*, дернъ, Новг.

жéредь, Пск., Тверск.

жерёнко, жерновка раковая, Пск. Тверск., *жерённое* время, лѣтнее, когда въ ракахъ можно найдти жерновки, Тверск. (=*жьрньное*).

зеренъё, Новгор. *зерéнье*, Пск., Тверск., зерновой хлѣбъ (сравн. Пск., Тверск. зёрно).

сверéбить, -ся, безпокоить, сердить, -ся.

скатереть, Арх., Новг.

смерётушка, Новг., Пск., Тверск. (сравн. смёрточка, Арх., смёртушка, Моск., Тамб.).

смерёдушка (=смьрд—), нестерпимо, невыносимо, Пск., Тверск.

чéрев, *чéрева*, червь, Пск., Тверск.

чéрень, черени? черни? черполѣсье, Пск., Тверск.

черемнушка, корь, сыпь (=чьрм—), Пск., Твер.

четвереть, *-рти*, Арх.

шерестить, мѣнять шерсть на шерсть, то-есть, лошадь на лошадь безъ придачи, Перм.

шерéшь, колоть, замерзлая грязь, Тамб.; *шорошь*, -и, разбитый, мелкій ледъ въ водѣ, Тверск. (сравн.

шерхнуть, шершавый; впрочемъ, и въ литературномъ языкѣ *шероховатый*) *).

Списокъ этотъ, по всей вѣроятности, очень неполонъ относительно количества словъ и указанія мѣстностей, гдѣ они встрѣчаются. Одно остается вѣрнымъ, что въ южно великорусскихъ (со включеніемъ бѣлорусскихъ) мѣстностяхъ слова со вторымъ полногласіемъ (какъ *молонья*, шерешь—въ Тамбовской губерніи) встрѣчаются, какъ исключеніе. Притомъ на сѣверѣ Тамбовской и Пензенской губерній, кажется, проглядываютъ нѣкоторые сѣверно-великорусскіе признаки: смотр*илъ*, у *женѣ*.

Подобнымъ словамъ съ *оло*, *оро*, *ере*, въ другихъ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ соотвѣтствуютъ по правилу слова съ гласною *о*, *е* передъ *р*, *л* со слѣдующею согласною, а въ древнемъ языкѣ, по одному способу написанія,—слова, заключающія въ себѣ согласную+*ъл*, *ър*, *ьр*+согласную. Ограниченія этого правила незначительны. Такъ, Пск., Твер. и литер. *судорожь*, дрожь, легкій ознобъ, предполагаетъ не *държь*, *дрьжь*, а общерусскую форму *дрьжь*=*дрожь*, если только по строенію корня оно не тождественно съ такимъ *судорога*, которому соотвѣтствовало бы ст.-славянск **сѫдрага*.

*) Въ приведенныхъ словахъ исходною точкою втораго полногласія служитъ *глухой* звукъ передъ *р*, *л*. Отличенъ отъ этого тотъ случай, когда передъ *р*, *л* стоитъ *чистый* звукъ, начинающій слово или слѣдующій за эвфоническимъ j. Сюда относятся:

а) Ст.-слав алъдия, алъкати, алъний, алътарь.

б) Ст.-слав. *ѥлъха* и русск. (Костр.) ёл*óха*, (изъ *ёлха*, откуда фамилія Ёлшинъ), основная форма *алса*, ь въ в.-русск. и мр. ольха тоже вставное.

Русск. форма *ѥршь* (рыба, perca cernua, зазубреный гвоздь, строптивый человѣкъ; *стать ершомъ*, упереться, какъ ершъ, котораго «щука невозьметъ съ хвоста»; *ерши* по тѣлу—объ ознобѣ и шероховатости кожи, при чемъ относительно знач. ср. скр. hṛṣ-ja ти и лат. horreo) предполагаетъ основ. форму *арс-ja-с*; ср. лит. ersz—kėtis, терновникъ, шиповникъ, (собст. «имѣющій твердые шипы», такъ какъ kėtas, твердый)

Въ словахъ со вторымъ полногласіемъ второй гласный звукъ обыкновенно равенъ первому, то есть, онъ есть *о*, если первый есть *о=ъ* или *о=ь*, послѣ шипящаго; онъ есть *е* или позднѣйшая замѣна этого *е*, ё, если первый есть *е*. Исключеніе составитъ *челонóк*, если перваго *е* неслѣдуетъ считать за *о*. Въ *гóлубец*, родъ лавки съ ящикомъ (коникъ), лежанка, деревянная придѣлка къ печи съ ходомъ въ подполье, Влад., Костр.; *голубúца*—ходъ въ подполье, Тв.; *голубéц*—деревянная придѣлка къ печи, Каз., Костр., Тв., родъ надгробнаго памятника, Орл., Донск., сочетаніе *олу* произошло изъ *ол* (какъ показываютъ формы *голбец*, *голбчик*, Арх., Костр., Тв., Оренб., Тобольск., Томск.) черезъ посредство *оло* (Тверск. *гóлобец*), въ коемъ неударяемое *о* перешло, какъ мѣстами часто, въ *у*. Присутствіе формы *голубец* въ мѣстностяхъ южн. в.-русскихъ (Орл., Донск.), быть можетъ, слѣдуетъ объяснять не фонетическимъ путемъ, а ошибочною этимологіей, сближеніемъ этого этимологически неяснаго слова (вѣроятно, сроднаго съ жолобъ) съ *голубь*.

и Скр. *арш-*, *ршáти*, ударяетъ, колетъ, *ршти*, копье. Слѣдующія формы предполагаютъ послѣ *р*—*ь* или *ъ*: Пск. Тв. *ерёш*, род. ершá; *ерóшить* волосы (ершить, слово ставшее литературнымъ, но по своему *о* послѣ *р*, необщерусское); Тамб. *ерохониться* (и испорч. *ґерихониться*) упрямиться, важничать; Ураль., Сиб. *ероха*, *ерóшка*, большіе волосы и пр.; свр. Сибир. *ересь*, *юресливый*, сердитый, Свр. Сиб. *ереститься*, сердиться; Свр *ерестинг*, *ярестина*, Олон. *ерестина*, первая молодая шерсть съ овцы; сходство послѣдняго слова съ *по-яр-окъ* и Серб. *јаретина*, козья кожа—случайно.

в) Въ слѣдующихъ двухъ словахъ *о* послѣ *л* быть можетъ и не изъ *ъ*:

Свр. и Кур., Тамб. *ёлозить*, ползать (при очень распространенномъ *елзать*, *ёрзать*); Мр. *на-ялозити*, намазать напр. саломъ или чѣмъ либо скользкимъ. Основ. форма корня—*аргѣ*, откуда—*рагѣ*. Ср. Лит. roges, rages мн. санки, салазки (по корню сродно съ *лыжи*) и скр. *рангѣатê*, спѣшитъ, бѣжитъ.

Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ весьма трудно отдѣлить, по отношенію къ процессу, второе полногласіе объ бѣглости гласной, ибо хотя далеко не всякая вторая гласная въ разсматриваемыхъ словахъ можетъ быть названа бѣглою, но такое названіе прилично, напримѣръ, второму *о* въ *столоб*, род. *столба*, если только эта послѣдняя форма достовѣрна. Второе полногласіе въ нынѣшнемъ своемъ видѣ можетъ заключать въ себѣ два наслоенія и болѣе, почему и трудно опредѣлимо въ процессуальномъ отношеніи.

Если неотносить слишкомъ многаго на счетъ неточности записывателей, то мы въ правѣ думать, что второе полногласіе вездѣ имѣетъ характеръ спорадиче-

---

Свр. *елозить*: «поелозьте, гости наши»—покушайте, попробуйте; «елозь»! «елусь»—привѣтствіе ѣдящимъ. Если это слово незаимствовано, то основ. форма корня—*аръ* или *аргh*; *) отсюда *рагъ* въ Литов. ragauti, вкушать, пробовать пищу, raginti, угощать ѣдою, собст. дѣлать такъ, чтобы нѣкто кушалъ.

г) Если лит. alvas, лат. alva, олово, незаимствованы, то въ ст.-слав. *олово* (Mikl. Lex.) при *олово*, русск. также, поль. ołow' и пр., то основн. форма есть *алвам*, для поль. *алвис*. Такимъ образомъ въ этомъ словѣ мы бы имѣли рѣдкій случай не второго, а перваго полногласія (см. ниже), при томъ общеславянскаго.—Быть можетъ другой подобный случай (перваго, т. е. незаключающаго въ себѣ глухихъ) полногласія представляетъ стар. *оловина*, хмельной напитокъ (см. Mikl. Lex. Цыган. lovina, пиво), если только это слово незаключаетъ въ себѣ предлога *о* и дѣлится такъ: *олов-ина*, при чемъ *в* объяснялось бы изъ тематическаго *у* въ основ. формѣ *алу-* (ст.-слав. *олъ*, лит. alu-s, пиво), какъ *в* въ *медв-ѣдь*, *медв-янъ* изъ *у* въ *мадhу-*, и основ. форма была бы *алв-ина*. Такое объясненіе оправдываетъ сближеніе этого слова съ *олъ* у Даля, но при немъ я затрудняюсь объяснить игнорируемое Далемъ *а* въ Пск., Тв. *олавина*, Тв. *ола́вина*, квасная гуща, дрожжи.

*) *Елза́ть*—ѣсть—слово татарское, или вѣрнѣе чувашское. Ред.

скій; таже форма въ той же мѣстности произносится двояко: Тв. *голбец* и *голобец*. Отсюда a priori мало вѣроятности, чтобъ и въ древнихъ памятникахъ можно было найти второе полногласіе, какъ постоянное правописаніе.

Второе полногласіе въ нынѣшнемъ видѣ, то есть, съ *о* или *е* по обѣ стороны плавнаго, навѣрное восходитъ къ XIV—XV вѣкамъ. Въ Новгородскихъ купчихъ этого времени, рядъ коихъ находится въ Акт. юридич., 110 и слѣд., два слова въ обычныхъ выраженіяхъ этихъ актовъ имѣютъ постоянно *оло*, *ере*: «се купи N и далъ на той земли (столько-то), а *пополонка* корову (куря, пузъ невѣ(й)ници ржаной и т. п.)», или: «а тутъ (въ цѣнѣ) имъ (ему) и *пополонокъ*», «а купи N собѣ *одерень* и своимъ дѣтемъ». Изрѣдка оба слова неполногласны (куря пополнъка, одернь, 113), или съ ъ, ь на второмъ мѣстѣ: *одерьнъ*, *пополъмка*, ib., *одерно* (на прокъ, безъ выкупа) и грамоты *дерноватыя* (Собр. госуд. грам. I, № 13 и др.) — отъ *дернъ*, cespes и отъ обхожденія отчужденной или пріобрѣтенной земли по межѣ съ кускомъ дерну на головѣ, Аѳ. Поэт. Возэр. I, 147—9. Въ купчей княгини Ѳеодосіи (послѣ 1389, Срезн. Пам. русск. письма, 268), памятникѣ, о которомъ упомянуто выше (съ Путик*омо*, за Кузьм*онюю*, на Словѣнокѣ), находимъ «овцю пополонока». Восходя къ болѣе древнему времени, въ Новгородскихъ грамотахъ XIII вѣка и начала XIV, находимъ: на Торожку, въ Торъжку, въ Търъжку и тамъ же «на Новотързьской земли» (Собр. госуд. грам. I, № 1—11, 1265—1307) *). Отъ такихъ формъ, какъ напримѣръ, «чорныхъ людѣй» (1317, ib. № 13), гдѣ чистое *о* предполагаетъ *о* изъ ъ, еще нельзя заключать, что въ другихъ случаяхъ (напримѣръ, дьржати, повьргя, кърмилъ, 1307 ib.) глухіе звуки ставились только по старой памяти.

---

*) Слова *Перемь* и *Пьрьмь*, *Голопьрьмь*, ib., сюда не идутъ, какъ болѣе близкія по второму *е*, *ь* къ первоначальной формѣ, чѣмъ *Пермь*: финск. Perämaa, задняя, дальная страна, изъ *perä*, позади и *maa*, земля; см. *Гротъ*, Филолог. раз. 200.

Новгородская 1 я лѣтопись по Синодальному списку, писанная, какъ полагаютъ, частью въ XIII вѣкѣ (первые два почерка до 1234 года), частью въ XIV,— памятникъ, весьма важный въ разсматриваемомъ отношеніи. Извѣстно, что въ изданіи Археографической коммиссіи невполнѣ соблюдаются многія древнія и характерныя формы этого памятника; что помѣщаются онѣ лишь въ выноскахъ, и то, кажется, не всегда, между тѣмъ какъ въ текстѣ ставятся формы, исправленныя по личному разумѣнію, напримѣръ—*мь* вмѣсто достигательнаго на —*мъ*; *изсѣкоша*, изъ Смольньска вмѣсто исѣкоша, и — Смольньска; зятю (дат.) вмѣсто зяти; Переяславлю вмѣсто Переяславлю, наконецъ—что для насъ важно въ настоящемъ случаѣ—«на Тържьку» вмѣсто «на Торожьку» и т. п. Тѣмъ неменѣе памятникъ этотъ и въ томъ видѣ, въ какомъ изданъ, позволяетъ замѣтить слѣдующее:

а) Тѣ немногія слова, въ коихъ сравненіе русскаго съ польскимъ и лужицкими указываетъ на мѣсто глухаго звука *послѣ* *р*, *л*, пишутся въ Новгородской 1-й лѣтописи постоянно одинаково, съ глухимъ или его замѣною послѣ плавныхъ: дръва, кръви, въ брънѣ, яблъкомъ, крестъ и хрестъ, прибрьде, 9 (сравн. неирѣбрьдомыи, Сб. 1073. Бусл. Христом., 261), Грьцинъ и Грьцьскыи, просльзиться; разнообразіе написанія—только въ случаяхъ, для коихъ сравненіе части русскихъ говоровъ съ польскимъ и другими даетъ основную форму съ *ъ*, *ь* передъ *р*, *л*. Здѣсь

б) изрѣдка, какъ-бы по опискѣ, глухой стоитъ послѣ плавнаго: на Тръжьку, 33, на тръгу, 17, дрьжаще, 14, црькы, 21; это, быть можетъ, книжное вліяніе;

в) въ большинствѣ случаевъ *ъ*, *ь* или *о*, *е*—передъ плавными по общерусски: хълмъ, мълния, въ бързѣ, по върху и пр.;

г) въ значительномъ меньшинствѣ—*ъръ*, *ьрь*, *ьръ*, или *ъро*, *ере*: на Търъжку 23; изъ Търожку 31 (описка вмѣсто *ъро*), на Търожьку 33; съ Торожьку 33, Моръдва 3, Яропълкъ 24, Сьмена Стълъпника 29, 21, поволожье 34 (по Вълга), къ надолобомъ 51, мълъвити 6,

церенцемъ (дат. мн.) 7, въ церевьцихъ 45, цьренци 49, на вырьбницю 11, 13 и др., верьбнои недѣли 24, вырьшь 5, мьрътва 19, мьрътвого 30; Церьнигова 24, съверьши 24, дьрьзну 26, дьрьжа 75.

Къ этому прибавимъ нѣсколько словъ изъ другихъ Новгород. памятниковъ того же времени и болѣе древнихъ.

Въ Новгородской духовной до 1270 года (Срезн. Свѣд. и зам. IV, 38)—съ борътью, одерьнь.

Въ Паремейникѣ 1271 года (Срезн. Пам. русск. письма и Бусл. Христом., 73 и слѣд.) съ замѣтными сѣверно-великорусскими признаками [е вмѣсто ъ на концѣ]—находимъ: веребныя недѣли (Срезн. Пам., 235) въспопълъзнутся (Бусл Христом. 77) рядомъ съ «удрьжатися» и общерусскимъ вырху, скорбь и пр.

Въ Мстиславовомъ Евангеліи до 1117 г. (Срезн. Пам. и Бусл. Христом.)—стълъпъ, на търъжищихъ, съвьръши, дьръжасте, отъвьръзостасѧ, извьръгоша, веръхоу, пьръстъмь, пьръвѣи, съмьрти и рядомъ отвьржесѧ и др.

Такимъ образомъ современные сѣверно-великорусскіе говоры относительно *доложно* и пр. могутъ быть связаны посредствомъ ряда памятниковъ съ древнѣйшимъ извѣстнымъ памятникомъ Новгородскаго письма, Остроміровымъ Евангеліемъ. Сходство этого послѣдняго съ другими Новгородскими неможетъ быть случайно.

α) И въ Остроміровомъ Евангеліи слова, отмѣченныя выше подъ *а*, именно кровь=кръвь, пишутся только однимъ способомъ, съ глухимъ послѣ плавнаго, хотя невсегда этотъ глухой звукъ соотвѣтствуетъ требованію русскаго языка: бръние, кръвь, плъть и пльть, трьсть (вмѣсто ожидаемаго тръсть) скрьжьть, плъвати, просльзисѧ, клънѣте.

Въ такихъ словахъ, гдѣ *ъ*, *ь* ожидается передъ *р*, *л*, находимъ въ Остроміровомъ Евангеліи:

β) написанія общія этому памятнику съ другими старо-славянскими нерусскаго письма, безъ соблюденія различія между ъ и ь: влъкъ, мрътвъ, жрънъвахъ, истрьгнеть; иногда съ сохраненіемъ ь послѣ *р*: зрьно. Эти написанія находились уже въ памятникѣ, съ кото-

раго списывалъ дьяконъ Григорій, или его русскій предшественникъ, такъ какъ, съ одной стороны, они не могли быть внесены изъ русскаго языка, а съ другой — они находятся въ такихъ памятникахъ, какъ Супрасльская рукопись, Клоціевъ глаголита, Саввина книга и др. (ср. Срезн. Пам. юсоваго письма, 176);

γ) написаніе русское съ однимъ глухимъ и съ различіемъ еровъ: възьргуть (sic), връви, вьрха, дьржите, дьрзнжвъ, мьркнеть, мьртвии, испълнь и проч.;

δ) наконецъ, написаніе съ двумя глухими по обѣ стороны плавнаго, при чемъ или оба глухіе одинаковы, согласно съ правиломъ втораго полногласія въ нынѣшнихъ сѣверно-русскихъ говорахъ (бърьвьно, вьрьгжть, вьрьхх (=оу), дьрьзнжвъ, зьрьно, извьрьжеться, пьрьвою, пьрьси, съмьрьти, вълънению, дългы, длъжьни, длъжьникомъ, мълъва, мълъчаше), или второй глухой остается неопредѣленнымъ (въвьр'гоши, вьр'тоградарь, вьр'тьпъ, вьр'хоу, жьр'твоу, мьр'зость, чьр'норизьцемъ, чьр'та, гър'личища, пър'та, скър'би, дъл'жьнъ, мъл'чи, мъл'нж), или на первомъ мѣстѣ ь, на второмъ ъ (вьрътоградѣ, дьрьзаи, пьръсты), или наконецъ первый глухой несоотвѣтствуетъ нынѣшней замѣнѣ въ русскомъ: вър'хоу, пър'вѣньць.

Я несогласенъ съ догадкою г. Колосова, что въ случаяхъ δ) лишь первый глухой звукъ поставленъ по русскому произношенію, второй же изъ подражанія оригиналу списка (Очеркъ, 59). До тѣхъ поръ, пока небудетъ доказана ошибочность сближенія современныхъ сѣв.-в. русскихъ формъ, какъ *доложникъ*, съ формой Остромірова Евангелія дължьникъ, эту послѣднюю нужно считать за явленіе, находящееся въ памятникахъ потому, что оно было въ говорѣ писцовъ.

Затѣмъ спрашивается, находится ли написаніе г) и δ) въ древнихъ памятникахъ, хотя бы и русскихъ, но не сѣверныхъ, и если — да, то въ какой мѣрѣ оно имъ свойственно? Конечно, было бы ошибкой отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, ссылаясь на памятники южно-русскіе по происхожденію, но переписанные на

сѣверъ, какъ Ипатьевская лѣтопись (гдѣ, напримѣръ, свой полкъ Ип. 24, на верьбницю, ib. 29), или указывая на случаи изъ различныхъ древнихъ памятниковъ со вторымъ глухимъ или чистымъ, принадлежащимъ къ суффиксу, напримѣръ, отърьщи, зълоба, въ Сб. 1073 — золоба, скврьно, жьрьць.

Выше было замѣчено, что второе полногласіе въ нынѣшнемъ видѣ есть явленіе сложное: оно состоитъ частью въ присутствіи бѣглой гласной послѣ *р*, *л* тамъ, гдѣ ея нѣтъ въ другихъ русскихъ говорахъ (напримѣръ, верёх, верха), частью же въ двухъ *о*, *е* по обѣ стороны плавнаго, изъ которыхъ ни одно неусловлено качествомъ слога. Первоначально второе полногласіе могло состоять только въ этомъ последнемъ случаѣ, потому что вообще появленіе вліянія качества слога на измѣненіе гласныхъ есть въ славянскихъ языкахъ явленіе относительно позднее. Согласно съ этимъ изъ возможныхъ доказательствъ того, что второе полногласіе въ древности (приблизительно до XII вѣка) было свойственно не однимъ сѣверно-русскимъ памятникамъ, наиболѣе удовлетворительныя должны бы состоять въ указаніи на формы со вторымъ ъ, или *о*, *е* послѣ плавной передъ другою согласною, послѣ которой стоитъ чистая гласная, напримѣръ *дългы*. Если бы указана была, напримѣръ, форма дългъ, longus, то можно было бы спросить, точно ли въ ней — ъ составляетъ слогъ, и не есть ли второе ъ того же происхожденія, какъ второе *о* въ литературномъ русскомъ *долог*, въ коемъ это *о* вызвано качествомъ слога и немогло существовать, когда конечное ъ, какъ гласная, еще было въ полной силѣ. Если бы было указано слово со вторымъ ь, напримѣръ, вьрьхъ, поскърьби, то мы спросили бы, дѣйствительно ли оно соотвѣтствуетъ сѣверно-велико-русскому *верёх*, и не есть ли второй *ь* не гласная, а лишь знакъ смягченія предъидущаго *р*, какъ въ нынѣшнемъ в.-русск. верьх (=вер,х) и въ формѣ, предполагаемой польскимъ Wierzch? Кажется несомнѣннымъ, что уже въ памятникахъ очень древнихъ ь кое гдѣ имѣетъ такое значеніе;

напримѣръ, въ мьрѧмь, Сб. 1076, Бусл. Христ. 291.

Въ Святославомъ сборникѣ 1073 года находимъ: испълнь (Срезн. Пам. Р. п. 138), испълнь (Бусл. Христ. 261, 270), вълъхвущи (ib. 273), бълъванъ (Вост. Слов. ц.-сл. яз. s. v.), въ гър'ньци ib., отъ изъ дългы, мьрьтва, и Срезн. Пам. 145, мьрьтвьца, тьр'пѧщимъ, ib.

Въ Сборникѣ 1076 года: мьрьтвьца, Срезн. Пам. 143, но мьрьцѧѭ ib., поскърьби ib., мьрьтвыѩ, Бусл. Христ. 295, удьрьжа, ib. 296, пьрьси, ib.

Въ Чудовской псалтыри XI вѣка (Срезн. Пам. юсов. письма 172)—възгър'дишѧсѧ, отъвьр'зѣмъ, пьр'выѩ, съмьр'тнаѩ, сърьдьца, въ пьрьсть, сьр'дьце, дьрьжавѫ.

Въ переводѣ словъ Григорія Богослова XI вѣка (Будиловичъ, Изслѣд. языка 13 ти словъ Григорія Богослова, 11): кър'мити, мьрьтвъ, одьрьжании, сьрьдьцю, съвьр'шаѧ, дьр'зъ, въздьр'жаниѩ, тьр'пите.

Такимъ образомъ мы видимъ, что есть примѣры, вполнѣ удовлетворяющіе вышепоставленному требованію (дългы); но остается вопросомъ, кто были писцы этихъ памятниковъ, ибо, напримѣръ, ни *у* изъ *въ* (оузирѧ), ни на оборотъ *въ* изъ *у* (въгодьникъ), ни *и* изъ *ѣ* (съ стѣны, смотрити) не должны быть разсматриваемы непремѣнно какъ слѣды южно русскаго происхожденія писца, какъ это дѣлаетъ г. Будиловичъ относительно перевода словъ Григорія Богослова (24): признаки эти могли быть свойственны и говору сѣверно русскаго писца, на который можетъ указывать и замѣна конечнаго *ъ* черезъ о въ томъ же памятникѣ: «свѣтъ женомо но непостижемо (ib. 10)». Взявъ во вниманіе, что южно-велико-русскія и мало-русскія формы *торг*, *волк* —*вовк*, а равно древне-русскія *търгъ*, *вълкъ*, предполагаемыя и сѣверо западными славянскими нарѣчіями, отнюдъ непредполагаютъ формъ *търгъ*, *вълкъ* и ненуждаются въ нихъ для своего объясненія, мы спросимъ себя, что̀ вѣроятнѣе: то ли, что писцы сборниковъ 1073 и 1076 годовъ, Чудовской псалтыри и перевода словъ Григорія Богослова были сѣвернаго происхожденія, или если это не такъ, то что формы съ двумя ъ, ь были

у нихъ не народнымъ, а личнымъ явленіемъ, или же то, что формы, какъ дългы, были нѣкогда общерусскими, но затѣмъ въ большей части русскихъ говоровъ исчезли безслѣдно? Я полагаю, вѣроятнѣе первое, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятнѣе другихъ и предположеніе, что формы съ двумя ъ, ь въ Остром. Евангеліи суть явленіе только областное и свидѣтельствуютъ объ особенности сѣв.-велико-русскихъ говоровъ (или говора) въ XI столѣтіи.

2) Перехожу къ другому вопросу—объ отношеніи такихъ формъ, какъ *мълъва* и *мълва*, къ формамъ въ родѣ *млъва* и пр. Что мѣшаетъ намъ принять, что написаніе *мълъва* пришло къ намъ оттуда же, откуда—переводы церковныхъ книгъ, и на русскомъ сѣверѣ случайно сошлось съ подобнымъ туземнымъ явленіемъ? Конечно, помѣхой служитъ недостатокъ или большая рѣдкость такихъ формъ въ древнихъ нерусскихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка. Но остается возможность другаго предположенія: мѣсто глухаго звука позади плавнаго (тръгъ, съмрьть), быть можетъ, предполагаетъ, что въ тѣхъ говорахъ, коимъ принадлежатъ такія формы, нѣкогда имѣло мѣсто произношеніе *търъгъ*, *съмърть*, то есть, что второе полногласіе (съ глухими) могло быть переходомъ отъ *търгъ* къ *тръгъ*. Чтобы дать этому предположенію большую устойчивость, нужно показать, что другаго средства измѣнять *ър* въ *ръ* и пр., кромѣ временнаго полногласія, небываетъ, или что по крайней мѣрѣ такое полногласіе есть наиболѣе обычное средство такъ называемой перестановки плавныхъ. Къ этому мы еще воротимся. Предварительно я соберу здѣсь положенія, которыхъ теперь считаю нужнымъ держаться, отчасти во вредъ прежнимъ своимъ мнѣніямъ:

а) Различіе словъ съ глухимъ послѣ плавнаго (бръвь, сльза) отъ словъ съ глухимъ передъ плавнымъ (търгъ, вълкъ, пьрстъ) древнѣе безразличія этихъ словъ относительно мѣста ъ, ь, каково бы ни было это мѣсто.

б) Различеніе ъ отъ ь при плавныхъ (пъртъ и пьрстъ, сльза, кльнж и мълва, блъха) древнѣе безразличія этихъ звуковъ, будетъ ли графически выражаться

это безразличіе постояннымъ употребленіемъ ъ, какъ ь, какъ въ сербскихъ памятникахъ.

в) За вычетомъ такихъ словъ, какъ *брвѣ*=русск. соврем. *бровь*=польск. brew, во всѣхъ остальныхъ сюда относящихся русское написаніе *търгъ*, *чьрета* древнѣе перестановки глухихъ. Иначе: я считаю менѣе вѣроятнымъ мнѣніе г. Ягича, что *влъна* возникло прямо изъ такой формы, въ которой чистая дославянская гласная стояла послѣ плавной. Держась мнѣнія, что *ъ*, *ь*, кромѣ завѣдомо позднѣйшихъ глухихъ въ хорутанскомъ и болгарскомъ и немногихъ другихъ случаевъ въ другихъ нарѣчіяхъ, суть общее достояніе славянскихъ языковъ, я думаю, что уже по возникновеніи этихъ звуковъ при *р*, *л* между славянскими нарѣчіями произошелъ расколъ относительно ихъ мѣста при *р*, *л*: Одна часть нарѣчій въ общемъ осталась при старинѣ (*търгъ*, но *бровь*). Сюда относятся русское и сѣверо-западныя, при чемъ предполагается, что чешское нарѣчіе отклонилось отъ нихъ позже. Въ другой части произошла перестановка частью такая, что *търгъ* уравнялось съ *брвѣ*, а *чьрета* съ *крстъ*, частью же обратная*), состоящая въ препозиціи глухаго и тамъ, гдѣ онъ прежде слѣдовалъ за плавнымъ: *кърстъ*, *кървь*, *сълза*. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что звукъ, слышимый теперь передъ *р* въ сербо-хорватскомъ и передъ *р*, *л* въ хорутанскомъ тамъ, гдѣ онъ по мѣсту совпадаетъ съ русскимъ, есть прямой остатокъ (относительно мѣста) общеславянской старины, а гдѣ отклоняется отъ русскаго (карв, керв), тамъ новѣе. Г. Ягичъ (Podmlad. vokaliz. 53, 56—7) полагаетъ, что уже въ стар. Серб. (хорв.) языкѣ ъ, ь при *р*, *л* потеряли свое фонетическое значеніе и *р*, *л* сами по себѣ, безъ полугласныхъ стали вокальнымъ элементомъ слога:

---

*) Ср. хорут. bolha (русск. блоха=блъха), solza (русс. слеза=сльза), berst' (русск. брость=бръсть), kerw (русск. кровь=кръвь), kert (русск. кротъ=кръть). Ст.-сл. Серб. (XVI в.) *пуот* (изъ пълть, а это изъ плъть), раньше (XIII в.) вельнено ре (т. е. кълнено се изъ кльненъ сѧ).

Серб. дуг (долгъ) произошло изъ *дл* посредствомъ вокализаціи гласнаго л (sic) въ *у*. Далѣе ссылаясь на формы XVI—XVII в. какъ *пуонъ* (пълнъ) *стуон* (стълпъ), *муоня* (мълния), онъ принимаетъ стѣуховое *уо* за переходъ отъ гласнаго л къ у. По мнѣ, *уо* въ этихъ и подобныхъ случаяхъ (Даничичъ, Рјечник, passim) прямо примыкаетъ къ *ъл* съ гласнымъ *ъ* и согласн. *л*, напр. въ древнихъ серб. формахъ, сохраненныхъ въ Византійскихъ памятникахъ въ видѣ ολ, ουλ: Βόλκανος, Βόλκος, Βουλκόβλακ (Майковъ, Ист. Серб. языка). Когда изъ *л* передъ согласнымъ возникло *о*, то чистая замѣна ера сначала колебалась между *у*, *о*, *а*, даже *е* (кельнемо се). Рядомъ съ *уо* изъ *ъл* (дуог) стоятъ стар. оо = о (Вокосавъ = Вълкославъ, хомьски = хълмски, Данич. Рјечн.) и *ао* (пыпѣшн. заова=зълва). *Уо*=*ъл* получило перевѣсъ, и *у* въ немъ поглотило *о*. Такъ и серб. *суза*- изъ суоза, а это изъ *сълза*, возникшаго на серб. почвѣ вм. основнаго *слъза*. Тоже *у* между согласн. достигнуто другимъ путемъ въ хорут. (*у* изъ оу=*ъл*), въ полабскомъ (tust изъ taust = тълст), влуж. (stup изъ stoup, stowp) между тѣмъ какъ въ нр. оу, ов=ъл (стовп) неподвергалось стяженію. Въ той части языка, гдѣ общее правило требуетъ постпозиціи ъ, ь, могло быть всего одно нарѣчіе, именно то, которое сильно повліяло на старинную письменность. Образцами этого нарѣчія могутъ служить памятники, на которые указываетъ г. Срезневскій, какъ на наиболѣе подходящіе къ такъ называемому имъ чистому славян. языку, именно Туровское Евангеліе и Чудовская Псалтырь, оба XI в. (Памятн. юсоваго письма, 168 сл.), гдѣ читаемъ: отвьрзи, поврьгъ, протрьзаахѫ, одрьжааше, милосрьди, испълнииш, прискръбьна, впрочемъ, при перѣдкихъ отклоненіяхъ (сърдьце и пр.), объясняемыхъ вліяніемъ русскаго языка. Изъ этихъ памятниковъ видно, что смѣшеніе ъ и ь въ старо-славянскомъ невосходитъ до начала письменности на этомъ языкѣ.

Постпозиція еровъ могла быть внесена въ письменность изъ какого-либо болгарскаго говора. Въ на-

нѣмцемъ болгарскомъ, по словамъ Цанковыхъ, глухой звукъ можетъ ставиться и передъ плавными, и послѣ нихъ, притомъ, какъ видно изъ примѣровъ, безразлично какъ въ случаяхъ, подобныхъ русскимъ *блоха*, *слеза*, такъ и въ случаяхъ подобныхъ русскимъ *торгъ*, *черви*: blùhá и bùlhá, slùzá и sùlzá; Blùgarin и Bùlgarin, črùn и čèrn, črùvén и čèrvén, smrùt, и smùrt (Gram. der Bulg. Spr., 4). То же подтверждаетъ и г. Безсоновъ. По его словамъ, когда глухой звукъ находится послѣ плавнаго, то онъ всегда бываетъ ъ (зръно, сръпъ, чрънъ), но когда является передъ нимъ, то подвергается вліянію предыдущаго согласнаго и потому послѣ шипящихъ и свистящихъ (?) является большею частью ь: сьлза, сьрце, чьрни, жьлти (Гл. вопр. яз. н.-болг. 78, *Временникъ общ. ист. и древн.* XXI, 1855 г.). Впрочемъ, сомнительно, чтобы ь въ *сьлза* стояло въ силу вліянія предыдущаго свистящаго; если эта форма дѣйствительно существуетъ (у Цанковыхъ сълза=sùlzá), то въ качествѣ глухаго звука скорѣе слѣдуетъ видѣть остатокъ старины. М. С. Дриновъ указалъ мнѣ на одинъ изъ болгар. говоровъ (въ Ксантійской обл. зап. Ѳракіи болгар. народн. сборникъ 114—15, 255 сл.), въ коемъ замѣной ъ, ь при *р*, *л* служитъ двоегласн. оа (ёа=јоа, пишутъ иоа):

ър: поардна (пърдиж, аор.) боарце (бърдце), са расоардила, поарст (пърсть, пыль); *ър*: тоаргнува; *вл*: воальк съ воальчети-ни, поални (мн. ч.), напоалнила; *лъ*: иде на длиога поатя, слоанце. Сомнѣнія въ томъ, произносится ли этотъ дифтонгъ въ данномъ случаѣ передъ плавною, или послѣ нея, быть неможетъ. Возникъ онъ изъ звука, близкаго къ *а* (=ъ). На это указываетъ слѣдующее. Тамъ же ър=ар (варви, карстомъ карстосанъ), ъ=оа (са є соавнулу=съвнжло=свьнжло), а=оа (єдиоашь); ж (неударяемое?)=а (пукналу—пукнжло) и ж=оа (боади, роаки -тѣ, моаду=мждо, ядоат=ядать (ѣдятъ), глёдоать (=ажть); ь=ёа (јоа): да му олёакне кату лёаку пєру, лёасно (льсно) легко, дошёалъ,отишёалъ.

Что касается прежняго моего мнѣнія: «*вообще* въ славянскихъ нарѣчіяхъ перестановка плавныхъ (*торгъ*,

targ изъ *мрьга*) есть позднѣйшее отступленіе отъ правила, что плавная несходится съ послѣдующею согласною» (Два изслѣд., 34), то оно, какъ мнѣ теперь кажется, выведено изъ ошибочныхъ предположеній. Изъ уравненія «мрътвъ: mortuus=гласъ: garsas», то есть, изъ соотвѣтствія по мѣсту гласной формъ *мрътвъ* и *гласъ*, отнюдъ неслѣдуетъ, что въ нарѣчіяхъ, требующихъ чистой гласной послѣ *р*, *л* въ *гласъ*, должна была стать на то же мѣсто и глухая въ *мрътвъ*. Искомая гармонія между явленіями языка можетъ и небыть столь прямолинейна. Что же невѣроятнаго, что при однихъ условіяхъ языкъ терпитъ стеченіе плавной со слѣдующею согласной, а при другихъ нѣтъ? Вся сила и трудность въ томъ, чтобъ узнать эти условія.

Мнѣніе, что *влъкъ* относительно мѣста глухаго звука древнѣе, чѣмъ *вълкъ*, можно бы было поддерживать ссылкою на санскр. р̊=*рй* (врйка=влъкъ), какъ это сдѣлалъ я (Два изслѣд., 31—32), лишь въ томъ случаѣ, еслибъ эти явленія были не только сходны, но и связаны историческою преемственностью, то есть, если бы ближайшимъ основаніемъ формы *влъкъ* служило санскритск. *врйка*. Но въ настоящее время неможетъ быть сомнѣнія, что славянскіе глухіе при *р*, *л* и санскр. р̊ гласное возникли совершенно независимо другъ отъ друга, какъ и кое-что другое сходное въ обоихъ языкахъ, напримѣръ, шипящіе изъ гортанныхъ (Jagić Rad, XIV, 203). Санскр. р̊, *л* непредполагаются даже индійскими нарѣчіями, ближайшими родичами языка Ведъ и санскрита; тѣмъ менѣе они могутъ предполагаться какимъ-либо изъ другихъ индо-европейскихъ языковъ. Въ надписяхъ царя Аçоки (между 263 и 226 г. до Р. Х.), въ пâли и языкахъ пракритскихъ санскритскимъ формамъ съ р̊ соотвѣтствуютъ почти исключительно такія, которыя произошли не изъ *рй* и не изъ ближайшихъ къ нему сочетаній, о которыхъ—ниже, а изъ *ар*, напримѣръ въ надписяхъ Аçоки *ката* изъ *карта* (санскр. кр̊та), *катвâ* изъ *картвâ* (санскритск. кр̊*твâ*), о чемъ см. Benfey въ Orient. u. Occ. Ueber r̊, § 8).

Традиціонное произношеніе санскритскаго ṛ (гласнаго) какъ *ри*, едва отличимое отъ согласнаго *р+й*, едва восходитъ по времени до VII вѣка нашего счисленія (Benf. ib., стр. 34). Гдѣ это *ри* возникло изъ *ар* со слѣдующею согласною, тамъ произношенію ṛ=*ри*, по мнѣнію Вебера и Бенфея, основанному на показаніяхъ туземныхъ комментаторовъ Ведъ, предшествовало произношеніе *р* между двумя краткими гласными, близкими къ *а* или неопредѣленными. Произношеніе *м^а р^а тй* (въ Ведахъ) возникло изъ *мартй* посредствомъ вставки второго *а*; *мрйтй*, вслѣдствіе усилившагося вліянія ударенія, падающаго на слогъ, большею частью слѣдующій за тѣми, которые заключали въ себѣ *р*, потеряло первое *а* и ослабило второе до неопредѣленнаго *й* (i).

Санскритскому ṛ во многихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ зендск. *ĕрĕ*: *кĕрĕта*=санскр. *кṛта* (прич. страдат. отъ *кар*—дѣлать), *кĕрĕçа*=санскр. *кṛçа*, худой, тощій, и проч. Это *ĕрĕ*, не смотря на согласіе съ санскр. ṛ, возникло не изъ него, а изъ *ар*, затѣмъ со вставнымъ *а*—*ара*, съ ослабленіемъ второго *а* до *ĕ*—*арĕ*, и съ уподобленіемъ перваго гласн. второму *ĕрĕ* (Benf. § 28, Bopp. V. Gr. I, 2—3; относительно происхожденія ḷ Benf. § 31).

Случаи, когда удареніе падаетъ въ санскр. на ṛ, должны быть сочтены позднѣйшими (Benf. ib. § 32).

Итакъ кромѣ санскр. ṛ=*рй*, напоминающаго слав. ъ при *р*, *л*, въ языкѣ Ведъ и Зендѣ есть явленіе, сходное съ русск. *ръ* и пр. Впрочемъ это только аналогіи, которыя при ближайшемъ разсмотрѣніи, быть можетъ, окажутся болѣе отдаленными, чѣмъ можно думать съ перваго взгляда; ибо пока неможетъ считаться доказаннымъ, что ослабленіе первоначальнаго звука въ дославянское время и затѣмъ превращеніе его въ глухой въ славянскомъ языкѣ могли произойдти какъ образованіе ṛ въ санскритѣ, только въ слогѣ неударяемомъ.

Стало быть, отъ мнѣнія, котораго я держался прежде, о *большей* древности постпозиціи глухаго (влъкъ), остается только фактъ, что въ памятникахъ весьма древнихъ эта постпозиція уже встрѣчается.

VII.

Первое полногласіе (оро—ра и пр.).

1. При составленіи своей статьи о полногласіи 1865 г.), я немогъ пользоваться весьма важнымъ, уже упомянутымъ выше изслѣдованіемъ Бенфея «Ueber ri, rî und li» (Orient und Occident III, 1—77, 193—256; 1864—1865 г.). Такъ какъ изъ лицъ, писавшихъ послѣ меня о полногласіи, одинъ только г. Ягичъ (Rad. XIV, 203) ссылается на упомянутый трудъ, а гг. Шерцль и Гейтлеръ, по видимому, незнаютъ его, то нелишнимъ будетъ, неограничиваясь ссылками, болѣе подробно изложить здѣсь нѣкоторыя изъ положеній Бенфея.

По указаніямъ грамматическихъ комментаріевъ къ Ведамъ, *) послѣ *р*, стоящаго передъ согласною и предшествуемаго гласною, хотя не пишется, но слышится весьма короткая гласная. По однимъ, это имѣетъ мѣсто передъ нѣкоторыми согласными (sibil. и h), по другимъ — передъ всѣми. По однимъ, эта гласная есть ă, по другимъ — гласное *р̥* (послѣ *л—л̥*), или, что тоже, — краткое *и*; по третьимъ — гласная, подобная той, которая предшествуетъ звуку *р*. Изрѣдка встрѣчаются, хотя и не въ текстахъ Ведъ, и написанія соотвѣтствующія этимъ правиламъ. Напримѣръ, въ обильной архаизмами Бхагавата Пуранѣ — 3 е лицо ед. аор. *акâрайит* (вм. *акаршит*); въ болѣе позднемъ санскритѣ *вâриша* (вм. *варша*, дождь); *кâриша* (вм. *карша*, das Schleppen).

Изъ описанія и обозначенія этихъ вставочныхъ гласныхъ Бенфей выводитъ, что собственно онѣ немогли быть выражены ни одною изъ трехъ основныхъ гласныхъ санскрита — *а*, *и*, *у*, но занимали средину между *а* и *и* и были чѣмъ-то въ родѣ ĕ, которое, какъ опре-

---

*) Санскр. *прâтиçâкhjам*. *Пратиçâкhâ* nebenzweig, adv. *пратиçâкhам*, für jeden zweig, jede schule des Veda. Отсюда *прâтиçâкhjа*, neutr. bezeichnung einer klasse gramm. hülfsbücher zu bestimmten vedischen texten. B. R.

дѣленной гласной, санскритъ вовсе неразвилъ Эта догадка почти рѣшительно подтверждается языкомъ, лишь діалектически отличнымъ отъ языка Ведъ, зендомъ, въ коемъ гласная послѣ *р* передъ согласною необозначаемая въ санскритѣ, обозначается посредствомъ ĕ (Benf., §§ 17—20), напримѣръ, *гарĕма* (=скр. *гһарма*, жаръ), *дадарĕçа* (perf. скр. *дадарçа*, отъ дрç—darç, греч. δέρκ-ομαι), *çарĕта* (изъ *çарта*, лит. szaltas—холодъ), *старĕта* (pt. perf. pass. скр. *стрта'* простертый) и проч.

Не одинъ зендъ, продолжаетъ Бенфей, но и сродные ему языки, болѣе отдаленные отъ нарѣчія Ведъ, имѣютъ подобныя вставки. При скр. *арджс*, ити, то есть собственно (судя по *рджу*, зенд. *ĕрĕзу*, прямой) ити прямо, протягиваться впередъ, простираться, стремиться, стоитъ въ греч. не только οργ въ οργ-υιά [ж. р. отъ αργ-υ=*скр. *арджу*, (откуда скр. *рджу*) жен.*ардж-вû], пространство между распростертыми руками, сажень, но и со вставными ε, ι: ὀ-ρέ-γω, ὀρ-έ-γ-νυμι, нѣм. recke, ὀρ-ι-γ-νάομαι, протягиваюсь, досягаю, достигаю (ib. § 21).

По нѣкоторымъ изъ индійскихъ грамматистовъ, вставная гласная послѣ *р* уподобляется предшествующей гласной. Этимъ объясняется между прочимъ ведическая форма причастія прош. вр. страд. *һрута́* отъ *һвар*, искривлять, изъ предполагаемыхъ посредствующихъ формъ *һурта́* и затѣмъ *һур-у та*. Такого рода вставки встрѣчаются и въ другихъ языкахъ (ib. § 22). Здѣсь прибавлю изъ Curtius, Grundz. der Griech. Etym., № 153, форму ορ-ο-γ-υια=ὀργ-υία *). Сюда Бенфей относитъ греч. χαλ α-θ-ος,=crates, скр. кор. çрать

---

*) См. тамъ же у *Курціуса* (ib., стр. 656 и слѣд.) трактатъ о томъ же. Здѣсь, кромѣ указаній на подобныя явленія въ зендскомъ, оскскомъ, древ.-верх.-нѣмецкомъ (pur-u c=гот. baurgs, ново-в.-нѣм. burg), собраны случаи и вставки α, ε, рѣже ο, ι послѣ ρ, λ (рѣже ν, μ) въ греческомъ, между прочимъ τορ-ε-νος=τόρνος, кругъ; χολ-ε-κ-άνος, χολ-ο-κ-άνος, худощавый, и κολ-ο-σσός, большая статуя, отъ кор. харх, скр.

(стало быть, по Бенфею, изъ *карт*) **); оскское ar-a-getu при латинск. arg-entum, и наконецъ, *русское полногласіе*. Такимъ образомъ выходило бы, что второе *о* въ *голодъ* (кор. гардh), по его мнѣнію, образовалось точно также, какъ, по вышеизложенному взгляду, второе ъ, ь во второмъ полногласіи. Что конечнымъ образомъ русское полногласіе восходитъ къ формамъ *гардh* и т. п., въ этомъ, какъ извѣстно, у насъ давно уже несомнѣваются. Для насъ величайшую важность представляетъ вопросъ: должны ли мы принимать непосредственную связь русскаго полногласія съ формами съ согласною+*ар* v. *ал*+ согласная, или же выводить полногласіе изъ этой основной формы лишь посредствомъ формъ съ согласною+*ра* v. *ла*+согласная? Но этого вопроса Бенфей нерѣшаетъ, прибавляя, что *молодъ* можетъ основываться и на *младъ*, а *младъ* въ свою очередь на *мрад-у*—формѣ выведенной на основаніи срав. степени отъ скр. *мр̊ду—мрáдӥjамс*(ib. § 23). Однако изъ слѣдующаго видно, что есть возможность принять сторону перваго Бенфеева мнѣнія противъ второго.

Здѣсь, чтобъ имѣть въ одномъ мѣстѣ всѣ извѣстныя намъ аналогіи, говорящія въ пользу перваго мнѣнія, то-есть, непосредственнаго происхожденія русскаго полногласія изъ согл.+*ар* v. *ал*+согласн. и проч., прерву изложеніе взглядовъ Бенфея и прибавлю еще одну аналогію, на которую ссылается и г. Гейтлеръ.

Въ латышскомъ различаютъ два способа произношенія двоегласныхъ (и долгихъ гласныхъ), напоминающія серб. á и â, по Караджичу, хотя несовсѣмъ тождественные съ ними. Именно: или оба элемента двоегласной произносятся равномѣрно (āā), такъ что не от-

---

карç, худѣть, *κρ̊ça*, худощавый, тонкій; δολ-ι-χ-ός, вмѣсто *дер-ĕ-гhac*. скр. *д̊рıhac*, долгій, кор. *дарh*. Впрочемъ, Курціусъ неотдѣляетъ здѣсь и случаевъ другаго рода вставки передъ плавною, какъ μ-ο-λυβός, plumbum.

**) Ср. греч. κὰλ-α-μος, тростина, καλ-ά-μη, стебло, съ лат. calamus и culmus, др.-в.-нѣм. hal-am и слав. *слама*, Curt. Grundz. № 29.

дается тоническаго перевѣса ни одному изъ нихъ, или же тонъ (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ удареніемъ всего слова) падаетъ на первый элементъ, оставляя второй какъ бы въ тѣни: á'$_{i}$, â'$_{a}$ (Bielenstein, Let. Spr. §§ 16, 17). Хотя, по видимому, такое различеніе (по Биленштейну der nicht gestossene und der gestossene Ton) возможно только въ гласныхъ двойныхъ или долгихъ, однако возможно понять, что оно выразимо и въ гласной короткой, если за нею слѣдуетъ длительная согласная (*л*, *р*, *м*, *н*, будутъ ли они простые или небные), ибо здѣсь звуковую единицу составляетъ не краткая гласная сама по себѣ, а ея сочетаніе съ плавною. Первому равномѣрному произношенію двоегласной соотвѣтствуетъ такое произношеніе краткой съ плавною, которое мы, съ своей точки зрѣнія, назвали бы обычнымъ, и которое состоитъ въ непосредственномъ сочетаніи гласной съ плавною. Второму произношенію долгой (â'$_{a}$) соотвѣтствуетъ такая акцентуація краткой гласной, которая отдѣляетъ ее отъ плавной, образуя между ними небольшой, но замѣтный для привычнаго уха перерывъ. Это Биленштейнъ изображаетъ посредствомъ апострофа между гласною и плавною: ср. spalwa, перо (der nicht gestossene Ton) и ga'lwa, какъ-бы ga'$_{a}$lwa, голова (опускаю примѣры со слѣдующимъ *м*, *н*), ib. § 27. Въ связи съ этимъ послѣднимъ произношеніемъ находится явленіе, по видимому, сходное съ русскимъ полногласіемъ, состоящее въ томъ, что въ средней Курляндіи, по словамъ Биленштейна, «*краткость* гласной передъ плавнымъ *р*, *л*, (въ отличіе отъ другихъ говоровъ, любящихъ удлиненіе первоначальной краткой) сохраняется столь рѣшительно и настойчиво (nachdrücklich), что *вслѣдствіе* этого по другую сторону плавной появляется неорганическое краткое *a*, такъ что da'rbs, работа, звучитъ почти какъ dar$_{a}$bs, ka'lps, холопъ, какъ kal$_{a}$ps, ga'lwa, какъ gal$_{a}$wa, mir'dzét — мерцать, какъ mir$_{a}$dzét, Ku'rzeme, Курляндія, какъ Kur$_{a}$zeme» (ib. § 58). Съ этимъ Биленштейнъ, какъ выше Курціусъ, съ подобными явленіями греческаго язы-

ка, сравниваетъ др.-вн. $ar_a m$, $wur_u m$ = arm, wurm (§ 143, 2) и находитъ, что латышское произношеніе gal'wa, какъ $gal_a wa$ стоитъ по серединѣ между литов. galwa и слав. *глава* (§ 2, стр. 5), при чемъ удивительно, какъ онъ неупомянулъ о русскомъ *голова*.

На этомъ мѣстѣ я могу остановиться, чтобъ обратить вниманіе читателя на слѣдующее. На случай, если мы, что вѣроятно, принуждены будемъ объяснять русское полногласіе (возникшее уже внутри обособленнаго слав. языка совершенно независимо отъ языка Ведъ, зенд., греч., латышскаго), согласно съ вышеприведенными аналогіями, замѣтимъ, что эти аналогіи научаютъ насъ слѣдующему:

а) Хотя первоначально вставной гласный звукъ немогъ имѣть на себѣ ударенія, но впослѣдствіи оно можетъ появиться и на немъ (греч. *ὀρόγυια*). Это впрочемъ для насъ несоставляетъ новости, ибо давно принимается, что въ русскомъ полногласіи какой-нибудь изъ двухъ гласныхъ есть вставной, а между тѣмъ удареніе, вслѣдствіе вліянія суффикса, можетъ падать на тотъ или другой: *хо́лод*, *холо́дный*. Поучительно для насъ здѣсь только то, что въ русско сербской акцентуаціи словъ этого рода мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ исключительно славянскимъ, притомъ болѣе позднимъ, чѣмъ появленіе полногласія, ибо въ противномъ случаѣ удареніе избѣгало бы одного изъ слоговъ. Но такъ какъ полногласныя слова особенно отчетливо отражаютъ свойство русско-сербской акцентуаціи (ср. *голови́*, *го́лову*, мр. зв. *го́лово*, им. мн. *го́ловы*, род. *голо́въ*), то въ главномъ, но не во всемъ, по всей вѣроятности, эта акцентуація будетъ далеко отстоять не только отъ санск., но, быть можетъ, и отъ литов.

б) Когда г. Колосовъ (Очеркъ, 29), приводя мои слова: «соотвѣтствіе между разложеніемъ сербск. *ѣ* на *ије* и переходомъ *ра* въ *оро* въ русскомъ неполное» (Два изслѣд. 44), замѣчаетъ: «для насъ понятно разложеніе сложнаго по природѣ звука *ѣ* на *ије*, но мы непонимаемъ, почему простой звукъ *а* долженъ разложиться на *о*+*о*, притомъ раздѣленные между собою плавнымъ, и почему это разложеніе имѣетъ мѣсто только при

при *а*, а не при других согласных»; то слова его не могутъ служить возраженіемъ на мнѣніе, что *оро* и пр. есть *разложеніе ра*, ибо въ этомъ мнѣніи дѣло идетъ о разложеніи не простого *а*, а звуковой единицы *ра*, состоящей изъ двухъ элементовъ. Принимая отношеніе «*оро: ра=ије: ѣ*» можно было бы его подкрѣпить и нѣсколько видоизмѣнить, допустивъ догадку, которая мнѣ дѣйствительно кажется нелишенною основанія, что *ије* ближайшимъ образомъ предполагаетъ не *ѣ*, лишенное всякаго согласнаго элемента, а *jе*, въ которомъ *j* неслиивается въ одинъ небный звукъ съ предыдущимъ согласнымъ. Тогда яснѣе будетъ сходство между вторыми членами отношеній: *ра* и *jе*. Вопросъ же, «почему разложеніе (оро и пр.) имѣетъ мѣсто только при *р*, *л*», другими словами: почему только эти плавные, а не *м*, *н* и не mutae входятъ въ особенно тѣсную связь съ гласными, разрѣшался бы просто признаніемъ факта наибольшей длительности *р*, *л*.

Но въ своей статьѣ (Два Изслѣд. 49) я уже видѣлъ необходимость признать, что «*ра* разлагается въ *оро* и пр. не въ силу одной долготы». Руководясь же вышеприведенными аналогіями, можно сказать рѣшительнѣе: при появленіи двухъ слоговъ, какъ *оро*, изъ одного (будь это *ар* или *ра* и т. п.) количество основной гласной вовсе ни при чемъ, ибо, если неподлежитъ сомнѣнію, что и короткое, и долгое *ар* и т. п. можетъ превратиться въ два слога, то причиною такого же превращенія *ар* неможетъ быть ни его долгота, ни его краткость. Ср. *Н. Лавровскаго* «О Русскомъ полногласіи» 42, гдѣ мнѣніе, что русское полногласіе неможетъ быть слѣдствіемъ долготы, основано на томъ, что ему могутъ соотвѣтствовать краткіе *ра*, *ла* въ серб. и чешскомъ, и на оборотъ—на случаяхъ долготы гласныхъ въ серб. и чешскомъ тамъ, гдѣ въ русскомъ нѣтъ полногласія.

в) Прежде, сравнивая слова *толку* и *тлъкж*, *толока* (=тлака= tloka), я думалъ, что въ послѣднихъ двухъ мы имѣемъ доказательство всеобщаго стремленія языка устранять стеченіе плавныхъ со слѣдующими со-

гласными, и что поэтому стеченіе *лк* въ *тлъку* есть непремѣнно явленіе *болѣе* позднее, чѣмъ *толокá*=*тлака*. Однако теперь можно видѣть слѣдующее: въ языкѣ могутъ существовать явленія, дающія поводъ видѣть въ немъ стремленіе устранять сочетанія liquida+muta, но это отнюдь не обязываетъ заключать, что такое стремленіе въ данный періодъ всеобще, ни даже, что оно стремится подчинить себѣ всѣ случаи, кажущіеся намъ сходными въ такомъ-то, хотя бы самомъ небольшомъ этнографическомъ отдѣлѣ языка. Такое сходство можетъ быть именно только мнимымъ, на самомъ же дѣлѣ отдѣленіе плавнаго отъ слѣдующаго согласнаго можетъ предполагать особенныя условія, въ родѣ особеннаго тона предыдущей гласной, какъ въ латышскомъ,—условія, при отсутствіи коихъ стеченіе гласныхъ остается. Въ частности, относительно славянскаго языка, если допустить, согласно съ сказаннымъ выше, что помѣщеніе глухихъ передъ *р*, *л* въ такихъ случаяхъ, какъ *вълкъ*, *търгъ*, древнѣе ихъ постпозиціи (*влъкъ*, *тръгъ*), то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо признать, что въ то время, когда первыя изъ этихъ формъ были общими, славянскій языкъ не могъ во всѣхъ случаяхъ руководиться стремленіемъ избѣгать стеченія плавной съ нѣмою. На долю этого послѣдняго стремленія остаются случаи русскаго 1-го полногласія и соотвѣтственные имъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (*оро*, *оло*=*ро*, *ло*=*ра*, *ла*; *ере*, *еле*=*рѣ*, *лѣ*). Если, какъ мы думаемъ еще до сихъ поръ, славянскія нарѣчія пошли отъ одного языка, то должна была существовать общая славян. форма этихъ *оро*=*ра* и пр., притомъ, судя по вышеприведеннымъ аналогіямъ, форма полногласная. Съ другой стороны, рядомъ съ нею существовала въ тѣхъ же корняхъ, или и въ другихъ, но такого же строенія, и форма неполногласная, въ которой съ большою вѣроятностью можемъ уже предположить общеслав. *ъ*, *ь*. Какъ полногласныя, такъ и неполногласныя формы съ *ъ*, *ь* передъ *р*, *л* предполагаютъ основное *ар*, *ал*+muta. На этихъ основаніяхъ мы можемъ построить такую приблизительную

схему измѣненій *ар*, *ал*+muta въ славянскомъ языкѣ:

Если гласный звукъ этого комплекса, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, становился глухимъ, то онъ и оставался единственнымъ, а все сочетаніе—неполногласнымъ, такъ какъ полногласіе *ъръ* (търъгъ и т. д.) позднѣйшее; если же основное *а* удерживалось въ видѣ чистой гласной, то вмѣстѣ съ этимъ по другую сторону *р*, *л* появлялась другая неорганическая гласная. Еще въ старо-славянскомъ мы видимъ тотъ порядокъ, при которомъ чистая гласная корня передъ *р*, *л* возможна только тогда, когда за этими плавными слѣдуетъ гласная; между тѣмъ *ъл* + *р* v. *л*+*согл.*, за немногими исключеніями, даетъ сочетаніе или *ръ*+*согл.*, *лъ*+*согл.* (изъ *ър*+*согл.* и проч.), или *ра*, *ла*, *рѣ* *лѣ* (изъ полногласія). Напримѣръ, возможна такая форма, какъ серб. *пр-пор* (=пърпоръ), но формы: *порпоръ* v. *парпоръ* v. *перперъ* невозможны и замѣняются такими формами, какъ русское *поропоръ*=ст.-слав. *прапоръ*, *перепелъ*= ст.-слав. *прѣпелъ*. Ст.-слав. форма *желвъ* была бы невозможна; но была бы возможна (не существующая) *жълвъ*=жлъвь; въ дѣйствительности—*желъвъ*.

Возвращаясь затѣмъ къ Бенфею, посмотримъ, какъ, согласно съ его мнѣніемъ, объяснялась бы форма *младъ* и предполагаемая основная *мраду*?

Разсматривая отношеніе корня *арг* (*ардж*), предполагаемаго въ значеніи быть бѣлымъ, и словъ: скр. *арджуна*, серебряный (собств. бѣлый, свѣтлый), argentu, ἄργ-υρος къ скр. *радж-ата*, серебро, Бенфей находитъ, что посредствующею формою между *ардж* и *радж* должна была служить *арадж*, образованная подобно arag въ оскск. aragetu; что *раджата* возникло ближайшимъ образомъ изъ *араджата* посредствомъ потери начальнаго *а*, встрѣчаемой во многихъ другихъ случаяхъ. «Это объясняетъ намъ прежде всего появленіе *ра* вм. *ар* въ санскритѣ, необходимое при извѣстныхъ условіяхъ, напримѣръ, въ глаголахъ *сардж*, *дарç* и произвольное въ *тарп* (IV), *дарп* (IV), *сарп*, *марç*,

сварç, *карш*. Это появленіе основано на формахъ со вставнымъ *а*: *сараджс*, *дараç*, *тарап* и проч., въ коихъ исчезаетъ то первоначальное, то вставное *а*, такъ что, напримѣръ, изъ *тарап-сјати* можетъ образоваться по произволу то *тарп-сјати*, то *трапсјати*».

«Такимъ же точно образомъ объясняются и всѣ случаи, гдѣ въ индо-германскихъ языкахъ при *ар* или его замѣнахъ появляется *ра* или его замѣны, напримѣръ, въ скр. *грабh* при *гарбh* въ *гарбhа*, при чемъ ср. посредствующую форму со вставнымъ *а*, именно соотвѣтственную зендскую гĕрĕва; точно такъ скр. *парч* при греч. πλέκω; греч. φλέγω при латинск. fulgeo, при чемъ скр. *бhарг* въ *бhарг-ас* вполнѣ подходитъ къ лат. fulg, а скр. *бhрâдж*—отчасти къ φλεγ; наконецъ, греч. τρέ-ω вмѣсто τρεσ-ω (какъ видно изъ скр. *трас* и эпич. аориста ἔτρεσσα), при первоначально причинномъ лат. terreo вм. tersêo... Сюда относится и *тарàсантû* въ Ригведѣ, X, 95, 8. Если во время сложенія этого стихотворенія вышеупомянутый глаголъ звучалъ не только *трас*, но и *тарс* (какъ въ латинск. terr вм. ters), то согласно съ найденнымъ общимъ закономъ, *а* между *р* и *с* въ *тарас* вставное. Если же форма *трас* тогда была единственная, то вмѣстѣ съ Бетлингомъ и Ротомъ нужно будетъ принять и очень рѣдкій случай раздѣленія *тр* (въ *трас*) на *тар*. Однако понятно, что и это объясненіе неможетъ ослабить выводовъ, сдѣланныхъ нами до сихъ поръ. Напротивъ, вообще мы будемъ объяснять смѣну *ар* и *ра* передъ согласными, напримѣръ, въ скр. *мард* и *мрад* и во множествѣ другихъ случаевъ въ древнѣйшихъ формахъ индо-европейскихъ языковъ изъ произношенія *ара* и тѣмъ самымъ *устранимъ метатезисъ р* и *л* по крайней мѣрѣ въ древнемъ періодѣ этихъ языковъ».

Бенфей замѣчаетъ далѣе, что измѣненія *ар* въ *ра* и *рâ* (черезъ *ара*) въ санскритѣ нельзя приписать ни стеченію слѣдующихъ согласныхъ, которымъ могли бы быть объяснены лишь нѣкоторые случаи (напримѣръ, *драштум*, *дракшјами* вмѣсто *дарштум*, *даркшјâми*),

но не формы сравнительной и превосходной степеней, каковы *кра̀сӣјамс* отъ кор. *кару*, *трапиjамс* отъ *тари*, съ удареніемъ, падающимъ на слѣдующій слогъ. Вообще этому явленію въ санскритѣ онъ ненаходитъ никакого удовлетворительнаго объясненія, въ отличіе отъ вышеупомянутаго образованія р̇, объясняемаго тоническими условіями. (Benfey §§ 24—26).

Примѣняя это къ занимающему насъ вопросу, мы видимъ слѣдующее:

Относительно формы *младъ*, на основаніи одного вышесказаннаго, возможны два предположенія: а) она непосредственно примыкаетъ къ санскр. *мрад*, и тогда возникновеніе ея изъ полногласнаго *мӑрӑд* должно быть отнесено ко времени гораздо болѣе раннему, чѣмъ выдѣленіе славянскаго языка. При этомъ *молодъ* было бы по порядку вторымъ полногласіемъ, и могло бы возникнуть только изъ *младъ*, такъ какъ въ противномъ случаѣ нужно бы допустить, что единства славянскаго языка никогда небыло, а прямо изъ основнаго языка выдѣлились двѣ вѣтви: одна русская съ *оро*, *оло* и пр., другая, которая уже выдѣлилась изъ единства съ основнымъ языкомъ потерею перваго *а* переходной формы *ӑрӑ*. Невѣроятность такого предположенія очевидна. Достаточно указать на общепризнанное положеніе, что славянскому *вранъ* и т. п. въ ближайшемъ языкѣ—литовскомъ, соотвѣтствуетъ warnas. Такихъ славянскихъ формъ каковы *младъ*, которымъ уже въ санскритѣ есть вполнѣ соотвѣтствующія (*мрад*), мы неможемъ при объясненіи отдѣлять отъ такихъ, гдѣ слав. *согл.* + *ра* + *согл.* и пр. = скр., лит. *согл.* + *ар* + *согл.* Слѣдовательно, первое совпаденіе съ санскритомъ случайно.

б) Остается, стало быть, только принять, что слав. *младъ* образовалось уже на славянской почвѣ и имѣетъ съ санскритскимъ *мрад* только отдаленную, посредственную связь, состоящую въ томъ, что обѣ формы сами по себѣ произошли сходнымъ образомъ, послѣдняя изъ *м*ₐ*р*ₐ*д*, а первая—какъ? Здѣсь опять возможно два предположенія: во-первыхъ, *младъ* изъ *молодъ*, а это

изъ малдъ, при чемъ русская форма оказалась бы древнѣе общеславянской, и во вторыхъ, *младъ* и *молодъ* независимо другъ отъ друга изъ малдъ, при чемъ только эта послѣдняя форма была бы общеславянскою, и то только въ такомъ случаѣ, если бы польское [illegible] па[illegible] и т. п. [illegible] оказалось позднѣйшимъ.

Кажется, что изложенный здѣсь взглядъ Бенфея въ настоящее время можетъ служить наиболѣе надежною путеводною нитью въ изслѣдованіяхъ о русскомъ полногласіи и о томъ, что соотвѣтствуетъ ему въ другихъ славянскихъ языкахъ. Незабудемъ здѣсь также и Биленштейна. Не первый разъ приходится видѣть, что свѣтъ на явленія даннаго языка, особенно на такія, которыхъ развитіе предшествуетъ началу письменности, падаетъ со стороны, совсѣмъ изъ другой области языкознанія. Но упомянутые ученые могли лишь стороною коснуться нашего предмета, о многихъ частностяхъ котораго они, быть можетъ, и незнали. Изслѣдователямъ, болѣе знакомымъ со славянск. языками, остается здѣсь еще много дѣла. Нельзя пренебрегать и тѣмъ, что донынѣ сдѣлано, ибо, благодаря всегдашней непослѣдовательности человѣческой мысли, даже ошибочность общаго рѣшенія вопроса неустраняетъ совершенно вѣрныхъ взглядовъ на входящія въ него частности.

2. Г. Шерцль (Сравн. грамматика слав. и друг. родств. языковъ I, Харьковъ, 1871, §§ 104 — 105) разсматриваетъ русское полногласіе, какъ частный случай общаго явленія, которое онъ называетъ «вставкою соединительной или вспомогательной гласной», то есть обобщая, смѣшиваетъ то, что обыкновенно и не безъ основанія разъединяютъ. У него подъ рядъ: такіе случаи, какъ русск. *ов-е-ц*ь (при овца); такъ называемая соединительная гласная передъ окончаніемъ неопредѣл. накл. *ти* (дѣл*а*ти, твор*и*ти и т. п.? почему только передъ этимъ окончаніемъ, а не и передъ другими?), хотя эта гласная по особенному своему характеру относится къ системѣ спряженія, а не принадлежитъ къ явленіямъ исклю-

чительно фонетическимъ»; такіе случаи, какъ ст.-слав. ангелъ, корк-кодилъ и, наконецъ, русск. *оро*—*ра* и пр.

Относительно этого послѣдняго думалось бы такъ: положимъ, мы задались вопросомъ, которая изъ двухъ гласныхъ, составляющихъ русское полногласіе, вставная, и рѣшили, что первая; тогда въ поясненіе нашего мнѣнія мы приводили бы только такіе случаи изъ другихъ языковъ, въ которыхъ изъ двухъ гласныхъ при *р*, *л* вставлена то же первая. Хочетъ ли такъ поступать и г. Шерцль?

«Русскій языкъ, по видимому, произношеніе спертой согласной, соединенной со слѣдующею за нею плавною *р* или *л*, находитъ нѣсколько затруднительнымъ *), и потому онъ старался пособить этому недостатку обыкновенно въ такихъ случаяхъ вставкою вспомогательной гласной» (стр. 339) **). Стало быть, напримѣръ, въ *колосъ* вставленный звукъ есть первое *о*, что̀ высказано на стр. 349, а на предыдущей еще опредѣлительнѣе сказано, что «*лѣ*, *рѣ* переходятъ въ *еле*, *ере*, *лѣ* даже въ *оло*».

На одномъ публичномъ диспутѣ намъ пришлось и слышать изъ устъ г. Шерцля, что онъ считаетъ *оро* и проч. разложеніемъ *ра* и пр.

«Самое лучшее объясненіе этой вставки доставляетъ языкъ древне-бактрійскій; сравненіе съ древне-бактрійскими вставками потому особенно важно, что обнаруживаетъ упомянутое явленіе въ полномъ его значеніи, тогда какъ русское полногласіе изобличаетъ только одну его сторону. Вставка *е* въ древне-бактрійскомъ языкѣ имѣетъ двоякое отношеніе (?), смотря по тому, происходитъ ли она въ срединѣ слова, или въ началѣ; въ первомъ случаѣ вставка гласной *е* происходитъ не только при *р*, но и при другихъ согласныхъ, во второмъ же случаѣ къ *р* присоединяется не только *е*, но и другія гласныя, именно *i*, *и*» (338). Слѣдуютъ примѣры,

*) А *слава*, *трава*, *право*, *братъ*, *градъ*, *дробь*, *гробъ*, *грубъ*, *грибъ*, и множество другихъ словъ?

**) Значитъ ли это, что такихъ явленій, какъ полногласіе, въ русскомъ языкѣ много, или только—что они обыкновенны въ другихъ языкахъ?

между прочимъ, dâdareça и dademahi, изъ которыхъ, по Шерцлю, явствуетъ только то, что «вставка вспомогательной гласной неограничивается однимъ звукомъ *р*» (стр. 339), то-есть, что *е* появляется не при одномъ *р*, между тѣмъ какъ для насъ явствуетъ, что въ этихъ примѣрахъ вставка появляется *послѣ* согласной, а не *передъ* нею, какъ по мнѣнію г. Шерцля въ русскомъ, и что, стало быть, эти примѣры съ точки зрѣнія г. Шерцля, ни чуть недолжны объяснять русскаго полногласія.

«Если r стоитъ въ началѣ, то оно можетъ принимать *передъ собою*, кромѣ *е*, еще гласныя *i* или *u* (*а* въ такихъ случаяхъ тоже соотвѣтствуетъ санскритскому *а*): arĕtha, польза,=artha...; iriš, ранить, скр. riš, uruth, плакать=скр. rudh...» (стр. 339).

Часть этого мы совсѣмъ отказываемся понимать: если въ arĕtha первое *а* равно санскритскому *а*, то какимъ же образомъ вставка *е* можетъ быть помѣщена въ этомъ словѣ передъ *р*? Это, однако, не описка, ибо другіе примѣры показываютъ намѣреніе говорить о вставкѣ передъ *р*. Отношеніе другихъ примѣровъ къ полногласію (iriš, uruth), при которыхъ можно бы сослаться и на Шлейхера, Compendium, § 28, гдѣ это явленіе связано съ другимъ др.-бактрійскимъ (§ 26), непоказано, а заслуживало бы объясненія, потому что за характерную черту русскаго полногласія считалось то, что въ немъ *оро* и пр. стоитъ послѣ согласной, а не въ началѣ слова, такъ какъ це въ цѣлѣ сюда неотносилось.

«Чаще всего (въ др.-бактр.) *передъ* r ставится *е*: ĕrĕzu, прямой=скр. r̥ǵu (ражу) и проч.» (стр. 339). Если г. Шерцль думаетъ, что приставной звукъ есть здѣсь первое *е*, то нужно было показать, почему онъ такъ думаетъ, такъ какъ уже на основаніи Боппа, V. Gr. I, § 1, стр. 2 и § 44, стр. 74 (не говоря уже о вышеизложенномъ взглядѣ Бенфея) можно было бы заключить, что здѣсь дѣйствуетъ тотъ же законъ, что въ dadarĕça, то-есть, что ĕrĕ происходитъ изъ основнаго *ер*, при чемъ *второе е* вставное. Изъ этого опять-таки слѣдовало бы, что при томъ взглядѣ, который

Шерцль имѣетъ на рукѣ полногласіе, онъ, вѣроятно, бы сравнилъ этого явленія съ такимъ, какъ зенд. ĕrĕzu... въ древнебактрійскомъ его звукъ e послѣ согласной r, должно быть, произносился слабо, равно какъ въ древнеболгарскомъ языкѣ глазунъ ъ послѣ р; это явствуетъ уже изъ сравненія др.-бактрійскихъ словъ darĕç, parĕç (древне-персидск. parç) ... и пр. (стр. 340—131). Приводимые за нимъ пять примѣровъ, начиная съ darĕç, всѣ имѣютъ ărĕ, а не объявленное двумя строками выше его, которое встрѣчаемъ только въ шестомъ и седьмомъ примѣрахъ. Неточность не особенно важная, но характеристичная.

«Тоже e, которое въ упомянутыхъ примѣрахъ (NB съ are) слѣдуетъ за соглас. r, совершенно соотвѣтствуетъ др.-болг. ъ, напримѣръ, perĕna = *плънъ*; опущеніемъ перваго e и измѣненіемъ r въ l является лат. plenus; др.-бактрійск. merĕta = *мрътвъ*. ... Къ слабому e, слѣдующему послѣ r, присоединилось еще другое, передъ r, отличаясь такимъ же характеромъ, какъ первое, и представляя подобнымъ образомъ гласную глухую *). Одна полная гласная развѣтвилась здѣсь собственно надвое, причемъ отдѣльныя ея части утратили ту выразительность, которая была свойственна полной гласной. Древне-болгарскій языкъ удержалъ одну только глухую гласную, дополняя возникающій вслѣдствіе этого недостатокъ особеннымъ напираніемъ на *л*, *р*, не придавая имъ, однако, значенія настоящихъ гласныхъ. Противоположность этому является въ языкѣ чешскомъ — съ одной и русскомъ — съ другой стороны. Въ чешскомъ языкѣ отпали глухіе звуки ъ и ь, поставивъ однимъ разомъ *л* и *р* въ рядъ гласныхъ; русскій языкъ, наоборотъ, не только возобновилъ настоящій характеръ ослабленнаго, измѣняя его послѣ *р*, *л* въ *о* (= *a*), но при-

*) Зачѣмъ же авторъ ставитъ знакъ краткости только надъ вторымъ e въ perĕna, а не надъ обоими, какъ и принято съ основаніемъ? Хочетъ ли онъ этимъ выразить его первенство или его тождество съ ъ?

совокупилъ еще, подобно древне-бактрійскому передъ *л* и *р*, новую гласную, хотя, конечно (почему «конечно?»), новый звукъ уже съ самаго начала представлялъ настоящую гласную *); въ началѣ прибавочный звукъ естественно соотвѣтствовалъ древне-болгарскому *ъ*, а только въ дальнѣйшемъ развитіи языка онъ могъ установиться въ характерѣ полной гласной. Остальное его развитіе, усиленіе или ослабленіе зависѣло только отъ ударенія, продолжающаго гласную ударяемую и сокращающаго неударяемыя. Древне бактрійскій и русскій языки здѣсь совпадаютъ» (стр. 341—342).

Кромѣ видѣннаго нами уже выше ошибочнаго взгляда на происхожденіе зендск. ĕрĕ, замѣтимъ здѣсь слѣдующее. Произвольно предположеніе, что въ этомъ ĕрĕ ĕ произносилось глухо; объ этомъ см. Bopp, Vergl. Gr. 2, I, стр. 55: кратчайшая гласная ĕ, какъ ее называетъ Боппъ, несть непремѣнно глухая. Выдумано какое-то «напиранье» на *р*, *л* въ старо-славянскомъ. Главное же въ томъ, что по г. Шерцлю выходитъ, будто русскому *голова́* должно соотвѣтствовать ст. славян. *глъва* и чешск. hlva. Онъ, конечно, знаетъ, что это не такъ, но это ему непришло въ голову, когда онъ писалъ. Русск. *голова*, согласно съ его словами, произошло изъ *глъва*, откуда—*голъва* или *голгва* (хорошо неразберу, такъ или иначе). Если же отсюда вышло *голова*, то это на перекоръ закону г. Шерцля, по которому отсутствіе ударенія должно бы удержать оба *о* на степени «призвуковъ».

«Такъ какъ русскій языкъ между др.-болгарск. *ѣ* и *е* уже весьма часто неполагаетъ различія (песокъ—пѣсокъ и др.), то тамъ, гдѣ въ др. болгарскихъ формахъ является *рѣ*, *лѣ*, замѣтно вліяніе русскаго полногласія (на что?): *лѣ* и *рѣ* переходятъ въ *еле*, *ере* (—*лѣ* даже въ *олю*)», (стр. 343).

---

*) Стало быть, *ъ* не настоящая гласная, а «призвукъ»! Пусть будетъ и это слово, но только и *призвукъ* гласнаго звука все-таки настоящій гласный звукъ.

Откуда взялось *рѣ*, *лѣ*, объ этомъ неговорится. Что касается остальнаго, то, во первыхъ, ошибочно будьто бы смѣшеніе *ѣ* и *е* древнѣе полногласія; во вторыхъ, такое смѣшеніе свойственно части русскихъ нарѣчій, а полногласіе—всѣмъ; втретьихъ, заключеніе, что вслѣдствіе безразличія *ѣ* и *е* изъ *чрѣзъ* должно выйдти не чрезъ или въ этомъ родѣ, а полногласное *черезъ*, непостижимо.

Впрочемъ, по моему мнѣнію, г. Шерцль сдѣлалъ одно замѣчаніе о полногласіи (стр. 344 въ концѣ и 345 нач.), достойное вниманія, но подтвердилъ его плохими примѣрами. Именно, справедливо, что положеніе: «русскимъ *оро*, *оло* соотвѣтствуетъ въ сродныхъ (не славянскихъ) языкахъ ar, al, а русскимъ *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* и проч. въ сродныхъ—ra, la и пр.», въ своей всеобщности ошибочно. Извѣстны примѣры, какъ *дрѣмати*—dormire и пр. Но положеніе это можетъ быть не устранено, а лишь измѣнено такимъ образомъ: «Русское полногласіе *предполагаетъ* въ началѣ славянскаго языка или въ періодѣ, ближайшемъ къ возникновенію этого языка, основныя формы съ гласною передъ *р*, *л*, а русское (общеслав.) *ра*, *ла* (ро, ло), *рѣ*, *лѣ* предполагаетъ формы съ гласною послѣ *р*, *л*». Другіе языки шли своими путями, а потому могли остаться, напримѣръ, при ar, or и пр. и тамъ, гдѣ возникли въ славянск. языкѣ *ра*, *рѣ* и пр., неизмѣнившіяся и въ русскомъ.

Предположеніе о томъ, что въ русскомъ полногласіи первое *о*, *е* есть вставное, слѣдовало бы защищать именно тѣми средствами, которыя г. Шерцль отвергаетъ. Онъ думаетъ, что «мнѣніе Добровскаго, по которому въ полногласіи русскаго языка оказывается вліяніе финской отрасли (чего?), нетерпящей въ началѣ словъ двухъ согласныхъ, опровергается простымъ указаніемъ на древ.-бактрійскій языкъ, въ которомъ трудно бы найти финскіе элементы, а еще труднѣе доказать» (стр. 342). Но можно было бы разсуждать и совершенно иначе. Если бы какія-либо соображенія сдѣлали для насъ a priori вѣроятнымъ, что обще-

славянская форма русскихъ полногласныхъ словъ есть форма съ *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* послѣ согласной, то нисколько ненуждаясь въ предположеніи финскаго вліянія, мы нашли бы въ мадьярскомъ языкѣ готовую аналогію для русскаго полногласія. Согласно съ этимъ, общерусское *черепъ* можно было бы выводить изъ *чрѣпъ* вовсе не *потому*, почему въ угорско-русскомъ встрѣчаются, напримѣръ, формы *бороцква* (изъ бросква), *жилип* (изъ *жлѣбъ*) (Mikl. Fremdwörterb.), то-есть, не въ силу мадьярскаго вліянія, а лишь *подобно тому*, какъ изъ славянскихъ *дробъ*, *грькъ*, *срѣмъ*, *жлѣбъ*, *класъ* вышли мадьярскія darab (frustum), görög, szerem, zseleb, kalasz (Mikl. ib.). Конечно, и это сходство оказалось бы лишь отдаленнымъ. Нужно было бы изыскивать причину, по которой во многихъ русскихъ словахъ, каковы: братъ, прудъ и р., начальныя сочетанія muta+liquida, остались нетронутыми.

3. Г. Ягичъ (Rad. Jugosl. Akad. XIV, 20—9) раздѣляетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, тотъ взглядъ на русское полногласіе, которому я слѣдовалъ въ своей статьѣ объ этомъ предметѣ. Хотя теперь мнѣ кажется, что мы оба ошибались, но изъ нашего согласія я дѣлаю тотъ ободрительный для себя выводъ, что мои ошибки не были лишены основаній, которыя можно назвать относительно-объективными. Онъ сопоставляетъ два ряда формъ: съ одной стороны, лат. wilna, (alnė), akmů, съ другой—ст. сл. *влъна*. (*лань*), *камы*, *квасъ* (изъ предполагаемаго *кавсъ*) и заключаетъ, что такъ какъ стремленіе къ метатезѣ есть явленіе доисторическое, общеславянское, свойственное и Русскому языку, то и въ такомъ случаѣ, какъ лит. galwa, получается ст.-сл. *глава*. Эта послѣдняя форма должна предполагаться русскою *голова*, въ которой *второй* гласный звукъ (послѣ *л*, *р*) имѣетъ этимологическое значеніе.

То, что я имѣю возразить противъ мнѣнія, что постпозиція глухихъ въ *влъна* есть явленіе доисторическое и общеславянское, было уже высказано мною.

Въ такихъ случаяхъ, какъ *расти—растъ*, при корнѣ ardh, Русскій языкъ дѣйствительно сходенъ со всѣми славянскими относительно мѣста основной гласной; но условія появленія здѣсь *ра* изъ *ар* другія, чѣмъ въ *градъ*—gardas и пр., именно: въ послѣднемъ случаѣ основное *ар* слѣдуетъ за согласною, тогда какъ въ первомъ оно начинаетъ слово. Отсюда можно вывести, что существованіе въ Русскомъ формы *росту* не принуждаетъ принимать въ немъ первенство формы *градъ* передъ *городъ*, а, напротивъ, можетъ быть соглашено съ первенствомъ полногласія, хотя не непремѣнно въ его русской формѣ. Допустивъ такое первенство въ обоихъ случаяхъ, можно понять, что въ словахъ корня *ард*, а съ полногласіемъ *арад* или въ этомъ родѣ, первая гласная могла исчезнуть, между тѣмъ какъ въ *городъ* она сохранилась, благодаря начальной согласной.

Я весьма сожалѣю, что неясностью своего изложенія далъ поводъ г. Ягичу замѣтить, что онъ не умѣетъ найти надлежащаго смысла въ томъ, что я говорю по поводу полногласія (Два Изслѣд., 38—15) объ отношеніи сербскихъ удареній къ русскимъ, и заявить, что онъ по крайней мѣрѣ не могъ бы отсюда объяснить русскаго полногласія. Между тѣмъ я и теперь думаю, что этотъ вопросъ не можетъ быть обойденъ при изслѣдованіи нашего полногласія, такъ какъ изъ русскихъ словъ только въ полногласныхъ могутъ быть найдены измѣненія, вполнѣ соотвѣтственныя всѣмъ измѣненіямъ сербской акцентуаціи. Въ самомъ дѣлѣ, не поразителенъ ли не мною первымъ замѣченный фактъ соотвѣтствія между штокавскимъ *глâва* (чакавское глава̑), шток. ж. *млада* (ча экск. млâда) и русск. *голова́*, *молоди́*, между глâву (=глâаву), *млâад* (млâад) и *го́лову*, *мо́лодъ*, тогда какъ сербск. мрâз=*моро́зъ*? И не принуждены ли мы признавать, что такое сходство неможетъ возникнуть въ языкахъ независимо, отъ сходныхъ причинъ, но должно имѣть основаніе въ доисторическомъ ихъ единствѣ? Прежде изъ соотвѣтствія чак. рâа (долгая гласная съ удареніемъ на первомъ элемен-

тѣ)=в. *о́ро*, чак. *раа* (долгая гласная безъ ударенія)= русск. *оро* (безъ ударенія), чак. *ра̑* (краткая гласная)= русск. *оро́* и проч., я выводилъ, что такъ какъ во время русско-сербскаго единства эти слоги были равны въ количественномъ и тоническомъ отношеніяхъ, то они были равны и въ качественномъ. Этого я держусь и теперь; но тогда, подъ вліяніемъ предрасположенія къ большей древности *ра* сравнительно съ *оро*, я не видѣлъ, что тоническое и количественное сходство русск. *оро* и пр. съ сербск. *ра* само по себѣ оставляетъ возможность заключать на-трое: или *оро* древнѣе *ра*, или на оборотъ, или то и другое уже въ Славянскомъ языкѣ имѣло древнюю общую форму, изъ которой независимо развились обѣ первыя. Въ этомъ смыслѣ, конечно, разсматриваемое сходство не объясняетъ русскаго полногласія; но это сходство все-таки прибавляетъ кое-что къ нашимъ свѣдѣніямъ о полногласіи. Допустивъ третье предположеніе, что *оро* и *ра* возникли изъ общаго, напримѣръ, *ара*, мы могли бы объяснить разсматриваемое сходство такимъ образомъ: серб. *ра̏*= рус. *о́ро* предполагаетъ *а̏ара*, шток. *ра́*=чак. *ра*=рус. *оро* (безъ ударенія) предполагаетъ *аара* (съ первымъ *а* долгимъ, какъ и въ первомъ случаѣ, но безъ ударенія); сербск. *ра̑*=русск. *оро́* предполагаетъ *ӑра* (первое *а* короткое ударяемое). Это значило бы, что хотя второе *а* первоначально имѣетъ лишь характеръ фонетической вставки и, стало быть, кратко, но оставшись одно (въ *ра* и проч.), оно приняло на себя всѣ функціи перваго, потеряннаго звука. Такой процессъ никакъ не можетъ быть названъ стяженіемъ, ибо стяженіе и двухъ краткихъ *а* (*ӑра* въ *ра*) должно было бы дать въ результатѣ не *ра̑*, а долгое *ра̄*, чего мы не видимъ.

Относительно происхожденія полногласія и соотвѣтственныхъ формъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ г. Ягичъ считаетъ возможнымъ сдѣлать два предположенія: 1) или изъ gardas произошло *градъ*, отсюда въ одну сторону польск. *гродъ*, въ другую—*гародъ* и *городъ*. Это предположеніе состоитъ въ пониманіи метатезыъ

строгомъ смыслѣ: это настоящая перестановка *ар* въ *ра* безъ всякихъ посредствующихъ ступеней, при чемъ форма съ *ра*—общеславянская; 2) или лѣствица была такова: gardas, откуда *гърадъ*, то-есть, форма, въ которой послѣ метатезы между согласною беззвучною и плавною остался нѣкоторый малый звукъ, въ родѣ *ъ*. Отъ *гърадъ*— въ одну сторону *градъ*, форма, свойственная большинству нарѣчій, въ коей звукъ въ родѣ *ъ* вовсе исчезъ, а въ другую—*гъродъ*. Отсюда опять въ одну сторону съ потерею *ъ*—*гродъ*, въ другую съ возстановленіемъ чистаго характера перваго звука—*городъ*. Здѣсь г. Ягичъ приближается къ взгляду Бенфея, при чемъ о метатезѣ можетъ быть рѣчь лишь какъ о результатѣ, а не какъ о процессѣ. За основную, общеславянскую форму принимается не одна изъ наличныхъ, а такая, которой нѣтъ ни въ одномъ нарѣчіи: *гърадъ*. Здѣсь же замѣчу, что формы какъ *гъродъ*, принимаемыя г. Ягичемъ въ обоихъ предположеніяхъ, я считаю построенными совершенно теоретически, чѣмъ нехочу однако предрѣшать ихъ ненужности или ошибочности. Въ русскихъ памятникахъ дѣйствительно встрѣчаются такія формы: *вълосъ* (Вкладная Хутынскаго монастыря 1192, *Срезневскій*, Пам. русск. письм. 183); сюда же, быть можетъ, относится и *злото* на крестѣ княгини Евфросиніи, 1161 года, (ib. 178) вмѣсто *зълото*; но это, мнѣ кажется, не дѣйствительное явленіе языка, а лишь ошибочное написаніе. Такъ можно бы объяснять и «Ярославле *съребро*», и формы Остромирова Евангелія: *съребро*, *сребра*, *сребролюбьци*, *съребрьникъ*; но въ формахъ *съре*,—*съре*— глухой звукъ встрѣчается и въ древнихъ юсовыхъ памятникахъ нерусскаго письма, какъ Супр. рук., и не есть описка. Ср. Mikl. Lex. *сребро*. Однако тотъ, кто бы думалъ какъ и о форм. *вълосъ*, долженъ былъ бы вѣдаться и съ формами, которыя, небудучи приняты за описки, ведутъ къ противоположному заключенію. Именно въ Грамотѣ 1228—1229 гг. (С. Г. Гр. II, № 1, *Срезневскій*, Мысли, объ Ист. Рус. яз., 194. *Буслаевъ*, Хр., 349): *веръмьнмь* (и *веремьнемь*), и—

своего *горда* (при «городоу»), *берьга*, *берьгомъ* (и брѣга), за *голъву*, *холъмъ*, много разъ *серьбра* (при серебра), но рядомъ и *хълмоу*, срамъ. И дѣйствительно, г. Колосовъ, приводя такія формы, какъ *голъву*, спрашиваетъ: «Второй гласный звукъ точно не окрѣпъ еще, не сдѣлался еще чистымъ (слѣдовательно, представляется сравнительно позднѣйшимъ)?» (Очеркъ, 90). Онъ нерѣшается вѣрить этому, и не безъ основанія, ибо слишкомъ многочисленны доказательства того, что уже въ XI вѣкѣ, а если судить по спискамъ, то и въ началѣ X, русское полногласіе состояло изъ двухъ чистыхъ гласныхъ. При томъ же взглядѣ, по которому *оро* вышло изъ *ара*, это *оро* и вовсе не предполагаетъ формъ съ глухою гласною. Необходимость въ предположеніи формъ со звукомъ въ родѣ *ъ* при этомъ взглядѣ существуетъ только для объясненія формъ *градъ* (изъ г-радъ) и grod изъ *гродъ*.

---

4. Спрашивая себя о причинахъ, располагавшихъ насъ въ пользу бо̀льшей древности *ра* и пр. сравнительно съ *оро* и пр. и мѣшающихъ г. Ягичу рѣшительно стать на сторону его втораго предположенія, прихожу къ тому, что причины эти—съ одной стороны стремленіе принимать старо-славянскія, или, какъ говорятъ иначе, старо-болгарскія формы за основныя по отношенію къ формамъ другихъ нарѣчій, съ другой привычка къ способу заключенія отъ большинства: напр. въ большинствѣ нарѣчій (Ст.-сл., Болг., Сербско-хорватск., Хорут. Чешско-словацк., Польск., Лужицк.) гласная въ *градъ*, grod—послѣ плавной; слѣдовательно вѣроятнѣе, что ея мѣсто древнѣе русскаго полногласія, представляемаго только однимъ нарѣчіемъ (Русск.) или двумя (Вр. и Мр.) чѣмъ на оборотъ. Что до упомянутаго взгляда на Ст.-сл., то онъ имѣлъ силу, не смотря на то, что ни одинъ изъ болѣе извѣстныхъ изслѣдователей не принималъ его безъ ограниченій, а всякій указывалъ то на то, то на другое, въ чемъ другія нарѣчія древнѣе. Мы старались

показать прежде, что относительно различенія ъ и ь и ихъ мѣста при плавныхъ Ст.-сл. не древнѣе Русскаго, Польскаго, Лужицко-полабскаго. Точно такъ *шт* не древнѣе ч, сочетаніе шипящ. и *ц* съ неѣтированными не древнѣе русск. *жю*, *ця* и пр. Въ этомъ отношеніи можно пойти и далѣе, не подвергаясь опасности принять русск. *торгъ* за форму, относительно качества *о*, болѣе древнюю чѣмъ *тръгъ*, или ново-болгарскія формы *стърна*, *върта*, сербск. *гарван*, за болѣе древнія чѣмъ ст.-сл. *страна*, *врата*, *гавранъ*. Что же до заключенія отъ большинства, то (не говоря уже о томъ, что оно, судя a priori, можетъ дать только сомнительный результатъ, такъ какъ не лишено вѣроятности и то, что одно нарѣчіе сохранило признакъ, потерянный всѣми остальными), мнѣ кажется, полезно усвоить себѣ кое-что изъ стариннаго взгляда русскихъ ученыхъ на этотъ предметъ (Максимовичъ въ 1836 г. и въ Начат. Русск. Филолог. 1848 г., 22 слѣд.). Недумаю, чтобы можно было придавать генетическое значеніе дѣленію Славянскаго языка на двѣ половины: русскую и западно-славянскую (Максимовичъ), такъ какъ языки относимые къ послѣдней врядли имѣютъ какіе либо общіе признаки (кромѣ отсутствія полногласія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова), которые можно бы противопоставить признакамъ русской половины, и такъ какъ въ другихъ отношеніяхъ, между прочимъ по акцентуаціи, юго-славянскія нарѣчія тѣснѣе связаны съ Русскимъ языкомъ, чѣмъ съ сѣверо-западными; но мнѣ кажется убѣдительнымъ то, что Русскаго языка, которымъ говоритъ почти вдвое столько народу, сколько всѣми остальными славянскими взятыми вмѣстѣ, нельзя считать за такую единицу, какъ нарѣчія Лужицкія и Хорутанское.

---

5. Прежде чѣмъ перейти ко взгляду г. Гейтлера на полногласіе, не мѣшаетъ напомнить о мнѣніяхъ высказанныхъ г. Максимовичемъ гораздо раньше: въ 1839 г. (Ист. Русск. Слов.) и особенно въ 1848 г.

(Начатки Русской Филологіи), тѣмъ болѣе, что г. Лавровскій въ статьѣ о полногласіи при обзорѣ мнѣній объ этомъ предметѣ упоминаетъ только о первомъ изъ названныхъ сочиненій.

Конечно, въ наше время можно располагать гораздо большею массою свѣдѣній для доказательства того или другаго мнѣнія, чѣмъ 20 30 лѣтъ тому назадъ; намъ можетъ очень дешево достаться возможность относиться свысока къ сближеніямъ Максимовича съ санскритскимъ (*боровъ* съ скр. *варяга* (sic), т. е. *варâhа*; *сорока* съ скр. *саранга*, т. е. *сâранга*, что впрочемъ значитъ антилопа; *порохъ* съ скр. *параға*, т. е. *парâга*, пыль. Нач. Рус. Филол. § 57); къ его сближеніямъ съ Литовскимъ (Поль. brog съ Лит. baragas, *порохъ*, съ лит. parakas—сравненія вѣрныя, но не имѣющія цѣны, такъ какъ эти литовскія формы заимствованы изъ русскаго: *борогъ*=Мр. *оборіи*, *порохъ*); особенно же — къ такимъ, какъ сближеніе Мр. *морока* съ миѳологическою Оморокою у Бероза (ib. примѣч.), напоминающее Мицкевичево объясненіе имени Навуходоносора: ne—bóg—odno—car. Точно также теперь не трудно уберечься отъ мнѣнія, что Лит. warnas, beržas, Гот kalds суть сокращенія полногласныхъ формъ, каковы *ворона*, *береза*, *холодъ* (ib. стр 108), или отъ подтвержденія того, что «первоначальныя формы словъ были полнозвучнѣе и многосложнѣе, а сокращенныя являлись послѣ такою ссылкою на развитіе органической природы: «тѣмъ же ходомъ шла и органическая природа въ образованіи своихъ родовъ: сперва они являлись въ полнѣйшемъ выраженіи, видами совершеннѣйшими; а подъ конецъ, какъ бы усталая жизнь рода производила менѣе полные, низшіе виды (ib. 105—6)». И теперь люди, наклонные къ болѣе обширнымъ взлядамъ, ищутъ не безъ успѣха въ явленіяхъ внѣшней природы аналогій явленіямъ языка. Отбросивши все это, мы видимъ, что мнѣнія Максимовича mutatis mutandis могутъ возродиться и въ наше время. Таково Максимовичево дѣленіе слав. языковъ на двѣ рѣчи, Русскую и Западно-славянскую,

основанное на томъ, что въ первой болѣе полногласія, т. е. обилія гласныхъ звуковъ среди согласныхъ (Нач. § 38). Мнѣніе свое Максимовичъ противопоставляетъ мнѣніямъ Шафарика, какъ о дѣленіи Слав. языка, такъ и о томъ, что и всѣ первобытныя свойства славянщины, попадающіяся въ прочихъ нарѣчіяхъ только отдѣльно, по частямъ, словно обломки послѣ бури и наводненія, въ Церк.-славянскомъ или Кирилловскомъ находятся вмѣстѣ и въ цѣлости (Шафарикъ, Слав. народопись. 32, Максимовича Нач. Русск. Филол. § 38), и о томъ, что въ русск. словахъ съ *оро* и пр. «*вставное е* и *о* между плавными *р*, *л* и нѣмыми согласными» (Народ. 9. Начатки 102; слѣдовательно, вставное—второе *е* и *о*). Полногласіе главнымъ образомъ, хотя не исключительно, проявляется въ двухъ породахъ словъ при *р*, *л*: въ одной—Русск. порохъ—прахъ, prach, въ другой—Русск. слеза, перстъ при сlза, сuза, прст (Нач. 114)». «Не бывъ ни вліяніемъ чудскимъ (Добровск.), ни произведеніемъ сѣвера (Восток.), полногласіе Русской рѣчи составляетъ ея первобытное свойство, и если бы оно небыло родовымъ, исконнымъ, то его и совсѣмъ бы небыло въ ней. Ибо нѣтъ никакой особенной причины къ такой перемѣнѣ, которая была бы вопреки общему ходу и славянской и другихъ родственныхъ рѣчей» (ib. § 48). «Наклонность къ сокращенію всего болѣе въ слав. рѣчи (въ томъ числѣ и въ русской) обнаружилась въ окончаніяхъ словъ (о чемъ § 49).» «Церковныя формы (съ ъ и ь) *мьчь*, *дьнь* произошли изъ полногласныхъ *мечь*, *день*; *перотъ*, *торгъ* перешли въ *трг*, *прст* и Церков.-слав. *тръгъ*, *пьрстъ*» (выше мы это видѣли у Гейтлера). «Принимать обратное значитъ противорѣчить и общему ходу развитія славянской рѣчи и господствующему выговору приведенныхъ словъ не только въ русскихъ, но и въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ, а также и въ разныхъ другихъ языкахъ индо-европейскихъ» (§§ 52—2). «Западно-славянскія формы *мрак*, *брег*, *древо* въ такомъ же отношеніи находятся къ перво-славянскимъ, сохранив-

шійся на Руси словами *морокъ*, *ворихъ*, *) *дерево*, какое къ нимъ самимъ имѣютъ истощенныя формы —*мркъ*, *бріъ*, *дрво;* въ какомъ чешскія слова *влкъ*, *српъ* находятся къ обще-славянскимъ *волкъ*, *серпъ*. Сначала стали обходиться однимъ изъ двухъ гласныхъ звуковъ, а потомъ стали опускать и оба» (§ 58). «Можетъ быть здѣсь сперва было только утонченіе перваго гласнаго звука въ полугласный, т. е. вмѣсто *человѣкъ*, *голова*, *городъ*, *дерево*, было сперва *чьловѣкъ*, *гълова*, *гъродъ* и пр., и уже послѣ стало *члоеѣкъ*, *глава* и пр.» (§ 59).

Слова, какъ *глава*, «сокращены выпускомъ перваго гласнаго звука» (§ 61). «Въ Кашубскомъ нарѣчіи и въ языкѣ Полабскомъ изъ двухъ гласныхъ звуковъ, у насъ постоянныхъ, удерживается не второй, какъ бы слѣдовало по общему западно-славянскому обычаю, но первый, по обычаю литовскому. Кашубы напр. вмѣсто *порогъ* и пр. говорятъ *парг*, *варна*, *сарка*. Полабцы говорили: *ворна*, *корва*, *морз*, *ворта*» (§ 63). Обстановка звуковъ *р* и *л* двумя гласными ведется въ русской рѣчи издревле и убавилась въ ней уже послѣ, такъ какъ слова этого рода вытѣснялись церковно-славянскими *власть* и пр. (§ 55).

Въ самой рѣчи западно-славянской встрѣчается изрѣдка полногласіе какъ нежданный слѣдъ старины первобытной. Такъ имя кустарника *деренъ*, сокращенное западными Славянами въ *дренъ*, *дрнъ*,—по польски *дёрёнь*. Слово *черешня* (cerasus) такъ выговаривается и у Словаковъ, безъ сокращенія въ *чрешня* или *трешня*. Въ старо-чешскомъ языкѣ встрѣчаются слова *перепелъ*, *черево*, *черепъ* (?); въ старо-польскомъ *череда*, *чересня*. Имя *норовъ* или *норовъ* понынѣ ведется въ Южной и Сѣверной Руси, хотя у насъ принялась и церковная форма *нравъ*. У Поляковъ также держится еще древняя полногласная форма *норувъ* или *наруеъ;* у Хорватовъ и Сербовъ *нарвъ* (§ 56).

*) Максимовичъ, какъ видно, не знаетъ русскаго *боровъ* = Мр. *оборіъ* дѣйствительно соотвѣтствующаго Польскому *wieprz*.

Эти последнія доказательства не всѣ одинаковаго достоинства. Такъ изъ Польскаго словаря можно бы привести не одно слово въ томъ же родѣ (chołodziec=chłodnik, mołojec, czeremcha, czerep, czerepacha: «żaba krostawa, ktorą Rusniacy zową czerpacha») столь же несомнѣнно русское по происхожденію, какъ и deren («krzew Ruski abo Podolski»), «czereda («kozackie czeredy», czereda sług, какъ по Малор. «за нею хлопців череда»), между тѣмъ какъ туземное trzoda—только стало въ собственномъ значеніи, какъ и czereśnia при туземномъ trześnia. Хотя, какъ видно изъ Линде, одинъ и тотъ же писатель (Крамеръ) безразлично употребляетъ и norow и narow, но мнѣ кажется возможнымъ раздѣлить эти формы такъ, что лишь последнюю съ *a* считать туземною, а съ двумя *o*—заимствованною изъ Русскаго: «Mówi Ruś: szto horod to norow».

Если устранить мнѣніе о происхожденіи *тѣръ*, *пьреть* изъ *торъ*, *перстъ*, гдѣ, по нашему мнѣнію, противъ Максимовича, равно какъ противъ Гейтлера вся древняя русская письменность, и если разсматривать только мнѣніе о происхожденіи *ра* и пр. изъ *оро* и пр., то оказывается, что и это мнѣніе доказывается только заключеніями отъ общаго, которое въ свою очередь требуетъ доказательствъ, да двумя-тремя словами. Но справедливость требуетъ признанія, что и противоположное мнѣніе, а равно и попытки объяснить *оро* и пр. при помощи славянской взаимности были поставлены не прочнѣе.

---

6. Г. Гейтлеръ тоже доказываетъ, что *рѣ*, *лѣ* возникли изъ Русск. *ере*, *еле*, а *ра ла*, изъ *оро*, *оло*, съ тою особенностью, что *ѣ* въ Ст.-сл. сочетаніяхъ этого рода возникло изъ *стяженія* двухъ *е*, а *а*—изъ стяженія двухъ *о*.

Объ отношеніи *оро*, *оло* къ *ра*, *ла* г. Гейтлеръ говоритъ слѣдующее.

«До сихъ поръ при обсужденіи русск. слоговъ *еро*, *оло* не обращалось вниманія даже на ту простую истину, что они возникли лишь тогда, когда Славянскому языку стало нужно освободиться отъ ненавистныхъ сочетаній, начинающихся съ *р*, *л*» (Лат. galwà—*голова* и пр.). И то, сколько мнѣ извѣстно, осталось нерѣшеннымъ, слѣдуетъ ли считать болѣе древними Русск. *еро*, *оло* или ст. Болгарск. *ла*, *ра*, хотя чуть было не взяло верхъ менѣе вѣроятное изъ обоихъ предположеній такъ, какъ ст.-болг. формы обыкновенно принимаются за болѣе древнія» (Fonologie § 82).

Чтобы невозвращаться къ этому позже, здѣсь уже можемъ замѣтить, что почва, на которую ступаетъ г. Гейтлеръ, не такъ дѣвственна, какъ онъ полагаетъ. Вопросъ, за который онъ берется, уже до него рѣшался и въ томъ же смыслѣ, и «простая истина» о ненависти, возникшей въ Слав. языкѣ къ сочетаніямъ плавной съ нѣмою, тоже принималась въ соображеніе, но, какъ я старался показать, оказалась не совсѣмъ простою, если не вовсе мнимою.

Г. Гейтлеръ надѣется, что дѣло это выведется изъ сомнѣнія такими соображеніями:

1) «Всѣ дославянскія *ă* (за исключеніемъ нѣкоторыхъ въ началѣ словъ: *азъ*, *алкати*, *алдии*, *алнии*) перешли на славянской почвѣ въ *о* и лишь тѣ *ă* остались, которыя стояли передъ сочетаніемъ плавной и согласной. Если взять во вниманіе чистую послѣдовательность въ переходѣ основнаго *ă* въ славянское *о* внутри словъ, то возникаетъ вопросъ, почему именно въ этихъ случаяхъ краткое *а* (*ă*) остается неизмѣннымъ (bărzda —*брада*)?»

2) «Мы назвали перестановку «ассимиляціей послѣ *р*, *л*.». Если изъ *съмьрть* вышло *съмьрьть*, изъ *вълкъ* *вълькъ*, изъ Литовск. derwà—*дерево*, то что могло развиться на славянской почвѣ изъ gălwà? Въ силу необходимаго перехода *ă* въ *о*—*голва*, ассимиляціей послѣ *л*—*голова*, а стяженіемъ—*глава*; *а* есть вознагражденіе за два краткія *о*, какъ *ѣ* за два *е* въ *дрѣво*. Имѣето

двухъ краткихъ *о* мы ожидали долгаго *ō*, котораго однако ст.-Болгарскій яз. не знаетъ; изъ всѣхъ гласныхъ *а* наиболѣе годилось быть вознагражденіемъ» (за два *о*).

«Московское произношеніе слоговъ *оло* или есть позднѣйшее слѣдствіе ударенія, и слѣдовательно не мѣшаетъ нашему объясненію, или дѣйствительно сохраняетъ слѣды *ŏло*, *ăлă*, и въ такомъ случаѣ изъ galwa развилось прямо gălăwa, *глава*, какъ изъ *мерти* и *мерети—мрѣти*» (Fonol. § 70, 1, 2. прим.). Здѣсь замѣчу отъ себя, что Русскіе памятники разрѣшаютъ эти сомнѣнія, показывая, что южно-великорусск. произношеніе *о* неударяемаго за *а* восходитъ лишь къ концу XIV и нач. XV в. (Два изслѣдов. о Зв. Рус. яз. 60. Колосовъ. Очеркъ 131). Слѣдовательно, г. Гейтлеру остается возникновеніе *а* въ *глава* изъ двухъ *о* въ *голова*.

3) «Ст. болгарск. яз. никогда не разлагаетъ *ла*, *ра* въ *оро*, *оло*, но наоборотъ стягиваетъ рѣшительно болѣе древнее *оро*, *оло* въ *ра*, *ла*» (Fonol. § 82, стр. 57).» «Уже безъ сравненія съ русскимъ никто не сомнѣвается, что ст.-болг. *пладьнице* возникло изъ *полодьнице* (meridies). Примѣръ этотъ важенъ потому, что въ немъ *оло* не возникло посредствомъ ассимиляціи послѣ *л*; *поло* отъ *полъ* (dimidium) прямо доказываетъ возможность стяженія сочетанія *оло* въ *ла* (какъ четвере—четврѣ)». «*Слатина* (salsugo, aqua salsa)—безъ сомнѣнія отъ *соль*; суфф. есть *отина* (ср. бльв-отина, харк-о-тина); основная форма есть *солотина*». «*Блато* (Лит. balà) изъ *бол-ото* (ср. тон-ото), которое до сихъ поръ въ Русскомъ; *блатина* изъ *бол-отина*, какъ *слатина*, ср. Лит. balātė, болотце». «*Слама*, по единогласному свидѣтельству остальныхъ языковъ, звучало нѣкогда kalăm—(Греч. κάλαμος, Лат. calamus, Древнѣм. halam, Curt. Grundz. № 29), откуда, послѣ перехода *к* въ *с*, правильно могло возникнуть только *солом*—какъ въ Русск.» Ср. Др.-нѣм. walah, Русск. *волохъ*, съ *влахъ*; Лат. saracenus, *сороцининъ*, *срацининъ*» (Fonol. § 70, 3).

4) Первый слогъ удвоенныхъ словъ бываетъ краткій: *хохотати*, *поготати*, *дежджь* (изъ *деде* по

§ 160); *мрьмрати* изъ *мермер*, *мьрмьр*, *мырьмыр*, *мрьмьр*; откуда же *а* удвоенія въ *глаголати* при *а* удвояемаго слога? *а* можетъ быть здѣсь лишь неорганично; основное *глаглъ* невозможно; правильное удвоеніе корня *гал* есть *галгал*, отсюда *голгол*, *гологол* (совершенно какъ *плъпелица* § 66, на концѣ). Русское *глаголати* есть или заимствованіе изъ Ст.-болг. или стяженіе» (авторъ принимаетъ, что и Русск. языкъ стягиваетъ *оло* въ *ла* и пр., напр. *злать*, или колеблется между основными формами и стяженіями, напр. *хоромъ*, *храмъ* (§ 82, стр. 57).

«Такимъ же образомъ и *плаполати*, Чешск. chlacholiti, krákorati» (§ 70, 4).

Къ объясненію формъ Польскихъ и Кашубскихъ (Fonol. стр. 57) воротимся послѣ; теперь же перехожу къ оцѣнкѣ изложенныхъ мнѣній.

Изъ предъидущаго можно видѣть, что я теперь признаю силу аналогій указанныхъ Бенфеемъ и др. и что, стало-быть, я не стану противорѣчить слѣдующему утвержденію, взятому въ его неопредѣленной формѣ: «между древнѣйшими дославянскими сочетаніями какъ согл.+а+р v. л+согл. и сочетаніями *ра*, *ла* послѣ согласной среднюю повремени и переходную степень занимаетъ полногласіе, т. е. согл.+глас.+р v. л+глас.».

Для поясненія удобства этого положенія, можно выразить его слѣдующимъ образомъ: основныя формы *гард—ас* (urbs) и *град—ас* (grando) перестаютъ качественно различаться по звукамъ въ Ст.-сл. *градъ* и могли различаться развѣ тонически и количествомъ коренной гласной; но въ Русск. и Польск. эти слова различаются и качествомъ гласныхъ: съ одной стороны *городъ*, gród, съ другой *градъ*. Это различіе, совпадающее съ тѣмъ различіемъ, которое мы принимаемъ за относительно первообразное, труднѣе будетъ объяснить, принявши, что *гордас*, *градас* сначала сошлись въ общеславянской формѣ *градъ*, а потомъ вновь въ Русск. и Польск. стали различаться, чѣмъ предположивши, что

въ этихъ послѣднихъ нарѣчіяхъ видоизмѣненія основныхъ формъ *гард* и *град* никогда недостигали сходства и по качеству своихъ гласныхъ.

Итакъ мои замѣчанія будутъ относиться къ болѣе частнымъ вопросамъ.

Форма *глава* ближайшимъ образомъ возникла изъ полногласія, но изъ какого именно, того ли, что въ Русскомъ, и какимъ образомъ? Мы видѣли выше отвѣтъ: *ла* изъ *оло*, *а* изъ стяженія двухъ *о*, вм. ожидаемаго долгаго ō, котораго ст.-Болг. языкъ *не зналъ*. Это *незнаніе* есть такое предположеніе, которому авторъ не позаботился пріискать основаній. О долготѣ и краткости гласныхъ вообще, равно какъ и объ удареніи въ Ст.-сл. мы положительнымъ образомъ незнаемъ ничего *) и можемъ заключать объ этомъ лишь по тѣмъ нарѣчіямъ, въ коихъ есть и теперь долгота и краткость гласныхъ и подвижность ударенія. Притомъ, такъ какъ долгота гласныхъ въ Серск. (*хлâд*=Рус. *хóлод*, мѣстн. пад. *у хлáду*=Русск. въ *холодý*) можетъ имѣть при себѣ краткость въ Чешск. (chlád), о чемъ смотр. Два изслѣд. 45—6, то еще вопросъ, можно ли отъ этихъ нарѣчій заключать къ Ст.-Славянскому, и если да, то отъ какого именно въ данномъ случаѣ. Если различныя начертанія *о* въ Ст.-Слав. неимѣютъ никакого отношенія къ долготѣ и краткости этого звука, то отсюда слишкомъ поспѣшно было бы заключать, что количественнаго различія этого звука и небыло и что *о* всегда было кратко. Во многихъ случаяхъ нарѣчія Сербское, Хорутанск., Малорусск., Чешск., Польск. предполагаютъ именно долгое *о*, которое или остается (Серб. мôј, т. е. мооj), или переходитъ въ дифтонги, которые потомъ частью остаются, частью сливаются въ единичныя гласныя: Мр. муой, муй, муий, мий, мій, Ст.-Чешск. muoj, Нов.-Чешск. můj, Польск. mój, (см. другіе примѣры въ V. Gr. Mikl. I 356, срв. въ моихъ Замѣч. о Мр. нар.

---

*) Только г. Гейтлеру извѣстно «всеобщее правило, что въ Ст.-Болг. нѣтъ долгихъ гласныхъ» (Fonologie § 55—2).

23—34). Хотя въ этомъ примѣрѣ долгота, не смотря на сходство многихъ нарѣчій, и есть, вѣроятно, явленіе болѣе позднее, чѣмъ утрата конечныхъ глухихъ, но подобныя удлиненія *о* могли имѣть мѣсто и раньше. Ср. напр. въ памятникѣ XI в. *врагоомъ*. (Колос. Очер. 62.) Допустивши это, мы не въ состояніи будемъ понять, почему стяженіе двухъ *о* (*оро*, *оло*), совершившееся, по признанію Гейтлера, уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, Чешскаго, Ст.-Болгарскаго (Fonol. § 82 въ нач.), дало въ Чешск. не форму hrōd, a hrād (=городъ), въ Сербск. *град* (=*граад*), а не *грōд*. Если бы *а* было такою естественною замѣною двухъ *о*, то было бы странно, почему ни одно изъ тѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ коихъ *ра*, *ла* вм. *оро*, *оло*, при встрѣчѣ конечнаго тематическаго *о* съ начальнымъ въ сложныхъ словахъ (бого—отьць, Серб. врлð—ок и т. п.), никогда необмолвится и не сольетъ этихъ звуковъ въ *а*? Раздѣльность сочетаемыхъ словъ здѣсь ничего незначитъ, ибо немѣшаетъ же она встрѣчаемому въ ст.-русск. памятникахъ сліянію *ѣ+и* въ *ѣ*, *ь+и* въ *и*. *) Признавши аналогію между *плѣнъ* изъ *пълнъ* и *глава* изъ *голова*, мы спрашиваемъ себя, почему и въ первомъ случаѣ не видимъ результатовъ компенсаціи? почему изъ *ъ* не вышелъ болѣе полновѣсный звукъ? На это мы остаемся безъ отвѣта.

Итакъ возможность стяженія двухъ *о* въ *а* можетъ быть отнесена развѣ къ совсѣмъ другому звуковому строю, чѣмъ тотъ, какой находимъ въ славянск. языкахъ въ историческое время. Единственное, на что, не

*) Въ Жит. Θеод. XII в. (Чт. общ. Ист. и др. 1858, 3) *укакаряхути и*, *любляхути и*, *имяхути и*, *оболачашети и*, *видѣхомы и*; въ Смол. Грам. послѣ 230 г. (Срезн. Пам. Р. п. 224): *а вгсхочети и казнити*; въ Синод. сп. Русск. Правды и Впраш. Кюриковъıхъ XII в. (Рус. Достоп. I.) *познаѥти и* 34, *творити ю* (=ть ю, жену) прелюбы дѣяти 192; Въ Ев. 1307 (Буслаева Христ. 100) *моляхути и*; въ Волын. Ев. XIV в. *въпрашахути* (вм. *ти и*); Буслаева Гр. § 84, пр. 6. Колосовъ, Очеркъ 75.

видимому, можно бы сослаться въ подтвержденіе этого предполагаемаго явленія, и на что однако не ссылается Гейтлеръ, по причинамъ, о которыхъ ниже, есть *а* въ *пробаса* (3 л. мн. аор. Assem.) при *бости*, съ чѣмъ параллельно и *вѣса* (3 л. мн. аор.) при *вести*. Оба эти случая называютъ вознагражденіемъ за потерю согласной. Сходныя съ этимъ явленія: *бости—пробадати*, *мести—замѣтати* относятся къ такъ называемому усиленію гласныхъ.

Въ слѣдующей главѣ «объ усиленіяхъ» я постараюсь показать, что вопросъ: произошло ли *а* въ *пробадати* изъ *о* (въ *бости*), или изъ основнаго *а*, принадлежитъ къ числу такихъ, которые покамѣстъ рѣшаются на-двое.

Въ интересахъ того, что *а* въ *брада* произошло изъ двухъ *о*, было бы доказывать, что и *а* *пробадати* произошло изъ удлиненія *о*; но г. Гейтлеръ утверждаетъ противное. Мнѣ кажется, что если *а* въ *бадати* дѣйствительно изъ *о*, а не изъ основнаго *а*, то изъ этого еще неслѣдуетъ, чтобы и *а* въ *брада* было изъ *о*. Форма *брада* образовалась безъ сомнѣнія на славянской почвѣ; но есть прочныя основанія думать, что и самое *о* возникло на той-же почвѣ и что уже до время особности Слав. языка на мѣстѣ позднѣйшаго *о* еще нѣкоторое время стояло *а*.

---

7. Почему непредположить, что *ра*, *ла* (=Русск. *оро*, *оло* возникли не изъ Русск. оро, оло, а изъ болѣе древней формы *ора*, *ала*? Такое предположеніе было бы проще, такъ какъ оно а) ненуждалось бы въ предположеніи, что первое *о*, переходя на другую сторону плавной, даетъ *оо*=*а*, чему, какъ мы видѣли, нѣтъ аналогій; б) незаставляло бы принимать непремѣнной первоначальной долготы *а* въ *ра* изъ *роо* и пр., а позволяло бы думать, что первое *а*, исчезая передаетъ свое количественное значеніе второму; в) избавляло бы отъ лишней гипотетической формы

голва. борда. а позволяло бы возводить *голова* прямо къ *главы, гава*. Для г. Гейтлера невозможность такого предположенія вытекаетъ изъ мнѣнія, что всякое краткое *а*, кромѣ начальнаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ, перешло на славянской почвѣ въ *о*, стало-быть *галва* въ *голва*; но, мнѣ кажется, повѣрка показываетъ, что это мнѣніе предвзятое ради объясненія между прочимъ *глава* изъ *голва*, и ошибочное, что именно при плавныхъ въ славянскомъ удержались такія *а*, которыя по всей вѣроятности между прочимъ предполагають и дославянское *ă*, а не *ā*.

Сюда прежде всего

а) относятся слова, имѣющія въ однихъ слав. нарѣчіяхъ (большею частью, хотя не исключительно въ Юго-Зап.) *ла, ра*, другихъ, иногда въ тѣхъ же самыхъ, но преимущественно въ Русскомъ и Сѣв.-Зап., *ле, ло, ро* въ началѣ.

Сербск *лабуд*, Чешск. Словацк. labut, labud', Польск. łabędź, Хорут. labod, lobod, lebed. Ст.-сл. *лебедь*, Болг. lebed, Русск. *лебедь* (что предполагаетъ *лебдь*, откуда *лебяжій*). См Микл. Lex и Curt. Grundz. № 399. Основное значеніе бѣлизны: albus. Основная фор. корня, судя по Греч. *αλφ*, должна быть *албъ*. Перестановка (черезъ посредство *алаб*) могла совершиться уже въ дославянское время, какъ можно догадываться по Литовск. lábas, добрый, значеніе котораго могло также развиться изъ *бѣлый*=свѣтлый, какъ и въ Литовск. baltas, бѣлый, добрый, ласковый и Зап. Русскомъ *бѣлъ* молодецъ=добрый молодецъ, или, быть можетъ, *хупавъ, купавъ* молодецъ.

Хорут. laboda, loboda, lebeda. Вр. лебеда, Мр. лобода, Болгрск.. *лобода* (lobodù), Чешск. lebeda, Поль. łoboda, lebioda, Н. л. łoboda, hoboda, woboda, собств. chenopodium album, отъ бѣловатой окраски листьевъ, одного происхожденія съ предъидущимъ. Сюда же Чеш. Labe, Н. л. Łobio (ср.), Полабск. Labi, Lobi (по Шлейхеру Labû, т. е. конечное *i* изъ *o*. Pol. Spr. 70).

Мр. *лабза*,—*юк*, мальчикъ попрошайка, нищій,—

-юковати, просить, стараться войти въ милость: Вулканъ «*прилабузнивсь* до Киприды, якъ до просителя писецъ» Котл. Энеида; Дон. *лабуниться*, подлаживатьсь лестью подъ кого; *лабазить* (Пск., Тв.), льстить, угождать; Каз. *лабзá*, потачка, баловство; Перм. Пск. Тверск. *лáбза*,—*унь*, кто подлаживается къ кому, льстивый угодникъ, *лабзиться* кому и —*ться* къ кому, льстить, подлаживаться; *лебезить* (Вр.)=лабзить, *лебезина*,—*нье* (Волог. Сиб.) лакомство; Хорут. lébditi — нѣжить, баловать; Сербск. *лѐбдити*—ib: «лебди око њега, као мати око ђетета», лебезитъ; Чешск. labužiti, лакомиться, labužka—лакомка; можетъ быть, сюда же, а не къ «liepej gožiś относится Н. Л. liebgožiś, lebgodny. wählisch, lüstern, niedlich, günstig. Трудно думать, чтобы *лабза*, *лебезить* и пр. могли быть заимствованіями, какъ Польск. labować—laben, или Н. Л. labowaś, жить, leben, или какъ *лобызати*, которое выводятъ изъ Готскаго.

Ст.-слав. *альдия—ладия*, Хорут. ladja, Сербск. лâђа, Русск. лодья, Чешск. lod', Польск. łódź, В. Луж. łódź, Н. Л. łoź, Литовск. eldija.

Ст.-слав. *лакъть*, Хорут. laket, Серб. лâкат, ст.-русск. локъть, нов. локоть, Польск. łokieć, В. Л. łohć, Н. Л. łokś, Чешск. loket, Литовск. alk—unė, elk—unė, olek—tis. Латышск. elkũns.

Ст.-слав. *лани*, въ прошломъ году,—Хорут. lani, Сербск. лâни, лáни, Русск. лони, Чешск. loni, Польск. łoni, В. Л. łoni, woni. По корню (ар) ср. скр. *p̊—my*, пора, время года. Съ литов. pérnai, въ прошломъ году (Beiträge VIII, 117), невижу сходства.

Хорут. lapotati, plaudern, Сербск. лапотљив, Русс. лапотать, лопотать, лепетать. Относительно *лапухъ*, *лопухъ*, *лепень*, и пр., которыхъ я не считаю заимствованными изъ Латинск., см. мою ст. О вліяніи нѣкорыхъ представленій 25—7 (Филолог. Зап. 1864, III).

Н. л. łakosćiś, laskosćiś, łaskośiś, Польск. łaskotać=łechtać, лоскотать, Мр. лоскоть, щекотъ

Ст.-слав. *рабъ*, Хорут. rab, Сербск. *роб*, Русск.

робъ (*рабъ*—заимствованіе), *робя*, ребя, Скр. arbha—puer, Ірвн. arbja, haeres, Mikl. Lex.

Хорут. rabiti—operari, Русск. робити, Польск. robić, и пр. Готск. arbaith, Латин. labor. Греч. ἀλφάνω, пріобрѣтаю, ἄλφ-ημα—заработокъ. Вѣроятнѣе, что слав. *а—о*=ă въ Греч. и Лат. словахъ, чѣмъ долгому *о* (ô) въ Литовск. loba—работа, ибо въ послѣднемъ случаѣ можно бы ожидать постояннаго *а* въ Слав.; Curt Gr.[2] № 398.

Ст.-слав. *равьнъ*, Нов.-болг. *раман*, Хорут. raven, Серб. *раван*, Рус. осн. *ровьнъ*, Чешск. rovný, Польск. równy. Н. Л. rovny, В. Л runy (=równy), Лит. raunas можетъ быть заимствовано изъ Русскаго.

Ст.-слав. *радити* и *нородити*, curare, negligere, Хорут. neroditi, Чешск. neroditi, В. Л. rodny—sollicitus. Mikl. Lex.

Ст.-слав. *ражьнъ*, stimulus, Хорут. ražen, razenj, Серб. ражањ, Рус. *рожснъ* (=рожьнъ), Польск. rożen, Чешск. rožen, В. л. rožen, Н. л. rožon.

Ст.-слав. *раждиѥ—рождиѥ*, Хорут. rožje—roždžje, Н. л. rozdzé, ср.

Ст.-слав. *раз*. Хорут. raz, Болг. раз, Серб. раз, Рус. *роз*, розно (раз въ значеніи предлога быть можетъ заимствовано, но *развѣ*?), Польск., Луж., Чешск. roz.

Ракыта, Болг. ракитà (à=ъ), Серб. ракита, Хор. rakita, Чеш. rakyta, rokyta. Польск. rokita, Н. Луж. rokit (м. р.), rokita, rokos'ina, rekita, Мр. рокита, Вр. раиита (*а* изъ *о* неударяемаго?) и рокита.

Ст. слав. *ралиѩ*, Хорут. ral ж., Русск. ролья (Мр. рілля), Польск. rola, Луж. rola, Чешск. role.

Ст.-слав. *расти*, Хорут. rasti, Болг. растнѫ, Серб. расти, Русск. рости, Польск. rosć, Чешск. rosti, růsti, Луж. rosć. Корень въ Скр. apdh (ṛdhnôти) рости. Славянскій глаголъ образованъ такъ, какъ литовскіе глаголы начинательные съ суф. t: girstu, girsti (слышать, изъ gird—iu. Schl. Lit. Gr. § 117.); срав. *плету* при πλέκω, Скр. прч изъ парк.

б) Сюда же отнесемъ и такія слова, кои во всѣхъ

славянскихъ нарѣчіяхъ сохраняютъ *а* при *р*, *л*, но въ которыхъ ничто не доказываетъ долготы этого *а*.

Ладьнъ, ровный (см. Mikl. Lex.) и четный «слыщахъ, яко надъ кубьею за упокой *д*—ма свѣщама подобаєть зажьыма бити, или *д*—мъ, или колико хотяче *ладно*; а за здравіе ē или г—ē. (Вираш. Кюр. Калайд. Пам. 180). Отсюда можно заключать что *Ладо* (Сл. о П. Игор.; Вр. пѣсни, Хорв. пѣсни)—собственно *ровня*, половина (какъ въ Малорусскомъ *ровня* въ супружествѣ выражаются посредствомъ «до пари»). Ср. также Вр. *ладъ*, линія на сплоченіи двухъ досокъ, пазъ между двумя досками; *лады* поперечные норожки на ручкѣ балалайки или гитары. Всѣ эти значенія удобно возвести къ значенію Лит. ardau—ardyti, раздѣлять, пороть швовъ, разбирать возъ, ломать домъ и пр. Въ Скр. ср. *рáд—ати*, findere, separare, или *áрдати*, *рйати*, in bewegung der theile gerathen. Впрочемъ весьма возможно, что другія слова *лад* (ладить, дѣлать) относятся къ скртск. радh—нô—ти, рâдh—.

Ст.-слав. *алъкати*, *лакати*, *лакнѫти*—esurire, Хорут. lаknoti, Польск. łaknąć; *лакомъ* во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ съ *а*; Лит. álkstu, álkti (съ долг. *â*), Латыш. álkstu, al'kt съ короткимъ, алъчьнъ,—лачьнъ, Лит. álkanas. Между тѣмъ литовскому lákù, lákti, Латышскому laķku, lakt, лизать, соотвѣтствуетъ славянское *локати*, Хорут. lokati, Сербск. (Босн. Дубр.) локати, Русск. локать, Польск. łoczyć, łokać.

Лани, *лань*, Латыш. alné, elne, между тѣмъ, какъ lone можетъ быть заимствовано изъ Русскаго.

Рамо, Готск. arms, Лат. armus, Греч. ἀρ—μενος—gefüge, passend, Скр. *ар—ам*, нар. на пóлнатѣ, сподручно, ладно, соотвѣтственно, Литовск. arti, близко. Miklos. Lex.

Рало, radlo, не изъ орало отъ орати, а отъ той формы корня, которая въ Литов. неопр. накл. arti, aru; ra—dlo относительно суффикса и формы корня=Санскритскому *ар—и—тра*, прил. приводящій въ движенье, гонящій (*и* есть спеціально санскритская встав-

ка) и Литовско-Латышскому arklas—плугъ и arklys—конь. *Ратай* не изъ *оратай*, а буквально съ Литовскимъ artojis—id.

Рака, arca.

Г. Гейтлеръ дважды упоминаетъ о словахъ съ *ал—ла*. Въ § 4 (Fon.) онъ говоритъ, что начальное *а* въ *алкати*, *алнии*, *алдиꙗ* возникло изъ дославянскаго краткаго ӑ; въ § 81 прим. находитъ, что «отношеніе словъ *алнии* и *лани* дославянское»; т. е., что въ *лани* перестановка имѣла мѣсто еще до выдѣленія Слав. яз. Не говоря уже о томъ, что дѣлаемое имъ сближеніе *лани* съ Лит. lonė подозрительно, такъ какъ это Литов. имѣетъ видъ заимствованнаго, сравнительно съ alnė, два другіе приводимые имъ примѣра *алкати* и *лакати* и *алдиꙗ—ладиꙗ*, имѣющіе при себѣ въ Литовск. только слова съ al, el (такъ какъ Лит. lākti, а не lakoti, какъ у Гейтлера,=не славянскому *лакати*, а славян. *локати*, не смотря на то, что въ Лит. *ā*), тѣмъ самымъ доказываютъ, что перестановка совершилась уже въ Слав. періодъ.

По мнѣ, изъ выше приведенныхъ мною словъ видно слѣдующее: 1) Если мы согласимся, что не *а* въ laboda объясняется изъ *о*, *е*, а наоборотъ, то слова подъ *а*) показываютъ, что было такое славянское (а не дославянское) *а*, которое уже на почвѣ отдѣльныхъ нарѣчій перешло въ *о* и *е*. 2) Нѣкоторыя изъ этихъ словъ (лабудь, laboda, лакати, лакъть, рабъ, раликъ, расти) и нѣсколько словъ подъ *б*) показываютъ, что именно тамъ, гдѣ слав. *ра*, *ла*=дослав. *ар*, въ славянскомъ удерживается *а*. 3) Если не всѣ, то нѣкоторыя изъ этихъ славянскихъ *а* предполагаютъ дославянское ӑ. Покрайней мѣрѣ нѣтъ никакого основанія къ противоположному заключенію, если считать славянскую (т. е. или Чешскую, или Сербскую) долготу за позднѣйшую и если принять, что Славянско-Литовскому *ā*=Литовское *о*.

Такъ при *рало* (Чешск. rádlo, но rālí, rālice, Сърб. (лора̑ Литовское ărklas; тоже въ Сербск. ра̏тај, Чешск. rātaj, Литовск. ărtojis. Если судить по Литовскому, то также кратко основное *а* въ *ладиꙗ*, *лакъть*, *лань*.

Сюда слѣдуетъ присоединить и *камы*, Серб. ка̏ми, ка̏мен (но въ Чешск. kámen, род. kam—ene) Литовск. ´kmй и предлогъ *пра*, *про*=Лит. pra; дамъ=Скр. да̀дма́с.

Итакъ, если даже допустить, что тѣ *ар*, *ал*, изъ коихъ—*оро*, *оло*—*ра*, *ла*, имѣли только короткое *а*, то и въ такомъ случаѣ вѣроятно, что оно сохранялось и на славянской почвѣ, такъ что изъ *галва* могло выйти слав. *галава*, откуда съ одной стороны *голова*, съ другой *глава*, при чемъ нѣтъ никакой надобности въ предположеніи переходной формы *голва*.

---

8. Это же заключеніе (о вѣроятномъ сохраненіи основнаго краткаго *а* въ славянскомъ *а*) можетъ быть повторено по поводу того, что̀ Гейтлеръ (§ 70, 4,) говоритъ объ удвоеніяхъ, ибо если основная форма слова *глаголъ* есть дѣйствительно *гӑл-гал-*, то изъ вышесказаннаго о словахъ *ладиња* и проч. слѣдуетъ, что вѣроятнѣе происхожденіе формы *гла* изъ *гал*, *гала*, чѣмъ изъ *гол*, *голо*.

Утвержденіе, что «первый слогъ словъ удвоенныхъ *бываетъ* кратокъ», въ своей всеобщности ошибочно. Авторъ или упустилъ изъ виду удвоеніе въ санскритск. интенсивныхъ глаголахъ, требующее гуны *и* и *у* и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вриддhи *а* (бѐбhидја отъ бhид, findere, бо̀бhушја отъ бhўш, ornare, çâçakja отъ çak, posse, valere. Bopp. K. Skr. Gr. § 498), или полагалъ само по себѣ понятнымъ, что ничего подобнаго въ Славянскомъ нѣтъ, что̀ однако далеко не есть аксіома. Насколько кажется мнѣ справедливымъ вышеупомянутое утвержденіе, я постараюсь показать въ слѣдующемъ.

Представителями удвоенія характеризующаго тему настоящаго времени остались въ Славянскомъ лишь два глагола: *дамъ* (дад-мь), да-ти (=Скр. 3 кл.) и *дежда*, Ст.-русск. *дежю*—дѣти, въ 1-й темѣ принявшій характеръ je=Скр. ja, 4 кл.

Гораздо болѣе осталось слѣдовъ удвоенія, вошедша-

го въ составъ относительнаго корня, хотя все-таки этихъ слѣдовъ не особенно много. Устранивши рудиментарныя звукоподражательныя удвоенія, какъ Русск. *гайгайкать*, мы можемъ подвести остальныя, по формѣ, подъ слѣдующіе разряды.

1) Удвоеніе состоитъ изъ первой согласной удвояемаго корня и краткой гласной, которая въ Слав. яз. является въ видѣ *о*, *е* (можетъ быть и другихъ: *и* и *у*?), напр. въ *пепелъ*, *попелъ* (Mikl. Lex. s. *пламъти*); Вр. *тетеря*, тюря (собственно нѣчто растертое, хлѣбъ накрошенный въ воду), калачъ (котораго постоянный эпитетъ «тертый»), корень тотъ, что въ *тереть*; Вр. *мемель*, вздоръ, ср. «*молоть* вздоръ».

2) Удвоеніе тоже состоитъ изъ одной согласной и гласной, но послѣдняя есть *а*, и оказывается или качественно сильнѣе коренной, или равною ей, напр. *папрать*—*папороть*, filix, pteris, Хорут. praprat, prapret, praprot, id. Что здѣсь въ *па* и *пра* мы имѣемъ не предлоги *па* и *пра*, а удвоенія, это становится вѣроятнымъ послѣ сравненія съ *прѣпелъ*=*перепелъ* (Mikl. Lex. «a volitando», Болг. *преперуга*—мотылекъ), Сѣв. вр. *перепело*, перепонка въ крыльяхъ кожана, *перепелокъ*, пленка. Сюда же относится и Вр. *папороть*, *папоротокъ*, второй суставъ птичьяго крыла, перепонка между перстовъ водяныхъ птицъ. О связи *папороти* съ перомъ и крыломъ, частью основанной на непосредственномъ впечатлѣніи, частью возникшей изъ такого впечатлѣнія миѳической см. у Куна, Die Herabk. des feuers etc. и въ моей статьѣ «О связи нѣкоторыхъ представленій» (Филолог. Записки 1864. III). Замѣтимъ, что первое *а* кратко въ Чешск. kapraď, Сербск. *пăпрăт*; таковоже оно и въ Литовск. papartis. Если бы можно быть увѣреннымъ, что послѣднее незаимствовано изъ Русск., (а заимствованіе здѣсь я считаю возможнымъ *), то мы имѣли бы здѣсь съ

*) Вотъ, какъ мнѣ кажется, подходящій примѣръ подобнаго заимствованія. Лит. débesylas, inula helenium, symphytum officinale, Шлейхеръ (Lit. Gr. 113) производитъ отъ débe-

3-хъ сторонъ подтвержденіе того, что краткое *ă* можетъ оставаться въ Славянскомъ. *Ра—ро—гъ* (такъ по Миклошичу Lex. подъ *ра—ръ*), родъ сокола, отъ звука. Сербск. *ваво̂ьити*, катать что—либо въ пальцахъ, *вавољак*, шарикъ. Ср. *валять*, Лит. velti. *)

3) Корень начинается съ нѣмой и оканчивается плавною съ *а* въ срединѣ. Обѣ согласныя повторяются въ удвоеніи, при чемъ гласная въ Слав. является а) или въ видѣ глухой, или б) чистой.

а) Сербск. *пр̏пор*, coitus piscium, «кад се *риба бије*», ср. *прати* въ знач. *бить*. Сюда же Сербск. *пр̏порак*, *пр̏пољак*, «одрезана лоза винова», *черенокъ*, подобно тому какъ и *чрънв*, *черенв*, вѣроятно, значитъ тоже отрывокъ, отрубокъ; ср. скр. крна́ти, крно̂ти, чиринòти, прич. чи̏рна, scissus, divisus и слав. *крънъ*.

---

sis, облако, конечно по миѳическимъ свойствамъ; помнится, кто-то думалъ, что Русск. *девясилъ*, *девесилъ* inula и др. заимствованы изъ Литовскаго. Это совершенно невѣроятно въ виду Сербск. *девѐсиль*, раст. Въ Польск. dziewiosił, dziewięćsił, chamaeleon, inula helenium. Всякое сомнѣніе въ томъ что первая тема есть *дева-* и что въ сложныхъ словахъ дѣйствительно является такая тема=основному *наван*, устраняется слѣдующимъ: *а*) *Девягорскъ*, Ип. Л. 30 (т. е. Девятигорскъ); Польск. dziewięsił, эпитетъ великана (Briaraeus, Aegaeon); *б*) «держитъ де онъ тотъ *девесилной* корешокъ и травку отъ лихорадки» (1680. Акт. Юр. 77); о томъ же самомъ растеніи у того же лица: «корешишко именуется *девятины*, отъ сердечныя скорби держатъ» (ib. 79). Я думаю проще предположить, что Литовск. dėbesylas, inula helen. есть заимствованное этимологически ясное *девясилъ* id, измѣненное вліяніемъ народной этимологіи, чѣмъ то, что одно и тоже значеніе получило названія въ Слав. и Литовск. столь сходныя по звукамъ и различныя этимологически. Къ тому же суффиксъ-ylas Шлейхеръ знаетъ, кромѣ debesylas, лишь въ одномъ примѣрѣ akylas внимательный (бачный) отъ (at)akti, открыть глаза.

*) Неясно мнѣ отношеніе Литовск. wowère, Латышск. wâweris, бѣлка (которое можно бы считать удвоеніемъ отъ того *вар*, откуда и Сербск. *верати се*, скрываться, пролѣзать,

Сербск. *прпор* и *прпа* (последнее повидимому потеряло передъ окончаніемъ коренное *р*), горячая зола и пр.; кор. *пар*, Mikl. Lex. *пламѧти*, *пепелъ*.

Можетъ быть сюдаже Вр. *хорхоры* (*хър-хор-?*), отребья, мохры, Скр. çр̣нати, прош. çаçâра, difringere, dirumpere; Вр. *варворка* (т. е. ворворка=вър-в р –) веревка, на которую привязываются собаки, кор. *вар*, ср. *врѣти* и *вьр-вь*.

б) Переходя къ случаямъ сохраненія чистой гласной при плавной въ удвоеніи, къ случаямъ, которые одни только имѣютъ отношеніе къ полногласію, замѣтимъ, что въ санскритѣ имъ соотвѣтствуетъ та форма удвоенія въ интенсивныхъ глаголахъ, которая состоитъ въ повтореніи корня цѣликомъ, съ сохраненіемъ конечнаго согласнаго плавнаго и кореннаго *а*, при чемъ это сохраненіе *а* равняется гунѣ другихъ гласныхъ: отъ *чар*, идти, двигаться—intens. et iterat. *чар чар-*; *а* въ корнѣ можетъ при этомъ измѣниться въ *у* и ӯ (*джаргур*, отъ *гар*, звучать), а плавная согласная въ удвоеніи—въ носовую согласную того органа, какого требуетъ слѣдующая согласная: отъ *чар* (идти)—*чанчур*, отъ *чал*, колебаться,—*чанчал*, отъ *пhал*—*пампhул* - (Benf. Ueb. r̂ und l, 53). Кажется, что и это измѣненіе *р*, *л* въ носовую не есть исключительная особенность санскрита. Такъ, руководствуясь однимъ соотвѣтствіемъ звуковъ и оставляя пока въ сторонѣ разность значеній, можно бы сблизить *кѫколь*, agrostemma githago, lolium tremulentum, не съ Литовск. kūkālas, id, которое легко можетъ быть заимствованнымъ, а съ Литовск. kankalas, зво-

---

Zeitschr. f. v. Spr. VI, 189), къ славянскому *вѣверица* и Литовск. waiwaras (самецъ бѣлки и тхоря, куны, лани и др. животн.). Я не нахожу аналогіи для такого усиленія, какъ *ви-вир*, *ваи—вар*. Между тѣмъ ср Скр. *вивара*, дыра, нора, пещера (изъ предлож. *ви*—разъ и *вар*—aperire), откуда *ваивара* значило бы происходящій изъ поры, имѣющій отношеніе къ ней, «норка-звѣрь». Конечно Литовск. *аі* предполагаетъ *аи*, съ короткимъ *а*, а не *âи*.

нокъ, колотушка, привѣшиваемая къ шеѣ рогатаго скота, т. е. со словомъ, которое весьма близко подходитъ къ Санскр. прилагат. *чанчала*, подвижной, отъ intens. отъ *чал*, колебаться, такъ что Литовск. слово значило бы соб. быстро и часто покачивающійся, отъ движенія языка или всего бубенчика. Очевидно, что *чанчал* предполагаетъ *чалчал* и *калкал*, а съ этою послѣднею формою удвоенія срав. *клаколъ—колоколъ*. Что до слова *кжколь*, то въ немъ врядъ ли можно предполагать значеніе колокольчика (по формѣ цвѣтка или сѣмянной коробочки куколя), а скорѣе слѣдуетъ думать, что здѣсь «колебанію» придано активное значеніе, по ядовитому, одуряющему, опьяняющему свойству сѣмянъ (lolium tremulentum). Само слово lolium и соотвѣтственныя славянскія корня *лул*, *люл* приблизительно значатъ тоже. Сюда ли и *чучело*, *кукла*? Слѣдуетъ вспомнить огородныя пугала, вертящіяся отъ вѣтру. Впрочемъ Скр. *кáл-а*-тê значитъ и звучать, такъ что *колоколъ* можетъ значить и звучащій. Мнѣніе Миклошича (Fremdwörterb.), по которому это слово заимствовано изъ Готск. kelikn, turris, мнѣ кажется менѣе удовлетворительнымъ. Также образованы *глаголъ* (ср. *гласъ—голосъ* и *гълкъ*), Пск. *гологолить*, балясничать; Чешск. plápol (плати); Сербск. *прапорац*, звонокъ (прати въ знач. бить, ср. било); Ст.-Слав. *прапоръ*=Чешск. prápor, prapor. Польск. proporzec, Русск. (потер.) *поропоръ* («надымаяся поропоръ..... надымаяся яко водный говоръ»? Сл. Восток., между тѣмъ какъ Русск. *прапоръ* есть заимствованное)—отъ какого-то *пор*; Чешск. chlacholiti ухаживать (*холить*?), гладить; Чешск. krakorati=Польск. krokorać (=Мр. «курочка *сокорить*»); Пск. *моломонъ* (изъ *моломолъ*?), колокольный языкъ (Арх. *молотъ*—хвостомъ вертѣть). Въ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ я охотно признаю, что удвоеніе первоначально заключало въ себѣ краткую гласную, какъ въ скр. *чарчар*; но только невывожу отсюда необходимости перехода формъ, какъ *калкал* въ *колкол*. Напротивъ, я думаю, что ослабленіе гласной въ удвоеніи скорѣе дало бы намъ форму съ ъ, какъ *прпор*.

Быть можетъ, для подтвержденія того, что *ла* (=*оло*) въ *глаголъ* и пр. произошло изъ *ала*, *ара* (откуда и *оро*, *оло*), могутъ пригодиться тѣ два—три Вел.-русск. слова, въ коихъ удвоеніе имѣетъ не *оро*, *оло*, а *ара*, *ала*. Конечно, можно бы думать, что здѣсь *а*—по Ювр. выговору изъ *о*, но *а* слышится здѣсь явственнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ оно діалектически изъ *о*: *бара́блить*—перебирать пальцами, копаться, Польск. babrać, gmerać, ковырять; *балаболить*=Чешск. blaboliti и brblati, болтать, говорить пустяки (ср. *бала—к—ать*); *тараторить*, Словацк. trátorit', Чеш. trátořiti, балакать (ср. Словацк. tarať, id, Литовск. tariu—tarti, говорить, быть извѣстнаго мнѣнія.

Если принять форму, какъ *кӑлӑ-кӑл* (со слѣдующею гласною суффикса) за общую и для русскаго полногласія и для Ст.-сл. *ра*, *ла*, то, мнѣ кажется, будетъ вѣроятно, что предполагаемое такимъ образомъ качественное и количественное (но не топическое) равенство всѣхъ трехъ гласныхъ нарушилось сначала (быть можетъ подъ вліяніемъ ударенія) измѣненіемъ послѣдней, стоящей въ корнѣ, въ *о*. Отсюда могло произойти равенство этой гласной во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (*пра-поръ*, Польск. propor, Русск. *поро-поръ* и даже Себск. *пр пор*). Тѣмъ временемъ первыя двѣ гласныя могли оставаться въ прежнемъ видѣ, такъ что, какъ Русск. *коло-колъ*, такъ и Ст.-сл. *кла-колъ* имѣли еще ту форму удвоенія, какую находимъ въ *тара-тор-(и-ть)*.

---

9. Какъ объяснить явленіе замѣчаемое въ слѣдующихъ словахъ?

При Ст.-сл. *нравъ*, Хорут. nrav, Чешск. mrav, Русск *нóровъ*, словахъ, которыя мы по общему правилу можемъ разложить только на корень *нар* (что въ Литовск. noréti, velle, Mikl.) и суф.-*въ* (а не-*овъ* или *авъ*), какъ въ *дере-в-о*, *чере-в-о*, мы находимъ: Сербск. *на́равъ*, Хорут. naráv и жен. narava, Польск.

narów, narowić, narowisty, Вр. *наро́въ*, *наро́вистый*, *наров'тый* (Пск. Тв.), *на́ровв* (Арх.). Мр. тоже предполагаетъ *наровъ*, такъ какъ есть производныя слова *нарівьячко* (нар. пѣсн.), *наровистий*. Никакъ нельзя думать ни того, что въ формахъ съ *нар а* вставлено относительно поздно, ибо такихъ вставокъ не бываетъ, ни того, что *а* удержано для избѣжанія стеченія *нр*, ибо для избѣжанія его Славянскія нарѣчія поступили бы или какъ въ Чешск. mrav, Сербск. мриjест, или какъ въ Вр. произношеніи заимствованнаго *ндравъ*. Если, какъ мы предположили, общеславянская форма словъ съ *оро=ра* есть *ара*, то отчего въ Хорутанскомъ nrav не есть единственная форма, а имѣетъ при себѣ narav? И вотъ я дѣлаю еще одно предположеніе, что для образованія русскаго полногласія, состоящаго въ одинаковости обѣихъ гласныхъ и для образованія *ра* въ Ст. сл. и проч. требуется, чтобы въ предполагаемой ими формѣ *ара* равенство гласныхъ ничѣмъ не было нарушено. Изъ *наравъ* могло выйти Русск. *норов*; но если почему либо передъ этимъ изъ *нарав* образовалась фор. *наров*, то эта послѣдняя должна была остаться. При такой догадкѣ второе *а* въ Сербск., Хорутанск. *нарав* или есть позднѣйшее, такъ что эта форма—изъ *наров* (Ср. Хорут. takav и takov, при чемъ эта гласная не есть бѣглая, какова она есть въ Сербск. *такав*, *такваа=такъвъ*), или это второе *а*, хотя и древнѣе, но неизвѣстнымъ намъ образомъ отличалось отъ перваго.

Какъ Русск. Польск. *наровъ* относится къ Хорут. naráv, такъ Вр. (Пск.) *на́ростъ* (Литовск. narsztas, т. е. не изъ *на* и *ростъ*, см. ниже), относится къ Хорут. narást, begattug, narasec=nerosec, кабанъ некладенный; Ср. Хорут. neresec, meresec, merjasec, id; между тѣмъ Полабск. nerésatz, некладенный боровъ, слѣдуетъ читать, какъ это и дѣлаетъ Шлейхеръ (Polab. Spr. 179), съ *з*: Вр. *нѐрѣзъ*, нерѣзанный боровъ.

Какъ *наростъ* (=Литовск. narsztas) относится къ Русск. *норос* и Сербск. мриjест=Русск. *нерестъ* (стар. —*ть*), такъ Тв. *на́рата* и *нарата́* (вѣрнѣе кажется

нарота), Нижегор. *нарóта*, Рязанск. *нарéта*, относится къ *норотъ* (Моск.) и *нере-то*, верша; корень тотъ же что въ Литовск. neru, nerti, Славян. *нрѣти*; *нерето*—по тому признаку, что погружается: «смѣялась верша болоту и сама въ болотѣ».

Ожередъ (Ювр.; у Даля ошибочно *ожеретъ*), длинный стогъ хлѣба, сѣна, (относительно начальнаго *о* ср. Мр. *ожеледиця*, Замѣтки о Мр. нарѣчіи 22—3) и Вологод. *зорóдъ*, id, суть слова полногласныя—Литов. žárdas, подмостки, особенно для сушки гороха и пр., Латышск. za'rdi, žárdi (множ. ч.) тоже. Рядомъ съ этимъ Вр. Сѣв.-Вост. *зародъ*, *озародъ*, длинный стогъ, остожье съ городьбой, сушило для сноповъ.

Во всѣхъ этихъ словахъ съ двумя гласными по обѣ стороны *р* обѣ эти гласныя принадлежатъ корню въ томъ смыслѣ, что или и вторая изъ нихъ стоитъ передъ согласной, относимой къ корню (какъ въ Русск. *нарос—тъ*, Хорут. narast, naros-ec), или хотя передъ согласною суффикса, но сама къ суффиксу не относится: какъ дѣлится *нере-то*, *мере-ти*, такъ слѣдуетъ дѣлить и *наро-та*, *наре-та*.

При случаяхъ, какъ *наровъ*, въ коихъ удерживается въ болѣе древнемъ видѣ первая гласная, мнѣ кажется, есть такіе, въ коихъ, обратно, вторая гласная остается въ видѣ *а*, а первая, бывшая нѣкогда такимъ же *а*, ослабляется. И такое неравенство можетъ мѣшать, хотя и небезусловно, стяженію въ *ра*, *ро* въ тѣхъ нарѣчіяхъ, которыя требуютъ стяженія. Таково мнѣ кажется *жеравль*. Это слово Curtius, Grundz.[2], № 129, дѣлитъ такъ: *жер-а-вль*; Mikl. Lex. считаетъ за корень *гру*, *жру*, sonum edere, стало-быть допускаетъ растяженіе корня: *жера-вль*. Сравнивая Славянское слово съ Литовск. gérwė, я считаю вѣрнымъ, что корень есть gar, и вѣроятнымъ, что и въ славянскомъ *в* первоначально примыкало къ *р* и лишь затѣмъ отдѣлено отъ него, какъ въ *нараві*. Такимъ образомъ предполагаемыя формы были бы *гарв—гярав*, *жерав* съ суффиксомъ ја. Въ Хорут. žerjav ја можетъ тоже принадлежать не

суффиксу, такъ какъ такое *ja* встрѣчается въ merjas-ec =merêsec, nerese c, narasec, кабанъ (Mikl. Lex. нересть). Потеря гласной передъ *р* въ Сербск. ждрâо кажется несравненно новѣе формъ съ *ра* (=Рус. *оро*) общихъ нѣсколькимъ нарѣчіямъ и можетъ быть сравнена съ Русск. *жлуди*— масть трефовая (жолуди); *у* въ Рус. *журавль* возникло изъ *о*, а это изъ *е*; тоже и *ó* въ Польск żóraw'.

Формы: *мравий*, Сербск. *мрâв*, Хорут. mrav, mravlja (ж.), Чешск. mravec, Польск. mrówka, В. л. mrovja, Н. л. mroja требовали бы въ Русск. формы *морев*-: *моровий*. Такая форма и была въ Ст.-Русск. (собствен.* Моровіескъ въ Ип. Л.). Въ нынѣшнемъ Русск. *муравéй*, *муравéль* и *у*, и *а* могутъ быть довольно древни, такъ какъ распространены по всѣмъ Русск. говорамъ. Тѣмъ не менѣе сравненіе съ *журавль* показываетъ, что *у* въ *муравей* могло возникнуть уже изъ *о* (слѣдовательно, лишь случайно совпадаетъ съ υ въ μύρμ-ηξ) и что *а* послѣ *р* древнѣе этого *у*. Такимъ образомъ изъ мар-в возникло марав-, а отсюда съ одной стороны Русск. *морав*-, *мурав*-, а съ другой независимо другъ отъ друга Ст. сл. *мрав*- и Рус. *моров*-.

Оставляя многое, сказанное въ этомъ §, подъ сомнѣніемъ, я все таки думаю, что слова *наравъ* и *наровъ*, narast и narost, *нарота*, *зародъ* болѣе говорятъ въ пользу предположенія, что *глава* и пр. прямо изъ *галава*, чѣмъ въ пользу мнѣнія г. Гейтлера, что Русск. *оло*, *оро* есть общеславянская форма.

---

10. Миклошичъ говоритъ: «замѣчательно Сербск. *пладне*, которое такъ относится (gegenübersteht) къ ожидаемому *полодне* (изъ *полъ* и *дьнь*, откуда Ст.-слав. *полодьние*), какъ въ другихъ случаяхъ *ла*, *ра* къ Русскому *оро*, *оло* (слама—солома). Обратный случай въ Сербс. *пелена* относительно Ст.-сл. *плѣница*, вм. котораго однако Ст.-сл. и *пелена*» (V. Gr. I. 298). Въ словарѣ кромѣ формы *пладне*, *пладьниıe*, дѣйствитель-

но находимыхъ въ др. Ст.-сл. памятникахъ, онъ изъ данныхъ въ памятникахъ формъ *скоролоупа*, *скоролоупля*, *скоролоуща*, дѣлаетъ формы *скралоупа*, *скралоупля*, *скралоуща*, cortex и ставитъ ихъ въ красную строку. При этомъ онъ руководится аналогіей съ указываемыми имъ Хорутанскими skralub, škralub—cremor, škreljub, škraljup—superficies densior ut in lacte, skraljup id, Чешск. skraloup, škraloup—crusta.

Мы видѣли (6, 3), что Гейтлеръ ставитъ *пладьние* изъ *полодьние* доказательствомъ того, что вообще *ла*, *ра* (*глава* и пр.) изъ *оло*—*оро*, на что замѣчу слѣдующее.

Случай *пладне*, а равно и skraljup изъ *скоро-луп* и мнѣ кажутся весьма замѣчательными, но не какъ указанія на правило, а какъ исключенія. Они—изъ ряду вонъ потому, что въ нихъ превращены въ *ла*, *ра* такіе *оро*, *оло*, въ коихъ второе *о* есть тематическая гласная, стало быть принадлежитъ къ суффиксу. Тоже я думаю о *рѣ* изъ *ере* въ *четврѣногъ*. Во всѣхъ нарѣчіяхъ имѣющихъ *ра*, *ла*, или *ро*, *ло*, гдѣ въ Русск. *оро*, *оло*, не смотря на это свойство нарѣчій неимѣющихъ полногласія, правило составляютъ случаи, каковы въ Ст.-Славян. *коловратъ*, *вьторозаконие*, *скоротечьнъ*, *скорость*, *скорота*, Серск. *голо̀глав*, *голо̀тина* и т. п., т. е. такіе, въ коихъ *оро*, *оло* остаются.

Разсматриваемыя нами стяженія *ра* и пр., соотвѣтствующія Русскимъ *оро*, *оло*, характеризуются именно тѣмъ, что имѣютъ мѣсто только въ корнѣ. Это положеніе можетъ быть выражено и иначе. Только тѣмъ Русскимъ *оро*, *оло* и пр. соотвѣтствуютъ по правилу въ другихъ славянскимъ нарѣчіяхъ *ра* и пр., въ коихъ второе *о* возникло изъ неорганической гласной, а не изъ этимологически знаменательной. Такая неорганическая гласная могла появиться послѣ плавной лишь тогда, когда за этою плавною первоначально слѣдовала согласная. Я несогласенъ съ г. Гейтлеромъ, который утверждаетъ, что Ст.-сл. *слатина* palus, salsugo, изъ *сол-отина*, а *блато* изъ *бол-ото*. Изъ того, что дѣстви-

тельно есть суффик.*-ота* (сухота),*-от-ина* (бльвотина),*-ото*,*-ето* (тен-ето), кажется мнѣ слишкомъ смѣлымъ заключать, чтобы были *только* такіе суффиксы. Какъ въ *золо-то=злато* суффиксъ есть только *-то*. (Готск. gul—th), такъ и въ *боло-то—бла-то*, предполагающемъ *бал-та*, *бала-та*, и въ *сла-т-ина*, предполагающемъ *сал-та* (Ср. Готск. sal-ta, соль) *сали-та*.

Если, тѣмъ неменѣе, мы встрѣчаемъ въ видѣ исключенія формы какъ *пладьние*, skraljup, то это потому, что понятія корня и суффикса все-таки измѣнчивы, такъ что сознаніе говорящаго можетъ подъ конецъ воплотить въ корень то, что ему первоначально непринадлежало (напр. *ид—у*, *ѣд—у*). Такое смѣшеніе видно въ перестановкѣ согласныхъ въ Сербск. *пландиште*, мѣсто, гдѣ отдыхаетъ скотъ въ полдень, *пландовати*, о скотѣ: отдыхать въ полуденный жаръ; въ опущеніяхъ существенныхъ звуковъ въ Сербск. *скорун*—сливки (собств. пѣнка).

---

11. Здѣсь кажется умѣстнымъ спросить, въ какой мѣрѣ сильно заключеніе отъ способа возникновенія *ра—ла* и въ Руск. *оро—оло* въ относительно позднее время къ способу первоначальнаго происхожденія этихъ сочетаній въ Слав. нарѣчіяхъ? Не служитъ ли все таки *пладне* изъ *полодьне*, при всей своей исключительности, указаніемъ на то, что и *глава*—изъ *голова*? Безъ сомнѣнія справедливо въ разныхъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ психологическомъ, что куда текла вода, туда и опять потечетъ; но наблюденія частныхъ случаевъ этой наклонности къ прорытымъ русламъ и проторенныкъ путямъ въ языкѣ приводятъ къ весьма различнымъ заключеніямъ. Такъ напр. признано, что сочетанія al, ar+согласная въ Литовскомъ galwa древнѣе соотвѣтственныхъ сочетаній въ Слав. нарѣчіяхъ (*глава—голова*); но для Литовскаго языка названныя сочетанія и имъ подобныя служатъ не только исходною точкою; они

составляютъ его привычку, которой подчиняются, входя въ Литовскій, и болѣе позднія явленія Русскаго полногласія, а равно и такія сочетанія, которыя имѣютъ то общее съ полногласіемъ въ тѣсномъ смыслѣ, что состоятъ изъ плавной, окруженной гласными: изъ Русскихъ *коровай*, *соромота*, *черепъ—черепица*, *черемуха*, *переходъ* выходятъ въ Литовскомъ karwojas, sarmata, czerpe (кахля, изразецъ) и czerpiczia, szermukcznis, perkadas; изъ *коляда*, *колымага*, *каламарь* (kałamarz), *баламутъ*—Литовскія kaldos (мн. ч. милостыня, собств. сборъ колядниковъ, волочебниковъ), kalmogas, kalmorius, balmutas. Рядомъ съ этимъ Русская форма можетъ и слегка лишь видоизмѣняться (karalus, kalėdos), и полногласіе можетъ являться въ Литовск. въ видѣ га: *скоморохъ*—skambrakas (прозвище), Skambrákai (=Скоморохи, названіе нѣскольких деревень), *сковорода*—skauradà, skarradà, skarwadà. Если бы кто вздумалъ, основываясь на этомъ, выводить Литовск. kartas разъ, кратъ изъ *корот* и Литовск. platús, широкій или *полот*-, тотъ попалъ бы въ просакъ. Тоже самое вообще съ Литовскимъ *a* въ заимствованныхъ словахъ, изъ Слав. *o*.

Такимъ образомъ, если въ Слав. нарѣчіяхъ, имѣющихъ *ра*,-*ла*=Русск. *оро*, *оло*, возникнетъ *пладне* изъ *полодне*, то это служитъ доказательствомъ лишь того, что въ этихъ нарѣчіяхъ есть навыкъ къ сочетаніямъ *ра*—*ла*. Приводя соотвѣтствіе ;рвн. walah и *Волохъ*—*влахъ*, Saracenus, Σαρακηνός и *Сорочининъ*, *Срацининъ*, г. Гейтлеръ считаетъ ихъ подтвержденіемъ того, что *ла*, *ра* изъ *оло*, *оро*; между тѣмъ я могъ бы повернуть эту воду въ свою скрывю и на свое колесо (*ра* изъ *ара*), но не дѣлаю этого потому, что такой прецедентъ могъ бы принудить въ послѣдствіи и къ прямо противоположному заключенію, и къ тому, что Русск. *оро*, *оло* изъ *ра*, *ла* (чего вообще я теперь недопускаю вмѣстѣ съ Гейтлеромъ), и къ тому, что Русск. *оро* прямо изъ *ор*, чего я тоже недумаю.

а) Есть случаи, когда Русск. полногласіе возникло прямо изъ *ра* и пр. Таковы:

коромысель, *коромысло* предполагаетъ ближайшую форму къ *кра*, однако возникло изъ Греч. κρεμάστρον (соб. вѣшало, κρέ-μα-μαι, вишу, Латыш. kārú—karti. Curt. Grundz.[4] № 75.) или κρεμαστήρ (Павскій, Фил. Набл.).

Волосъ (Игуменъ, Новг. I Лѣт. 19 подъ 1187 г.) —Власій.

б) Въ славянскихъ нарѣчіяхъ, имѣющихъ *ра*, *ла*= *оро*, *оло*, иныя заимствованныя слова съ *ра*, *ла* могутъ быть объясняемы изъ непосредственной перестановки ar, al, or подъ давленіемъ аналогіи, не въ ущербъ существовавшему нѣкогда процессу, какъ *акар*[а]*шит* изъ *акаршит*. Какъ Луж. mroka, граница, край, страна— изъ marcha; такъ Сербск. *клак* (calx, Дрвн. calch), Ст.-сл. *крамола* (carmula), *Поликрапъ* (Πολύκαρπος), *крапъ*-(Ср. Лат. carpa, Дрвн. charpho), *брадъı* (Дрвн. barta), *мраморъ* (marmor, μάρμαρος), *срака*,-*чица* (Ср. Лат. sarca, но и saraca, serika), Сербск. *славуља* (salvija), *крабий* (corbis), *скрапий* (быть можетъ прямо изъ скоръпий (скоръпиѩ, Изб. 1073,) и лишь посредственно изъ σκορπίος, scorpio). Впрочемъ въ иныхъ словахъ можно допустить посредство Дрвн. ara, ala, какъ въ *краль*—charal, *Влахъ*—walach (Mikl. Fremdwört.).

Полногласіе въ соотвѣтственныхъ Русскихъ словахъ можетъ быть объясняемо различно: или прямо изъ ar, al, or, или изъ ra, la, смотря потому, взято ли оно изъ первыхъ рукъ отъ Грековъ, Нѣмцевъ, или черезъ посредство южныхъ Славянъ или Словаковъ и Чеховъ. Разумѣется, этого безъ особыхъ изслѣдованій рѣшить невозможно. Пока судъ да дѣло, можно замѣтить: вѣроятнѣе, что *король* изъ *краль* (изъ Угріи, черезъ Словаковъ и Галичь), чѣмъ прямо отъ собственнаго имени; напротивъ *оро* въ «кърста *мороморяна*» можетъ быть изъ *ар*, отъ Черноморскихъ Грековъ; тоже изъ *ар*

полногласіе въ *Тьмуторокань* и *Асторохань* (Восточ., позднѣе, быть можетъ подъ вліяніемъ Церковнаго языка—*Астрахань*); изъ *хартиꙗ* или *харьтиꙗ* (χάρτης, χαρτίον, charta) вышло однако Ст.-рус. *харатья*; змѣя *скоропѣя*, можетъ быть изъ *скорьпиꙗ* обычнаго въ церковныхъ книгахъ.

в) Замѣчательно: «я изъ рукъ изъ ногъ *короватку* смощу» (народ. пѣсня), гдѣ имѣемъ растяженіе *ро* (*кровать*—κράβατος) въ *оро*. Подобный единичный случай представляетъ В.л. syłobik, Н.л. syłowik, syłoik (вѣроятно изъ sołowik, которое изъ słowik). Можно сравнить: «въ Литовскихъ словахъ, какъ krasztas, край, greitas скорый, Нѣмцу, по меткому замѣчанію Куршата, слышатся какъ бы karasztas, gareitas.» Schleich. Lit. Gr. 18.

---

12. Къ подобной же категоріи позднѣйшаго растяженія сочетанія muta+liquida я бы отнесъ тѣ случаи въ Полабскомъ, въ которыхъ Шлейхеръ считаетъ гласную (*а*, *е*), появляющуюся передъ *р*, за замѣну одного изъ еровъ: karói (кръı—кровь), taròi, terí (три), zarą, zerą (зрю), sarat (срать), máre (мретъ), táre (третъ), paraneića (праница, т. е. праникъ, валекъ), pared (предъ, прежде), wakarst, wakōrst (окрестъ), Schleich. Polab. Spr. 30. Всѣ эти случаи кажутся совершенно однородными съ karoi, taroi; но такъ какъ въ *кръı*, *кръве* я невижу никакого основанія допускать когда либо въ древнее время *ъ* передъ *р*, какъ въ Русскомъ, такъ и во всѣхъ Сѣв.-Зап. нарѣчіяхъ, равно какъ и въ *три*, *троѥ*; то во всѣхъ этихъ полабскихъ формахъ можно скорѣе видѣть слѣдствіе позднѣйшей распущенности органовъ (въ родѣ той, какая свойственна Мадьярскому и какую мы прежде предполагали въ Русскомъ, выводя всѣ *оро*, *оло*, *ере*, *еле* изъ *ра*, *ла* и пр.), чѣмъ остатокъ старины. Мнѣніе это подтверждается слѣдующимъ:

1) Между коренною согласною и *л* суффикса прич. на *лв* въ Полабскомъ тоже является *а* (по транскрипціи Шлейхера *å*): krodal (kradl), jedal (jedl), eidal (=idl, т. е. шелъ), wąd'al (или wiądial=wiądl—вялъ), въ родѣ того. какъ въ Словацк. kradol. Сюда же и Полабское wuzolené v. wuzalena (вжзльнъіи). Schleich. Polab. Spr. 37.

2) Въ Полабскомъ спорадически появляется неорганическое *е*, *і* между нѣмою и плавными *л*, *м*, *н* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по мнѣнію Шлейхера, эти гласныя лишь чудились нѣмецкимъ записывателямъ, тогда какъ на дѣлѣ былъ лишь непривычный для нѣмецкаго уха сильный и опредѣленный (stark und bestimmt) славянскій выговоръ согласныхъ. Шлейхеръ (l. c. 39) видитъ только двѣ возможности: или эти гласныя (e, i) суть замѣны *ъ*, *ь*, и въ такомъ случаѣ они должны бы звучать какъ *å*, *iå* (*ä*), или они суть слѣдствіе иллюзіи записывателей. Но мы, слыша у Русскихъ дѣтей, иногда даже у взрослыхъ: *пахеница*, *пашеница* (пшеница) «за рѣшотками за желѣзиными» (въ пѣснѣ), развѣ не могли бы, по этому способу, отвергнуть дѣйствительность существованія этихъ звуковъ (*а*, *и*), сказавши, что если бы эти звуки были замѣнами еровъ, то было бы: пешеница (пьшеница), рѣшоткамн, желѣзеными? Я вижу болѣе чѣмъ иллюзію въ Полабскихъ: radeli (v. rodeli=radlo), seideli (szidlo), sartjodela (зеркало), mötiweidele (motowidlo) (ib. 182), sodeli (sadlo, ib. 39);

krődene (kradnie), wa-, wit-, zo-)makenut (мъкнжти), weikene (выкнетъ), wastakenunt (въстъкнжти), swigene (śwignie, стегнетъ), wirgene, wirgenut (вьргнеть, вьргнжти), dweigenut (двигнжти) ib. 281—3;

biliawe (+бльветь), dilan (длань), tjinąz, ćenąz (князь), giniozda, geniozda (гнѣзда), chimil—szemil (хмѣль), ib. 39.

Тѣмъ не менѣе я признаю, что эти вставные звуки были настолько слабы, что схватывались не во всѣхъ случаяхъ и не всѣми.

Относительно Кашубскихъ формъ, какъ parsą, по-

рося. г. Гейтлеръ (Fon. p. 57) утверждаетъ, что по древности они не уступаютъ Литовскому ar въ parszas. Русскому читателю извѣстно, что такое мнѣніе у насъ высказано было П. Лавровскимъ (О полногл.). Я же и теперь остаюсь при своемъ мнѣніи (Два Изслѣдованія 27—9), но высказываю его болѣе рѣшительно, пользуясь относительно Полабскаго нарѣчія многократно упомянутымъ выше сочиненіемъ Шлейхера. Данныя, изложенныя въ этомъ трудѣ, мнѣ кажется, могутъ только подтвердить прежнее мнѣніе о величайшей близости Полабскаго нарѣчія къ Польскому. Нарѣчія: Лужицкія, Полабское, съ образующими переходъ къ Польскому Словинскимъ и Кашубскимъ, и Польское несомнѣнно образуютъ одну группу. Родство Польскаго съ Полабскимъ ближе чѣмъ Польскаго съ Лужицкими, а послѣднихъ ближе, чѣмъ Польскаго съ Чешскимъ; явленія, приближающія Польское къ Чешскому, какъ rz=ř, завѣдомо позднѣйшаго происхожденія, точно также, какъ и многія явленія удаляющія Полабскій языкъ отъ Польскаго. Эти послѣдніе языки между собою родные, между тѣмъ какъ съ Чешскимъ двоюродные.

Такой взглядъ могъ бы быть опровергнутъ только однимъ способомъ, именно, если бы можно было доказать, что Полабск. porsą, не предполагаетъ Польско-Полабской формы съ гласною послѣ *p*, а прямо восходитъ къ ar (не or, какъ можно бы думать, соглашаясь съ Гейтлеромъ). Въ своей статьѣ о Полногласіи (Два изслѣдованія 27) я упоминалъ уже о прямомъ послѣдствіи этого. Если во время единства Польскаго яз. съ Полабскимъ и Кашубскимъ въ этихъ нарѣчіяхъ стояло ar въ parsą=Пол. prosię, то, значитъ, все то, что связываетъ между собою нарѣчія Польскія и Лужицкія и эти съ Чешско-Словацкимъ, возникало въ нихъ независимо другъ отъ друга, отъ причинъ, которыя мы, избѣгая ихъ разчлененія, должны бы назвать неопредѣленнымъ именемъ географической смежности или сосѣдства. Конечно, въ научныхъ вопросахъ менѣе всего слѣдуетъ бояться ереси, но не слѣдуетъ становиться диссидентомъ

безъ достаточныхъ основаній, которыхъ въ настоящемъ случаѣ, сколько мнѣ извѣстно, никто не показалъ. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ.

До сихъ поръ мы были убѣждены, что явленія *оро* =го (=*ра*) и *оло*=ło (=*ла*) приблизительно одного порядка или наслоенія, точно такъ какъ и явленія съ *ере*=*рѣ* и *еле*=*лѣ*. Мы не видѣли ничего, что̀ бы насъ заставляло думать, что напр. въ то время, когда въ Русскомъ было *оло*, сочетанія *оро* еще небыло, а на его мѣстѣ стояло *ар*, или: въ то время какъ было уже въ Русск. *ере*, *еле*, сочетаніе *оро* еще несуществовало, а было *ар*. Нѣкоторыя ограниченія, говорящія въ пользу первенства *оло*, *оро*=*ла*, *ра* передъ *ере*, *еле* =*рѣ*, *лѣ*, будутъ приведены ниже. Я неговорю, чтобы все это было навѣки нерушимо, но вѣдь нельзя же намъ думать такъ, какъ наши ожидаемые потомки. И вотъ мы строимъ силлогизмъ:

а) Замѣна *ѣ* въ *рѣ* (=Русск. *ере*) стоитъ въ Полаб. (и Кашубск. Слов.) на томъ же мѣстѣ, что въ Польскомъ: sriberna (=ny) 190; brig (брѣгъ), prid (прѣдъ), prizemior (=Вел.-Поль. przezmiory; Н.л. pšes, pše, bžez=безъ, какъ въ Мазов. psez copki=bez czapki) безмѣрный или безмѣрно; zribą (v.—bią? жрѣбà), criv (чрѣвъ—чрѣвий), crewa (чрѣва мн. v. род. ед.) sre'da v. srêda, breza (Schl. Pol. Spr. 93).

б) Гласная стоитъ послѣ l въ mlaka, mlauka (род. молока), mlacena (-ny[e], молочный) ib. 39; plawai (по Шлейхеру plawåi, множ. ч. половы); wlace (er eggt) ib. 89; по Шлейхеру здѣсь *a* изъ *ѣ*, какъ въ «no swate»=no swiatě 89; но la здѣсь также можетъ изображать ło=*оло*, ср. slawak, czlawak, Польск. człowiek ib), и въ такомъ случаѣ Полаб. формы соотвѣтствовали бы не Ст.-Сл. съ *лѣ*, а Русск. съ *оло*: молоко,-чный, половы, волочетъ.

в) Полабскія слова, гдѣ въ Польскомъ и Лужицк. ło (=Русск. *оло*), дошли до насъ съ la, lâ, loo, loa, что все Шлейхеръ изображаетъ черезъ *å*: wlak, wlook, wloak (волокъ, неводъ), glawa—glowa, chlad—chload,

slana (=пу[e]. солоный), dlân—dilân, slama, wlas, mlade (=у[e], młody), glâd—gład, klatjel, klatjał, klaćul (по Шлейхеру klåkül, колоколъ), ib. 70. Возможность предполагать здѣсь ближайшую основную форму такую же, какъ и въ Польск.-Лужицк., т. е. ło, видна изъ того, что и основное *о* является не только въ видѣ *оа*, *оо*, но и въ видѣ *а*, ah (ib. 61).

г) Припомнимъ упомянутое выше стремленіе Полабскаго раздѣлять сочетанія согл+*р*+гласн. посредствомъ вставнаго *а*, *о* (по Шлейхеру *å*). Въ числѣ примѣровъ тамъ было и pared=*прѣдъ*. Если признаемъ, на основаніи свидѣтельства Польскаго и Русскаго, что въ *окрьстъ* гласная стоитъ послѣ *р*, то въ Полабск. wakarst, wakorst мы увидимъ процессъ состоящій въ томъ, что послѣ появленія вставной гласной передъ *р*, основная гласная позади *р* исчезаетъ. Если Шлейхеръ правильно прочелъ piordz (=прѣжде) вм. bors, borsch eher (Polab. Spr. Словарь), то мы имѣли бы въ этомъ словѣ примѣръ, подобный предъидущему, но съ *рѣ*= Русск. *ере* (переже). Сюда же относится предлогъ pör (по правопис. Шлейхера), дошедшій до насъ въ видѣ por, per (perjedz, durchfressen, повелит.), pör, (pörstrelil), pir (pirdon, pirtů, darum), который предполагаетъ отнюдь не *про* (Шлейх. ib. 154), а *прѣ*= Польск. prze (какъ въ przeto=darum, prze bóg и т. д.).

д) Полабск. sworkó, сорока, вполнѣ объясняется не «volks-etymologisch» (Schl. ib. 151), а фонетически, именно: если Полабское нар. предполагаетъ основную форму начальнаго сочетанія sro (или sra, что въ настоящемъ случаѣ для насъ безразлично), то w есть такая же эвфоническая вставка, какъ t въ Чешск. straka и *в* въ Сербск. *сврака*.

И такъ: случаи *а*, *б*, *в* заставляютъ насъ ожидать, что и въ случаяхъ, гдѣ Польск. ro=Русск. *оро*, въ Полабскомъ будетъ гласная послѣ *р*; случаи *г*, *д*, показываютъ, что основныя сочетанія *согл.+р+гласн.* въ Полабскомъ являются въ видѣ *согл+гласн.+р*: слѣдовательно Полабское (и Кашубск.) parsą относительно

ar неесть тоже, что Латышск. parsłas, а предполагаетъ уже славянскую форму съ гласною послѣ *р* Полаб. pared=*прѣдъ* даетъ основаніе думать, что ходъ возникновенія формы parsą изъ prośą (для меня это гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ изъ praśą) прямо противоположенъ тому, какой мы предполагали для *прася*. Именно въ послѣднемъ изъ *ар—ара*, а въ первомъ изъ ro—aro, ar.

Для заключенія о качествѣ гласной въ Полабск. словахъ, какъ parsą, имѣются такія данныя:

а) or: môrz (мразъ), môrwe (мравий или мравь?) korwó (крава), bôrdzia (бразда), chôrna (Серб. храна—пища), wôrnô, wornó (врана), gorch (грахъ), gord (градъ), worta (врата) и pôrsą (прася). Schl. 154.

б) ar: starna (страна), garch (грахъ), ib.; можетъ быть сюда же: ni ją ko woigarninja (ist nicht aus zu sprechən) ib. 97, при коемъ Н. Л. groniś говорить. Шлейхеръ во всѣхъ этихъ словахъ, кромѣ starna, пишетъ *о*. Такимъ образомъ, заключая отъ большинства случаевъ, мы пріймемъ за ближайшую основную форму ro=Польск. и Лужицкому. Если мы спросимъ, почему же въ словахъ съ основ. ło (=Русск. *оло*) мы ненаходимъ oł v. ał, то во 1) нужно будетъ сослаться на особенность природы звука *р*, вслѣдствіе которой и въ Болгарскомъ вставная гласная появляется спорадически именно передъ *р* въ тѣхъ же случаяхъ: старна, Безсон. I, 177, вартата Пам. и Обр. I, 339, *) хотя и palaski, palacke, плашмя (Mikl. плоскъ); во 2 хъ) можно будетъ указать, что и группы съ *л*, хотя въ гораздо меньшей мѣрѣ, подчинены тому же: Ср. выше dilan и пр., къ чему прибавимъ: melauka (молока род.), Schl. 89, и sali (соловей, т. е. по Шлейхеру sålü, съ конечнымъ ü изъ о, основн. фор. słow), мн. ч. saliwa (*а*=*ŷ*), ib. 225, при которомъ однако sloweikia (ib. 36=słowika?). Почему въ формахъ съ основнымъ *рѣ* (=*ере*) лишь изрѣдка

*) Ср. и перестановку *р* черезъ согласную въ гарванъ (=гавранъ) и Н. Л. karwona, karona (=kawrona), Мазов. rsioda (=sroda).

вставная гласная передъ *р* (pared, но prid и пр. см. выше), на это отвѣтомъ могло бы служить предположеніе, что палатилизація *р* вліяніемъ слѣдующей за нимъ замѣны звука *ѣ* облегчаетъ произношеніе группы *согл*+*р* и дѣлаетъ въ значительной степени излишнею вставку гласной передъ *р*. Затѣмъ все-таки осталось бы вопросомъ, почему во многихъ словахъ съ обще-славянскимъ сочетаніемъ *согл*+*р*+*гласн. твердая* (Полабск. Ƅrot, grod,=grando, prai=при и пр.), сочетаніе это остается неизмѣннымъ?

Относительно того, возникло ли Полабско-Лужицко-Польское ło, ro (=Русск. *оло*, *оро*) изъ формы=Чеш. la, ra, какъ я думалъ прежде (Два изслѣдов. 48), или же Чешская и Польско-Луж. формы возникли независимо другъ отъ друга (первая изъ *ала*, *ара*, вторая изъ *оро*, *оло*), я склоняюсь теперь къ послѣднему мнѣнію. При этомъ слѣдуетъ считать Польскія формы, какъ płaz—полозъ, заимствованными, каково В. Луж. kral?

---

13. Что *рѣ*, *лѣ*, возникли изъ *ере*, *еле* вслѣдствіе *стяженія* двухъ *е* въ *ѣ*, это г. Гейтлеръ (Fonol, § 66) доказываетъ такимъ образомъ:

1) Слав. *ѣ* возникло или изъ *ai*, еще сохраненнаго въ Литовскомъ языкѣ (żwaigżdė=звѣзда, § 64), или основнаго долгаго â, изъ котораго и въ Литовскомъ произошло ė: sėsti=сѣсти (§ 65).

2) Но въ словахъ съ *рѣ*, *лѣ* (=Русск. *ере*, *еле*) звуку *ѣ* соотвѣтствуетъ основное *ă* краткое: Скр. *гăрбhас*, Греческ. βρέφος, кромѣ суф.=*жрьбѧ*; Скр. *кăрпарам*=*чрѣпъ*; Скр. *бhариман*=*брѣмѧ*, *вариман* (weite, umfang)=*врѣмѧ* (извѣстно, говоритъ г. Гейтлеръ, что изъ понятія пространства развивается понятіе времени); *ере*, которое Гейтлеръ *предполагаетъ*, *) на этотъ разъ и

*) безъ нужды, такъ какъ извѣстны Русскія формы *беремя*, *веремя*.

Русскій языкъ стянулъ въ *бремя*, *время*. О краткости этого основнаго звука *а* свидѣтельствуетъ и Рус. «*жерло*, изъ котораго развилось *жерело*» и Литовск *е* въ gerklě, а равно и Литовское kèrdžus—пастухъ (отъ+ kerda) при *чрѣда*, Литовск. pèlnas (lucrum)—*плѣнъ* (spolia, praeda). Рус. *полонъ* изъ *пеленъ*; Лит. skèrs ai (нар. поперекъ)—*чрѣсъ*, Литовск. teterwas—тетеревъ; Литовское *ă* кратко въ šalmà (и šelmenis)—*слѣмъ*; šalnà (иней)=*срѣнъ* (albus).

«Совершенно непостижимо было бы *ѣ* въ *брѣза* при краткой гласной Литовскаго béržas, *) если бы Русск. *береза* непоказало намъ, какимъ образомъ развилось это *ѣ*; первое *е* Русскаго слова, вѣроятно, дославянскаго происхожденія».

Словъ съ *рѣ*, неимѣющихъ въ Русскомъ яз. полногласія и по формѣ общеславянскихъ, г. Гейтлеръ неотдѣляетъ отъ вышеприведенныхъ и приводитъ ихъ въ перемежку съ этими послѣдними, въ доказательство того же, т. е., происхожденія *рѣ*, *лѣ* непосредственно изъ *ере*, *еле*, посредственно изъ *р* съ предъидущею краткою: *брѣзгъ*, Готск. bairhts, Скр. *бhаргас* (splendor); «*прѣмъ* (rectus) Миклошичъ сравниваетъ съ Греч. πρόμος (см. также Curt. Grundz.[2] 266.), Литовск. pìrmas; Рус. *прямъ* на этотъ разъ согласно со Ст.-бол.; *трѣбъ*, Готск. tharbs (necessarius); *трѣскати* (strepitum edere), Лит. tarszkéti; *дрѣмати*, Лат. dormire; *блѣскъ* возникло изъ *белескъ* (ср. бльскъ и брѣзгъ) (§ 66).

3) «Есть и много другихъ слѣдовъ въ самомъ Ст.-Болгарскомъ, прямо ведущихъ къ возникновенію *ѣ* изъ краткой гласной: *Мрж*, а это (какъ вообще по мнѣнію г. Гейтлера (§ 14) *ь* изъ *е*)—изъ *мерж*. Корень есть *мер*, сохранившійся вполнѣ, хотя подъ личиною, въ неопредѣленномъ *мрѣ-ти* изъ *мерети*. Чѣмъ же можно

*) которая однако, замѣтимъ, въ дѣйствительности долга, хотя бы и въ слѣдствіе ударенія.

оправдать (кажущуюся) разность темы неопредѣленнаго и настоящаго? При томъ краткость коренной гласной темы неопредѣленнаго есть требованіе сравнительнаго метода; Литовск. языкъ, свидѣтельство котораго здѣсь важнѣе всего, представляетъ намъ неопредѣленно mirti (изъ merti). Такимъ образомъ намъ ненужно искуственно создавать ни одной ступени въ развитіи неопредѣленнаго *мрѣти*: 1) merti (Литовск. древнѣйш.); 2) *мерети*, 3) *мрѣти*. Бывшее нѣкогда *е* въ *мрѣти* относится къ *мьрж*, какъ *клати* (кленти) ко *кльнж*, *рекж* къ *рьци*; нѣкогда безъ сомнѣнія стояло *мерти* при *мерж*, какъ *нести* при *несж*».... «При неопредѣл. *мрѣти* и аор. *мрѣ* является также и *мьрѣти*, *мьрѣ* (Остр., Supr)». Конечно, это противорѣчило бы мнѣнію о возникновеніи *ѣ* изъ стяженія двухъ *е* стоявшихъ по обѣ стороны плавнаго, ибо здѣсь имѣемъ двѣ гласныя, стало-быть отсутствіе стяженія, и тѣмъ не менѣе на второмъ мѣстѣ *ѣ*. Противъ этого употреблено г. Гейтлеромъ то средство, что возникновеніе формъ *мьрѣти* и *мьрѣ* объяснено подчиненіемъ ихъ аналогіи съ глаголами на *ѣ-ти* (ib.), что, замѣтимъ, совершенно ошибочно. Теперь нѣтъ нужды отдѣльно доказывать, что *стрѣти* относится къ *стьрж*, какъ *мьрѣти* къ *мьрж* и что *ѣ* въ *стрѣти* возникло не въ слѣдствіе какого-то «усиленія коренной гласной», а стяженіемъ изъ «*ере*». Точно также *пьрж*, *прѣти* (fulcire)—изъ *перети*, и изъ старшей ступени, которая въ Литовскомъ spirti (изъ sperti). Точно такъ и *пьрѩ*—*прѣти* (contendere, Рус. переть), *тьрж*—*трѣти*, *жьрж*—*жрѣти* (immolare)=Литовск. girti (изъ gerti, laudare), свидѣтельствуютъ о краткости коренной гласной; равно и *жрѣти* (deglutire) при Лит. gérti (bibere), при чемъ «нѣтъ разницы между *жрѣти* и gérti»; *врѩ*—*врѣти* (concludere)=Литовск. wèrti (отворять, затворять, вдѣвать нитку); *вьрѩ*—*врѣти* (bullire =Литовск. wirti изъ werti; *ньрж*—*нрѣти* (immergere), Литовск. nérti (при чемъ долгое *é* въ Литовскомъ, которое мы видимъ и въ gérti, а еще выше и въ bérżas, объяснено тѣмъ, что оно есть слѣдствіе ударенія); *ме-*

лѫ—*млѣти* изъ *мелети*, *мелти*, Литовск. málti; но *мьлѣхъ*, какъ *мьрѣти*, т. е. по аналогіи съ гл. *ѣ-ти* (§ 67).

4) «Чередуются также и формы съ *ъ* и *ѣ*: при *жрѣти* находимъ и *жръти* (или *жрьти*); то и другое различается лишь несущественно. Основная форма есть *жерти*, откуда съ одной стороны *жерети*, *жрѣти*, а съ другой *жьрти*, *жьръти* v. *жьрьти*, откуда *жръти* или *жрьти*. Нѣкоторыя формы полюбили *ъ*, другія *ѣ* (напр. отъ *стрѣти*—прич. *стрътъ*, безъ видимой причины «вслѣдствіе извѣстнаго своеволія языка»; «*чрътѫ*, seco=Литовск. kertù, а *чрѣсти*=Литовск. kirsti изъ kersti). Такимъ образомъ не только приведены въ согласіе тема неопр. *чрѣти* съ темою наст. врем. *чрът*, но и разница между Литовск. неопредѣлен. wilkti, milžti, kirsti, nérti и Ст.-Болг. *влѣщи*, *млѣсти*, *чрѣсти*, *нрѣти*, на первый взглядъ большая, оказалась мнимою». (§ 68).

5) «Нельзя намъ здѣсь пройти молчаніемъ поразительнаго сходства въ развитіи такъ называемой славянской перестановки плавныхъ согласныхъ съ возниканіемъ *ѣ* изъ краткаго *е*. Сравнивая формы какъ *съмрьть*—*съмрьть*, *пълнъ*—*пълънъ*, *плънъ*, Литовск. mirti—*мереть*—*мрѣти*, мы видимъ, что таже гласная, которая стояла передъ *р*, *л*, развилась и послѣ нихъ, въ силу ненависти Славянскаго языка къ сочетаніямъ *рт*, *лн* и пр.; что весь этотъ процессъ мы могли бы назвать «*ассимиляціей* послѣ *р*, *л*»; что *ь* въ *съмрьтъ*, *ъ* въ *плънъ* возникло по тѣмъ же причинамъ, какъ *ѣ* въ *мрѣти*. Можно также *ѣ*, возникшее изъ *ере*, *еле*, назвать вознагражденіемъ за долгое *ē*, которое необходимо должно было бы возникнуть изъ стяженія двухъ *е*, но котораго Ст.-Болг. языкъ незнаетъ, такъ какъ имѣетъ лишь краткое *е*. *) Гласн. *ѣ* болѣе всего годилась быть

*) Мы замѣтимъ объ этомъ утвержденіи тоже, что выше (въ этой главѣ § 6) объ утвержденіи, выдаваемомъ г. Гейтлеромъ за аксіому, что въ Славянскомъ не было долгаго *о*.

возмѣщеніемъ за долгое *ê* п. ч. по звуку (*eā*) не многимъ отличалась отъ долгаго *е*, а въ Новословин. дѣйствительно перешла въ ė». (§ 70).

6) *ѣ* въ слав. *чрѣда* лишь по видимому равняется готскому *ai* въ hairda (grex) изъ kairda; готская двоегласная возникла независимо отъ славянскаго *ѣ*, на почвѣ Готскаго языка, по извѣстному закону, изъ *i* передъ r: hairda изъ hirda, herda, при чемъ послѣдняя древнѣйшая ступень сохранилась въ Литовск. kėrdžus; подобное отношеніе между *брѣгж* и Гот. bairgan (Нѣм. bergen), *врѣдъ* (Mikl. Lex.) и vairths изъ verths (§ 66).

7) Что *рѣ*, *лѣ* возникли изъ *ере*, *еле* (въ коихъ 2-е *е* неорганическое, появившееся въ силу перваго *е* изъ *ер*, *ел*, вслѣдствіе *нелюбви* Слав. яз. къ сочетаніямъ *р*, *л* со слѣд. согласною, это видно изъ Ст.-слав. *пелесъ* (pullus, Русск. *перепелесый*, *полоса*) изъ *пелс* при Латышск. pàlszas (sic). *) «Если же мы незахотѣли бы удовольствоваться словомъ *пелесъ* (оно извѣстно лишь по позднѣйшимъ памятникамъ), то неопровержимо убѣдимся въ возникновеніи такого *е* (т. е. 2-го, неорганическаго) сравненіемъ Литовск. élnis съ *ѥлень*, гдѣ ненавидимое сочетаніе eln такъ измѣнилось въ *елен*, какъ *жерб* въ Русск. *жереб*». «Ясный примѣръ стяженія *ере* въ *рѣ* имѣемъ въ Греческ. τέρεμνον—Русск. *теремъ*, Ст.-Болг. *трѣмъ*»; *чрѣшња*—Русск. *черешня*, Греческ. κέρασος». «Важность *четвереногъ* при *четвръногъ*—въ томъ, что *ере* здѣсь рѣшительно старше *рѣ* и что сочетаніе *ере* на сей разъ невозникло изъ *ер* передъ согласною посредствомъ вставки втораго *е*, такъ что наше слово «кратко и прямо свидѣтельствуетъ о переходѣ *ере* въ *рѣ*». Тоже случилось и въ *прѣ* при Санск. *пари*: посредствомъ ослабленія *и* въ *е* возникло *пере*, а со стяженіемъ—*прѣ* (§ 66).

---

*) Но Лит. pàlszas есть заимствованное Нѣм. falsch, а Слав. *пелѣсъ*=Лит. pálszas, съ долгимъ *а*.

14. Мои замѣчанія объ этомъ слѣдующія.

Мы видѣли, что г. Гейтлеръ дѣлаетъ двоякое сравненіе формъ съ *рѣ*, *лѣ*=Русск. *ере*, *еле*. Во-первыхъ онъ указываетъ на тождество ихъ съ такими Санскритскими и Литовскими, въ которыхъ передъ плавнымъ стоитъ ă; во-вторыхъ, съ такими Литовскими, въ коихъ передъ r, l стоитъ e v. i. Оба сближенія были дѣланы и прежде (напр. Лавровск. О полногл. 48—9), и вопросъ лишь въ томъ, какъ ихъ понимать.

Противъ перваго, понятаго въ томъ смыслѣ, что *рѣ*=*ере* и пр. конечнымъ образомъ восходятъ къ формамъ ăр, *ăл*, у меня вообще нѣтъ возраженій. Замѣчу только, что *брѣмя*, *врѣмя* могутъ предполагать только формы съ *р* передъ согласною, а отнюдь не формы со вставнымъ *и* передъ суф., какъ *вар-и-ман*, *бhар-и-ман*.

Второе сближеніе можно понимать двояко, и вопервыхъ такъ, что вообще существуетъ совпаденіе между ослабленіями основнаго ar, al въ Литовскомъ и Славянскомъ, но самая форма ослабленія возникла въ обоихъ языкахъ самостоятельно. Такъ выше мы въ общемъ признавали сходство между wilkas и *вълкъ*, утверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни Литов. il, ни предполагаемое на его мѣстѣ г. Гейтлеромъ el неопредѣляютъ, въ какую сторону направится ослабленіе основнаго ar въ Славянскомъ. По такому способу пониманія Литовск. melž-нисколько непоказываетъ, будетъ ли въ Слав. *мълз-*, или *мелез-*, *млѣз-*. Во-вторыхъ можно думать, что Литовскія ослабленія el, er исторически связаны со Славянскими и прямо предполагаются ими. Я позволю себѣ высказать нѣкоторыя сомнѣнія въ вѣрности положенія г. Гейтлера, что первое *е* въ *ере*, *еле* —дославянскаго, Славянолитовскаго происхожденія.

Спрашивается, есть ли такое утвержденіе правильный выводъ изъ обоихъ языковъ, фактъ способный направить теорію, или онъ только требуется извѣстной теоріей и ей обязанъ существованіемъ?

Что до качественнаго отношенія Славянскаго *е* къ Литовскому, то уже выше по поводу начальнаго Русскаго

о=Ст.-Слав. ѥ я старался показать, что есть случаи, когда сходство между Литовским *е*, ė и Славянским *е*, ѥ возникло въ обоихъ языкакъ независимо, такъ какъ само Литовск. *е* возникло въ этихъ случаяхъ на литовской почвѣ, ибо имѣетъ при себѣ болѣе древнія формы съ *а*. Тоже относится къ нѣкоторымъ *е* внутри словъ.

Можно бы думать, что второе *е* въ Литовск. eżeras исторически связано со вторымъ *е* въ *ѥзеро*; однако это оказывается сомнительнымъ въ виду Латышскаго *а* въ ezȧrs. Тоже можно замѣтить и относительно гласной при *р* между двумя другими согласными. Гейтлеръ выводитъ формы *дерево* и *дрѣво* съ одной стороны и *дърво*, *дързво*, *дрьво*, *дьрво*, *дрво* съ другой отъ древнѣйшей формы съ *е*, которую находитъ въ Литовскомъ derwà—лучина (§68); однако въ самомъ Литовскомъ есть и darwa.

Въ словахъ *власти—владѣти=володѣти* Славянскій языкъ вовсе не знаетъ формы съ *лѣ—еле*; поэтому соотвѣтствующая послѣдней, по предположенію, ослабленная форма съ *е* (Литовск. wéldu, weld- ėti) относительно глагольнаго характера болѣе близкая къ *володѣти*, чѣмъ Литовск. waldau- dyti, и, кажется, невстрѣчаемая даже въ Латышск., должна считаться спеціально Литовскою.

Подобнымъ образомъ *длань—долонь*, Литов. delna.

Быть можетъ *клати—колоть* ближайшимъ образомъ должно быть сравниваемо не съ Литовск. kálti, ковать, а со skelti, колоть, при чемъ въ славянскомъ словѣ начальное *с* потеряно, какъ во многихъ случаяхъ (skrzydło—*крило* и пр.).

Воробей (=*ий*)- *врабій*, wróbel—Лит. żwirblis, Латышск. zwirbulis (Mikl. Lex.).

Сѣв. Вр. *скоро́сый*, сердитый, Лит. kersziti и karsziti, гнѣваться, грозить, мстить, kersztas, гнѣвъ, месть, karszinti, побуждать ко гнѣву. Лит. er- здѣсь неимѣетъ соотвѣтствія въ Славянскомъ.

Ср. Литовское *е* въ другихъ случаяхъ, не при *р*:

Литовск. gés·tu, gésti; Латыш. dzēstu, dzist, гаснуть; Лит. gessau-,syti, Лат. dzissēt, гасить, при болѣе древнемъ *а* въ Слав. *гас-*; Слав. *о* предполагаетъ Литов. *а*, а потому Литов. *é* въ tékinti, по знач.=точить (ножъ и проч.), образовано независимо отъ Славянскаго.

На оборотъ, въ нѣсколькихъ словахъ въ Славянскомъ находимъ только ослабленную форму съ *ѣ*, между тѣмъ какъ въ Литовскомъ основная (*ă*) или усиленная (*á*): *мерёга*, рѣдкое вязанье и шитье (Оренб.), *мережа*, сѣть,-*ка*, родъ вышиванья, и отсюда—пестрота, рябь на ткани и пр., Ст.-Сл *мрѣжа* (*ѣ* предполагается и Сербск. Хорут., а равно и Чешск. mřiže), Литовск. márszka, родъ сѣти, marszkinnei, им. мн. бѣлье, платье, сорочка, marszkonas, льняной. Что касается до Литов. margas—пестрый, то оно врядъ ли можетъ быть связано съ *мережить*, пестрить, такъ какъ последнее есть производное отъ *мережа*, а производности Литов. margas отъ слова со значеніемъ сѣти, плетенья, невидно. Это margas могло бы быть сближено съ Скр. прçни (Curt. № 359), такъ чтобы корень предполагался не *парк*, а *спарг—парг* (Ср. spergo)=*марг*. И въ *мрѣжа*—marszka *м*=скр. *п* въ *парч*, ҫрнакти (См. Curt. № 103), при которомъ въ Санскр. *пардж* (основ. форма *парг*). Чередованіе *п* и *м*, *п*, *в* и *м* непринадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ.

Срѣнъ (предполагаемое въ значеніи инея, гололедицы на основаніи Русскаго *серенъ*, Поль. szron, Чеш. sřin, střin и пр.)—при Литов. szarmà, Латыш. sa'rma, иней, между тѣмъ какъ Ст.-Слав. *срѣнъ*, Русск. *серенъ*, бѣлый, сивый=Литовск. szirmas, Жмуд. szirwas, а Ст.-слав. *слана* иней=Лит. szalna, Латыш. salma.

Прѣ, пере=Лит. pèr, но Жмудск. par (Schl. Lit. Gr. 32), Латыш. par.

---

15. На основаніи Русскихъ и Литовскихъ формъ г. Гейтлеръ заключаетъ, что Славянская форма словъ

жеребя—жрѣбя есть gerb съ дославянскимъ *е*. Мнѣ кажется, что это еще вопросъ, притомъ связанный съ другимъ: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не всѣ Слав. нарѣчія имѣютъ *лѣ=еле* и *рѣ=ере*, а одни *лѣ*, другія *ла*, ко при Русскомъ *оло*, *ело* и *рѣ* при Русскомъ *оро*, слѣдуетъ ли вездѣ предполагать форму съ *лѣ=еле*, *рѣ=ере*, или есть возможность думать и иначе? Если форма *длато* непредполагаетъ формы *длѣто*, ни форма *долото* формы *делето*; если полногласная форма ближайшимъ образомъ предшествующая формѣ съ *ѣ* не есть общеславянская, а лишь свойственная нѣкоторымъ нарѣчіямъ; если общеславянскою въ этихъ случаяхъ окажется форма съ *а* передъ плавною; то будетъ вѣроятно, что во многихъ случаяхъ ослабленіе коренной гласной *а* произошло лишь на Славянской почвѣ и что напр. совпаденіе гласныхъ въ Греч. βρέφος и *жеребя*, въ Лит. per и *пере* лишь случайно, какъ и сходство въ окончаніи 2-го л. мн. ч.—ετε=*ете*.

Во всякомъ случаѣ полезно ближе присмотрѣться къ распредѣленію по нарѣчіямъ формъ съ *ра—ро—оро*, *ла—ло—оло* съ одной и формъ *рѣ—ере*, *лѣ—еле* съ другой стороны и ко взаимному отношенію этихъ *еле* и *оло*, *лѣ* и *ла*.

П. Лавровскій (о Русск. полногласіи 25) полагалъ, что «только замѣною *ѣ* посредствомъ *а* и должно объяснить Русское *оло* вмѣсто *лѣ*» (молоко—млѣко), что «еще въ доисторическую пору бо́льшая часть корней такихъ словъ измѣнила *лѣ* въ *ла* и уже отсюда образовала полногласное *оло*» (ib. 26). Это мнѣніе, котораго и я держался въ своей статьѣ о полногласіи, теперь, при предположеніи бо́льшей древности полногласія, чѣмъ сочетанія *рѣ—лѣ*, приняло бы такой видъ, что въ случаяхъ, гдѣ слова совершенно одинаковаго образованія и значенія имѣютъ по нарѣчіямъ *лѣ—еле* и *ла—ло—оло*, *оло* возникло изъ *еле*. Таково дѣйствительно утвержденіе Гейтлера: «иногда Русскіе слоги *оро*, *оло* возникли изъ болѣе древнихъ *ере, еле* посредствомъ измѣненія *е* въ *о*, какъ въ *тонкій*, при Чешск. tenký, *тьнькъ* изъ

теньк, при чемъ Литовск. tènvas свидѣтельствуетъ о бóльшей древности гласной *е*. Такъ *полóнъ* при Ст.-Болг. *плѣнъ* изъ *пеленъ* и Литовскомъ pèlnas (lucrum); *молоко* при *млѣко* изъ *мелеко*. *Ж* въ *жолобъ* само по себѣ достаточно свидѣтельствуетъ, что слово это возникло изъ *желебъ* (желобъ), такъ какъ *ж* изъ *г* можетъ возникнуть только передъ мягкою гласною. Ср. *жлѣбъ* изъ *желебъ*, между тѣмъ какъ Чешск. žlab тяготѣетъ къ *жолобъ*, и къ еще болѣе древнему *желебъ*, *желб*-(Fonol. 57. § 82).

Строго говоря, начальная шипящая въ *жолобъ* и *жлѣбъ*, а равно и тамъ, гдѣ въ Русск. *ере* (*жрѣбъ* *чрѣнъ*, *чрѣсъ* и др.), свидѣтельствуетъ только о томъ, что до возникновенія формы *жлѣбъ* и пр. между начальною гортанною и слѣдующею плавною стояла гласная при помощи которой возникла j при гортанной, откуда *ж*, *ч*, *ш*. Если бы этого небыло и гортанная съ самаго начала примыкала къ плавной, то она не могла бы превратиться въ шипящую отъ вліянія *ѣ*, ибо имѣемъ же *грѣхъ*, а не *жрѣхъ* и пр.. Это одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ того, что уже на Славянской почвѣ формамъ, какъ *жлѣбъ*, предшествовали формы съ гласною передъ плавною. Но *ж* въ *жолобъ*—*жлѣбъ* и пр. само по себѣ несвидѣтельствуетъ, что этою гласною послѣ гортанной было именно то самое *е*, которое мы застаемъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ историческую пору. Покамѣстъ мнѣ некажется невѣроятнымъ, что при гортанной передъ основнымъ *а* могло возникнуть неорганическое j, повліявшее на эту гортанную, но не измѣнившее *а* въ *е*, какъ напр. въ *жаба* (отъ *габh*), или въ частицѣ *-ча* при *-ка*.

Если спросимъ себя, какъ *еле* напр. въ предполагаемомъ *мелеко*, могло перейти въ *молоко*, то удовлетворительную аналогію для этого перехода будетъ очень трудно найти. Скорѣе можно бы допустить, что, хотя не вообще, но въ отдѣльныхъ случаяхъ, на оборотъ, *еле*—*ере* могло образоваться изъ *оло*—*оро*, напр. Бѣлор. *пелескаць*=*полоскать*. Случая этого я необобщаю, такъ

какъ съ другой стороны вѣроятно, что параллельность формъ какъ *пелева* (*пелы*, мякина) и *полова* восходитъ къ доисторическому времени и единство ихъ находится въ третьей потерянной формѣ. Та аналогія, на которую указываетъ Гейтлеръ положительно негодится. М.р. *тонкій* неизмѣняемостью своего *о* въ *и*, *і*, *у* и пр. указываетъ на основную общерусскую форму *тънъкъ*, которую дѣйствительно находимъ въ весьма древнихъ памятникахъ (См. Вост. Словарь и др.), между тѣмъ какъ Польск. cienki, В. Л. ćenki, Н. Л. śanki указываютъ на *тьнъкъ* (Ст.-Слав.). Сербск. *танак* могло одинаково возникнуть и изъ той и изъ другой. Русск. *тънъкъ* не могло возникнуть изъ *тьнъкъ*, а скорѣе всего обѣ формы предполагаютъ болѣе древнюю и общую съ чистыми гласными. Этой аналогіи нельзя искать и въ позднѣйшемъ Русскомъ ё и *о* послѣ шипящихъ изъ *е*, такъ какъ здѣсь необходима йотація *е*, или, точнѣе, небность предъидущей согласной, чего очевидно нѣтъ ни въ *молоко*, ни въ Польск. mɫokos и т. п., въ коихъ согласныя въ Русск., Польск. и Луж. рѣшительно тверды. *) Предположить же для этихъ нарѣчій большую древность того произношенія *молёко* и т. п., какое мы слышимъ у разныхъ иностранцевъ, а тѣмъ паче большую древность неслыханнаго произношенія *мёлёко* насъ ничто не уполномачиваетъ. Точно такъ и *о* изъ *е—ѣ* въ Польск. brzoza при brzeżina предполагаетъ йотацію *е*, оставившую послѣ себя rz, и въ этомъ отношеніи сходно съ Вр. ё въ *берёза* (гдѣ однако кромѣ этого дѣйствуетъ и удареніе) и вовсе несходно съ ɫo въ mɫokos. Что до предположенія *о* изъ *е* въ *олень* и пр., то оно, какъ мы видѣли, само сильно нуждается въ доказательствахъ,

*) Случаи, какъ В. Л. skerje (скорѣе), dele (внизъ, долой), delnjoɫužiski (дольно-), derje (добрѣ), krepka (kropka, капля), tepić (топить печь) и пр. говорятъ въ пользу явленія обратнаго искомому, то есть въ пользу *е* изъ *о*, но въ прочемъ имѣютъ слишкомъ частный, спеціально-Лужицкій характеръ.

при чемъ во всякомъ случаѣ такое начальное *о* отлично по обстановкѣ отъ двухъ *о* изъ двухъ *е* внутри полногласныхъ словъ. Черелованіе же *е* и *о* въ случаяхъ какъ *собѣ* и *себѣ* (Geitl. Fon. § 8) опять таки, какъ и *ъ*—*ь* въ *тънъкъ* и *тънъкъ*, можетъ быть понимаемо не какъ возникновеніе *о* изъ *е*, а какъ возникновеніе обоихъ изъ третьяго болѣе древняго звука.

Гейтлеру кажется легкимъ объяснить изъ предполагаемаго *велкж* (=Лит. velkù) съ одной стороны *влѣкж* черезъ *велекж*, а съ другой *вълк*—черезъ *вьлк-*, *вълък*—(*съвлъкъ* и пр.) (Fonolog. § 68). Но если признаемъ, что Ст. Русск. формы съ *ъл-* непредполагаютъ формъ съ *лъ*, ни формъ съ *ьлъ*, и что *ъ* никоимъ образомъ неможетъ быть выведено изъ основнаго Славяно-Литов. *е*, то увидимъ, что формы съ *ъл-* при Ст.-Слав. съ *лѣ-* сойдутся съ послѣдними не въ предполагаемомъ *ел*, а развѣ въ *ал*. Такъ въ слѣдующихъ примѣрахъ, въ коихъ въ одномъ и томъ же спряженіи, иногда въ той же формѣ находимъ и *лѣ*, и *ъл*, и Русское *оло*:

Ст. Слав. *влѣшти*, *влѣкж*, Хорут. vleči, vlečem, Чеш. vleci v. vléci, vleku, vleču, Польск. wlec, wlokę, Н. Л. lac, laku, lakł; но Серб. только вући, вучем (осн. форма *ввлк-*), Русск. *волочи* (волочь, Вост. М.р. волокти́, волочёш, волік, волокла̀) и Ст. Рус. *объвлчи*: «самъ же въ худыя пъръı *обълкъся*, тако хожаше», Жит. Өеод. XII в. (Чт. 1858, III, 6.); «*изволкъ* пожь свои и ятъ..... Глѣба за.... главу (Жит. Бор. и Глѣб., Чт. 1859, I, 11) *).

тлѣшти (и *тълѣшти*), *тлъкж*, Хорут. tlêči и tolči, tolčem, Хорв. tlići-telčem; въ Серб., Чешск.,

*) Такъ какъ Гейтлеръ считаетъ фор. *младъ*, *златъ*, попадающіяся и въ Вр. нар. пѣсняхъ, за стяженія, возникшія на Русской почвѣ (Fon. стр. 57), то онъ могъ бы причислить и здѣсь къ Русскимъ формамъ—*влечь*, какъ явное доказательство того, что *волочь* изъ *велечи*; но у насъ съ давнихъ поръ съ полнымъ основаніемъ принято считать такія формы заимствованными изъ Ст.-Слав. книжнымъ путемъ.

Польск., Лужицк. только формы съ основнымъ *в* при *л*: Сербск. туħи, Чешск. tlouci — tluku, Польск. tłuc, tłukę, В. Л. towku. Въ Н. Л. вѣроятно было бы tłuc (tłukł). Вр. *толочь* (толочи) и *толчи*, *толку*; М.р. *твектù* предполагающее *толчи*. Изъ Литовскаго Миклошичъ (Lex.) сравниваетъ tilku, которому Нессельманъ приписываетъ значеніе «zahm werden»: «aptilkęs žmogus», einer der sich die hörner abgelaufen hat. Съ *тълк*- несомнѣнно сродно Лит. talką sutelkti, толоку (помочь) спрашивать, susitelkti собираться на толоку; но самое talkà толока въ значеніи общественной помощи (откуда гл. telkti *можетъ* быть образованъ, не смотря на свою наружную первообразность), можетъ быть словомъ заимствованнымъ изъ Русскаго. Если въ духѣ Гейтлера предположить основную форму *телк*-, то она не объяснитъ ни *тълк*-, ни *толок*- (*тлак*).

Млѣсти, *млъзѫ*, Хорут. mlêsti и molsti, Сербск. только мусти, музем (=*мълз*-), Лит. milszti, milžu — melžu. Русск. форма неизвѣстна, но на основаніи *молозиво* и, впрочемъ болѣе отдаленнаго, *молсать*, сосать (напр. кость)=Чешск. mlsati облизывать, лакомиться, mlsna, mlznice лакомка (и въ Скр. при кор. *мардж* стоитъ *марç*), можно ожидать Русск. *молсти* v. *молости*. По Гейтлеру звукъ *е* здѣсь дославянскій: *мелз*- перешло съ одной стороны въ *мьлз*-, *мьлвз*-, *млѣз*-, а частью въ *мелез*-, Русск. *молозиво* (Fonol. § 68). Но мы неимѣемъ ни одной аналогіи для предположенія Русск. формы *мьлз*; Русская же *мълз*- непредполагаетъ *мелз*-. Ни Лит. melžu, ни ἀμέλγω недоказываютъ, что *е*—дославянское. Русск. *молозиво* (Ст.-Слав. млѣзиво, Хорут. mlezivo, Чешск. mlezivo) на Русской почвѣ извѣстно въ весьма древнихъ памятникахъ: «я молозива, рече, лихо не годно бы ясти его, яко съ кровью есть; да быша съ три дни теляти даяли, а потомъ чистое сами ѣли» (Впраш. Кюр. Калайд. Пам. Русск. Сл. XII в. 191). Форма предполагаемая формами *молоз*-и *млѣз*- можетъ быть съ *а* передъ *л*. Точно тоже можно думать и объ отношеніи *молоко* и Польск. młokos (изъ mło-

koss), молокососъ, къ *млѣко* и формамъ всѣхъ остальныхъ Слав. нарѣчій, въ томъ числѣ Польск. mléko и Луж. mloko (изъ mleko). Мнѣніе Гейтлера—что и здѣсь *оло* изъ *еле*, что Русск. форма лишь незначительно отличается отъ предполагаемой *мелеко* и что будьто этою послѣднею освѣщается неясное до сихъ поръ отношеніе гласныхъ въ Гот. miluks (по Гейтлеру изъ meloks) къ *млѣко* изъ *мелеко* (§ 66 стр. 47); но общею между *млѣк* и *молок*, młok могла бы быть, по другому мнѣнію, лишь форма въ родѣ Литовск. malkas, глотокъ жидкости, хлебокъ, слова, которое и по происхожденію быть можетъ относится туда же. Ср. относительно значенія Сербск. *млаз*, струя молока *за ра́зъ* извлекаемая изъ соска.

Въ Русскомъ къ формамъ *молоз* v. *молос* слѣдуетъ отнести и Вр. *молосто́въ*, горшокъ или корчага обвитая берестой, дойница, молочный горшокъ, горшокъ для мѣшанья русск. масла; *молостовка*, *молостикъ*, горшокъ для молока=Польск. młost: «dopadłszy warzęchy i młostu nawali w brzuch smietany» (Linde). Суффиксъ *-тъ* и *-твъ* (Ср. верс-та и верс-тва).

Млѣ-ти, *мелѭ*, Хорут. mleti, meljem, Серб. *мље-ти*, *мељем*, Чешск. mliti, mlel, meli, В. Луж. mleć и, по аналогіи съ этимъ, mli-ju, Н. Луж. mlaś, mle-jom и melom, m'elach и mlejach, mlaty, mlaśe (молотье); Польск. mleć, mielę, но mioł(ł), miołła (мьл-), mełty (основн. форма мъл), mełcie; Русск. молоть (-ти), мололъ, мо́лотый, мелю. Литов. mālù, málti и Латыш. mal'u, malt рѣшительно противорѣчатъ тому, что Славянская форма съ *е* есть дославянская. Лит. mélnyczia, melninkas—изъ Русск. *мельница*, *мельникъ*. За тѣмъ ослабленіе основной гласной является лишь въ miltai (множ. ч.) мука; всѣ же остальныя слова этого происхожденія имѣютъ въ корнѣ *ā* и *ă*. Послѣднему соотвѣтствуетъ *ъ* въ предполагаемомъ *мъл-ынъ*, на основаніи Польск., В. Луж. młyn, Русск. *млынъ*, Лит. mal-ūnas, между тѣмъ какъ Ст.-Сл. *млинъ*, placenta (и Хорут., Болг. см. Mikl. Lex.)=Русск. *млинъ* и *блинъ*. Заимствованіе этого по-

слѣдняго съ Нѣм. blinze (Mikl. ib.) мало вѣроятно. Въ Русскомъ съ *еле=лѣ* только *меле-нь*, рукоять жорнова=Польск. mlon, Литовское mal-inis, id. образовано совсѣмъ иначе. Въ Вр. *мел-енка* 2-е *е* изъ *ь* (мельница), а *мел-ево* не есть форма=Сербск. *мљево*, а произошла изъ *мел-иво*, какъ *круж-ево*,-*иво*, обл. *молоз-ево*,-*иво*.

Плѣти, *плѣвѫ*, Хорут. plêti plêjem и plêvem, Серб. пљети плијевем, Чешск. pleti pleju, В. Л. pleć pleju, Н. Л. plaś—pleś, pleju; Польск. pleć, pielę и plewię, pielony, но piołł, pełły; Русск. полоть, Стар. *полову* («исполовемъ» Галицк. Ев. 1142 г., Буслаев. Хр. 45), совр. Вр. и Мр. *полю́*. *Плѣвель*, *плѣва*, Хорут. plevel, plêva, Чешск. plevel, pleva, Сербск. плѣва, Н. Л. pl'owa (=ple-), plownia, но Польск. płowa, Русск. *стар. половелъ* (Гал. Ев. ib.), совр. *полова*, однако *пелевня* (Новг., Твер., Тамб.)=Луж. plownia, spreukammer, гдѣ *е* можетъ быть случайнымъ совпаденіемъ съ Латыш. pelawas (мн.) полова.

Хорут. dlêto, Сербск. длијето, но Ст.-Славянск. *длато*, Чеш. dlato, Польск. dłoto, Н. Л. bwodko (т. е. dłotko), Русск. долото. Такимъ образомъ *лѣ* только въ меньшинствѣ нарѣчій.

Плѣнъ, Ст. Слав. Хорут., Сербск., Чешск.—*лѣ*, Польск. plon—plenić (=лѣ) и płon, Русск. полонъ. По вышесказанному достаточно бы одной послѣдней формы, чтобы помѣшать предположенію, что общеславянскій языкъ имѣлъ форму съ *е* (Лит. pelnas).

Ст.-Слав. *слѣмѧ* и *сламѧ*. Въ Хорут., Сербск., Чешск., Польск.=*лѣ*; но въ Н. Луж. słomień—имя мѣстности, В. Л. slomio (ło? lo?), Ст.-Русск. *соломена́* (мн.) (Mikl. Lex.), совр. *шо́ломъ*, накладной жолобъ на дому, повѣть, *шело́мъ*, утесъ, повѣть. Въ Лит. форма съ *а* (szalma) можетъ указывать на то, что форма съ *е* (szelmenis) мѣстнаго происхожденія.

Жлѣбъ. Въ Хорут., Сербск. žlêb, жлијеб, но въ Чешск. žlab и žleb, В. и Н. Л. žłob, Польск. žłob, Русск. *жолобъ*. Это слово въ Русскомъ, какъ и *шо-*

ломъ должно бы писаться *желобъ*, *шеломъ*, какъ и *шеломя*, но первое *е* есть здѣсь не основное дославянское *е*, которое могло бы указывать здѣсь на происхожденіе *оло* изъ *еле*, а стоитъ лишь вслѣдствіе того, что въ Древ.-Русск. какъ и въ Ст.-Слав. *о* не можетъ стоять послѣ шипящихъ и другихъ мягкихъ: ср. Русск. *голыбать*—*желыбать* и т. п. Хотя *жолобъ* можетъ не имѣть отношенія къ Скр. *гарбhа-с*, утроба (какъ воспринимающая), откуда русло рѣки, выступившей изъ береговъ, по Б. Р., какъ бы беременное, *жеребое* русло, плодъ (какъ зачатый, воспринятый=жеребя); но основная форма должна быть весьма сходна съ *гарбhас*; ср. слова съ *ла—ра*: γλάφω, долблю (Curt. № 134) и γράφω=гребу (ib. 138).

Ст.-Слав. *члѣнъ* (и *чьлѣнъ*), *чланъ* (и *чьланъ*), articulus, Хорут. člên, člênek, člink и član, Серб. члён, ручка, рукоять (черенокъ?) и члйн, чла̂нак, *чљан*, *шкљан*, Чешск. člen и článek, Польск. członek, Н. Л. cłonk, Миклошичъ сравниваетъ Скр. *кр̥*—vertere (?), указывая на аналогію съ vertebra и Греч. κῶλον. Можно бы думать о сродствѣ съ *коло* и *колѣно*.

Иногда форма, соотвѣтствующая Русской *оро*, *оло*, сохранилась только въ одномъ изъ Слав. нарѣчій.

Жлѣза, Хорут. žleza, Сербск. жлијезда, Русск. железа, но Чешск. žleza и žlaza; Польск. и Лужицк. съ основн. ъ: Польск. zołza, Н. Л. žołž', žowž, В. Л. zawza.

Ст.-Слав. *жлѣсти*, *жлѣдж*, compensare, poenam luere, mulctari и *жласти*, solvere, exsolvere, *жлѣдьба* и *жладьба*, mulcta.

жлѣдица, МР. *ожеледь*, *ожеле̂диця*, Польск. żłodź, żłód, deszcz zlodowaciały.

слѣз-ена,*-ина*, *селезенка*, Н. Луж. słozyna.

смрѣчь, Сербск. смрјека, Хорут. smrěka, Болг. прилаг. смрековъ, Мр. смерекъ, Польск. swierk (=*ьр*), smrek и smrok, ВЛ. smrok, НЛ. šmrjok и škrjok.

Въ слѣдующемъ случаѣ одно Мр. нарѣчіе имѣетъ

форму съ *еле*: *Влатъ*, gigas, Русск. *Волотъ*, *Велетенъ*. Миклошичъ сближаетъ это слово съ Серб. *влâт*, Хорут. vlat (lat., м.р.) колосъ, Литовск. vâltis, ж. овсяный колосъ, куда относится и Вр. *вóлоть*, верхняя оконечность снопа, противоположная огузку, Мр. «ой просо волоття! (народ. пѣсня). *) Основаній этого сближенія кромѣ звуковыхъ покамѣстъ невидно.

Вообще: гдѣ въ области Литовско-Латышскаго языка el, er, стоятъ въ тѣхъ же формахъ при болѣе древнемъ al, ar; гдѣ въ Литовск. только одни послѣднія сочетанія; гдѣ въ Слав. языкахъ является діалектическая смѣна *рѣ*, *лѣ* (=ере, еле) и *ра*, *ла* (=*оро*, *оло*), тамъ не вижу основанія выставлять предполагаемую общеславянск. и Славяно-Литовскую форму съ el, er.

Скорѣе можно бы думать, что уже въ дославянское время было *е* передъ *р* въ тѣхъ случаяхъ съ *рѣ*=*ере*, при которыхъ въ тѣхъ же формахъ діалектически стоятъ формы съ *ър* (каковы напр. *жрѣло*, *жерело* при *жърло*; Мр. *мерти*, *перти*, *терти*, *стерти*, *дерти* (т. е. мърти и пр.) при *мрѣти*=мерети и пр.), и въ тѣхъ, въ коихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ имѣемъ только *ере*=*рѣ* (чуть ли не въ одномъ случаѣ «*селезень*» *)

---

*) У Даля *волоть* смѣшано съ *володь*, волокно, прядь конопли=*владь*, *сота*: «Несторъ... густою володью, густобрадъ... Мирионисъ—добробрадъ... кудрявъ, густою владью... Андромахи... кудрява, длъгою владью... Касандра русою владью... Полуксени черновласа, кудрява, велію владью» (О разор. Трои по сп. XV в., Калайд. Іоан. Экз. Бол. 182, 3). Если, какъ кажется, сближеніе Миклошича с. *вардh*, crescere, вѣрно, то къ тому же корню Русск. *волдырь* и Ст.-Слав. *врѣдъ*, Русск. *вередъ*, Пол. wrzod, В. Л. brjod, въ которомъ слѣдуетъ предположить первоначальное значеніе нароста, нарыва, и за тѣмъ уже значеніе раны, уязвленія, уязвленнаго мѣста и пр.

*) Мр. *селехъ* (изъ селегъ?) *селез-ень*, самецъ утки, можетъ первоначально значить вообще *самецъ* и въ этомъ смыслѣ можетъ быть объяснено сближеніемъ съ Скр. *сардж* (основн. *сарг*), effundere, emittere, creare. Основная форма была бы *сарг-а-с*, *сарг-ан*, какъ nomen agentis.

Русск. *еле*), какъ въ *брѣза—береза*, Литовск. bérżas, Латыш. bérzs; однако и здѣсь возможны сомнѣнія и навѣрное необходимы нѣкоторыя ограниченія. Такъ, имѣя передъ собою Слав. формы *жерело=жрѣло*, *жьрло* и *гърло*, и зная, что ихъ единство было возможно только при существованіи формы *гар-тра-м*, не удобнѣе ли предположить, что все распаденіе этой послѣдней произошло на славянской почвѣ (приблизительно такимъ образомъ: изъ *гар*, съ одной стороны *гър*, съ другой *жар-*, откуда *жьр* и *жарă-*, *жере-*), чѣмъ прибѣгать къ Литовскому ger въ gerklė, которое, безразлично соотвѣтствуя всѣмъ четыремъ Славянскимъ формамъ, необъясняетъ въ частности ни одной.

Что до ограниченій, то они могутъ быть такого рода. Если обратить вниманіе на то, что слову *сытъ* по значенію противополагается *гладьнъ*, *голодьнъ*, которое собственно значитъ не неѣвшій или тощій, а *жадный* (осн. форма *гардһ-и-на*, ср. Скр. *гр̥дһну́*, avidus), то будетъ вѣроятно, что *трѣзвъ*, Русск. *терезвъ твере3ъ*, противополагаемое слову *пьянъ*, значитъ тоже не непившій, а жаждущій напитка. Съ этимъ ср. Скр. *тр̥шу́*, avidus, при *тарш*, *тр̥шјати*, чувствовать жажду, жаждать чего. Было кѣмъ-то высказано сомнѣніе относительно возможности соотвѣтствія Скр. *ш* и Слав. *з*, кажется по поводу *дърз* при Литовск. drasus и Скр. *дһарш*, audere (сближеніе Боппа). Безъ сомнѣнія эти звуки не предполагаютъ другъ друга, но между ними можетъ быть третій общій. Такъ Слав. *з* можетъ быть въ нѣсколькихъ рѣдкихъ случаяхъ измѣненнымъ *с*. Точно такъ мы остаемся въ невѣдѣніи, какимъ образомъ является въ Латыш. ksz, szk тамъ, гдѣ мы ожидаемъ s и лишь предполагаемъ участіе въ этомъ суф. *-ск* (inchoat.); тѣмъ не менѣе прочно стоитъ сближеніе Скр. *тарш* и Литовск. troksztu v. troszku, troksztі жаждать, желать. Между тѣмъ какъ *трѣзвъ* основано на *тарс*, Литовскія формы предполагаютъ уже перестановку *ар-*: въ *ра-*: trāszk. Такимъ образомъ, если Слав. *трѣзвъ* предполагаетъ ближайшимъ образомъ форму *терезвъ*, то первое *е* въ этой формѣ

нетолько появилось уже на Слав. почвѣ, но даже не имѣетъ себѣ ничого соотвѣтствующаго въ Литовскомъ.

И такъ вообще безопаснѣе смотрѣть на Литов. *е*, напр. въ gérti, какъ на явленіе аналогичное съ первымъ *е* сочетанія *ере*, *еле*, чѣмъ какъ на исторически предшествующее ему.

---

16. О первомъ *е* въ *ере—еле* въ количественномъ отношеніи можемъ сказать лишь нѣсколько словъ. *Древнѣйшая* основная форма этихъ сочетаній *ар—ал имѣла* краткую гласную; но не пріобрѣло ли эго *а* въ отдѣльныхъ случаяхъ долготы до своего ослабленія (какъ въ Лит. mâlù—mâlti, мелж—млѣти), или ужэ измѣнившись въ *е*, этого пока мы незнаемъ.

Положеніе: «всякое Слав. *е* кратко», ничѣмъ не доказано. Относительно Литовскаго намъ извѣстно, что въ немъ *е* подъ удареніемъ, но не подъ каждымъ, не измѣняясь качественно въ *ė*=Слав. *ѣ*, можетъ пріобрѣсти долготу (Schl. Lit. Gr. 15). Прежде чѣмъ утверждать, что полногласіе *ере—еле* обязано своимъ происхожденіемъ именно сочетаніямъ ĕr—ĕl съ краткимъ *е*, нужно доказать, что это *е* ни въ какомъ случаѣ небыло удлинено на Литовскій манеръ. Намъ ненужно особенно напирать на эту краткость, такъ какъ, несмотря на вышеприведенную аналогію Латышскаго языка (въ этой главѣ § 1), есть возможность понять возникновеніе полногласія и изъ основной краткой, и изъ основной долгой гласной (въ этой главѣ § 3: млâд=молодъ изъ предполагаемаго *мā'лд*·, *мал$_a$дъ*).

---

17. Въ Хорутанскомъ нарѣчіи мы встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ съ ере вм. rê: bereg, берегъ, болото при brêg, холмъ, берегъ; smereka при smreka, ель; žerelo, очко въ ульѣ, челюсть печи, при žrelo, пасть (ср. Сербск. *ждриjело*, *ждрло*, узкій проходъ, тѣсни-

на); dereze (множ. ч.) Schubeisen и dreze steigeisen; čerez и črez, черезъ. При этомъ, сколько извѣстно, ни одного случая съ *оро—оло*. *) Если взять во вниманіе, что въ этомъ языкѣ попадаются случаи перестановки r, которые можно разсматривать, какъ спорадическое стремленіе раздѣлять гласною сочетаніе нѣмой и *р* (bernk—brenk (Польск. brzęk), звукъ струны; dersklja—dristlja, брызгалка, клистирная трубка, ср. *дристать*; per—при); то скорѣе можно считать bereg и пр. за явленіе позднѣйшее, неимѣющее никакой связи съ Русс. *берегъ*, чѣмъ за остатокъ старины. Тоже можно думать о Болг. *чирен*, *чиресло*. Отсюда, кажется, нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ Русскому полногласію и къ происхожденію *рѣ—лѣ=ере—еле* вообще.

Миклошичъ говоритъ (Lex. s. v.), что по видимому и Ст. Слав., *пелена* изъ *плънӑ*—мнѣніе, котораго и, я прежде держался; но быть можетъ слѣдуетъ здѣсь стать на сторону Гейтлера и считать формы: Ст. Слав. *пелена* при плѣна, Сербск. *пелена*, Болг. *пеленг*, Хор. pelenica, darmfell, darmhaut, за равно древніе съ Русск. *пелена*, между тѣмъ какъ Хорут. pelna, pelnica при plena—за діалектическую перестановку.

---

18. Допуская гадательно возможность происхожденія *рѣ* изъ *ере-*, *лѣ* изъ *еле*, мы остаемся въ невѣдѣніи относительно причины и способа происхожденія этого *ѣ* и стало-быть оставляемъ мѣсто для другой догадки: какъ *ра*, *ла* могутъ, по выше показанному, предполагать не русскую форму полногласія, а *ара*, *ала*, такъ и *рѣ—лѣ* не основаны ли на полногласной формѣ не такой, какъ Русская?

Мы видѣли, что, по Гейтлеру, *ѣ* есть здѣсь вознагражденіе за два *е*, которыя по предположенію возник-

---

*) Странная форма molośćnja, милостыня, сюда не относится.

ли изъ стяженія *ере*, *еле*; но во-первыхъ, аналогія съ *съмрьть* изъ **съмьрьть*, если ее принять, показываетъ, что стяженіе можетъ быть простымъ опущеніемъ перваго звука, безъ всякаго вознагражденія. Во-вторыхъ, хотя мнѣніе Миклошича (Lex. s. v.), что *врѣтено* есть лишь ошибочная форма вмѣсто *веретено*, можетъ быть и невѣрно, такъ что къ древнему языку и нельзя отнести процесса въ родѣ Хорут. čmer изъ čemer, и нельзя сказать, что *веретено* (съ е)—изъ веретено; но быть можетъ слѣдуетъ придать нѣкоторое значеніе тѣмъ случаямъ, въ которыхъ вмѣсто ожидаемаго *лѣ*, *рѣ* или *еле*, *ере* встрѣчаемъ на второмъ мѣстѣ *ѣ* безъ потери перваго звука: *ерѣ*, *елѣ*. Если принять сдѣланное выше (§ 9 этой гл.) предположеніе, что *журавль* и *муравей* предполагаютъ основныя формы *гаре-* и *маре-*, то между *ера*, *ора* (журавль, *моравій) и *ерѣ*, *елѣ*, буде въ этихъ послѣднихъ *ѣ* не относится къ суффиксу, окажется сходство:

Желѣдь, *желѣдьба*=*жлѣдьба*, mulcta. Миклошичъ считаетъ *жлѣсти*—*жласти* заимствованнымъ изъ Готск. gildan (Fremdwört); но форма *жлад* весьма далека отъ gild.

Черѣнь, жаровня=*црѣнъ*. Форма съ *ерѣ* предполагается Русскимъ, Сербск., Чешск., Польскимъ: Мр. *черінь*, мѣсто въ печи, куда ударяетъ пламя и надъ печью: «сісти на черені, де гаряченько», «злізти на черінь»: Вр. *черенъ* и, что быть можетъ заимствовано, *цренъ*, родъ большой сковороды для выпарки соли; Сербск. *чеjен*. 1, више ватре, гдjе удара сила од ње («као опак?»—нѣтъ, не очагъ); 2, као плитак кош, у коjему се суши жито више ватре. Какая связь съ Хорут. čerenafels, steinklippe? Ср. поль. o-pok-a, скала, Русск. собственно опочка, при пеку. Чеш. čeřen, родъ сѣти, ящикъ, гдѣ давятъ виноградъ, поверхность горы, мѣсто надъ печью, гдѣ спятъ; Польск. cierzeniec, sak na ryby; но czeryn, сподъ печи, на которомъ огонь, заимствовано изъ Мр. *черінь*, по западному—*черинь*.

Хорут. merêsec, merjasec, Хорват. nərist кабанъ, предполагаютъ *нерпс*·. Если эти слова имѣютъ въ основанiи значенiе *литья*, излiянiя сѣмени, какъ Слав. *вепрь* (кор. *вап*, spargere, seminare) и какъ Скр. *врша* — быкъ (*варш*, irrigare) и нѣкоторыя другiя, то, по связи жидкости и нечистоты, оскверненiя, несомнѣнной въ нѣсколькихъ слогахъ, сюда же можно бы отнести и Чешск. neřes, нечистота и пр., В. Л. nierěch, unflath, nerešny hässlich, отдѣляя эти слова отъ Н. Л. nieréd, В. Л. njerjad (отъ *не* и *рѧд*·), что тоже значитъ unflath. Видоизмѣненiя корня въ этомъ семействѣ весьма разнообразны: а) формы: Русск. (Перм.) *нёрсъ*, время метанiя икры, Н.Луж. nerch, nerk, jerk, рыбья икра, ryba nerknio, laicht, указываютъ на осн. слав. *нърсъ*; аналогично съ этимъ Лит. nerszti, nerszéti, метать икру, nerz-tas, нёрсъ; б) В. Русск. (Псков.) *нáростъ*, течка животныхъ, *нарóстоваться* (Твер.), о рыбахъ, метать икру, замѣчательно совпаденiе съ Хорут. narást, совокупленiе птицъ, narástiti, narăščiti, совокупляться, о птицахъ, корень тотъ же, а отнюдъ не *на* и *ростъ*; в) Русск. (Арх.) *нóросъ*, рыбья и лягушечья икра, *нороситься*, совокупляться, о лягушкахъ, Волог. *норос-ть*, тоже что *нёрсъ*, Поль, mroszczyć się («szkoda w ten czas ryb» (т. е. ѣсть), «gdy się mnożąc mroszczą,» Linde s. v.), въ Церк. Слав. было бы нрас- v. мрас-, въ Лит. ср. nárszas=Рус. *норосъ*, Латыш. na'rste=норость, nar'stit, метать икру; г) Рус. *нересть* (въ Палеѣ 1494 г. Вост. Слов. s. v.), Серб. мрȅст=мриjест, рыбья икра; наконецъ д) упомянутое выше Хорут. merẽs-ec=осн. нерѣс·. Если корень здѣсь *марс*=*смарс*, то въ *нърсъ* и пр. находимъ замѣчательный случай сродства начальнаго *м* и *н*.

Темно для меня Ст.-Слав. *терасъкъ* (по сп. XV в. съ Рукоп. 1047), *терѣсхъ* (Сб. 1073), чрьмьнъiи ремень (валигачъ?). Востоковъ и Миклошичъ совершенно произвольно пишутъ *трѣсъкъ* и сближаютъ съ Польск. trzos, Мр. *чересъ*, которое конечно сродно съ *чрѣзъ*—*черезъ*.

Ст.-Слав. *сверѣпъ*, ferus, severus, agrestis, Русск. свирѣпый, свирибый (Тв.), свирущій, Чешск. sveřep, bromos,-*ce*,-*ice* жеребецъ, кобыла, Польск. swierzepa, swierzopa, кобыла, матка; Хорут. srêp (вм. svrêp) огромный и srp (serp): srpo gledati. На основаніи послѣдней формы, а равно и «оженитеся женами *съвсрпами*» (Пал. 1494), Миклошичъ выставляетъ Ст.-слав. форму *сврѣпъ*. Онъ же сравниваетъ съ Литовск. szurpsti—szurpti, horrere (Lex. s. v.), къ чему Гейтлеръ (Fon. § 69) прибавляетъ, что šurpti должно быть изъ szwerpti, какъ durys изъ dwerys.

Эти четыре или пять случаевъ имѣютъ то общее, что при *лѣ*, *рѣ* въ нихъ находимъ *елѣ*, *ерѣ* со второю гласною принадлежащею корню, при чемъ въ трёхъ *ерѣ* свойственно не однимъ задунайскимъ нарѣчіямъ. Врядли сюда можно прибавить частицу *желѣ* въ *желѣ живѣ* при *лѣ* въ *лѣживѣ*, *лѣтеплъ*. Быть можетъ *желѣ*, а не *желе* слѣдуетъ писать и въ Русскомъ. *лѣ* свойственно кромѣ Ст.-Слав. и Чешскаго (leda), Польскому (lada) и Мр. въ *ледащо*, *лїтепло*.

Болѣе похоже на случайную неправильность встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ не особенно древнихъ памятникахъ *четверѣдьневьнъ*, *четверѣногъ* при *четврѣ*- и при рѣшительно неправильномъ *четьврѣ* (Mikl. Lex.). О формѣ *четврѣ* слѣдуетъ повторить сказанное выше о формѣ *пладне*, именно, что эти формы обязаны своимъ происхожденіемъ неправильному подчиненію аналогіи съ *ере*=*рѣ*, *оро*=*ла* въ корнѣ, и что правило состоитъ въ неизмѣнности такого общеславянскаго *еле*, въ которомъ второе *е* есть тематическая гласная или принадлежитъ болѣе полновѣсному суффиксу: *зел-енъ*, *веле-рѣчивъ*, и никогда *злѣнъ*, *влѣрѣчивъ*.

Слѣдующія формы отличаются отъ выше приведенныхъ тѣмъ, что, сколько извѣстно, ни въ одномъ нарѣчіи неимѣютъ при себѣ формъ съ *лѣ*:

пелѣсъ, пестрый или скорѣе полосатый. Таково написаніе въ обоихъ случаяхъ, извѣстныхъ Востокову изъ пам. XV в., такъ что форма *пелесъ* выставлена

Миклошичемъ гадательно. Весьма замѣчательно Бр. *пелясый*=*пелёсый*, полосатый, въ которомъ *я* ударяемое неможетъ быть объяснено ни изъ *е* ни изъ *ѣ* (Ср. Хорут. merjasec). Миклошичъ сравниваетъ *пелѣсъ* съ *полоса*, *перепелесый* и Литовск. pálszas, половой. Ср. также Латыш. palwas--*плавъ*, *половой*.

Желѣзо, общеслав. форма, такъ какъ *а* въ Мр. *залізо* легко можетъ быть позднѣйшимъ и въ самомъ Мр. имѣетъ при себѣ *же-*. Если сравнивать съ Латыш. dzelze и Жм. gelžis (Mikl. Geitl.), то слѣдуетъ дѣлить не *жел-ѣзо* Curt.), а *желѣ-зо* или *желѣз-о*, при чемъ однако странно второе *е* въ Литовск. geležis.

Во всѣхъ этихъ формахъ за исходныя мы принимаемъ *елѣ*, *ерѣ*, откуда въ нѣкоторыхъ—*лѣ*, *рѣ*. Это было бы неудобно для теоріи Гейтлера, а потому онъ принимаетъ, что *елѣ*—*ерѣ* здѣсь образовалось уже изъ *рѣ*—*лѣ* посредствомъ новой вставки *е* передъ плавною (будто бы по аналогіи съ *ѥсемъ*!); на примѣръ изъ предполагаемаго *сверпъ* съ одной стороны *сверѣпъ*, откуда *сверѣпъ*, а съ другой предполагаемое *свьрп*, *свьрѣп* и *сврѣп* (Fonol. § 69). Неговоря уже о предположеніи, что *ь* изъ *е*, мнѣ кажется, я имѣю основаніе несмѣшивать въ объясненіи такихъ формъ, какъ выше упомянутое исключительно Хорутанское pelna и bereg, съ такими болѣе общими, какъ *черѣнъ*.

---

19. Выше было упомянуто, что Гейтлеръ недѣлаетъ различія между тѣми *рѣ*, *лѣ*, при которыхъ состоитъ Русское полногласіе, и такими, въ которыхъ всѣ слав. нарѣчія имѣютъ только одну гласную послѣ плавной. Это заслуживаетъ рѣшительнаго осужденія и составляетъ шагъ назадъ сравнительно съ разграниченіемъ обоихъ случаевъ, какое сдѣлано въ общемъ вѣрно П. Лавровскимъ (О Полногл. 49—51). Гейтлеръ (§ 66) говоритъ только о случаяхъ съ *рѣ*—*лѣ*, (общеслав.). и одномъ съ *я* (*прямъ*); но мы можемъ сказать, что, для кого нѣтъ различія относительно *рѣ* въ *брѣзгъ* и *брѣгъ—бе-*

регъ, тому должны казаться тождественными и случаи *плакаться* (flere) и *плакати*, *полокать*, *полоскать*; *градъ* (grando) и *градъ—городъ*. Между тѣмъ разница между ними прежде всего во времени происхожденія.

Случаи, въ коихъ во всѣхъ Слав. нарѣчіяхъ *согл*+*р*, *л*+*гласная* могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи.

Въ одной или вообще ни одинъ изъ сродныхъ языковъ неуполномачиваетъ принимать другое болѣе древнее расположеніе звуковъ, или же есть указанія на то, что сочетаніе *согл*+*р*, *л*+*гласная* хотя и небыло первоначальнымъ, но существовало за долго до славяно-Литовскаго періода. Такъ, хотя Слав. *братръ* и возводится обыкновенно къ корню *бhар*, но въ самомъ этомъ имени форма корня *бhрâ* дана или предполагается въ языкахъ Санскр. и Зендск., Греч., Латинск., Кельтск.. Герм., Славяно-Литовскомъ, слѣдовательно, по общепринятому способу заключенія, относится къ глубочайшей древности. Если и допустить, что это *бhрâ*—изъ *бhара*, то необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ принять, что весь строй того языка, въ коемъ возникло это *бhрâ*, существенно отличенъ отъ того, при которомъ въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ возникло *брада*. Такъ расположеніе звуковъ въ *градъ*, grando, одинаково въ Слав. и Латинск. (гдѣ grand изъ grad+n- глагольнаго характера) и вѣроятно въ Скр. и Зендск.; въ полногласномъ Греческ. χάλαξα, по Курціусу, тоже вставное *а* есть не второе, а первое, такъ что здѣсь основная форма χλαδ.

Въ другомъ отдѣлѣ словъ этого рода сочетаніе *согл*+*р*, *л*+*гласн.*, хотя и болѣе поздняго происхожденія, но однако такъ древне, что возникновеніе Русскаго полногласія застаетъ его уже готовымъ. Сюда относятся Слав. *брѣзгъ*, разсвѣтъ, и *блѣскъ—блъстѣти*. Слова эти ближайшимъ образомъ сродны съ Лит. brëksz-ta (3. л. един. ч. безлич.), брезжетъ свѣтъ, разсвѣтаетъ, prabrészko, пробрезжило, blaiksz-t-au-s, blaiksz-t-y-tis, выясняться, о небѣ, blizg-u, blizgëti, блестѣть,

откуда видно, что ближайшая основная форма есть *бризг*-*блиск*, въ коей *зг*, *ск*, какъ и часто, предполагаетъ *г*, *к*, такъ что *блъскв* отнюдъ не изъ *белескъ*, какъ думаетъ Гейтлеръ. *Бризг* относительно своего *и* можетъ предполагать *бһрâг* (Скр. *бһрâдж* свѣтить, блестѣть, Греческ. φλέγω) подобно частой въ Скр. смѣнѣ *â* и *ӣ*: при корнѣ *пâ*—*пӣ*-*бами*, *пӣ*-*теâ*; при *стһâ*—*ти*-*штһами*, *стһӣ*-*ти*, status. Само это *бһрâг* (Латинск. flag во flamma и пр.) въ свою очередь могло возникнуть изъ *бһарг*: Скр. *бһаргас* блескъ, Латинск. fulgeo.

Брѣзгъ не даетъ однако права думать, что вездѣ въ подобныхъ случаяхъ мы должны предполагать *и*; въ иныхъ словахъ для насъ ясно только то, что *рѣ* не произошло изъ *ере*, но предполагаетъ уже въ дославянское время *согл*+*р*+*гласн*. *Трѣскв* во всякомъ случаѣ ближе къ Литовск. traszkéti, treszkéti, чѣмъ къ Литов. tarszkéti трещать. Съ Латин. dorm въ dormio и Греч. δαρ- въ δαρ-θά-νω, сплю, можетъ быть сравниваемо только *дърм* или *дърм* въ Сербск. *дрмати*, «као намргођен куњати», кунять, дремать насупившись; между тѣмъ общеславянское *дрѣмати* предполагаетъ въ дославянское время такое расположеніе, какъ въ ἔ-δραθον. Миклошичъ (Lex.) *дрѣмати* сближаетъ съ τρέμειν, tremere и указываетъ на Хорутанск. dramiti, expergefacere. Такимъ образомъ dramiti относилось бы къ *дрѣмати*, какъ *разити* къ *рѣзати*; однако dramiti, какъ причинное при *дрѣмати* могло бы значить лишь заставлять спать, а не будить, а какъ болѣе длительное значило бы опять таки дремать. Поэтому лучше сблизить Хорут. dramiti (предположивши въ немъ собственное значеніе встряхивать или заставлять встряхнуться) съ Сербск. *дрмити*, трясти, считая возможною развѣ очень отдаленную, посредственную связь съ *дрѣмати*.

Въ Скр. для значенія assare, frigere, coquere находимъ двоякую форму корня: *бһардж* (бһр̥дж) и *бһрадждж* (бһр̥джДж). Форма *ар* предполагается Серб-

скимъ *пржати* жарить, Ст.-Слав. *пьрга* и пр. (см. Mikl. Lex. *пръга*, *пръжина*; въ *перга* слѣдуетъ предположить основное значеніе *поджаренной* крупы или муки, какъ дѣлаютъ для каши и лемѣшки, Польск. prażucha, а за тѣмъ уже—цвѣточной пыли, собираемой пчелами) и Литовскимъ spirgas, вышкварокъ, spirginti, поджаривать сало, жиръ. Между тѣмъ слова *пражити* и Лит. spraginti и sproginti предполагаютъ дославянскую форму съ *ра*.

Допуская вмѣстѣ съ Гейтлеромъ родство между *чрѣсв*—*черезв* и *скрозѣ*—*сквозѣ*, *кроз* (Сербск.), skrz (Чешск.), я думаю, что разстояніе между этими формами такъ велико, что всѣ онѣ немогутъ быть выведены ни изъ Литовскаго skersai, поперекъ, ни изъ *χάρσιος*, obliquus. *Чрѣзъ* и *черезъ* дѣйствительно предполагаютъ *карс*—*скарс*; но въ то время, какъ изъ этихъ послѣднихъ формъ возникла съ одной стороны *скърз*, съ другой полногласная форма, которая, по моему мнѣнію, отнюдъ небыла равна М.-русской *керез*, а скорѣе начиналась съ *ча*, въ то время уже существовала другая форма *скрас*, давшая начало формамъ: *скрозѣ*, *кроз-* и *скваз-* (скважьня, скважина), *сквоз* (*сквозѣ*, *скозѣ*, *сквозь*), гдѣ *в*, по моему мнѣнію, изъ *р* черезъ *л*, *) а по Гейтлеру—вставное (скврозѣ), вытѣснившее потомъ коренное *р*, чего однако нѣтъ въ *скврѣти* и пр. Въ то время, когда положено было основаніе формамъ *сквоз*—*скроз*, *о* вѣроятно еще несуществовало, такъ что я не могу согласиться съ Гейтлеромъ (Fon. § 66), что *скрозѣ* изъ *скорозѣ*.

---

*) Ср. наоборотъ *р* изъ *в* въ В.Л. jałorc=jałowc, можжевельникъ.

VIII.

Этимологическія различенія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ.

1. Г. Гейтлеръ отрицаетъ существованіе усиленій въ Славянскомъ языкѣ: «съ исторической точки зрѣнія—а другой мы не знаемъ—есть только паденіе, а не усиленіе (stupňovaní) гласныхъ»; если же онъ говоритъ объ усиленіяхъ, то дѣлаетъ это, по его словамъ, лишь потому, что «Славянскія гласныя на своей степени ослабленія» бываютъ «отраженіями прежнихъ усиленій» (Fonol. § 85). Отсюда бы слѣдовало, по-видимому, что настоящія, вполнѣ достойныя этого имени усиленія должны быть отнесены въ недовѣдомую даль временъ, такъ какъ уже и въ Санскритѣ ê, ô (гуна отъ и, у) суть стяженія сочетаній *аи*, *ау*, слѣдовательно—результатъ паденія звуковъ. На это можно замѣтить, что несправедливо видѣть разрушеніе вездѣ, кромѣ акта зарожденія явленій, большею частью недоступнаго наблюденію. Теорія, относившая творчество въ языкѣ къ доисторическимъ временамъ, страдала именно тѣмъ, что немогла объяснить, какъ языкъ можетъ преуспѣвать, какъ органъ мысли, подлежа въ историческія времена лишь дѣйствію разрушительныхъ силъ, обращенныхъ даже не на одно тѣло языка—звуки, что со спиритуалистической точки зрѣнія было бы еще понятно, но на его душу: грамматическій строй. Нынѣ эта теорія найдетъ мало сознательныхъ послѣдователей. Это вообще, а въ частности: какъ, если не усиленіями, назовемъ мы спеціально-славянскія усложненія коренной гласной, которыя, будучи отличны отъ гуны и вриддги по способу возникновенія, что я надѣюсь показать, служатъ грамматическимъ цѣлямъ? Что-такое, если не усиленіе, напр. ы

въ *надымати* по отношенію къ *ъ* въ *дъмж*? *)

Подъ этимологическими измѣненіями гласной корня мы разумѣемъ такія, которыя должны разсматриваться лишь въ связи съ грамматическимъ содержаніемъ тѣхъ формъ, въ коихъ встрѣчаются. Разсматривая ихъ съ чисто-фонетической точки зрѣнія, мы, во-первыхъ, лишаемъ себя важнаго подспорья для опредѣленія ихъ исторической послѣдовательности, представляемаго намъ значеніемъ формъ; между тѣмъ убѣдившись, напр. что такое явленіе синтаксиса, какъ степени длительности, относится къ такому-то періоду, мы отсюда можемъ заключить съ нѣкоторою вѣроятностью, что и измѣненія коренной гласной, сопровождающія только степени длительности, относятся къ тому же періоду. Во-вторыхъ, съ чисто фонетической точки даже вовсе неразличимо понятіе этимологическаго измѣненія гласной, въ частности—усиленія. Такъ, если въ *oj* глагола *поить* (т. е. пoj-и-ти) мы увидимъ усиленіе только въ смыслѣ нѣкотораго нарощенія звука *и*, находимаго въ *пи-ти*, то ничто непомѣшаетъ намъ отнести къ той же категоріи всякія усложненія коренной гласной, хотя бы они происходили отъ завѣдомо-меха-

*) Если бы кто и держался мнѣнія, что гуны, въ смыслѣ усложненія основной гласной предпоставленіемъ ей звука *a*, никогда небыло и что отношеніе *ар*: *ṛ* вполнѣ равно отношеніямъ *ау*: *у*, *аі*: *і*, что, какъ *дhар-â-ми*, держу, есть основная форма по отношенію къ *дhṛ-тá* (прич. пр. страд.), такъ и *срав-â-ми*, теку, *нâj-â-ми*, веду, не усиленія по отношенію къ прич. страд. тѣхъ же глаголовъ *сру-та*, *нî-та*, но на оборотъ послѣднія формы по кореннымъ гласнымъ суть ослабленія первыхъ (Leo Meyer, Ueber vocalsteigerung, Z. f. V. Spr. XXI, 343); если бы, говорю, кто и держался такого мнѣнія, то ему слѣдовало бы трижды подумать: слѣдуетъ ли изъ этого, что и *ы* въ *надымати* есть звукъ болѣе первообразный, чѣмъ *ъ* въ *дъмж*? Впрочемъ вышеупомянутое мнѣніе Мейера неможетъ считаться доказаннымъ, и я считаю возможнымъ, пока судъ да дѣло, остаться при старой терминологіи т. е. напр. говорить, что *ау* есть гуна звука *у*.

ническихъ причинъ: отъ вліянія ударенія, отъ позиціи, отъ качества слога, т. е. его прямоты или обратности, отъ качества слѣдующей согласной, отъ ея опущенія. На оборотъ, если принять *п* за ослабленіе дифтонга *аі* (=oj въ *поити*), то съ фонетической точки однороднымъ съ этимъ окажется и Мр. *і* (віл), происшедшее изъ дифтонга. Такое обобщеніе неблагопріятно анализу. Нѣкоторыя усложненія гласной подлежатъ вѣдѣнію одной фонетики, потому что неимѣли и неимѣютъ никакой частной функціи, никакого видимаго отношенія къ отдѣльнымъ формамъ, въ коихъ встрѣчаются, и знаменательны лишь по отношенію къ очень общимъ, трудноопредѣлимымъ цѣлямъ языка. Такъ напр. для формальнаго и лексическаго значенія слова *волъ* безразлично качество стоящей въ немъ гласной или двоегласной: о, уо, уэ, у. и, і. оа, по нарѣчіямъ. *) Не таково oj въ *поить*. Весьма возможно, что и усиленія, подобныя этому, произошли отъ причинъ, подобныхъ упомянутымъ выше, напр. отъ ударенія, въ свою очередь условленнаго не тѣмъ, или другимъ значеніемъ слова, а лишь удобствомъ его произношенія; что и они никогда неимѣли непосредственной изобразительности. Однако съ другой стороны вѣрно, что съ давнихъ поръ эти усиленія уже независимы отъ механическихъ причинъ. Возможно, что языкъ для различенія значеній воспользовался здѣсь звуковымъ явленіемъ, нѣкогда безсмысленнымъ, чему можно найти и другіе примѣры. Такъ, хотя вѣроятно, что именныя темы *а* и *у* нѣкогда различались по значенію, но ихъ различіе исчезло за долго до того, когда нѣкоторыя славянскія нарѣчія вновь придали знаменательность двоякимъ

*) Этимъ вовсе неутверждается, что слово, измѣняющееся по нарѣчіямъ, остается однимъ словомъ, тождественнымъ по значенію, а признается лишь такая отдаленность связи звука и значенія, которая называется случайностью. Случайно напр. то, что стихъ поэта въ родѣ Лермонтова или Тютчева, произнесенный на областной ладъ, покажется намъ пародіею.

падежамъ, какъ *дӯха* и *дӯхӯ*, въ *дӯхѣ* и на *духӯ*, въ *духӯ*.

Выдѣляя понятіе объ этимологическихъ измѣненіяхъ коренной гласной, мы неприписываемъ частной знаменательности всѣмъ такимъ измѣненіямъ во всѣ періоды ихъ существованія, а говоримъ только: это тѣ измѣненія, которыя переходятъ къ знаменательности, при чемъ остается открытымъ вопросомъ, которыя изъ нихъ, получивши знаменательность, сохраняютъ ее; которыя ее имѣли, но потеряли; которыя, наконецъ, будучи по звуковому составу тождественны или однородны съ первыми двумя, потеряли, подобно имъ связь со своими механическими причинами, но непріобрѣли знаменательности. Это равносильно признанію, что понятіе объ этимологическомъ измѣненіи довольно неопредѣленно, носитъ на себѣ явные слѣды недостаточности нашихъ знаній; но это понятіе есть попытка ради временнаго удобства ограничить кругъ изслѣдованія. Хуже было бы все валить въ кучу.

Этимологическое измѣненіе гласныхъ предполагаетъ одновременное существованіе въ сродныхъ словахъ а) или основной гласной и ея усложненія (усиленія, поднятія); б) или основной гласной (которая могла замѣниться и другою, ей равносильною), имѣющей при себѣ съ одной стороны ослабленіе, съ другой усиленіе; в) или, наконецъ основной гласной, являющейся усиленіемъ по отношенію къ одновременному съ нею ослабленію, какъ напр. въ Санскр., гдѣ, какъ принято думать, *ар-*, будучи основнымъ, играетъ по отношенію ко своему ослабленію р̊ туже роль, какую гуна отъ *и*, *у* (ê=аи, ô=ау), по отношенію къ основнымъ звукамъ и, у. Невниманіе къ этому послѣднему случаю ведетъ къ заблужденіямъ, въ родѣ слѣдующаго мнѣнія: «Въ половинѣ, даже въ большей части Латышскихъ глаголовъ съ характеромъ=*аја* въ настоящемъ и съ характеромъ *а* въ неопредѣленномъ, *сохранилась первоначальная коренная гласная* нерѣдко даже въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ глаголахъ односложныхъ, такъ называемыхъ, первообразныхъ, напр.

waddát, водить, при west, вести, walkát, волочить, при wilkt, волочь. Отсюда можно заключить, что эти frequentativa должны быть образованы прямо отъ корня и собственно немогутъ считаться производными» (Bielenstein, Lettische Spr. I, 381). Изъ состоянія коренной гласной въ такихъ глаголахъ, какъ waddat, слѣдуетъ отнюдъ не то, что они первообразны наравнѣ съ west, а лишь то что они образованы отъ этихъ, или имъ подобныхъ первообразныхъ, когда въ послѣднихъ еще небыло того ослабленія коренной гласной, какое въ нихъ теперь. Прямой преемникъ основнаго *a*, корня *ваґh* есть *e* въ Латыш. wezt, везти; удержаніе *a* въ wazát, возить, потребовало нѣкотораго сопротивленія механическимъ стремленіямъ рѣчи, такъ называемому паденію звуковъ, и въ этомъ смыслѣ есть усиленіе. Какъ скоро возникло стремленіе различать извѣстные формальные оттѣнки посредствомъ символизма гласныхъ, то болѣе-менѣе все равно, станетъ ли усиленная гласная при основной, напр. *ê* при *u*, или основная сама, или въ видѣ своей замѣны—при ослабленной, напр. *ар* при р̥, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ разстояніе между гласными двухъ видовъ корня (напр. —*ваид* и *вид*, *мар-* и *мр̥*) остается тоже.

Символичность этимологическихъ измѣненій гласныхъ неесть нѣчто непосредственное. Измѣненія эти вовсе не безусловно необходимы для выраженія извѣстныхъ грамматическихъ категорій и большею частью лишь сопровождаютъ другія обозначенія этихъ категорій. Такъ глаголы причинные въ Литовско-латыш. и Славянскомъ могутъ имѣть усиленіе, но могутъ по гласной корня и неотличаться отъ глаголовъ первообразныхъ, имѣющихъ ослабленіе, напр. Лит. wirdinti и wirinti, причин. при wirti, кипѣть. Бываютъ даже случаи, когда обычное значеніе усиленія прямо извращается, напр. когда въ Скр. причинность оттѣняется удержаніемъ основной гласной при усиленіи въ глаголѣ непричинномъ, какъ *тамаја-*, vexare (Сл. томи-) при *тâмја*, confici moerore, languescere.

Разсматриваемыя здѣсь усиленія коренной гласной въ Славянскомъ дѣлятся по способу и времени образованія на два разряда: а) на древнѣйшія, соотвѣтствующія Санскритской гунѣ, а быть можетъ и вриддги, и состоящія (кромѣ *ар*) въ постановкѣ *а* передъ усиляемой гласной и б) на усиленія позднѣйшія, ненаходящія никакого соотвѣтствія въ Санскритѣ, о способѣ образованія коихъ см. ниже. Первыя раздѣлимъ тоже на два отдѣла, изъ коихъ въ первомъ древнѣйшемъ знаменательность усиленій проблематична, въ другомъ—несомнѣнна. Начнемъ съ перваго отдѣла.

---

7. А. Изъ глаголовъ, составляющихъ въ Скр. 2-й кл., въ Славянскомъ остался одинъ съ явственною гуною, именно ***вѣмь*** (изъ ***ваид-ми***, кор. ***вид***), но въ немъ, въ отличіе отъ Санскрита, усиленіе не зависитъ отъ вѣса окончаній (какъ въ Скр. *вêдми*, *вид-мáс*), но распространилось на всѣ формы спряженія и стало быть въ самомъ спряженіи лишилось знаменательности, если ее когда либо имѣло. Послѣ этого знаменательность усиленія можетъ здѣсь состоять лишь въ различеніи формъ ***вѣд*** и ***вид*** по вещественному ихъ значенію: знать и видѣть.

Б. Гуна распознается въ глаголахъ съ корнями на *у*, *и*, съ характеромъ *е* (=Скр. а въ глаг. 1-го кл.) въ первой темѣ (т. е. темѣ настоящаго въ Слав. и специяльныхъ временъ въ Санскритѣ) и безъ характера во 2-й темѣ (темѣ неопред. въ Слав.): ***плов-е-ть*** (Скр. плав-а-тê) плу-ти, ***рев-е-ть*** (Скр. рав-а-тê)- ***рюти***, ***лѣ-j-е-ть*** (Скр. ***ли***, liquefacere, лај-а-ти)- ***лити***, ***гнѣ-j-е-ши*** («изгнѣеть», Лавр. Л. 35)- ***гни-ти***. Въ ***лѣеши***, ***гнѣеши*** j не принадлежитъ ко глагольному характеру, но есть лишь необходимая эвфоническая вставка между конечною гласною корня и характерною гласною. Быть можетъ уже въ дославянское время нечувствовалось надобности удерживать различіе въ строеніи кореннаго слога двухъ темъ, какъ ***лѣеши—ли-ти***. Отъ

глаголовъ этого образца замѣчается движеніе къ глаголамъ частью образца *смѣєши—смѣ·ти*, частью образца *лиєши—лити*. Въ первыхъ усиленіе корня первой темы (Скр. смâj-a-тê) перешло и во вторую, *) какъ въ Литовскомъ léju, léti, лить. Во вторыхъ въ той и другой темѣ исчезло усиленіе. Причина сохраненія *ой*= основ. *аи* (=гунѣ отъ *и*) въ *поj е ши—пѣ ти*, рядомъ съ превращеніемъ осно ного *аи* въ *ѣ* въ *смѣєши—смѣти* можетъ заключаться въ томъ, что нѣкогда чувствовалось различіе въ строеніи этихъ глаголовъ: послѣдній, быть можетъ, слѣдуетъ дѣлить такъ: *смѣ·je·ши*, относя въ немъ j къ глагольному характеру и признавая, что этотъ глаголъ перешелъ изъ класса=Скр. 1-му въ классъ съ характеромъ je=Скр. ja 4-го класса.

Съ Литовскимъ léju—léti построенъ весьма сходно Лит. krauju—krauti, а послѣдній весьма близокъ ко сходному съ нимъ по значенію *крыѭ—крыти*. Взявши во вниманіе вышеупомянутый переходъ формъ *лѣѭ—лити* въ *лиѭ—лити* и весьма вѣроятный аналогичный съ нимъ переходъ отъ *кровѫ—крыти*, *ковѫ—кути* ко *крыѭ—крыти*, *куѭ—кути*, (Поль. kuć, форма болѣе древняя, чѣмъ *ковати*), можно прійти къ догадкѣ: не есть-ли разница между Литовскимъ krauju—krauti, kauju—kauti, mauju—mauti и слав. *крыѭ*, *куѭ*, *мыѭ* лишь позднѣйшая и не возникли-ли *ы* и *у* въ Славянскомъ изъ дифтонга? Неесть-ли стало быть разница въ строеніи темъ глаголовъ, какъ *плов·ѫ—плу·ти* съ одной стороны и единственнаго въ своемъ родѣ глагола *поѭ* (т. е. поj-ѫ)—*пѣти* съ другой лишь позднѣйшая? Если бы это было такъ, т. е. если бы *плу·ти* возникло изъ *плау ти*, то о знаменательности различія между *плов*- въ *плов·єши* и *плу*- въ *плути* въ славянское время не могло бы быть и рѣчи; но утверждать этого я немогу, такъ какъ несчитаю несомнѣннымъ что славян-

---

*) *Смѣєши—смѣти* и смѣ-ѥ-ши-сѧ—смѣ-ꙗ-ти-сѧ несомнѣнно одного происхожденія, причемъ 2-й глаголъ, болѣе новый по формѣ, сохранилъ болѣе древнее значеніе.

ское *у* (изображаемое посредствомъ *оу*) можетъ быть равно не первоначальному *у*, а лишь его усиленію.

В. Гуна видна и въ *зов-е-ши* (кор. гһу или гу, скр. һу), глаголѣ тожественномъ по первой темѣ съ *плов-е-ши*, но во второй темѣ превращающемъ чистую коренную гласную въ глухую и затѣмъ опускающемъ ее и принимающемъ характеръ *а*: *зъв-а-ти—зва-ти*.

Судя потому, что въ Санскритѣ удержаніе основнаго *ар* равносильно усиленію основныхъ *и*, *у* въ *аи*, *ау*, можно бы думать что Слав. *ер* (=Скр. *ар*), а въ *бер-е-ть* (скр. һа́р-а-ти, изъ һар-а-ти), *сер-е-ть* (скр. са́р-а-ти, течетъ). *дер-е-ть*, *пер-е-ть* имѣло характеръ усиленія. Однако замѣтимъ слѣдующее. Вторая тема этихъ глаголовъ (*брати*, *срати*, *драти*, *прати*), равно какъ и вторая тема глаголовъ отличныхъ отъ названныхъ по темѣ настоящаго (стел-ю-ть, съл-ю-ть), именно *стлати*, *слати*,—позднѣйшаго, специяльно славянскаго происхожденія, какъ и *зъвати*. Написаніе *бърати*, *избьраша* и т. п. и тождество этихъ формъ въ Ст.-Слав. и Русскомъ показываетъ, что въ *стла*, *бра* и проч. мы имѣемъ не усиленіе корня, и не формы равныя относительно усиленія съ санскритскими инфинитивами *стар-тум*. *сар-тум*, *бһар-тум*, какъ думалъ Миклошичъ (Vergl. Gr. I, 141), ибо въ такомъ случаѣ въ Русскомъ было бы *столоти*, *бороти*, *дороти*, или *дерети*, а сочетанія позднѣйшаго вида корня съ характеромъ *а*: *стьл-а-ти*, *бър-а-ти*, *пър-а-ти*, какъ *зъв-а-ти*. Сравнивая *пьрати* съ Лит. per-ti, принимаю послѣднюю форму за первообразъ первой не во всѣхъ отношеніяхъ (не относительно происхожденія ъ изъ *е*), а въ томъ, что и въ Славянскомъ или дославянскомъ нѣкогда здѣсь стояла во 2-й темѣ таже гласная, что и въ 1-й, при чемъ первая тема не могла казаться усиленною.

Слѣдующіе глаголы отличаются отъ *зовѫ—зъв-а-ти*, *берѫ—бр-а-ти* лишь присутствіемъ глухаго звука въ корнѣ обѣихъ темъ: *ръвѫ—р-в-а-ти*, *лъгу—лъг-а-ти*, *сьсѫ—със-а-ти*, *тъкѫ—тък-а-ти*, *жьдѫ—жьд-а-ти*, Вруcc. *вру—врать* (вьр-), *жру—жрать* (жьр), Новгор.

запру—запрать (=зепереть). Ничто не даетъ повода искать въ нихъ усиленія. Напротивъ, своимъ формальнымъ равенствомъ съ *беру—брати* они заставляютъ думать, что въ послѣднемъ различіе въ коренной гласной двухъ темъ небыло знаменательно.

Г. Сравнительно съ *беру—брати* и *жру—жрати* слѣдующіе глаголы съ корнями на *р* очевидно болѣе первообразны, по отсутствію во второй темѣ характерпаго—*а*, влекущему за собою большую устойчивость замѣны кореннаго гласнаго звука передъ суффиксами начинающимися съ согласныхъ: Мр. *деру—дéрти* (т. е. *дър-ти*: «ноги задерла»), *мру—мерти* (=мьрти) и по послѣднему образцу въ обѣихъ темахъ—*перти* (подпирать и пр.), *перти* (спорить, тягаться спорить: «тебе непереперти», Гулакъ), *жерти* («земля пожерла»), *терти*, Галиц. *нерти* («поне́р»); Вкусс. а частью, быть можетъ, обще-русскіе, съ особымъ видоизмѣненіемъ гласнаго и плавнаго элементовъ корня (*ере*=Ст.-Слав. *рѣ*), *мере ть*, *пере-ть*, *завере-ть* (напр лапоть, починить), *тереть*, *простереть*=*мрѣ-ти* и пр. *нрѣти*, *скврѣ ти*. Врядли можно сомнѣваться, что формы какъ *мру*=*мърж*, равно какъ соотвѣтственныя литовскія, какъ werù и gérù, предполагаютъ формы съ основнымъ *ар* (=мар-â ми и т. п.), которое въ Санскритѣ стало равносильно съ гуною отъ *и*, *у*. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ то время, когда въ дославянскомъ языкѣ *мърж* имѣло въ корнѣ чистое *а*, въ этомъ языкѣ немогло быть ослабленій *ар*, вродѣ славянскихъ *ър*, *ьр*, или литовскаго ir, или санскритскаго ṛ (*бhṛта́* при *бhа́рати*); то и основное *ар* никогда въ этомъ языкѣ нечувствовалось какъ усиленіе. Подобно этому въ глаголахъ съ основныхъ *а* при согласныхъ кромѣ плавныхъ (*вез-е-тъ* =Скр. *ва́h а-ти*, *вести*) это *а* (=позднѣйшему е) немогло считаться усиленіемъ при отсутствіи ослабленной формы корня, какая появилась лишь въ Санскритѣ. При этомъ остается вопросомъ, что произвело звуковое различіе между *мърж*=*ма̂рâми* и *берж*=*бhа̂рâми*?

Спрашивается, въ какомъ отношеніи находятся фор-

мы, какъ *мрѣти* = *мереть*, къ формамъ *мърти* и *мърж* и, что на тоже выйдетъ, въ какомъ отношеніи въ корняхъ на нѣмую согласную съ р, а внутри находятся старо-славянскія формы *врѣшти*, *тлѣшти* къ *връхж*, *тлъкж*? При этомъ можно устранить вопросъ о томъ, происходитъ-ли *мрѣти* изъ *мерети*, и ограничиться признаніемъ факта, что обѣ формы, равносильныя между собою, въ концѣ концовъ произошли изъ одной формы, что въ обѣихъ мы имѣемъ только видоизмѣненія корня и суффиксъ неопред. наклон. и что, стало быть, мнѣніе о вставочности *ѣ* и согласное съ нимъ дѣленіе мр-ѣ-ти (Schleich Formenl 298—300) ошибочно.

Въ своей статьѣ о полногласіи (Два изслѣд. 35—6) я съ одной стороны признавалъ, что въ основаніи формъ *мрѣти* и *млѣти* лежатъ формы съ *ар*, *ал*, но съ другой смотрѣлъ на *рѣ*—*лѣ* какъ на усиленія по отношенію къ *ръ* (рь) *лъ* и на знаменательныя ослабленія основнаго сочетанія по отношенію къ усиленіямъ *ра*, *ла*, (resp. *оро*, *оло*). При этомъ мнѣ можно было сослаться на Миклошика V. Gr. III, §§ 176—7, 180, а также I, стр. 141, гдѣ впрочемъ неудачна попытка объяснять *рѣ* различно, смотря по залогу глагола: какъ усиленіе коренной гласной въ глаголахъ дѣйствительныхъ (*врѣти*, *жрѣти*) и какъ слѣдствіе характера ja (скр. 4 го класса и глаг. страдат.) въ среднихъ (*мрѣти*). Теперь я, хотя и немогу подписаться подъ выраженіемъ Гейтлера, что разница между темою неопред. (мрѣти) и настоящ. (*мърж*) только кажущаяся, и подъ мнѣніемъ, что «краткость гласной темы неопредѣленнаго наклоненія есть требованіе сравнительнаго метода» (Fonol. § 67 въ нач.) и скорѣе готовъ думать, что это требованіе только самого Гейтлера, который ссылается на краткость *i* въ Лит. mirti, но умалчиваетъ о долготѣ *é* въ géru, gérti; однако согласенъ съ нимъ, что *мрѣти*, *млѣсти* не-суть усиленія при *мърж*, *млъзж* (Fon. 89—2) и считаю нужнымъ такъ измѣнить свое прежнее мнѣніе: формы съ *рѣ*, *лѣ* (какъ *мрѣти*, *прѣти*, такъ *влѣшти*, *тлѣшти*) по отношенію ко всѣмъ извѣстнымъ намъ категоріямъ

означаютъ рѣшительно тоже, что и параллельныя имъ формы съ глухимъ при *р*, *л* (*мърти*, *пърти*=Мр. *мерти*, *перти*, Поль. област. par-ć). Невидно ни одного случая, въ которомъ бы можно было отнести форму съ *рѣ, лѣ* (ере, еле) къ категоріи знаменательнаго усиленія. Поэтому слѣдуетъ думать, что *мърти* и *мрѣти* этимологически равносильны какъ замѣны одной и той же основной формы, которая въ Славянскомъ никогда неимѣла характера знаменательнаго усиленія. Безъ сомнѣнія эти замѣны возникли подъ вліяніемъ различныхъ звуковыхъ стремленій, но какихъ именно, въ этомъ вопросъ. Въ глаголахъ съ корнемъ на *р* (*мрѣти* — *мереть*) фонетическія условія неопредѣленнаго наклоненія, или, если угодно, именной формы, лежащей въ основаніи его, по видимому, особенно благопріятны появленію *рѣ*. По крайней мѣрѣ о Русскомъ языкѣ можно сказать, что въ немъ *ере*=*рѣ* держится исключительно этой формы. Въ Вросс. отъ этихъ глаголовъ никогда необразуется прич. прошед. времени страд. иначе, какъ по образцу *запертъ* (т. е. пьртъ) и никогда *заперетъ* (=запрѣтъ); дѣеприч. прошед. времени вообще предполагаютъ прич. съ суф.—*ъ*, *ъши* (запьр-ъ, запьр ъши), а не съ—*въ*, -*въши*, и лишь какъ рѣдкость «*заперевъ*» (никогда—*заперевши*). Тоже и прич. на *лъ* (умрлъ и т. п.). Мнѣ кажется, что въ старинныхъ памятникахъ русскаго происхожденія въ отличіе отъ задунайскихъ, мы найдемъ и аористы только въ родѣ *запроша* (Лавров. 21), *задроша* (Новг. I, 64; отъ *дьрти* или *дерети*, а не отъ *дьрати*, откуда *одьраша* ib. 29), *умертъ* (аор. 3 ед.) Ип. 172, а не *запереша*, *умере*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, кромѣ аориста (гдѣ при *опьроша* стоитъ *умрѣша*, Mikl. V. gr. III § 177), древніе старославянскіе памятники согласны съ русскими: форма *простръль* (ib. § 180) весьма поздняя; формы *жрѣлъ*, которую l. c. усмотрѣлъ Гейтлеръ (§ 68), тамъ вовсе нѣтъ; форма *стрѣтъ* (прич. стр.), говоритъ Гейтлеръ, «была бы тоже возможна» (ib. § 68), однако ея нѣтъ. Если взять во вниманіе столь явственное въ Нижне-Луж. стремле-

ніё уподоблять въ этихъ глаголахъ всѣ формы, неисключая настоящаго, темѣ неопредѣленнаго (mréju и проч. Mikl. V. Gr. III § 1036), стремленіе отчасти существующее въ другихъ глаголахъ и въ В.-Луж. (proju, kłoju отъ proć ib. § 950) и въ Поль. (prój̨ę—próć), то станетъ вѣроятнымъ, что Чеш. umřel, zavřel суть позднѣйшія слѣдствія того-же стремленія къ ассимиляціи.

Нѣчто подобное замѣчается и въ Ст.-Слав. глаголахъ съ *рѣ*, *лѣ* въ корнѣ на нѣмую согласную. Правда, здѣсь форма *стръг* является во всемъ спряженіи; *влък* только въ причастіяхъ 2-й темы и аористѣ при *влѣк*, между тѣмъ какъ послѣдняя фор. исключительно въ неопр. накл., настоящемъ, повелит. и прич. настоящихъ. Но въ остальныхъ глаголахъ этого рода *лѣ*, *рѣ* держится или одного неопредѣленнаго съ достигательнымъ (*тлѣшти—тлъкж*, *врѣшти—връгж*, *врѣшти врьхж*), или неопред. и аориста (*врѣсти*, *врьзж*) (Mikl. V. Gr. §§ 139, 141, 150).

Д. Особый немногочисленный разрядъ составляютъ глаголы съ корнями на *р*, *л*, съ характеромъ *ѥ*=скр. ja (Скр. 4 клас.) въ первой темѣ и безъ характера во 2-й: *мел-ѥ-ши—млѣти* (молоть), *кол-ѥ-ши—клати* (колоть), *пол-ѥ-ши—плѣти* (полоть), *бор-ѥ-ши—брати* (бороть), *пор-ѥ-ши—прати* (пороть).

Миклошичъ, а за нимъ Шлейхеръ относятъ *млѣти* къ одному разряду съ *мрѣти*, чему однако противорѣчитъ различіе первой темы, а *клати*, *брати*, *прати*— къ одному разряду со *стъл-ати*, *пис-ати*, съ чѣмъ не совмѣстимо отсутствіе въ *клати* характернаго *а*, доказываемое формами какъ *коло-ти*.

Если бы брать во вниманіе только наиболѣе подходящія сюда литовско-латышскія формы: mālù, málti (Лат malu (I небное) malt), kālù, kálti (Лат. kaliu kalt), bāru—bárti (бранить), то слѣдовало бы во всѣхъ вышеприведенныхъ формахъ видѣть только усиленія. Однако формы *млѣти*, *плѣти*, Поль. pleć, равны формамъ *мрѣти*, а *мелѭ* и Поль. piele, относительно *ел*=*берж*. Сходство съ *мрѣти* увеличивается тѣмъ, что оба разсматриваемые глагола (млѣти, плѣти) въ причастіяхъ

обнаруживають форму корня съ ѣ, *в*: «жито своима рукама *измелъ* (прич. прош.), Жит. Θеод. XII в. (Чт. 1858, III, 1 об., тоже 9 об.). Поль. mieł (=мълъ) miełła, mełty, mełcie, pioł, pełty.

Такъ какъ *мелж—млѣти* формально неотличается отъ *колѫ—клати*, *борѫ—брати*, *порѫ—прати*, то возникаетъ вопросъ: не имѣемъ ли мы въ послѣднихъ глаголахъ лишь замѣны основной формы, неполучившей смысла знаменательнаго усиленія? Мы имѣемъ формы съ *ол* и *ла=оло, ор—ра* (оро), въ коихъ признаемъ дѣйствительныя усиленія, но въ тоже время знаемъ, что эти усиленія стали таковыми не въ силу новой прибавки, (какъ *ау*, *аи* изъ *у*, *а*), а только въ силу пониженія другихъ подобныхъ формъ. Не возможно ли, что въ извѣстныхъ случаяхъ такого пониженія на славянской почвѣ небыло, такъ что тамъ, гдѣ мы ожидаемъ встрѣтить ослабленную форму, мы встрѣчаемъ основную въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она является въ несомнѣнныхъ усиленіяхъ? Я полагаю, что есть случаи, въ томъ числѣ упомянутые глаголы, на которые слѣдуетъ смотрѣть именно такимъ образомъ. Когда Гейтлеръ говоритъ, что слав. *влак—волок*, или *младъ* (=скр. мр̊ду-с) неможетъ быть слѣдствіемъ усиленія, точнѣе гунировки (stupňování), то въ доказательство онъ приводитъ свое же утвержденіе, что дославянское *вăлк* невозможно, что стало быть основная норма есть вăлк (§ 89—2). Но, согласно съ вышесказаннымъ, это не доказательство. И признавши *мăлд*, *мăрд* за основную форму корня въ *младъ*, я все таки остаюсь при вопросѣ: было-ли придано этой формѣ значеніе усиленія? Отрицательный отвѣтъ на это можетъ быть основанъ не на звуковой формѣ слова, а на томъ, что невидно здѣсь цѣли усиленія, его знаменательности. Санскритъ даетъ здѣсь форму съ ослабленіемъ: *мр̊ду-с*. Кажется и въ самомъ Славяскомъ слѣдуетъ сюда прибавить семейство словъ со сходнымъ значеніемъ, но съ *лѣ=еле* въ корнѣ, именно слѣдующее: скр. *мр̊ду-с*—не только мягкій, нѣжный, слабый, но (Bopp. Gloss.) и медленный, на чемъ, кромѣ звуковъ,

основано его общепризнанное сближеніе съ греч. βραδύς, медленный (Бопнъ, Curt. Grundz. № 255). Съ этимъ сравнимъ а) Врусс. *меледа́*, мѣшкотное дѣло, длительная забава, и въ послѣднемъ смыслѣ—кедровые орѣшки, коими забавляются въ бесѣдѣ, *меледи́ть*, медлить, мѣшкать, заниматься пустяками; б) Хорутанское mleden, слабый, безсильный, Серб. *мле̏дан*, худощавый. *Млѣд-* и *млад-* здѣсь не только возводятся къ основной формѣ *мӑрд*, conterere, но кажутся этимологически равносильными. Этимъ я нехочу сказать, чтобы въ литовскихъ словахъ того же корня *мард* (относительно значенія коихъ ср. *молить*, собств. умягчать, Скр. *мар мр̊нати* растирать), какъ maldà, просьба, молитва, al небыло усиленіемъ по отношенію къ meldžiu, melsti, молить, просить. Въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, звуковая разница и осмыслена. Я думаю только, что во многихъ другихъ случаяхъ слав. *ра*, *ла* и русс. *оро, оло* не суть знаменательныя усиленія, къ чему будемъ имѣть еще случай воротиться.

---

8. Изъ древнѣйшихъ усиленій (соотвѣтствующихъ гунѣ и вриддги) тѣ, которыя имѣютъ мѣсто въ болѣе позднихъ формаціяхъ языка, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе ясны по значенію. Въ глаголахъ они встрѣчаются въ двухъ славянскихъ разрядахъ, соотвѣтствующихъ Санскритскимъ X *кл.* (куда по характеру 1-й темы *-aja-* относятся и причинные и отыменные), именно въ глаголахъ и/ѣ (*и-ши*, *ѣ-ти* v. *ꙗ-ти*, а послѣ шипящихъ -а-ти) и и/и (*и ши*, *и-ти*), при чемъ огромное большинство глаголовъ со знаменательнымъ усиленіемъ сосредоточено въ послѣднемъ разрядѣ. Первый разрядъ (и/ѣ-ꙗ), хотя и заключаетъ въ себѣ глаголы съ усиленіемъ (какъ **боꙗти*, *боиши* т. е. *bhaj-aja-си*, причинный глаголъ со значеніемъ заставлять бояться, отъ потеряннаго въ Слав. средняго съ корнемъ *bhи*; среднее значеніе *боꙗтися* зависитъ отъ возвратнаго мѣстоименія), но столь немногіе, что въ общемъ этотъ разрядъ прямо противо-

полагается разряду и/и по значенію и строенію корней. Въ разрядѣ и/и и соотвѣтствующихъ ему разрядахъ въ Литовскомъ и Латышскомъ глаголы съ усиленіемъ корня суть или отъименные, въ коихъ усиленіе стоитъ потому, что находилось уже въ имени (напр. *роиться* отъ *рой*, кор. *ри*), или отглагольные. Обыкновенно при глаголѣ я/и съ усиленіемъ стоитъ имя съ такимъ-же усиленіемъ, но ошибочно думать, что во всѣхъ случаяхъ имя служитъ посредникомъ между первообразнымъ глаголомъ и производнымъ (Mikl. V. Gr. I, 134; IV 273). Вѣроятно такъ было нѣкогда, но въ историческое время языкъ дѣлаетъ различіе между глаголами отъименными и фактитивными (дѣлать самому то, что означено именемъ) и причинными (быть причиною того, чтобы другое лицо совершало дѣйствіе, означенное первообразнымъ глаголомъ, какъ *поить* при *пить*). Между этими глаголами однако все-таки больше сходства, чѣмъ между первыми изъ нихъ и глаголами не причинными, а болѣе длительными, какъ *возить*, которые рѣшительно не нуждаются въ посредствѣ имени (*возъ*) для того, чтобы примкнуть къ первообразному глаголу, какъ *везти*.

Глаголы отглагольные и/и по значенію распадаются въ Слав. на причинные и болѣе длительные. Категорія причинности свойственна глаголамъ соотвѣтственныхъ разрядовъ не только въ Латышско-Литовскомъ, но и въ Санскритскомъ и другихъ индоевропейскихъ, а потому по происхожденію должна быть отнесена къ болѣе древнему времени, чѣмъ степени длительности. Славянскіе языки рѣдко образуютъ причинные глаголы своими средствами, какъ Литовскій и Латышскій, но подобно германскимъ нарѣчіямъ большею частію лишь сохраняютъ ихъ, какъ остатокъ старины.

Глаголы причинные и/и (*вѣсить*, *морить*) оттѣняются тѣмъ, что въ языкѣ имъ противопоставлены глаголы частью средніе безъ всякаго другаго замѣтнаго грамматическаго оттѣнка (*мереть*, по характеру 1-й темы =Скр. 1-му или 6-му кл.), частью средніе начинательные, означающіе переходъ въ извѣстное состояніе,

(но не отыменные, какъ *бѣлѣть*), съ *н* въ характерѣ, какъ *виснешь, виснуть, повисъ*, частью средніе же, означающіе пребываніе въ извѣстномъ состояніи, съ характеромъ ѣ: *висѣть—висишь*.

Неподлежитъ сомнѣнію, что выраженіе оттѣнковъ длительности не въ одной какой либо формѣ спряженія напр. въ преходящемъ времени, а равномѣрно, такъ что одна и таже степень длительности лежитъ въ основаніи всѣхъ формъ, составляющихъ спряженіе и лишь видоизмѣняется нѣкоторыми изъ нихъ, какъ напр. аористомъ и преходящимъ, что такое выраженіе есть явленіе довольно позднее. Я немогу здѣсь заниматься подробнымъ опроверженіемъ мнѣнія Гильфердинга, что степеней длительности нѣтъ въ Литовскомъ и ограничусь слѣдующимъ утвержденіемъ. Сравненіе Славянскаго съ Литовскимъ и Латышскимъ показываетъ, что начало образованія степеней длительности относится или ко времени полнаго единства этихъ языковъ, или, по крайней мѣрѣ, ко времени несравненно большаго ихъ сходства, чѣмъ то, которое мы можемъ предположить въ историческое время. Славянскіе однократные глаголы суть продуктъ отдѣльной жизни слав. племени. Кромѣ нихъ въ Славянскихъ языкахъ слѣдуетъ различать не менѣе (въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ болѣе) 3-хъ степеней длительности, изъ коихъ послѣдняя наибольшая опять специяльно славянская, и лишь первыя двѣ отчасти совпадаютъ съ соотвѣтственными образованіями въ Латышскомъ и Литовскомъ. Есть въ разсматриваемомъ отношеніи и другія сходства между этими языками и Славянскимъ, но они не такого свойства чтобы немогли возникнуть и самостоятельно. Двѣ упомянутыя степени назовемъ: первую и основную (*нести*, Лит. neszti)—просто длительною или конкретно-длительною, вторую (*носити*), покрайней мѣрѣ въ Слав., болѣе длительною или отвлеченно-длительною.

Небольшое число слав. глаголовъ 2-й степени длительности (однако не менѣе 10, изъ коихъ 7 съ о въ корнѣ: *носить*, *возить*, *водить*, *ходить*, *бродить*,

сочить (sequi), *гонить*, *блудить*, *трусить*, *газить*) показываетъ, что въ началѣ, при возникновеніи этой категоріи, языкъ воспользовался для ея выраженія тѣмъ же глагольнымъ характеромъ и тѣмъ же усиленіемъ, какимъ онъ пользовался для выраженія причинности. Здѣсь Славянскій и Литовско-Латышскій въ значительной степени согласны между собою, но затѣмъ они расходятся, такъ что Славянскій въ глаголахъ длительныхъ другаго характера создаетъ свои особыя усиленія, а Литовско-Латышскій большею частію, хотя, какъ увидимъ, не исключительно, продолжаетъ пользоваться тѣмъ же родомъ усиленія (при Лит. pinti — болѣе длительный páinioti).

Затѣмъ перехожу къ обзору формъ разсматриваемаго усиленія, уже необращая вниманія на различіе его функцій въ случаяхъ, какъ *нести*, *носить* и *течь*—*точить*. Такъ какъ это усиленіе въ Слав. языкѣ относится ко временамъ дославянскимъ, когда еще небыло свойственныхъ позднѣйшему языку ослабленій звуковъ, то общее правило вытекающее отсюда то, что слав. усиленія этого рода должны быть разсматриваемы какъ усиленія не ослабленныхъ спеціяльно славянскихъ звуковъ, а тѣхъ, которыя лежатъ въ ихъ основаніи. Правило это, которымъ руководится и Гейтлеръ, несоставляетъ новости, ибо кто уравниваетъ *у* въ *будить* съ ô (=ау), въ скр. *bôdhajati* (Schleicher Formenl. 79), тотъ тѣмъ самымъ признаетъ, что *у* не могло возникнуть изъ *ъ* въ *бъдѣти* и что стало-быть выраженіе: «*ъ* усиливается въ *у*» и т. п. ошибочно.

Наиболѣе явственно тождество способа этого усиленія съ санскритскою постановкою *а* предъ усиленнымъ звукомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда усиляемая гласная есть *и*, *у*, стало быть рѣзко отличается отъ усиляющей (а). Поэтому я начну съ этихъ случаевъ и отъ нихъ перейду къ болѣе труднымъ съ основнымъ *а*.

А. Основное *и* (позднѣйшею замѣною котораго въ корняхъ на согласные бываетъ и *ь*) въ Славянскомъ языкѣ даетъ въ разсматриваемыхъ здѣсь случаяхъ уси-

ленія: ој предъ гласными (*пити—поити*, т. е. *поj-ити*) и *ѣ* предъ согласными: *вис-нжти* v. *вис нти—вѣсити*, *ль(п)нжти* v. *липнжти* v. *лѣпѣти—лѣпити*. Этимъ *ой*, *ѣ* соотвѣтствуетъ постоянно лит. *ai* (т. е. не только *ái*, но и *ãi*, *aĩ*, причемъ долгота *a*, вѣроятно литовскаго происхожденія), Латыш. *ai* и *ái*. Просматривая глаголы съ этими *ai* у Шлейхера (Lit. Gr. 48—54) и Биленштейна (die Lett. Spr. 130—3), можно убѣдиться, что Литовцы и Латыши употребляютъ это усиленіе столько же въ глаголахъ причинныхъ (Лит. baі-d-yti, Лат. bai-d-it, пугать, при Лит. bi-j o-tis Лат. bi tî-s, бояться; Лит. naik-inti, уничтожать, при nyk-ti, ninku, никнуть, исчезать), сколько и въ болѣе длительныхъ и учащательныхъ: Лит. lý-ti, Лат. lit, лить—Лит. lái st-y-ti, Лат. láistit, поливать; Лит. lëžti, (кор. лигh) лизать - laiž-yti; pinti, плести—páin-i-oti запутывать; výti vejù гнаться--vaj-o ti, преслѣдовать. Если *e* въ veju есть тоже что *ѣ* въ Слав. *лѣж* при *лити*, то отсюда слѣдуетъ: или то что *ai* въ vajoti и oj въ *поити* есть новое усиленіе сравнительно съ этимъ *e*=*ѣ* и равно не основному *ai*, а основному *âi* (ср. Скр. прич. *пâјајати* поитъ, *бhâјајати*, страшитъ), или же, что первоначально въ обоихъ случаяхъ стояло *ái*, но въ первомъ (veju, лѣж) ослабѣло (какъ *мард*—въ *млѣд*), во 2-мъ осталось (какъ *мард*—въ *млад*). Сравненіе съ санскритскимъ здѣсь дѣла рѣшить неможетъ, такъ какъ еще вопросъ, не есть ли вриддги въ ҫâјаjати (facere ut jaceat, deponere, кор. ҫи, ҫêтê лежитъ) спеціяльно санскритское явленіе. Во всякомъ случаѣ если даже въ основаніи слав. *коити* (класть: «лихо зкоилось»=склалось, «що він коіть»—дѣлаетъ, затѣваетъ) лежитъ *кај*=скр. ҫâi, то функція этого усиленія совершенно одинакова съ *ѣ* въ *вѣсить*. Объ отношеніи *поить* къ *пâјâјати* см. мнѣніе Боппа V. Gr. III 91. Шмидтъ (Zur Gesch. der indogerm. Vol. 12) относитъ *у-крой*, *кроити* къ слав. корню *кри*, въ коемъ *и* изъ а, предполагаемаго формами *крънъ*, *кора*. По его мнѣнію *крой*, *кроити*: *краяти*=*пой*, *поити*: *напаяти*. Сравненіе

невѣрно, такъ какъ *краяти*, *краєши* относится къ одному разряду *баяти*, *баєши*, т. е съ $^{\text{ѥ}}_{\text{а}}$, въ которомъ усиленія *и* въ *ой*, *ѣ* небываетъ. Слѣдуетъ принять, что *кро*-ји-ти предполагаетъ *крӑ*, а *край*, *краяти*—кра̄: то и другое сродно съ *кар* (кр̥о̂ти), *скар* (Др. Врхн. scëran, рѣзать); такимъ образомъ *кроити* сюда неотносится.

Б. Основное *у* (котораго позднѣйшія славянскія замѣны суть *ъ* и *в*), по аналогіи съ усиленіями *и* въ *ѣ* и ој, должно бы давать въ причинныхъ глаголахъ двѣ формы усиленія: одну соотвѣтственную съ *ѣ* предъ согласными, и другую соотвѣтственную ој, передъ гласными. По тойже аналогіи обѣимъ формамъ въ Лит. и Латышск. должна соотвѣтствовать au (русск. *ау*) съ долгимъ или краткимъ *а*.

Въ дѣйствительности мы находимъ здѣсь болѣе двухъ формъ, о чемъ ниже. Начиная съ того, что соотвѣтствуетъ здѣсь звукамъ *ѣ* и ој, мы видимъ

а) Что на мѣстѣ ој (передъ гласными) стоитъ *ов*. Въ этомъ врядъ-ли можно сомнѣваться, хотя вполнѣ подходящихъ примѣровъ почти что ненайдено, такъ какъ намъ нужны не имена, а причинные глаголы: *словити* есть глаголъ отъименный. Скорѣе похожъ на причинный *ловити*, хотя и въ немъ значенія: искать случая напр. поймать, убить (Ип. лѣт.), хватать, могутъ быть выведены изъ отъименныхъ: ловъ ловити, ловы дѣяти. Если корень есть *лу* (ср. скр. *лу̂*, *лунāти*; русск. *лунь* хищная птица и *лютъ*), то *лов-ъ* образовано какъ *ров-ъ*, *кров-ъ*; если же это слово сродно съ ст.-слав. *лаѧти* (=ловити, insidiari, Скр. ла̂, accipere, Mikl. Lex), то скорѣе можно бы ожидать *лай* v. *лав-*, а не *лов*.

б) Далѣе видимъ, что на мѣстѣ *ѣ* передъ согласными здѣсь *у* (ст.-слав. *оу* считаю только написаніемъ, заимствованнымъ изъ Греческаго, хотя въ доисторич. время на мѣстѣ этого звука въ Слав. дѣйствительно, какъ оказывается, должна была въ нѣкоторыхъ случаяхъ стоять двоегласная) напр.:

вык-нѫти, привыкать, учиться, Н.л. buknuś, учиться, по формѣ корня и по среднему начинательному значенію=лит. junk-st-u, junkti, привыкать; причинное *уч-ити*=лит. jaukinti, лат. jáucêt, приучать. Относительно корня ср. Скр. *уч-ја-ти*, находить въ чемъ удовольствіе, охотно что дѣлать, имѣть привычку; *учита́* привычный; јamh-*очитам*, какъ повелось, «по пошлинѣ» (Новг. Л. 7, 3), приличнымъ образомъ; *ôкас* сред. удовольствіе, привычное мѣсто, мѣсто жительства=(кромѣ суф.) лит. úk-is, усадьба, жилой домъ (срб. завичај) Сближеніе съ *вач*, *вакти*, *ŷче* говорить, прич. *ва̂ча́јати*, между прочимъ—читать (facere ut litterae dicantur), хотя и подходитъ по значенію къ Срб. «книгу учи», читаетъ, но для *привыкнуть*, *приучить* неудовлетворительно.

На основаніи *учити*=jaukinti слѣдуетъ предположить *у* изъ *ау* въ *студити* при *стынути* и *губити* (собст. заставлять склоняться и падать) при *гыбнѫти* (соб. склоняться, какъ Латыш. gubstu, gubt).

Сушити, Лит. sausinti, Скр. *ҫôшаjати*, сушить, при *сѫх-нѫти*, скр. *ҫушјати*, сохнетъ; однако въ Лит. и въ среднемъ глаголѣ au: sausti.

Крушити, Лат. kráusêt, толочь въ ступѣ, при *крѫшити*, *крохкій*.

Тушйть при *тѫх* въ *затхлый*, *тхорь*. Отлично отъ этого Поль. tuszyć komu, внушать кому надежду, увѣренность,—sobie, ожидать, надѣяться=скр. *тôш-аја-*, успокоить, удовлетворить, удовольствовать при *туш-ја-ти* быть спокойнымъ, довольнымъ.

Сюда же *рудить*, *будить*, *мудить*, *глушить*, *душить*, *ну́рить* и др.

Въ Литовск. и Латыш. тоже усиленіе, подобно тому, какъ и ai, является или остается и въ глаголахъ болѣе длительныхъ: лит. daužytis, колотиться, околачиваться, при daužti, колотить, съ чѣмъ ср. латыш. дѣйств. dauzit, разбивать, при среднемъ saduzt разбиваться; латыш. болѣе длит. (по Биленштейн, frequent.) láupit, лупить, lauzit, ломать, при lupt, schälen, lúzt, ломаться; braukát, ѣздить, при brukt, sich schieben.

Кромѣ этихъ въ Слав. есть еще два видоизмѣненія усиленія *у*, по видимому, указывающія на основное *ǎу*, но функціонально равносильныя съ вышеразсмотрѣнными, почему, пока, невидно основанія считать ихъ за 2-ю степень усиленія въ смыслѣ позднѣйшей, сравнительно съ *ау*.

в) Передъ гласной—*ав*. При *бы-ти* (скр. бһӯ, бһâвати) причинное *бавити*, собств. заставлять быть, дѣлать такъ, чтобы нѣчто было (какъ и скр. прич. *бһâваја-ти*), откуда Поль. bawić się gdzie, Серб. *бавитисе*, пребывать; *избавить* кого отъ чего (древнѣе—*чего*, какъ Мр. *вінця*, *життя збавити*, лишить), соб. сдѣлать такъ, чтобы въ комъ чего-либо небыло, и лишь въ этомъ смыслѣ—спасти. Такъ какъ съ понятіемъ бытія и жизни такъ связывается мысль объ удовольствіи, что напр. Мр. *изнебутися*, нѣчто въ родѣ лишиться счастья, натерпѣться муки (жена мужу: «я жъ з'тобою тай не нажилася, тілько за тобою тай изнебулася». Метл. 360), то *бавити*—доставлять удовольствіе, забавлять. Я не понимаю, почему это Гейтлеръ по поводу того, что будьто «ошибочно производятъ *бавити* отъ *быти*, возникшаго изъ *бӯти*», думаетъ, что «*ū* vsák v av se nestupňuje (Fon. § 92. 1).

Давить есть первонач. причинный глаголъ, съ коимъ ср. не скр. *дунôти*, горѣть внутреннимъ огнемъ, мучиться, печалиться, а скр. *дһӯ-нôти*, трясти, быстро двигать, откуда причин. *дһавајаті*. Относительно связи быстраго движенія и давленія ср. *тиснуть* и Поль. ciskać, бросать; Лит. dowitis, dowijůs есть, кажется, заимствованіе изъ Русскаго.

Плавить, собств. заставлять плыть (плу), по формѣ, но не по значенію=Лит. plowiti вымывать, очищать, болѣе длит. при plauju, plauti, мыть, полоскать. Точно такъ отлично по значенію Скр. причин. *плâвајаті*, inundare, fluctuantem, vacillantem reddere, при *плаватê*, natare, fluctuare.

Травити собств. заставлять ѣсть, при *тру-ти*.

Въ Чеш. ср. unaviti, утомить, причин., при коемъ

нытъ; z-o-taviti, укрѣпить, ср. скр. *ту тäути*, cresсеге. *Славить*—отыменное, какъ, быть можетъ, и *править*. *) Съ этимъ *ав* сходно и литов. ow: džovinti сушить; но здѣсь ow имѣетъ для литов. особую причину, именно ту, что усиленіе au уже было употреблено для дѣйствит. глагола dzäuti, положить сушиться, стоящаго при начинательномъ сред. глаголѣ džustu, džuti сохнуть.

г) Передъ согласными—*ва*. *Квасити* собст. мочить, какъ въ Серб., отчасти въ Русск. напр. расквасить носъ, разбить такъ, чтобы кровь потекла; *квасъ* собст. жидкость, питье, откуда Лужицкое значеніе пира (пи-ръ, питье) именно свадебнаго, затѣмъ уже—бродило, нѣчто кислое; Латыш. káuset liquefacere, при *кыснѫти*, соб. мокнуть (какъ и въ Русск., ср. Серб. *киша* дождь), Лит. kus·tu, kust, liquescere. Это сравненіе показываетъ, что *ы* здѣсь отнюдъ невозникло «изъ 1-го усиленія ау» (Geitl. Fon. § 92. 2). Суффиксъ латышскаго глагола начинательнаго средняго другой, чѣмъ въ *кыснѫти*, но строеніе корня одинаково. Въ *кыснѫти* значеніе броженія и кислоты производное, почему и нѣтъ основанія сближать его съ Скр. *куп* (in bewegung, wallung gerathen) и Слав. *кыпѣти* черезъ посредство дезидеративнаго *кунс* (Geitl. Fon. стр. 65 прим.). Если даже и допустить (l. с.), что *оса* (Гейтлеръ считаетъ основною формою *воса*) изъ формы=Лит. wapsa (что сомнительно), то и при этомъ *кунс* должно бы остаться въ томъ же видѣ въ Латышскомъ, а не въ формѣ kus.

Тотъ-же процессъ, что въ *квасити* можно предположить въ *хвати ти* (быть можетъ первоначально—

---

*) Изъ именъ, въ дополненіе къ упомянутому выше *ловити*, упомяну: *об-лава*, родъ большой сѣти для осачиванія звѣря въ лѣсу и въ полѣ (Поль.), родъ загороди для ловли козуль (Собир.), охота облавою (осокою), окруженіе, родъ военнаго построенія (полукругомъ) (Поль.), толпа, множество, *лава*, казачье построеніе полукругомъ. Послѣднее ошибочно отнесене Далемъ къ *лава* скамья, которое впрочемъ тоже тянетъ къ корню *лу* въ значеніи рѣзать, колоть.

более длительный при *хут-*), *хвалити*, *квапити* (Поль. и др. торопить), *кварити* и нѣкоторыхъ именахъ.

Что касается до мнѣнія, что и въ Лит. *ва* возникло изъ двоегласной (dwásė дыханіе, Geitl. ib.), то можно допустить и на оборотъ, что какъ въ Санскр. *ва* (напр. въ *твáратê*, спѣшитъ, *свапити*, спить) считается болѣе древнимъ, чѣмъ представляемое его стяженіемъ *у* (*тўрјатê*, *су јатê*), и какъ болѣе древнее *ва* въ Скр. *двâр*, ж. и *дв^ара-* ср., дверь, является въ Лит. въ видѣ у (durys мн ж.); такъ точно и Лит. dwėsti, дышать, dwásė, дыханіе, быть можетъ Жмуд. dwokti, вонять, возникли непосредственно изъ *ва*, откуда и стяженіе у: dusti, тяжело дышать, dùsas вздохъ. Это стяженное *у*, принятое за основаніе, даетъ усиленіе *ау* (*аи*) въ Лит. dausa, воздухъ. Слав *душа* ближе всего подходитъ къ этому послѣднему.

Въ доказательство того, что Слав. *ва* въ *квасъ* и пр. возникло именно изъ двоегласной āу (или *ăу*?) можно указать на то, что гдѣ, на оборотъ, есть основаніе предполагать болѣе древнее *ва* или *вā*, тамъ на его мѣстѣ и въ Славянскомъ застаемъ или *во*, *ве*, *вь* (*дворъ*, *дверь*, *вепръ* (скр. *вâпати*, сѣять, осѣменять, родить), прилаг. *четверъ* (при скр. количеств. *чатвâр*), *четвьртъ*, или стяженія *у*, *ы* (*четыриѥ*). Такъ глаголъ *журити* (Мр. печалить, Врусс. журить—бранить, Чеш. žuřiti, яриться, свирѣпствовать, Серб. журитисе, торопиться) есть первоначально причинный отъ корня съ *ва*; ср. Скр. *джвáл-ати* пылать, *джвар-ати*, страдать лихорадкою (быть въ жару? или по обычной связи «горѣть—болѣть»?), при коихъ *джўрни́*, ж. пламя, пылъ, поспѣшность. *Турити* (русск. гнать: «протурить», серб. бросать) собств. заставлять спѣшить, торопить, тоже что скр. причин. *твáрајати*, отъ *твáратê—тутôрти*, спѣшить. *Хылити* (Мр. Поль. клонить) есть причин. отъ корня *свар*, который между прочимъ въ Лит. swerti, вѣсить на вѣсахъ, swerdėti, качаться, колебаться. *Усыпити*, скр. причин. *свапајати* при слав. *съп-ати*, гдѣ *ъ* изъ *у*; въ Санкритскомъ *свапити*, *свапати*, *супјатê*.

Впрочемъ есть случаи, относительно коихъ можно сомнѣваться, произошло ли въ нихъ слав. *ва* на слав. почвѣ изъ *ау*, а это изъ *у*, которое въ свою очередь было стяженіемъ *ва*, или же слав. *ва* непосредственно соотвѣтствуетъ Скр. вā: Поль. cwał, Мр. *чвалáти*, ити, бѣжать, Скр. *çвáл а ти*, бѣжитъ.

Спрашивая себя о способѣ возникновенія *ва* въ *квасъ* изъ *ау*, мы видимъ здѣсь двѣ возможности: или принимать непосредственную перестановку, какъ это дѣлалось прежде относительно *ар*=слав. *ра* между двумя согласными; или же, по аналогіи съ предполагаемымъ рядомъ сочетаній: *ар*=*ара*=*ра*, допустить и здѣсь *ав*=*ава*=*ва*. Въ духѣ Гейтлера можно бы разсуждать и такъ: если *ра* (въ *градъ*) изъ оро, то и *ва* въ *квасъ* изъ *ово*; но здѣсь предполагаемое *ово* нигдѣ ненаходитъ той поддержки, которую имѣетъ *оро* въ Русскомъ. По возможности оставляя въ сторонѣ все сомнительное, согласимся понимать подъ перестановкою въ *квасъ*, *градъ* только результатъ (а не процессъ), и въ этомъ смыслѣ допустимъ сходство обѣихъ формъ. Тогда отъ преувеличенія сходства этихъ формъ должно насъ предостеречь то обстоятельство, что 1-я есть общеславянская, слѣдовательно, по принятому способу заключенія болѣе древняя, 2-я свойственна только нѣкоторымъ нарѣчіямъ, слѣдовательно новѣе; разница во времени заставляетъ предполагать нѣкоторое различіе въ качествѣ процесса.

В. Корни съ основнымъ *а* различаются въ дальнѣйшей своей судьбѣ, смотря потому, слѣдуетъ ли въ нихъ за этимъ звукомъ р, л, или же другая согласная. Въ этомъ § буду говорить о первыхъ, которые въ свою очередь распадаются а) на корни, кончащіеся на р, л, и б) на такіе, въ коихъ послѣ этихъ плавныхъ слѣдуетъ нѣмая согласная.

а) Выше упомянуто, что уже основное *ă* могло явиться усиленіемъ (гуна), какъ скоро въ языкѣ сопоставлена съ нимъ форма съ ослабленіемъ того же звука. Быть можетъ въ тоже время, а быть можетъ и въ другое, но для тѣхъ же грамматическихъ цѣлей явилось

и удлинненіе основного *а*, которое въ разсматриваемомъ случаѣ (передъ р,) въ санскритской грамматикѣ носитъ названіе вридди отъ ṛ. Въ Славянскомъ языкѣ, въ случаяхъ, когда имѣется или предполагается ослабленіе основнаго *ар*, *ол*, состоящее въ измѣненіи *а* въ *е*, ъ, ь, или въ опущеніи одного изъ послѣднихъ звуковъ, замѣною гуны служитъ *ор*, *ол*, а замѣною вриддги—*ар*, *ал*. Выше было упомянуто о возможности того, что *ор*, *ол* въ извѣстныхъ случаяхъ, когда неимѣли при себѣ ослабленій, никогда небыли усиленіями. Здѣсь прибавимъ, что въ другихъ случаяхъ они могли перестать функціонировать какъ усиленія и лишь въ третьихъ, о которыхъ здѣсь рѣчь, остались при своемъ символизмѣ. Напомню, что разсматриваются здѣсь лишь относительно позднѣйшіе изъ древнихъ усиленій, т. е., неговоря объ именахъ, тѣ которыя сопровождаютъ образованіе глаголовъ съ характеромъ и. Такимъ образомъ отношенія *а* въ *умаряти* (о которомъ ниже) къ *о* въ *морити* сюда невходятъ, какъ еще болѣе позднія. Различія въ грамматическихъ функціяхъ между *ор*, *ол* и *ар*, *ал* мы незамѣчаемъ, по крайней мѣрѣ въ глаголахъ, и пока эти различія небудутъ показаны, считаемъ усиленія равносильными, какъ равносильны между собою и ослабленія. Употребленіе терминовъ гуна и вриддги не должно вести къ ожиданію, что въ Славянскомъ всегда на мѣстѣ гуны мы встрѣтимъ *ор*, *ол*, на мѣстѣ вриддги—*ар*, *ал*. Можетъ быть и на оборотъ, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ образованіями не тождественными въ отдѣльности съ санскритскими, а лишь въ общемъ сходными по цѣли и средствамъ. Въ самомъ Скр. причинные глаголы отъ корней на *ар* не слѣдуютъ одному общему правилу, но не рѣдко отъ одного и того же корня имѣютъ то гуну (т. е. основное *ар*), то вриддги âр.

аа) ***Морити***, собственно причинять смерть, но въ Скр. причинное *мâр-аја-*, убивать, съ *âр*; Лит. marinti, находиться при чьей смерти, закрывать глаза умершему, безъ сомнѣнія тоже предполагаетъ причинное

значеніе, такъ какъ ухаживать за умирающими или мертвыми значитъ дѣлать такъ, чтобы умеръ (съ добрымъ умысломъ), помогать умирать—услуга важная и по взгляду русскаго простолюдина. Ослабленныя формы—*мьрж*, *мру* (=Вод. мрâми), *мьрти*, *мерети* (Новг. I), *мрпти*; Лит. mer въ merd mi, ëti, быть при смерти, кончаться, ir въ mirti, мереть.

Молити, molere (Ст.-Слав.) и precari (соб. смягчать), быть можетъ есть только болѣе длительное при *мелж* (ослаблен.), или отъименное. Во всякомъ случаѣ усиленіе *мал* здѣсь связано съ разграниченіемъ значеній. Впрочемъ, если *д* въ *модлити* (ст Хорут., Чеш., Поль.) неесть вставка, то корень въ *молити*, precari, другой; ср Гот. mathl-jan, говорить.

Волити, избирать (какъ въ Ст.-Русск.), хотѣть, тоже вѣроятно никогда небыло причиннымъ, но должно было и по грамматическому значенію отличаться не только отъ *довълѣти*, но и отъ *велѣти*, хотѣть (ст.-Слав.). Замѣчательно, что этотъ послѣдній глаголъ и безъ измѣненія внѣшней формы приближается къ причинному значенію: приказывать здѣсь значитъ, быть можетъ, дѣлать такъ чтобы другой хотѣлъ. *Волити*= скр. *вараја*, выбирать, въ коемъ нѣтъ рѣзкаго различія значеній съ скр. *варати*, *врнòти*, *врнâти*.

Зазорить (Новг.), засвѣтить, напр. свѣчу, причинное при предполагаемомъ значеніи свѣтить (средн.) въ *зър-ѣ-ти* или *зър-ѣ-ти*, *зър-и-ши*. Связь представленія зрѣнія и свѣта извѣстна.

Зорити (Русск.), дѣлать зрѣлымъ, причинный глаг. при *з(ь v. ъ)р-ѣ-ти*, *зр-ѣје-ши*, спѣть.

Раз-ор-ити, Серб. *об-орити*, ст.-Слав., Серб. *орити*, рушить, валить (Серб. «али грми, ал'се земља хори» Чуб. Чојк. пјев. 9), есть причин. отъ потеряннаго глагола съ ослабленіемъ основнаго *ар* и значеніемъ падать. Написаніе раззорить ничѣмъ неоправдывается.

бб) Нѣтъ сомнѣнія, что отъ того же *мар* мереть, отъ коего *морити*, образуются и формы со слав. *ар*, при томъ такъ, что различію между *ор*=основ. *ар* и

ар=основному *а̂р* нельзя теперь найти объясненія. Въ миѳологическомъ названіи смерти: Поль., Чеш. marzena, marzana, mařena, Мр. *марена*, Чеш. mořena находимъ и *а* и *о* (даже *у*), между тѣмъ какъ въ Скр. *марана-м*, смерть, стоитъ, а̂. Сюда же чеш. глаголъ, mařiti имѣющій видъ причиннаго: уничтожать, портить.

Но есть и другой корень *мар* неотождествимый съ первымъ, невстрѣчаемый въ Санскритѣ, но предполагаемый на основаніи производныхъ, именно *мар*, мерцать, мелькать, блестѣть: см. Böhtling—Roth, V, 570, подъ *марут*, Curt Grundz², 574—497, гдѣ къ нему отнесено между прочимъ греч. μαρμαίρειν блестѣть (schimmern) и μαυρός, темный, послѣднее черезъ посредство предполагаемаго μαρϝος. Въ Славянскомъ языкѣ семейство словъ этого корня довольно многочисленно. Изъ отдѣла, въ коемъ *у* чередуется съ *о* (указаніе на основ. *а*) замѣтимъ только Врусс. *муръ*, трава, дернъ=Лит. maurai, мн. отъ mauras, ряска, lemna, отъ зеленаго цвѣта, Лат. maurs дернъ. Изъ другаго отдѣла съ *а* здѣсь важно Врусс. (и др.) *марить*, о явленіяхъ миража, быть можетъ причинная, во всякомъ случаѣ усиленная форма при ослабленной *мр-ъ-ять*, Мр. *мрїє* (мріти?), мелькать, видиться.

Вр. *га́лить* а) о дѣтяхъ: пускать изо рта слюну, слизь; б) тошнить: «его галитъ»; в) о проигравшемъ: подавать мячъ или шаръ тому, кто бьетъ=Поль. galić piłkę; г) лягаться, о лошади и пр. Вс! эти значенія легко понимаются какъ причинныя: заставлять течь, заставлять мячъ летѣть или падать. Подобно этому *бросить* и Лит. blaszkyti (напр. i szali—отодвинуть въ сторону,—žémyn, бросить повалить на землю) есть причинное=(кромѣ характера *н* въ корнѣ) скр. *бhраңçаjати*, dejicere, при болѣе первообразныхъ *бhраçjати*, *бhраңçатê*, decidere, elabi. Относительно связи бросанья и ляганья ср. Поль. wierzgać (т. е. вьргати) въ знач. лягаться. По всему этому *галить*=Скр. *га̂лаjати*, заставлять течь, выливать, которое есть причин. отъ *га́лати*, а) отпадать, опадать; (б капать, течь. Сюда же Греч. βάλλω, Curt. Grundz.

№ 637, въ коемъ ϐαλ—изъ *гвал* съ неорганическимъ *в* послѣ *г*; такое же видоизмѣненіе корня именно *гвал* изъ *гал*, можно бы предположить въ Русскомъ *гилить* (*гыл* изъ *гвал*, какъ *хыл* изъ *свар*)=галить, подавать мячъ.

Причинны: *пáрить* изъ *прьть*, *варити* при ст.-Слав. *врь-ти* (Лит. virti), *скварити* (Мр. Поль.) при предполагаемомъ Ст.-Слав. *скврь-ти* (Серб. *цврjети*, *цврити*), *палити* при *поль-ти*, горѣть (*пел-* въ пелынь, *пе-пелъ*), *валити* при *въл* во *възлаихжсѧ* и др. Напротивъ *парúти* есть болѣе длительный при формахъ какъ «и *въспержть* въ кораблихъ иноплеменникъ» (полетять) Ис. 11, 14, Библ. 1499, Бусл. Матер. 47.

Различіе между коренной гласной въ *морити* и *марити* можно по-видимому объяснить тѣмъ, что первая форма предполагаетъ *ăр*, вторая *āр*. Было ли такое различіе явленіемъ славяно-литовскимъ? Если смотрѣть на Лит. *о*, какъ на единственную замѣну основнаго славяно-Литовскаго ā и на единственный звукъ, соотвѣтствующій славянскому *а*, то можно бы думать, что вышеупомянутое различіе есть особенность Слав. языка. По крайней мѣрѣ не видно литовскихъ причинныхъ или болѣе длительныхъ на iti, inti съ усиленіемъ or, а имѣются лишь такія какъ marinti. Но сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ надобности въ вышеприведенномъ взглядѣ. Какъ въ другихъ случаяхъ (напр. въ оконч. именит. ед. ж.) основное ā=и Лит. *а*, и Слав. *а*, такъ и здѣсь, быть можетъ, Литовское ar предполагаетъ не только основную форму ăр=гунѣ, но вриддги *âр*, такъ что напр. ā въ Латыш. vârit варить (при virt) можетъ быть общею принадлежностью Славянскаго и Литовско-Латышскаго языковъ.

б) Корни съ основнымъ *ар* передъ согласною, исконною или первоначально принадлежащею къ суффиксу, въ Слав. языкѣ могутъ имѣть по отношенію къ качеству гласной только одну замѣну усиленія, именно *ра=оро*, *ла=оло*, при ослабленіи основной формы съ глухимъ звукомъ при *р*, *л*, или въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ съ *рь*,

лѣ, равносильными съ русск. *ере*, *еле*: *вратити*, *воротить* при *вьртѣти*, *врѣтено*—*веретено*. Въ Лит. здѣсь всегда *а* и никогда *о*: markýti, намачивать, болѣе длит. при merkti; skáldyti, раскалывать, болѣе длит. при skélti; káldinti, заставлять ковать, прич. при kalù kálti, ковать. Что можетъ это значить? То ли, что стеченіе согласныхъ въ корняхъ какъ *варт* уже въ незапамятное время неблагопріятствовало появленію вриддги въ причин. (и въ Санскритѣ причинное —*вăртаја-*), такъ что та долгота, которая можетъ имѣть здѣсь мѣсто въ Литов. и Славянскомъ (врāт)—поздѣйшаго, діалектическаго происхожденія (Лит. skáldyti=Латыш. skā́ldit)? Или то, что въ корняхъ построенныхъ, какъ *варт* (*р*, *л* передъ нѣмою), могло стоять ā (какъ оно есть въ Скр. *мāрджаја-*, X кл., abstergere), но на позднѣйшихъ замѣнахъ сочетаній *ар+согл.*, *âр+согл.* въ Слав. и Лит. это различіе качественно неотразилось, подобно тому какъ въ Литов. неотразилось качественно различіе между *ар*=Слав. *ор*, *ол* и *âр*=Слав. *ар*, *ал* въ корняхъ на плавную? Когда Гейтлеръ этимъ доказываетъ, что Слав. *влак* неесть усиленіе (такъ какъ=Лит. walk, а не wōlk) (Fon. § 89), то онъ, во-первыхъ, непризнаетъ того, что и основная форма (ар въ скр.) или ея замѣна можетъ быть усиленіемъ, если имѣетъ при себѣ ослабленіе, что на самомъ дѣлѣ и есть во *влѣшти* и *влачити* *) (между тѣмъ какъ *волочь* и *волочить*, по качеству коренныхъ гласныхъ неразличаются), во-вторыхъ, онъ невидитъ второй изъ выше приведенныхъ возможностей.

---

*) Ср. *слѣп* въ *слѣпати*, *-плѩ* («источьникъ воды въслѣплѩштаꙗ (Остр. истѣкаѩщаꙗ) въ животъ вѣчьный, Ват. Ев., Гл. пам. 65), *сълпати* (*сльпати*, *сльпати*), *-плѩ* и *-аѩ*, salire, ire (Mikl.) и Мр. *высолопить* напр. языкъ (высунуть, первонач.—причинное). Ср. также Ст.-Слав. *слапъ*, Хорут. slâp, волна, водопадъ, slap, паръ, испареніе, Серб. *слап*, морской приливъ, Лит. salpa, заливъ (Mikl.), кор. *сарп*.

Г. *Корни съ а передъ согласною не плавною.* Какъ выше въ глаголахъ и/и мы видѣли отъ *у* усиленія *ов* и *ав* (ловити, блавити), отъ *ăр—ер* и *ар* (морити, марити), такъ здѣсь отъ а мы имѣемъ въ Славянск. 1) *о* (замѣну основной гласной *а*, ставшей усиленіемъ) и 2) *а* (=ā). При этихъ усиленіяхъ ослабленіями въ Слав. языкѣ являются *е*, *ь* и, въ немногихъ словахъ, *ѣ*. Гейтлеръ и здѣсь, справедливо утверждая, что мы не въ правѣ сказать: «въ *нести—носити е* усиляется въ *о*», такъ какъ то и другое возникло изъ ă, въ тоже время держится слишкомъ узкаго взгляда на разсматриваемое явленіе, говоря: «чередованіе *е* и *о* въ слав. формахъ собственно не есть усиленіе (stupňování), но придаетъ этимъ формамъ особенный колоритъ; экономія языка различеніемъ гласныхъ *о* и *е* нѣкоторымъ образомъ вознаградила за пробѣлы, возникшіе вслѣдствіе неправильнаго паденія «stupňovaných» (усиляемыхъ? усиленныхъ?) гласныхъ» (Fon. § 86). Усиленіе можетъ именно и состоять въ томъ, что усиляемая гласная остается неизмѣнною, въ то время какъ въ другой формѣ она ослабѣваетъ. И какіе такіе пробѣлы и неправильности возникли, когда въ Скр при *ар* въ случаяхъ требующихъ усиленія (напр. *джараја*—concoquere) стоятъ ослабленія того же *ар* (джр̂нати, джӣрјатê)? Или когда въ Слав. и Лит. при *носити*=naszinti стало ослабленіе того же осн. *а—е*: *нести*—neszti?

Стремленіе къ удержанію основной гласной на мѣстѣ усиленія должно было существовать еще на общеиндоевропейской почвѣ; ослабленіе *а* въ *е* во многихъ случаяхъ возникло въ славяно-литовскій періодъ; ослабленіе въ ъ, ь—исключительно славянское. Лишь въ одномъ случаѣ можемъ указать па относительную новость усиленія *о*, именно: если, какъ полагаютъ, *гонез-* есть заимствованіе съ Готскаго ganisan, то отношеніе формы *гонести*, *гонезнѫти*, *гоньзнѫти* (servari) къ *гонозити*, salvare, образовалось уже не удержаніемъ основнаго *а* и за тѣмъ превращеніемъ его въ *о*, а по готовому образцу *лешти—ложити* и т. п.

1. а) Къ примѣрамъ какъ *нести—носити* (у Миклош. V. Gr. I, 134) можемъ прибавить лишь немногіе: *топить* (заставлять нагрѣваться, таять) при Словен. tenut' и *теп* въ *теплъ*; *трощить* при *трещать* (ср. Литов. sutraszkinti и treszkiu, trekszti, давить, мять), при чемъ форма *трьск-* осталась бы въ сторонѣ; *сочити* (осочить и пр.) при *сек* (Латыш. sekku, sekt напр. wilkų волка, Литов. sekt, слѣдовать за кѣмъ, sequi, Скр. сач-а-тê); *просить* при предполагаемомъ *прес-* (осн. *праç* въ Скр. съ основ —*ск*=*чч*h: *прччhати*, причин. прāччhаја-); *томити*, причин. при предполагаемомъ *тем* (въ Скр. съ *â*: *тâмјати* confici moerore, languescere).

б) Въ ослабленной формѣ глухой звукъ. Въ одномъ случаѣ *ъ* при *е*: *женж*, *гън-а-ти—го-нити*; въ Литов. болѣе длит. ganyti, беречь, хранить, пасти стадо, при ослабл. genù v. ginu, ginti, стеречь, защищать; быть можетъ сюда и Литов. genu, genti, бить, стегать, обрубать вѣтви, скр. *hанти*, бьетъ; основ. форма *ghан-*. Въ нѣсколькихъ *ь*: *ходити—шьд*; *годити—жьдати*; *лощить* (русс.) *лъштатися*, поль. lsknąć się; *занозить —ньз*; *звонити—звьнѣти*; *громити—грьмѣти*; *застромить* (Мр. дѣйств. значеніе заткнуть)—поль. (s)trzmić сред. торчать.

Формы коренной гласной въ Скр. частью соотвѣтствуютъ славянскимъ, какъ въ *прāччhаја*, *тâмаја-*, *лакшаја-* (видѣть, замѣтить, знач. находящееся со славянскимъ *льск—лоск* лишь въ отдаленной связи), частью отличны: *вâhаја* (причин. заставлять везти), *тâпаја-* (жечь, жарить), *сâдаја-* (ходить).

2. Усиленіе *а* сохранилось лишь въ немногихъ остаткахъ: а) *вадить*, проводить, протягивать время («онъ вадитъ день за день, а работа нейдетъ»), проводить, обманывать обѣщаніями; Ст.-Слав. *вадити* на кого, accusare, calumniari можетъ быть объяснено выраженіемъ «*взводить* на кого напр. небылицы; Поль. wada порокъ—собств. взведенное на человѣка. Впрочемъ *вадити*, accusare, можетъ относиться и не къ кор. *вадh*

(вести), а къ *вад*, говорить, куда Лит. wadinti, звать и Русс. *вадить*, приманивать. Къ другому *вадѣ*, бить, относится Русс. *вадить*, въ игрѣ въ чушки бросать свою палку въ знакъ начала игры.

Поль. ganić (Чеш. Луж.) порицать Отношеніе этого слова, а равно и ganbę komu dawać, и Мр. запад. *дэгана*, порицаніе, позоръ, къ *жену*—*гнати* объясняется русск. «давать *нагоняй*, давать *гонку*».

Въ обоихъ случаяхъ я считалъ бы ошибочнымъ объяснять двойственность усиленій *вод* и *вад*, *гон* и *ган* тѣмъ, что послѣднія съ *а* суть непремѣнно вторичныя усиленія отъ первыхъ; *ган* точно также отъ основнаго *а* какъ и *гон*.

б) Въ *садити*, Лит. sodinti, Скр. причин. *sâdaja*-id., *а* несомнѣнно тогоже происхожденія что и въ *вадити*, т. е. изъ ā отъ основнаго ă; но *сѣсти*, *сѣдѣти*, Лит. sėdmi, sėdėti могутъ ли быть разсматриваемы какъ формы равносильныя по основному звуку съ *вести*? Можно бы думать, что ѣ въ *сѣсти* сходно съ такимъ усиленіемъ *и*, какое находимъ въ *вѣмь*, *вѣдѣти*. Форма корня *сӣд*, *сид* находитъ аналогію въ Скр. *сӣд-а-ти* (въ спеціяльныхъ) отъ *сад*. Но съ другой стороны (и это лучше) можно видѣть въ сближеніи Лит. sėdmi и Вед. *садми* (Боппъ) почти полное равенство, такъ что Лит. ė, Слав. *ѣ* въ *сѣд*- изъ *а* краткаго черезъ ai. Возникновеніе *ѣ* (=ai) изъ *а* долгаго черезъ постъйотацію во многихъ случаяхъ несомнѣнно. Таково же отношеніе между *лѣзти* и болѣе длительнымъ *лазити*, между *рѣзати*, Литов. rėžti, и *разити*, т. е. при предполагаемыхъ корняхъ *лаг*, *раг* врядъ ли слѣдуетъ принимать побочныя формы съ ӥ, отъ коихъ пошли формы *лѣз*, *рѣз*. Жм. rožyti=разити можетъ быть заимствованнымъ. *Лѣзу* сравниваютъ съ Скр. *ланг* итти (отличнымъ отъ *лангh*, salire, откуда *лягва*, *лягуха*—*скакуха*), разумѣется, предполагая, какъ и слѣдуетъ, форму *лаг* болѣе древнюю, чѣмъ санскритская *ланг*.

Д. ѧ и ѫ. Гейтлеръ говоритъ: «отношеніе гласныхъ *е* и *о* подобно отношенію носовыхъ ѧ и ѫ, кото-

рые этимологически суть не что иное, какъ е+м, е+н и о+м, о+н: гразнѫти и грѫзити, *) литов. grèmsti и gramzdýti» Fon. § 88). Проводя далѣе сравненіе, мы должны бы сказать, что какъ *о* въ *носити* возникло не изъ *е* въ нести, а оба звука изъ *а*, такъ и ѫ не изъ ѧ, а такъ что ѧ есть ослабленіе того основнаго сочетанія *ам*, *ан*, замѣна котораго есть ѫ.

Спрашивается, до какой степени точно сравненіе *е*: *о*=ѧ: ѫ? Начать съ того, что сравненіе *гразнѫти* съ gremsti ошибочно въ томъ отношеніи, что литов. глаголъ есть дѣйствительный и, какъ такой, имѣетъ форму корня, которая является усиленіемъ по отношенію къ среднему начинательному grimsti=*гразнѫти*. Для полнаго сходства этихъ послѣднихъ слѣдуетъ только, по аналогіи со многими другими случаями, поставить вм. *гразнѫти—грасти*. Отношеніе grimsti (сред.) ко gremsti (дѣйств.), одинаковое съ kilti (подниматься) и kelti (поднимать), birti (высыпаться, о зернахъ изъ колоса) и berti (разсыпать), сколько извѣстно, ненаходитъ себѣ ничего соотвѣтственнаго въ Славянскомъ.

Такимъ образомъ изъ *ем* въ gremsti неслѣдуетъ, что ѧ въ *грасти* заключало въ себѣ *е*, звучало какъ ę; но и на оборотъ, въ виду случаевъ, какъ szwentas=свѧтъ, нельзя заключать отъ grimsti=*грасти*, что ѧ=į (им). Вѣрно лишь то, что славянскому ѧ соотвѣтствуютъ

---

*) По Гейтлеру (Fon. § 49) *гразнѫти* изъ граздиѫти, стало быть *грѫзити* изъ *грѫздити*? Такое мнѣніе, странное потому что предполагаетъ опущеніе *д* въ *зд*, между прочимъ предъ гласными (погразе), основано вѣроятно на томъ, что Шлейхеръ (Lit. Gr. 41) для лит. gramzdyti принимаетъ за корень gramd, согласно съ чѣмъ и о настоящемъ gremzù (а не -zdu) догадывается, что это діалектическая форма вм. gremzdù; но можно думать на основаніи литов. gremzu и слав. *граз*, *грѫз* совсѣмъ на оборотъ, что *д* въ gramzdyti есть такая же приставка какъ въ vésdinti (ved) guldýti (gul).

въ Лит. и сочетанія em, en и im, in; каково же было дѣйствительное произношеніе ѧ, это можно рѣшить лишь на основаніи свидѣтельствъ самого Славянскаго языка.

Хотя ѧ есть начертаніе звука того Слав. нарѣчія, которое ближайшимъ образомъ имѣли въ виду изобрѣтатели письменъ, но разница между ѧ и ѫ предполагается всѣми Слав. нарѣчіями и въ этомъ смыслѣ эти звуки суть принадлежность Слав. языка во время его единства.

Какъ звучали общеславянскіе ѧ и ѫ?

Отложивши пока свидѣтельство Польскаго языка, я разсуждаю такъ:

Если о свойствѣ зв. ѧ заключать отъ южн. Слав нарѣчій, гдѣ оно частью=е͡н (ę), какъ въ древнемъ, а мѣстами въ нынѣшнемъ Хорут. (Mikl. V. Gr. I, 233—4), мѣстами въ Болг. (Hattala, O bugarskih nazalih, Književnik II, 463), частью=*e* (Болг., Серб., Хорут.); то въ общеславянскомъ ѧ слышно было *e*. Къ тому же ведетъ и нов.-Ниж.-Лужицкое нарѣчіе. Но если заключать отъ Полабскаго (Schl. Polab. Spr. 115—6), Верхне-Лужицк., Ст.-Чеш. Словен. и всѣхъ Русскихъ, то общеслав. ѧ имѣло въ себѣ *a* (я). Одно согласіе Русскихъ нар. съ наиболѣе удаленными отъ нихъ по звуковому строю западными, даже безъ Польскаго, наклоняетъ вѣсы въ пользу предположенія, что общеслав. ѧ=приблизительно а͡н, я͡н.

Къ этому присоединяется вѣсъ Польскаго языка. Знакъ ę (=е͡н) впервые замѣчается въ Поль. письменности лишь въ XVI в. (Mał. Gr. § 13). Въ XV в. звукъ ѧ выражается или посредствомъ *an* (напр. въ Статут. 1449. vrzandzicz, w klanthwye, dzeszanczyna, janth, wjancej и мн. др.), или посредствомъ ą, которое неможетъ быть принимаемо ни за что другое, кромѣ а͡н: xandz ib. и мн. др. Отъ такого произношенія ѧ мы заключаемъ къ произношенію болѣе древняго начертанія ǫ=ѧ, какъ а͡н, я͡н: въ Псалт. Марг. kszǫdz,

kęsząą, znamǫ и пр. Тоже подтверждають и нѣкоторые нынѣшніе говоры. Въ однихъ и теперь слышится ian= ѧ внутри словъ: świanty wyklanty, Małec. ib. Въ Опольскомъ (въ Верхней Силезіи) ian, an=ѧ удержалось на концѣ въ именит. ед. именъ ср. на ѧ (=ант), какъ ćelą, lw'ą, а также въ przecą (=przed się, литер. П. przecie; между тѣмъ въ другихъ случаяхъ ѧ=ę (jęzik) и ǫ (ōn): świǫt, род. мн. См. Lucian Malinowski, Beiträge zur slav. dialectologie. I, Ueber die Oppelnsche mundart, Leipz. 1873, 22—4. Авторъ этого сочиненія, необращая вниманія на свидѣтельство стар.-Поль. письменности, части нынѣшнихъ говоровъ и Полаб. (diwangt =девѧть), слѣдуя рутинѣ, что Ст.-Слав. ѧ=ę, говорить, что въ случаяхъ ćelan=телѧ Опольскій говоръ *не*согласенъ со Ст.-Славянск. (23) и что въ древнѣйшемъ періодѣ Польскаго яз., непосредственно примыкающемъ къ Ляшскому (Польско Полабскому), Ст.-Славянскому ѧ соотвѣтствовало Поль. ę. Между тѣмъ найти аналогіи для перехода ię въ ią въ области исторически извѣстнаго Славянскаго языка гораздо труднѣе, если только возможно, чѣмъ на оборотъ, для перехода ян въ ѥн, ѥ. По моему, Опол. род. ед studnie—изъ studnię, а это—изъ studnią. Подобнымъ образомъ въ древ.-Русс. ѧ=я (а) вездѣ, исключая род. ед. ж. имен. и мѣстоимен. (котороя (-ыя) земля) и вин. мн. муж. (своя коня). Отсюда въ XIII—XIV произошло ѥ (котороѥ землѥ, своѥ конѥ), что въ прилагательн. и мѣстоимен. до нынѣ сохранилось въ нѣкоторыхъ Зап. Мр. и Бр. говорахъ. Что въ Русскомъ произошло въ этомъ частномъ случаѣ, то въ Нижне-Луж. (гдѣ е, ѥ —изъ я, а=ѧ) вообще.

Обращаюсь къ ѫ. Нѣтъ спору, что *у* изъ ѫ (Русс., Серб., Чеш., Слов., Верх. и Ниж. Луж.) предполагаетъ, какъ посредствующую ступень ун, которое дѣйствительно находимъ въ Полаб. prūnt, chlund=хлѫдъ, хлудъ (Schl. Polab. Spr. 118), и что Хорут. о=ѫ ближайшимъ образомъ возникло изъ он, существовавшаго и въ другихъ нарѣчіяхъ. Но откуда же увѣренность, что

общеслав. значеніе ѫ было ōн (Jagić, Rad. XVII, 175)? Востоковъ въ 1820 г. заключая отъ пов. Польск. литер., что каждый изъ юсовъ имѣлъ *первоначально* въ Кирилловской азбукѣ по два звука: ѫ=ǫ и ę, а ѧ=iǫ и ię, такъ что юсы различались не качествомъ гласной, а присутствіемъ или отсутствіемъ йоты, разсуждалъ совершенно правильно, согласно со своими данными. (Разсужд. о Слав. языкѣ, перепечатанное въ Уч. Зап. II отд. Ак. Наукъ т. II, в. 1, 8—9). Намъ же слѣдуетъ взвѣсить относительно ѫ слѣдующее. Въ Мадярскихъ заимствованіяхъ изъ нарѣчія во всякомъ случаѣ ближайшаго къ Болгарской группѣ говоровъ ѫ передается не только черезъ *он*, *ом*, но и черезъ *ан*, *ам*, (galamb, pisztrang =пьстрѫгъ, Mikl. V. Gr. I, 46). Въ нынѣшнемъ Хорут. встрѣчается, впрочемъ какъ рѣдкость an (obrank=+обрѫкъ, т. е. обрѫчь) Mikl ib. 234. Тоже произношеніе юса большого, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, есть мѣстами въ Болгарскомъ. Въ Полаб. ѫ не только=ун, но и an: poiank=+паiѫкъ, granst=хрѫстъ, хрѫщь, Schl. I. c. 119. Это согласно со стар. Польскимъ. Встрѣчаются русскія транскрипціи Польскихъ словъ, какъ банде (bądzie, нынѣ będzie), воеводу Ланчицкого (Łączyca, нынѣ Łęczyca), воеводу Ланчисіенского (Lancziciensem), въ памятн. 1501—5, по спискамъ нач. XVI, Ак. З. Р. I, 224, 275, 277, *) подкрѣпляющія положительное свидѣтельство Статорія (1568 г.), что въ его время Поль. ą (=между прочимъ и ѫ—су) произносилось, какъ французское an (Maлec. Gr. 5). Само нынѣшнее начертаніе ą для ōн, какъ случай переживанья, подобный нашему упорному сохраненію еровъ, говоритъ о большей древности произношенія ān (ib). Въ памяти XV в., рядомъ съ ą и ąn для ѫ постоянно употребляется an, am (Statut. 1449: sand, samperz=сѫпьрь) Въ болѣе древнемъ Псалт. Марг. при ǫ=ѫ и ѧ, употребляемомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, есть и an=ѫ: za-

*) Произношеніе тогда уже колебалось, потому тамъ же и хцувцы (223), допущаюнчъ (224), вѣнцей (225) вм. ѧ=ан, іан.

mant, zamantek (Nehring, O Psałterzu Floriańskiem, Poznan, 1871. Словарь). Въ нынѣшнемъ Поль. литерат. осталось, лишь какъ архаизмъ, Sandomierz=Русс. Судомирь; но въ Опольскомъ говорѣ почти всякое ѫ, замѣнившееся въ Поль. литер. черезъ ą, произносится еще какъ an͡, am͡, съ явственнымъ a: 1) внутри словъ послѣ твердыхъ: kąs, rąka, gąba; 2) на концѣ, въ винит. ед. именъ сущ. и мѣстоимен. ж. р. (stroną, szyją, na ńą, swoją) и въ 1-мъ л. ед. наст. вр. (mogą, biją), Malinow. l. c.

Въ нынѣшнемъ Поль. литературномъ и ближайшихъ къ нему народныхъ говорахъ, имѣющихъ только двѣ носовыя гласныя ą (=on͡, om͡) и ę, качество чистаго гласнаго элемента этихъ звуковъ, неимѣя отношенія къ различію ѫ и ѧ, находится въ зависимости отъ такихъ условій, которыя немогли существовать въ древнее время.

Именно, ą внутри словъ относится къ ą приблизительно такъ, какъ Поль. é и ó къ e и o и какъ Мр. і (respect. уо, юо и пр.) къ е и о. Подобно тому какъ Поль. ó (изъ уо) обязано своимъ различіемъ съ o противопоставленію слоговъ среднихъ прямымъ, возникшему лишь въ силу постепеннаго ослабленія и наконецъ исчезновенія конечнаго глухаго звука (wuoł, wół—wo-łu); и различеніе ą и ę въ dąb—dę-ba немогло существовать при двусложности слова дѫбъ. Средній слогъ первоначально вызвалъ не качественное измѣненіе ą (=ѫ и ѧ), а лишь его долготу, какъ, противоположность краткости того же звука въ прямомъ слогѣ. На это есть указанія въ графическомъ удвоеніи носовой буквы: sǫǫd (Пс. Марг. Mał. Gr. 22), cielǫǫt (50-й Пс. по перг. листку Свидзинскаго, болѣе древнему, чѣмъ Пс. Марг. Nehring, l. c. 41). Изъ удлинненной нос. гласной ą возникло о черезъ посредство нѣкоего дифтонга, какъ Кашебское и Мазовецкое o̲ изъ долгаго a̲ и какъ ó (=у) изъ о черезъ уо. *) Въ этихъ случаяхъ Поль.-лит.

*) Ср. Латыш. õ (=o[a], [у]o[a]) изъ ан и Лит. ů (=у[a]) изъ ан, ам. Bielenstein, Lett. Sprache 170.

сходится съ Опольскимъ говоромъ: въ обоихъ dǫb, cielǫt. Носовой зв. въ прямомъ слогѣ сначала въ обоихъ оставался въ качественномъ отношеніи неизмѣннымъ, на что указываетъ и нынѣ Ополь. говоръ своимъ ą въ dąba, cielą; потомъ въ Поль. ослабѣлъ до ę. Отношенія эти въ дѣйствительности не такъ просты, какъ изображены здѣсь; усложненія ихъ отъ мало извѣстныхъ причинъ, между прочимъ отъ качества слѣдующихъ согласныхъ неуничтожаютъ однако намѣченныхъ выше очертаній явленія.

Еще очевиднѣе возникновеніе ǫ изъ долгаго звука тамъ, гдѣ произошло не образованіе одного средняго слога изъ двухъ прямыхъ, а стяженіе двухъ слоговъ въ одинъ прямой. Между тѣмъ какъ въ окончаніи вин. ед. жен., гдѣ въ Ополь. ą (swoją loską), въ Поль. стоитъ ę (swoję laskę); въ томъ же пад. при стяженіи и въ тв. ед. жен.—Поль. ǫ: mǫ, twǫ, swǫ, swojǫ laskǫ (изъ своѥѭ лѣськоѭ). Это между прочимъ заставляетъ меня держаться мнѣнія, отъ коего теперь отказался Миклошичъ, что въ Ст.-Слав. пам. твор. ед. ж. своѥѭ рѫкоѭ *древнѣе*, чѣмъ сходное съ вин. своѭ рѫкѫ (Ср. Mikl. Altslovenische Formenlehre in paradigm. Wien, 1874, XXXII, 10—13).

Итакъ, я думаю, было время въ Польскомъ (еще въ XV, нач. XVI), когда въ замѣнахъ и ѫ, и ѧ одинаково звучало *a*. Въ этомъ причина того, что въ древнѣйшихъ Поль. пам. оба юса изображаются однимъ знакомъ ϕ, а вѣроятно и того, что переписчикъ русск. перевода Судебника кор. Казимира, конечно полякъ, на мѣстѣ ѫ ставилъ одно ѧ: бѧдеть, приведѧгъ, сѧдъ= судъ (Вост. Разс. 10—11) Въ памятникахъ Цер.-Слав. Болгарскаго характера, восходящихъ до XI в., то оба юса замѣняются однимъ большимъ (ѫзыкъ и т. п.), то однимъ малымъ (пѧть вм. пѫть), то употребляются оба, но несогласно съ правиломъ, извлекаемымъ изъ сравненія яз. Остром. Еванг. и т. п. съ живыми нарѣчіями (Срезн. Пам. юс. письм. 155—6 et passim). Такое смѣшеніе юсовъ можетъ объясняться не только ихъ но-

совымъ характеромъ, какъ думалъ Востоковъ (Разс. 10), но и тождествомъ или великимъ сходствомъ ихъ гласнаго элемента, именно *а*. Если бы въ языкѣ писцовъ этихъ памятниковъ разстояніе гласныхъ элементовъ ѫ и ѧ было таково, какъ между *у* и *я*, *у* и *е*, *о* и *е*, то смѣшенія юсовъ можно бы ожидать лишь какъ относительно-рѣдкой, личной ошибки.

Въ чемъ же состояло различіе юсовъ до начала этого смѣшенія?

Нерѣшаясь предположить, что ѧ было всегда кратко, а ѫ всегда долго, я ограничиваюсь признаніемъ очевидной разницы, состоящей въ томъ что лишь первое изъ нихъ и змѣняло предшествующіе гортанные въ шипящіе. *Въ этомъ* отношеніи ѧ: ѫ=ь: ъ=е: о. Въ Польскомъ позднѣйшія дифференцированія чистаго гласнаго элемента носовыхъ покрыли ихъ древнѣйшее значеніе новымъ слоемъ, но неуничтожили того ихъ различія, въ силу коего лишь замѣны малаго юса измѣняютъ г въ rz, палатализируютъ л, б, п, м, в, з, с, такъ что напр. по различіямъ, въ родѣ pięłro—piątr и pęto, можно безошибочно возставлять древніе юсы. Согласно съ этимъ мы можемъ принять, что и въ древ. общеслав. языкѣ вліяніе ѧ простиралось не на одни гортанные, но и на всѣ согласные.

Строго говоря, звуковыя единицы подлежащія изслѣдованію въ *грѧсти—грѫзити* суть не ѧ, ѫ, а *рѧ*, *рѫ*. *) Разница состояла здѣсь первоначально лишь въ качествѣ согласной, именно небнаго *р* (отличнаго отъ сочетанія р·j) въ первомъ случаѣ и твердаго во второмъ. Палатализація предыдущей согласной лишь въ послѣдствіи, при раздѣленіи Слав. языка повліяла и на качественное измѣненіе гласной стихіи юса. Въ этомъ отношеніи Лит. im въ grimsti новѣе Слав *ан* въ грѧсти.

---

*) Въ другихъ случаяхъ мы разсматриваемъ палатализуемую согласную независимо отъ ея связей, напр. rz въ Поль. Kazimierz, Włodzimierz, т. е.—мирь=*мир* но въ смыслѣ прил. притяжательнаго, а въ томъ же значеніи, что и—миръ.

Грѧсти и grimsti будучи различны по гласной, аналогичны въ томъ отношеніи, что въ обоихъ первоначально *средствомъ ослабленія фор. корня была палатализація согласной*. Такая ослабленная форма противопоставлена основной въ *грѫз*-и-ти, gramz-d yti, занявшей мѣсто усиленія. *Грѫз*, по качеству чистой гласной стихіи (въ a͡м) равно, стало быть, не съ *о* въ *войти*, а съ болѣе древнею несохранящеюся въ памятникахъ формою, заключавшею въ себѣ *а*. Такимъ образомъ равенство нес: нос=грѧз: грѫз далеко не полное. Таковы же отношенія между *мѧсти* (Скр. мантh а то, 3 л. ед. н., болѣе древнее—матh-нâ-ти, мѣшаетъ жидкость, сбиваетъ масло) и *мѫтити* (между прочимъ—о пахтаньи масла), между *трѧсти* и *трѫсити*. *)

Принимая такой взглядъ на первоначальное различіе юсовъ, мы спрашиваемъ себя, какъ же различались они тогда, когда слѣдовали за j, какъ самостоятельнымъ согласнымъ звукомъ, напр. въ би-j-ѧ и би-j-ѫ, своѥ-j-ѧ и своѥ-j-ѫ, j-ѧзыкъ (Ст.-Поль.janzyk) и +паj-ѫкъ (Ст.-Поль. pajank), до-j-ѫду (Пс. Марг. odjǫd, dojǫd)? Слѣдуетъ предположить, что и здѣсь разница состояла въ свойствѣ предыдущей согласной, т. е. j, ибо и этотъ звукъ, различія коего, взятаго отдѣльно, трудноуловимы, видоизмѣняется, подвигаясь отъ передней части неба, ближайшей къ основанію зубовъ, по направленію къ задней. Различіе двухъ j сказывается

---

*) Маловѣроятно мнѣніе Гейтлера о происхожденіи *трѧс* отъ корня трам (Лит. trimti дрожать) черезъ desideratıvum (Fon. § 49, 1). Къ Лит. trim-ti относится Слав *треп-етъ* и Мр. *трем-т-і-ти*; ср. Лит. trémti, топать и Вр. *тропать*, id. Между тѣмъ со времени Боппа крѣпко стоитъ сближеніе *трѧс* съ Скр. *трас-а-ти*, *трас-ja-ти*, дрожать (черезъ +тра-н-с изъ +*трас-на* v. *трас-ну́*, робкій) съ Греч. τρέ(σ)ω и Лат. terr-eo (изъ тарс-ajâми).

ихъ вліяніемъ и въ случаяхъ, какъ кънязь и кънджь. Замѣчательно, что въ древнихъ Церк.-Слав. памятникахъ ни одно слово неначинается съ нейотированнаго ѧ.

Признавая первоначальное ѫ за ан, ам, предполагаю, что въ случаяхъ, гдѣ ѫ корня изъ у, уп подчинялось аналогіи съ большинствомъ случаевъ и перешло въ ан, ам. Такъ въ бѫдѫ (Ст.-Поль. bądą)—изъ bhу-н д-, а это изъ bhу-на д, bhу-д на, кор. bhŷ.

Подобнымъ образомъ тамъ, гдѣ сравненіе показываетъ въ корнѣ не *а*, а і, ѧ перешло къ своему звуку (ан, ам съ предъидущею небною) отъ *ін*, *им*. Такъ быть можетъ въ *сѧкнѫти* (Русск. *сякнуть*, собств. начинать течь, капать, оскудѣвать: «jako woda siąknie w ziemię, tak niszczeje ludzkie plemię», Kochan.). Въ Лит. начинательность выражена посредствомъ *н* въ темѣ наст. вр. senku. sekti, стекать, мельчать, сохнуть; въ Латыш. также (síku изъ s nku), а равно и посред. суф. t: sik stu, sikt id. Въ Скр. *сич* (изъ сик), *си*-н-ч-ати, окроплять, увлажать. Ср. безъ носовой въ корнѣ Вр. *сикну́ть*, налить и общеслав. *сьцати*, Лит. szikti, scheissen. Если въ основаніи *сѧк* лежитъ *сик*, то *сѧк* возникло изъ *синк* по образцу Франц. en=an изъ in. Тогда *сѫк* въ *сѫчити* могло бы произойти изъ *сѧк* лишь въ силу готовыхъ аналогій, какъ мѧг—мѫт. Это противорѣчіе правилу, что ѫ есть сочетаніе болѣе первообразное, чѣмъ ѧ, заставляетъ предположить, что сѧк—сѫк имѣютъ въ основаніи не *сик*, а *сак*, *санк*, впрочемъ сродное съ *сик*.

Здѣсь считаю умѣстнымъ слѣдующее замѣчаніе. Многіе, въ томъ числѣ и Гейтлеръ (Fon. § 52), досихъ поръ считаютъ загадочнымъ чередованіе въ корняхъ чистой гласной съ носовою (resp. съ *ин*, *ан* и т. п.), между прочимъ въ *сѧдѫ—спсти*, *лѧгѫ—лешти*, *обрѧштѫ—обрѣсти*. Нѣкоторые считаютъ эти носовые звуки усиленіемъ въ родѣ гуны. Я держусь того убѣжденія, что путь къ разрѣшенію этой загадки найденъ давно, именно, что указаніе на него заключено въ томъ взглядѣ Боппа на происхожденіе скр. глаголовъ 7 клас-

са, по которому *чhи-на-д-ми* (кор. скид) изъ *чhид-на-ми*, а *чhиндмас* (scindimus) изъ *чhинадмáс*, которое изъ *чhид-на-мас*. По этому пути успѣшно шолъ Кунъ (Zeitschr. f. V. Spr. II); сомнѣнія въ его вѣрности относительно объясненія ринезма именъ въ Греч. (Curt. Grundz.[2] 53—4) весьма слабы. Я немогу здѣсь приводить доказательствъ вѣрности этого пути и ограничусь нѣсколькими положеніями, открытіе коихъ въ общемъ приписываю вышеупомянутымъ ученымъ Боппу и Куну. Сравненіе глаголовъ съ носовымъ характеромъ внутри или внѣ корня въ скр. съ подобными глаголами въ Литов., Лат. и Слав. доказываетъ: а) что если не всѣ, то очень многіе глаголы въ этихъ языкахъ съ носовою согласною внутри корня на другую согласную произошли изъ глаголовъ съ носовымъ характеромъ специяльныхъ временъ, стоявшихъ внѣ корня; б) что этою способностью глаголовъ въ арійскихъ языкахъ внѣдрять глагольный характеръ *на* (и *ну*?), бывшій сначала наружнымъ, объяснима носовая согласная внутри корня множества именъ; в) что переходъ носоваго глагольнаго характера внутрь корня начавшись до раздѣленія обще Арійскаго яз., продолжался въ разныхъ языкахъ долгое время послѣ ихъ выдѣленія, такъ что напр. въ Литовско Латышскомъ можно насчитать болѣе 50 глаголовъ поглотившихъ этотъ характеръ уже послѣ образованія этихъ языковъ, такъ какъ въ Слав. этимъ глаголамъ нерѣдко соотвѣтствуютъ глаголы съ такимъ же характеромъ внѣ корня: литов. li-m-pu (неопр. lipti)=*липнѫ*. Замѣтимъ, что значеніе этого внутренняго характера въ Литов.-Латыш. и внѣшняго въ Слав. тоже: средній залогъ и начинательность. *Сяду* и *лягу* значили нѣкогда сажусь и ложусь. Есть случаи, гдѣ поглощеніе носового характера есть явленіе специяльно славянское.*)

Итакъ, повторяю, если глаголы съ ѧ и ѫ предполагаютъ чистое *а* въ корнѣ, то на ѫ мы можемъ

*) Есть изрѣдка и *н* внутри чисто-фонетическаго происхожденія, какъ въ Пол. między изъ międzу.

смотрѣть, какъ на видоизмѣненіе основнаго сочетанія *an*, *am*, а на *ѧ* —какъ на ослабленіе этого сочетанія, посредствомъ палатализаціи предыдущей согласной, и лишь затѣмъ—посредствомъ качественнаго измѣненія гласной стихіи юса.

---

4. *Позднѣйшія усиленія, по способу и времени возникновенія отличныя отъ вышеупомянутыхъ.* Усиленія эти мы раздѣлимъ на общеславянскія и спеціально русскія; послѣднія позднѣе первыхъ Назначеніе тѣхъ и другихъ—сопровождать значеніе большей длительности глаголовъ, или, если угодно, символически изображать эту большую длительность, вмѣстѣ съ присвоенными ей характерами. Всѣ имена, заключающія въ себѣ эти усиленія, несомнѣнно отглагольны, такъ что можно сказать, что этого рода усиленія никакой другой функціи кромѣ вышеупомянутой неимѣютъ.

Относительно наиболѣе первообразный разрядъ глаголовъ, въ коемъ впервые появляются разсматриваемыя здѣсь общеславянскія усиленія, есть разрядъ, имѣющій въ темѣ наст. врем. характеръ je=Скр. ja (4 кл. по счету индійскихъ грамматиковъ), а въ темѣ неопред. накл. —Слав. *а* и *я*: *наричеши*, *нарицати*. Отсюда глаголы, сохраняя тоже усиленіе корня, переходятъ въ другой разрядъ, тождественный съ первымъ по характеру 2-й темы, но въ темѣ настоящаго времени имѣющій характеромъ Слав *аѥ*: *нарицаѥши*. Обратнаго перехода допустить нельзя. Характеръ *aje* сближенъ Боппомъ (V. Gr. § 504, II) съ характеромъ X кл. *aja* (какъ и *и-ши*, *ѣѥ-ши*); но сравненіе *рыдаѭ*=Лит. raudoju=Скр. *рôдаjâми*, неговоря уже о различіи значеній (Скр. глаг. причинный, а Слав и Лит. нѣтъ), страдаетъ тѣмъ, что вовсе необъясняетъ происхожденія изъ основнаго *aja* трехъ славянскихъ характеровъ (*и-ши*, *ѣѥ-ши*, *аѥ-ши*) и нѣсколькихъ литовско-латышскихъ. Поэтому гораздо лучше, какъ уже отчасти думалъ и Шлейхеръ, видѣть характеръ *aja* только въ Слав. глаголахъ $\frac{и}{ѣ}$, $\frac{и}{и}$ и срав-

нивать $\frac{\text{ѣю}}{\text{ѣ}}$ и $\frac{\text{aie}}{\text{a}}$ лять съ Скр. отыменными на *âja*. Изъ этихъ послѣднихъ одни, спрягаемые по âтманêпадам, уже въ Санскритѣ имѣютъ значеніе совершенно сходное со слов. глаголами на *ѣѥ*, или весьма близко подходящее къ значенію послѣднихъ, именно: становиться тѣмъ, или такимъ, какъ то, что означено первообразнымъ именемъ, вести себя какъ то, что означено именемъ *) Другіе, частью âтманêп. (гр. мед.), частью парасмâјпадам (=греч. актив.), менѣе удобно опредѣлимые по значенію, подходятъ къ отыменнымъ слав. на *аѥ*; напр. *голодать*—испытывать голодъ къ Скр. *карун̂âја*, быть въ жалкомъ состояніи. Минуя трудный вопросъ о происхожденіи *âja*, мы можемъ сказать, что если первоначально этотъ характеръ и разложимъ на â, принадлежащее къ именной темѣ, или составляющее видоизмѣненіе ея окончанія, и на глагольный характеръ *ја* (Bopp. Krit. Gr. d. Sanscr. Spr. § 520); то въ Славянскомъ характеры *ѣѥ* и *аѥ* (и соотвѣтственные въ Лит. и Латыш.) уже представляются совершенно цѣльными и неразложимыми, при чемъ въ Славянскомъ передъ *аѥ* мы можемъ въ извѣстныхъ случаяхъ распознавать смягченія, принадлежащія именной темѣ: *кашляю*, *вечеряю*. Глаголы $\frac{\text{ѣю}}{\text{ѣ}}$, кромѣ очень немногихъ сомнительныхъ случаевъ, остались и въ Славянскомъ отыменными; въ разрядѣ $\frac{\text{aie}}{\text{a}}$ есть отыменные, но большинство, между прочимъ всѣ тѣ, въ коихъ есть позднѣйшія усиленія, отглагольны; лишь вслѣдствіе этой отглагольности эти глаголы означаютъ большую степень длительности.

Вслѣдствіе тѣсной связи и сходства глаг. $\frac{\text{je}}{\text{a}}$ и $\frac{\text{ai}}{\text{a}}$ мы небудемъ здѣсь дѣлать между ними различія, приводя тѣ и другіе въ ихъ общей формѣ, а частью говоря только объ $\frac{\text{aie}}{\text{a}}$.

---

*) «Въ комъ (чьемъ тѣлѣ) разскрывается (какъ открывается глазъ, или распускается цвѣтокъ) добродѣтель дражайшая всего міра, тому огонь *становится водою* (*джалâјатê* воденѣетъ т. е. не жжетъ, а прохлаждаетъ), Меру (гора) становится малымъ камышкомъ (свалпаçилâјатê), царь звѣрей

При образованіи этихъ глаголовъ отъ тѣхъ, которые принимаются по отношенію къ нимъ за первообразные, между прочимъ отъ ᵸᵹ, остаются неизмѣнными въ качественномъ отношеніи коренныя гласныя: *а*, *и*, *у*, *ю*, *ы*, *ѧ*, *ж*, за нѣкоторыми, быть можетъ, мнимыми исключеніями *ѣ*, и за нѣкоторыми же исключеніями *ъ* и *ь* въ корняхъ состоящихъ болѣе чѣмъ изъ двухъ согласныхъ съ конечною нѣмою: *мьрк-не-*, *смеркаться* и т. п. Можно думать, что отсутствіе качественныхъ измѣненій замѣнялось количественными, но заключенія объ этомъ отъ нынѣшнихъ Слав. нарѣчій къ общеславянскому языку по меньшей мѣрѣ трудны. Качественно измѣняются при этомъ только гласныя *ъ*, *ь*, *е* и *о*, которыя мы разсмотримъ порознь.

1) А. *ъ* усиляется въ ы: *дъм*(е ши)- *дыма-*; *съп* (ср. Серб. засути, *заспем*=*съпѫ* и Русск. *сып* въ случаяхъ какъ *приспа*, *Пересопница* и др.) *сыпа-*; *гъб* (гънѫти)- *гыба*; *дъх*-нѫ *дыха-*; *сък*-нѫ- *сыха*, *мък*-нѫти- *мыка* (*замыкать*, claudere и *умыкать*, *умычка*; для г. Южакова (Знаніе 1873 г. I) замѣчу, что это послѣднее слово съ корнемъ *мук* неимѣетъ прямой этимологической связи съ *мѫка*, кор. *ман*, по другимъ *мак*); *тъкнѫ*- *тыка*; *пъхнѫ*- *пыха* (Поль. odpychać и пр. между тѣмъ какъ Русск. *пиха*- предполагаетъ *пьх-*); *лъг*(а) *лыга* (прилыгать),*) *зъв*(а) *зыва*, *съл*(а)- *сыла*, *съп* (съпиши) *сыпа-*. Что *смыкатися*, serpere относится какъ усиленіе къ *мъкнѫти* и должно бы писаться *съмыкати* (Mikl V. Gr. 1, 144), это ошибка, которую Миклошичъ поправилъ отнесши *смык* въ своемъ

(левъ) мгновенно становится антилопою (курангâјатê, т. е. становится кроткимъ), змѣя принимаетъ свойства вѣнка (малјагунâјатê), ядовитый сокъ становится дождемъ амвросіи (пијушаваршâјатê)». Бhартриhари, Benf. Chrest. 165. Ср. также отъ прилагательныхъ *нилâјате*, чернѣетъ, синѣетъ и пр.

*) Облигати (Mikl. V. Gr. 1, 139) могло появиться только подъ вліяніемъ нарѣчій, потерявшихъ различіе между ы и *и*. Тоже поглитати при глът (ib.).

словарѣ къ одному корню съ Лит. smunku, smukti, скользить (iszsmukti—wysmyknąć się). Изъ этого однако еще неслѣдуетъ, чтобы мы должны были отказаться отъ взгляда на *ы* въ *смыка*, какъ на усиленіе *ъ*. Правда, и *смыкнуть*, smyknąć имѣетъ уже *ы*, но мы должны обратить вниманіе на то, что глаголы на *нж* многократно подновлялись, что нерѣдко они являются не первообразными по отношенію къ $^{\text{ие}}_{\text{а}}$, а производными, напр. *дыхнуть* отъ *дыхать*, между тѣмъ какъ послѣднее отъ *дъхнути*. Точно такъ мы должны предположить общеслав. глаг. *смъкнж* (въ коемъ *ъ* изъ *у*) и уже отсюда—*смыка*, отъ коего въ свою очередь *смыкну*. Предположеніе основано не только на аналогіи, что было бы недостаточно, но и на Хорут. presmeknoti, pertransire (Mikl. Lex. смыкати; е=ъ) и Вр. (Новг. Пск. Тв.) *смонуть* (съ опущеніемъ гортанной, какъ въ *двинуть*), шаркать ногами по полу, чесать напр. тѣло (*-ся*, париться въ банѣ вѣниками), счищать пальцами или ладонью. Такой глаголъ *смъкнж* и по несовершенности, и по начинательности=Лит. smunku.

Такъ какъ я непризнаю гласности *р*, *л*, то немогу согласиться съ Миклошичемъ, чтобы слѣдовало отдѣлять случаи усиленія *ъ* въ *ы* (*зывати*) отъ случаевъ усиленія «гласныхъ *л*, *р* въ *ыл*, *ыр*, *ры* *сълати*—*сылати*, *нрѣти*—*понырати*, *бръснжти обрысати*» (V. Gr. 1, 142). Это случаи совершенно тождественные съ *зыва-*. О *понырати*, а равно и о Мр. *порин'ти* (перестановка вм. *понырати*), откуда *пуринати* (и по ошибочному предположенію, что корень *пур-*,—*пурнути*, *пірнути*), *виринати*, Вр. *нырять*, котораго неслѣдуетъ смѣшивать съ Польскимъ nurzać się (послѣднее и въ Русск. было бы *нуряться*), замѣчу: форма усиленія *ныр*, подтверждаемая Врусскою, свидѣтельствуетъ, что *нрж* предполагаетъ не *нърж*, какъ это нужно Гейтлеру, чтобы доказать, что Литов. форма nerù nérti предполагается славянскою, въ коей изъ *е*—*ь* (Fon. § 68, стр. 44), а *нърж*, въ коемъ *ъ* изъ *у*, какъ видно изъ усиленія *нурити* (Поль., Русск.). Вмѣстѣ съ тѣмъ

попирати, встрѣчающееся только въ памятникахъ или позднѣйшихъ Сербскихъ, или довольно древнихъ, но южныхъ (Лавр. Опис. 32), должно быть признано позднѣйшимъ. Такимъ образомъ и Врусс. *пырать*, *пырять*, втыкать, вонзать, предполагаетъ не *пърж*, что было бы полезно для большей близости къ Лит. spiru, spirti (и Гейтлеру Fon. p. 43 изъ sperti), которое значитъ и топать ногами, брыкать, а *пърж*. *Брысати* есть случай рѣдкій, выходящій изъ подъ правила, что *ъ*, *ь*, стоящіе въ корняхъ болѣе чѣмъ изъ 2-хъ согласныхъ, при образованіи глаголовъ *а-ти* остаются неизмѣнными. Тоже и о *лобызати* при *лобъзати*. Наоборотъ, есть случаи, когда ъ въ корнѣ изъ 2 хъ согласныхъ остается здѣсь неизмѣннымъ. Сюда, кажется, Мр. «коровай *бгати*», если изъ *гъбати*, на что указываютъ выраженія: Серб. «*гибати* гибаницу» (родъ пирога) и Врусск. «*загибать* пирогъ, обл. Вр. *сгибень*, *загибень*, *загибѣня*, пирогъ, потому что раскатанное тѣсто загибается на начинку.

Мнѣ кажется очевиднымъ, что способъ образованія этого усиленія состоитъ въ появленіи *послѣ* усиляемаго ъ звука *и*. Это появленіе могло быть вызвано потребностью удлинить ъ, о которомъ, если неошибаюсь, общее мнѣніе таково, что этотъ звукъ кратокъ и неспособенъ удвоиться, неизмѣнившись при этомъ качественно. Съ этимъ *ы* отъ ъ, какъ и съ ниже разсматриваемымъ *и* отъ ь, считаю аналогичными нестолько тѣ случаи, когда *ы* происходитъ изъ ъ+*и*, данныхъ при сложеніи или совмѣстномъ произношеніи словъ (добрыи=добръjи, видѣхомъ-и=видѣхомъ jи), и нестолько случаи постйотаціи основнаго *о*, *е* въ Малорусскихъ говорахъ, еще замѣтной мѣстами (вуил) и давшей въ результатѣ Вост. Мр. *і* изъ *о*, *е*, сколько слѣдующій случай. Характеръ наиболѣе поздняго, по времени образованія, разряда глаголовъ *ыва* возникъ непосредственно изъ *ова* (*ива* изъ *ева*), при томъ сначала—во 2 й темѣ, какъ показываютъ глаголы, какъ Сербск. *потписивати*—*потписујем*, Поль. podpisywać—podpisuję (формула уje/ыва), а по-

томъ, отъ второй темы, и въ первой, какъ въ Вр. гл. на *ываешь, ывать* (*иваешь—ивать*), Поль. ywasz, ywać (iwać). Образованіе этого глагольнаго характера, кажется, несовмѣстимо съ мнѣніемъ, будьто исторія звуковъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшихъ нарѣчіяхъ, есть только изложеніе механическихъ послѣдствій стремленія къ возможно-меньшей тратѣ силъ на произношеніе. Тутъ невидно ничего механическаго, а напротивъ замѣтно стремленіе разграничить въ разрядѣ $\frac{уе}{ова}$, $\frac{юе}{ева}$ глаголы отглагольные, отличные отъ своихъ первообразныхъ по степени длительности, переходящіе въ Вр. въ $\frac{ываю}{ыва}$, $\frac{иваю}{ива}$, отъ глаголовъ отыменныхъ, которые въ большинствѣ Врусс. говоровъ одни остаются при прежнемъ характерѣ. Въ Мр. классъ *ова*, *ева* обнимаетъ еще оба рода глаголовъ. Для образованія *ыва*, *ива* употреблено нѣсколькими нарѣчіями тоже средство, что и для усиленія ъ, ь въ ы, и въ корнѣ, то есть постпозиція *и*.

В. ь усиляется въ *и*: *жьв*(ж'—*жива* (жевать), *жьдж—жида-*, *зьд-а—зида*, *льп* (льнуть)- *липа*, *мьгнж—мига-*, *ньз-ж—низа-*, *чьтж—чита-*, *жьмж—жима-*, *жьнж—жина-*, *чьнж—чина-*, *мьнж—мина-*, *пьнж—пина-*, *тьнж—тина-*, *кльнж* (3 согл. въ кор.)—*клина*; на этомъ основаніи *има-* предполагаетъ јьмж, вмѣсто коего евфонически *имж*.

Какъ выше мы неотдѣляли случаевъ *сыла-* отъ *зыва* и т. п., такъ и здѣсь считаемъ тождественными случаи какъ *жида-*, съ такими какъ *мира*. Формы усиленій *мира-*, *вира* (claudere), *стира-*, *тира-* предполагаютъ общеслав. формы *мьрж*, *вьрж*, *пьрж*, *стьрж*, *тьрж*, которыя стояли бы прочно, даже если бы и вовсе неподтверждались Стар.-слав. памятниками. Я считалъ бы ошибочнымъ производить *и въ мира* отъ 1-го *е* въ *мереть*, или отъ звука предполагаемаго еремъ въ *мьрж*. *Измилати* предполагаетъ не *мел-* въ *мелж*, а *мьл-*, взятое изъ одной изъ тѣхъ формъ, въ коихъ Польскій языкъ указываетъ на присутствіе глухого звукa

ка: mioł, mełła.—*дира-*, *пира-*, *бира-*, *стила-* имѣютъ основаніемъ не ту форму корня, которая въ настоящемъ *держ*, *перж*, *берж*, *стелж*, а ту, которую мы должны предположить въ неопредѣленномъ *дър*-а-ти, *пър* а-ти, *стъл*-а-ти; по моему мнѣнію въ этихъ глаголахъ *ора-*, *пра-*, *бра-* не—суть какія-либо видоизмѣненія корня (по Микл. усиленія V. Gr. I, 144), а корни *дър* и пр. съ глагольнымъ характеромъ *а*, какъ въ *жъдати*. *Зира*, *мила-* предполагаютъ *зър-ѣ-ти*—зьр-и-ши, *мън-ѣти-*, *мън-и-ши*. Мнѣніе Гейтлера, что *дира-*, *бира-*, *пира-*, *стила-*, *мила-* возникли посредствомъ ослабленія *ѣ* (происшед. изъ *е*) въ *и*, стало быть изъ *бѣра-*, какъ *нарица-* изъ *нарѣца* при *рек*, Fon. § 90), считаю ошибочнымъ.

Въ Малорусскомъ (т. е. въ большинствѣ говоровъ) мы ожидаемъ здѣсь встрѣтить на мѣстѣ общеславянскаго *и*—среднее *и*; но рядомъ съ этимъ звукомъ (*визирати*, *простилати* и пр.) и въ говорахъ (восточ.), и на письмѣ, въ дѣйствительности встрѣчаемъ и острое *і*: *вибірає*, Метл. 101, *збірай*, Ном. посл. 110, *вміраютъ*. Ном. 140, *підпірай*, Метл. 127. и пр. Кажется, что это неесть неточность выговора, или вліяніе общелитературнаго языка, а діалектическое подновленіе усиленія *и*, соотвѣтствующее Польскому *ie* изъ *i* въ zbierać, wywierać и Слов. ie въ sbierat', postielat', umierat', natierat'.

О происхожденіи усиленія *и* изъ постйотаціи *ь*, аналогично съ *и* изъ *е* въ Вр. *нашиватъ* изъ *нашевати*, было уже упомянуто выше.

В. *е* усиляется въ *ѣ*: *рек-* *рѣка*, *греб-* *грѣба* и пр. (Mikl. V. Gr. I, 134). *Ѣ* въ *лѣта-* изъ *лет* находилось въ этомъ глаголѣ еще тогда, когда онъ принадлежалъ не къ разряду $\overset{aie}{a}$, а къ $\overset{je}{a}$ (какъ въ Серб. *лијеђем*, *лијетати*). Усиленіе *е* въ *ѣ* общеславянское. Исключеніемъ служитъ Нов.-Болг., гдѣ *е* происшедшее изъ *ѧ* (редѫ, стегнѫ, впрегнѫ, клечѫ), наравнѣ съ *е* основнымъ (лежѫ), усиляется въ *ѣ=я*: наряждам, стягам, впрягам, клякам, М. Дриковъ въ Період. спис.

на Бълг. Книж. Друж. I кн. 9—10, 74. Оно сохранилось въ Мр., гдѣ въ большинствѣ говоровъ *і* изъ *ѣ*: *загніта-*, *вигріба-*, *вискріба-*, *застіба-*, (застебнути), *заміта-*, *запліта-*, *витіка-* (—«погікають слізки»), *наріка-*, *тіпа* (конопли ср. *тепсти*), *літа-*. Что это не- есть видоизмѣненіе *и*, а *і* изъ *ѣ*, указываютъ Сѣверо-Запад. Мр. формы какъ *утєкати*. Вост. Мр. *лягати* вм ожидаемаго *лігати*, которое тоже встрѣчается на югозападѣ, неправильно образовано не отъ *лег*, а отъ *лѧг=ляг* (*лягти*, ляжу). Въ Врусскихъ говорахъ, на которыхъ въ этомъ случаѣ основано правописаніе литературнаго языка (летать, погребать, налегать, заметать, припекать, заплетать, протекать и пр.), разсматриваемое усиленіе незамѣтно потому, что Юзр. говоры, вслѣдствіе неударяемости коренной гласной въ этихъ глаголахъ, лишены средствъ различать *е* и *ѣ*, какъ различаются эти звуки въ *вёзъ*, *нёсъ* и *лѣзъ*, *пѣлъ*. Что формы *лѣтати* и пр. предполагаются и Врусскимъ, это видно кромѣ общихъ соображеній о древности этого усиленія, еще изъ того, что въ Вр. говорахъ сохранилось *а* изъ *ѣ* послѣ шипящей въ *жагать* (Пск. Твер. и др.), жалить, колоть=Ст.-слав. и др. Русск. *жагати*, *всесъжагаемыи*, *съжагаеть*, Кир. Тур., Калайд. пам. 113 (вм. жѣг, предполагающаго жег, между тѣмъ какъ *жизати* и Вр. *жигать* можетъ быть прямо изъ *ь* въ *жьгѫ*). Принимая, что *жаг* вм. *жѣг* изъ *жег*, я тѣмъ самымъ расхожусь съ тѣмъ объясненіемъ, по которому *жѣг* изъ *гѣг*, а это изъ *гаг*, а отъ *жѣг—жиг* (Geitl. Fon. § 78).

Что касается до другой формы усиленія тогоже *е*, именно *и* (*погрибати*, *заплитати*, *нарицати*, *истицати*- истичѫ), извѣстной по Ст.-Слав. памятникамъ, то изъ того, что она совершенно равносильна съ *ѣ* (погрѣбати) еще неслѣдуетъ, чтобы въ ней *и* предполагало *ѣ*: какъ *и*, такъ и *ѣ* могли возникнуть независимо другъ отъ друга въ разныхъ говорахъ для одной и тойже цѣли Форма съ *и* передъ твердою согласною (*заплитати*), сколько извѣстно, не оставила слѣдовъ

въ Русскомъ языкѣ. Что до формы *нарицати*, то *и* здѣсь могло быть и въ Русс., и исчезнуть вмѣстѣ съ этою формою глаголовъ, состоящею въ смягченіи конечныхъ гортанныхъ корня *г*, *к*, *х* въ *з*, *ц*, *с* передъ характеромъ 2 й темы *а=я*.

Г. Въ старинныхъ памятникахъ встрѣчается явленіе, котораго я немогу иначе назвать, какъ усиленіемъ *ѣ*, принятаго за основное, въ *и*, равносильнымъ съ усиленіемъ *е* въ *ѣ*: отъ *смѣх*- *насмисаються* Лавр. 75, *посмихаяся* ib. 84, *насмисаніе*, Кир. Тур. Калайд. памят. 122. Въ извѣстномъ по Ст.-слав. памятникамъ *процвитати* (процвитають, Кир. Тур. ib. 22) *и* можетъ быть усиленіемъ не только ь въ *цвьтѫ*, но *и ѣ* въ *цвѣсти—цвѣтѫ*. Ср. *ривати* (народъ риваахѫ другъ друга, къто прѣвоіе прикоснетъ сѧ къ нему, Supr. 13, 28)—не отъ ринѫти, а отъ *рѣяти*, толкать. Нѣсколько относящихся сюда примѣровъ въ Нов. Болг.: *излúзам* (отъ лѣз, между тѣмъ какъ *излáзнам* отъ *лаз*), *обличнам* (отъ *влѣк*, а *облачнам* отъ *влак*), *намúрам* (отъ мѣр), *отсúчнам* (отъ сѣк), *засмивам* (отъ *смѣ*). Тамъ же есть и *и* изъ основ. *е*: *препúчнам*, *заплитам*,—*тичнам* (curro), *измúтам* при *измѣтам*,—*лѣтам*.

О происхожденіи *ѣ* изъ *е* Миклошичъ такого мнѣнія: «что *лѣтати*, *вѣсити*, изъ *лет*, *вис*, стоятъ вм. *леатати*, *виасити*, это, по видимому, недолжно бы казаться сомнительнымъ тому, кто вспомнитъ о сродствѣ *ѣ* съ *еа*, *иа*, *іа*, доказанномъ многими явленіями; такъ и *мѣнити* изъ *мѣн* стоитъ вм. *мьанити*, *мянити*. Конечно, въ пользу Шафарика, по которому *мѣна*, *вѣра*, *хлѣбъ*—изъ *маина*, *ваира*, *хлаиб*, говорить *цѣсарь* изъ χάισαρ и вообще *ѣ* вм. Греч. αι, далѣе—возникновеніе повелительнаго *плетѣте* изъ *плетеите* и Ново-словенское *ej* и *aj* вм. *ѣ*: rejč se v tejlo oblejkla, zrajzan (срѣзанъ); но противъ него—тѣсная связь между *ѣ* и *іа*, подтверждаемая отдѣльными явленіями въ Ново-слов. seadba (сѣтьба), casar (цѣсарь) poveadal (повѣдалъ)» (V. Gr. I, 147—8).

Изъ вышеизложеннаго видно, что я, согласно съ Шлейхеромъ (Comp. § 83, 2), несчитаю возможнымъ прилагать одну и туже мѣрку къ явленіямъ, которыя признаю разновременными, именно: съ одной стороны—къ древнѣйшему *вѣсити*, *мѣнити* (не изъ *мьн*, а изъ потеряннаго *мин*, или *мйн*, которое есть видоизмѣненіе древнѣйшаго *ман* и не должно быть смѣшиваемо съ *и* изъ ь въ поминати), гдѣ *ѣ* есть гуна *и*, какъ и *ѣ* въ повел. плетѣте—прямо изъ *аи*, а не изъ *еи*; съ другой—къ болѣе новому *мѣтати*, гдѣ *ѣ* предполагаетъ слав. *е*. Сродство *ѣ* съ *іа*, тутъ ничего незначитъ: *іа*, *еа* возникло изъ *ѣ* на почвѣ отдѣльныхъ Славянскихъ нарѣчій, исключая тотъ случай, когда уже въ древнѣйшихъ Ст.-слав. памятникахъ стоитъ *а* вм. *ѣ* послѣ шипящихъ и j (пишате, жагати, биꙗте). *еj* вм. *ѣ* есть тоже относительно позднее явленіе, несмотря на то, что кажется болѣе близкимъ къ *аі*, откуда *ѣ*, чѣмъ къ *ѣ*=ê, подобно тому какъ Чеш. au, ou (tour) есть спеціально-чешскій звукъ изъ болѣе древняго *у* (и), хотя это послѣднее во многихъ (Гейтлеръ—во всѣхъ) случаяхъ возникo изъ *ау*.

Для объясненія происхожденія позднѣйшаго *ѣ* изъ *е* имѣется два пути. Во-первыхъ, можно строго держаться Шлейхерова выраженія, что это «*ѣ* есть удлинненіе е» (l. c.), что стало быть *мѣтати*—изъ *меетати*, при чемъ можно бы сослаться опять-таки на предположеніе, что *нѣсмь*—изъ *неꙗсмь* посредствомъ опущенія j, мѣшавшаго сліянію двухъ *е*. Во-вторыхъ, можно взять за образецъ Греч. εἰμί вм. ἐσμί, указываемое тамъ же Шлейхеромъ, т. е. принять: а) что аористы *нѣсъ*, *вѣсв* (Mikl. Vergl. Gr. II § 118, 130, 140, 142, 146) возникли изъ *нес-съ*, *вес съ* (а это изъ *вед-съ*), такъ что *с* вокализировалось въ *е* (или опущеніе *е* было вознаграждено удлинненіемъ предыдущаго *е*), а изъ *ее* возникло *еи*, затѣмъ—*ѣ*; подобно этому, въ аористахъ *цвисъ*, *чисъ* (ib.), если они отъ *цвьт*, *чьт*, *и* возникло изъ *ьи*; б) что въ *мѣтати ѣ* тоже изъ *еи*, въ коемъ *и* возникло уже не какъ замѣна согласной, нетерпимой передъ другою подобною, какъ

въ *вѣсв*, а какъ слѣдствіе стремленія къ удлиненію *е*. Такимъ образомъ средство усиленія *е* было бы здѣсь тоже самое, что въ усиленіи *в*, *ь* въ *ѣ*, *и*. Принимая это, можно бы допустить и то, что *ѣ* въ *нѣсмь* можетъ быть вовсе не прямо изъ *не-есмь*, а изъ *не исмь* (съ превращеніемъ *je* въ *iесмь* не въ j, какъ въ nejsem, а въ *и*). Какъ при этомъ было бы объяснить параллельныя формы *заплѣтати* и *заплитати*? Что *и* можетъ возникнуть изъ *еи*, это видно изъ частицы *ни*=Лит. nеу, а почему изъ *еи* невышло во всѣхъ случаяхъ чего-нибудь одного, т. е. или *ѣ*, или *и*, такъ на это можно отвѣтить, предположивши причиною тоническую разницу въ дифтонгѣ *еи*: перевѣсъ перваго элемента даетъ *ѣ*, перевѣсъ втораго — *и*. Если дѣйствительно никогда не встрѣчается *тѣцати*, *рѣцати* (Mikl. V. Gr. I 135), а всегда — *тица-*, *рица*, и если, на оборотъ, всегда *тѣка-*, *рѣка-*; то готово заключеніе, что въ *тицати* (изъ +теицати) перевѣсъ элементу *и* дается мягкостью слѣдующей согласной. Постйотаціей можно бы объяснить и *и* изъ *ѣ* въ насмисатися: *ѣй*=*и*, отчасти сходно съ тѣмъ, какъ въ Польск. *ѣ* удерживается при звукѣ *ie* небностью слѣдующей согласной. Въ третьихъ, допустить, что *ѣ* изъ *е* и *и* изъ *ѣ* возникли въ силу предйотаціи *е* и *ѣ*, мѣшаетъ какъ аналогія съ *ѣ* изъ *в* (посредствомъ *ѣи*), такъ и то, что j+е даетъ въ историческое время только *ie*, а j+ѣ даетъ только *ia*: ср. дрѣмляте (мля=мjѣ) съ мѣтати.

Д. *о*—*а*. Оставляя покамѣсть вопросомъ, можно ли и здѣсь говорить объ усиленіи *о* (принятаго за основной звукъ) въ *а*, замѣчу объ отношеніяхъ *бости-*, *пробадати* слѣдующее. Перечисленіе глаголовъ какъ *бадати* у Гейтлера (Fon. § 90) для насъ вновь свидѣтельствуетъ, что только обращая вниманіе на функціи усиленій и на качество формъ, въ коихъ они встрѣчаются, можно уберечься отъ смѣшенія разновременнаго и разнохарактернаго. Тамъ при *гони-*, *изганя-* стоятъ: *водити* и (не *важдати*, какъ бы слѣдовало), а *въвадити*, *полити* и (не *палати*, а) *опалити*. Между тѣмъ *вадити*

и *палити*, о которыхъ нами уже упомянуто выше, принадлежатъ къ другому, болѣе древнему порядку, чѣмъ *заняти*. Усиленія послѣдняго рода никогда неизмѣняютъ залога первообразнаго глагола, что однако имѣлобы мѣсто если бы *палити* точно относилось къ *полѣти*, какъ къ своему первообразному. *Стаяти* выставлено у Гейтлера, какъ усиленіе отъ *стояти*, между тѣмъ какъ *станяти—стаješи* (Русск. *ставáть*, *стаéшь*), становиться, произведено вовсе не отъ *стоjати*, а отъ *стати—станѫ*. Кстати замѣтить, что только упуская тѣсную связь, существующую между *ста-j-ати*, *ста-j-еши*, *да-j-ати*, *да-j-еши* и *ста-в-ати*, *стаješи*, *да-в-ати*, *даješи*, можно вмѣстѣ съ Гейтлеромъ (§ 92, 1) невидѣть истины давнишняго мнѣнія, что *в* въ неопред. 2-хъ послѣднихъ глаголовъ есть такая же эвфоническая вставка, какъ j въ первыхъ: ср. *мáјати* и *помавáти*, *бáјати* и *обавáти*, *дѣјати* и *сдѣвáти*, *грѣјати* и *съгрѣвáти*. Гейтлеръ дѣлаетъ открытіе, что *давати* не отъ *да*, а отъ *ду*, на томъ основаніи, что въ Литовскомъ *да* перешло въ разрядъ корней на *у*; но въ Литовскомъ уже первообразный глаголъ есть dûmi, dûti и имена, какъ dûtis, имѣютъ уже û; между тѣмъ въ Славянскомъ глаголѣ *дамь—дати* и существит. *-да-ть* (*пóдать*) стоитъ *а*. Точно такъ и *ставити* есть причинный глаголъ при *стати* и *сто-ја-ти*, и предполагаетъ форму корня не *сту*, а *ста*. Для доказательства, что *ставити* отъ *сту*- Гейтлеру нуженъ литов. глаголъ stowêti; но функція послѣдняго въ Слав. исполняется глаголомъ *стоjати*, въ коемъ никакъ неможетъ быть усмотрѣнъ корень *сту*. *Ставити* относительно *в* образовано одинаково со *ставъ*, а это какъ *зѣ-въ*, *дѣ-въ* (odziew).

Имѣя въ виду одинъ современный литературный Русскій языкъ и Ю. Вр. говоры, можно бы думать, что если встрѣчаются при формахъ съ усиленіемъ *а* (*кланяться*, *тачать* (сапоги), *скакать*, *полагать*, *догарать* и др.) формы съ *о* (*ломать*, *выростать*, *помогать*, *замокать* и пр.), то это происходитъ лишь отъ

смѣшенія неударяемаго *о* съ *а*; но при болѣе обширномъ кругозорѣ оказывается, что стремленіе обходиться въ этомъ случаѣ безъ усиленія независитъ отъ упомянутой фонетической причины, что оно существуетъ издавна и въ разныхъ нарѣчіяхъ. Уже въ Стар. Русск. памятникахъ при правильныхъ усиленіяхъ (праштати Ип. 37 въпрашаніе, въпраша, Впраш. Кюрик. Калайд. пам. 181, прашахъ, прашавъ ib. и Русск. Правд. Син. Русск. дост. 34 (спрашивать); *одолати*, Лавр. 93, Кир. Тур. Калайд. Пам. 46; *пробадаться* Кир. Тур. ib. 113; *изнемагаю* ib. 30, *помагати*, Лавр. 93, Русс. Пр. дост. I 30 и др.), находимъ *прошали*, Новг. I, 62 *помогаеть*. Ип. 37, *помогати*, Русск. Прав. дост. I 29 и др. Въ вост. Малорусс. усиленія: *помагати*, *доганяти*, «*полагані* копиці» (покладены), *ламати*, *хапати*, *скакати*, *плавати* скорѣе составляютъ архаизмъ, чѣмъ правило, въ виду: *виростати*, *утопати*, *відробляти*, *прохати*, *виношати*, *похожати*, *підклоняти*, *умочати* и мн. др. Въ Запад. Мр. и въ Галиц. встрѣчаемъ однако *проважала*, Метл. 180, *выпроважала*, Костом. въ Сб. Морд. 181, *канати* Костом. ib. 212, *порастає*, Голов., *утапати* Осадца, *пращай* (Въ Сборн. 1076 праштай, Бусл. Хр. 292). Ср. также въ Серб. *вóдати*, *вогати*, *гонати*, *затворати* и др. съ *о*, а не съ *а*.

Такъ какъ вышеразсмотрѣнныя усиленія *и*, *ы*, *ѣ* предполагаютъ уже славянскіе гласные *ь*, *ъ*, *е*, то мы наклонны бы были думать съ Миклошичемъ, что и *а* въ *кланя*- и пр. возникло изъ *о*, равно какъ *а* въ аор. *пробасъ* (бод)—результатъ усиленія *о* (Mikl. V. Gr. 1, 137). Это усиленіе, однако, врядъ ли было простымъ удлинненіемъ, такъ какъ трудно понять, какъ изъ двухъ *о* можетъ выйти *а*? Развѣ предположить общеславянскій дифтонгъ оа (изъ *о*), въ которомъ второй элементъ поглотилъ потомъ первый?

Другое мнѣніе состоитъ въ томъ, что здѣсь (*доганяти*) «дославянское *ă* усиляется въ *ā*» (Geitl. Fon. § 90). Къ этому Гейтлеръ прибавляетъ: «очевидно, что не всякое *о—а* указываетъ на дославянское ă—ā, и что

нѣкоторыя усиленныя формы (stupňované tvary) возникли лишь по аналогіи съ вышеприведенными» (какъ *гонити—ганяти*). Три изъ 4-хъ приводимыхъ имъ примѣровъ ведутъ къ заключенію, что къ позднѣйшимъ, образованнымъ уже изъ *о* (а не *ă*) по аналогіи, относятся тѣ случаи, въ коихъ усиляется второй гласный звукъ *о*: *повъторити— повътаряти*, *свободити — свобаждати*, *гонозити—гонажати*; 4-й приводимый имъ примѣръ *двоити—раздваяти* совершенно однороденъ съ *ганяти*, но его можно замѣнить отношеніемъ *говорити* къ Серб. *одговарати*.

Относительно этого мнѣнія замѣчу слѣдующее: формы какъ *ганяти* и т. п. по всему составляютъ такую же особенность Слав. языка относительно формы усиленія корня, какъ *дымати*,—*чинати*,—*мѣтати*. Лит. глаголы приблизительно соотвѣтствующіе Славянскимъ -*нашати*, *важати—важдати*, или вовсе неимѣютъ усиленія (nesziotі), или имѣютъ только *а*=Славянск. *о*, а не *о*=Слав. *а*: wadžioti, wažioti. Что же до Литов. noszczioja, поговариваютъ, разсказываютъ (neszti), то оно по строенію составляетъ особенность Литовскаго языка. Согласно съ этимъ, даже допуская, что Слав. о—а возникло изъ ă – ā, нельзя было бы назвать этой послѣдней пары звуковъ *до*славянскою, а напротивъ нужно бы счесть ее принадлежностью общеславянскаго языка и принять, что въ то время, когда по выдѣленіи Слав. языка въ немъ уже были звуки *е*, *ъ*, *ь*, (*метж*, *чьнж*, *дьмж*), на мѣстѣ *о* въ *гонити* стояло еще *а*.

2) Перечисленіе случаевъ позднѣйшаго усиленія въ глаголахъ закончу указаніемъ на спеціально Русскіе.

Бо́льшая часть Врусскихъ говоровъ и Русск. литературный языкъ нашего времени распространяютъ усиленіе *а* на глаголы ывае/ыва, ивае/ива (выр*а*внивать и пр.), причемъ характеристично: а) что въ предъидущемъ разрядѣ ае/а *о* удерживается, если оно одно—*большею частію* (р*о*нять, р*о*жать, затв*о*рять, ук*о*рять, ум*о*лять, покл*о*няться—при кланяться) и если это *о* есть второе (въ полногласныхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ)—*всегда:* воро́

чать, приготовлять; б) что въ ывае/ыва, ивае/ива, если корень первообразной формы заключаетъ въ себѣ два *о*, или два гласныхъ звука, изъ которыхъ только 2 й есть *о*, вслѣдствіе ли полногласія или вслѣдствіе отнесенія суффикса къ корню, что въ такихъ глаголахъ *а* становится на мѣстѣ втораго *о*: заворачивать (но ворóчать), укорачивать, выколачивать и пр., приготавливать, нагромаживать (громоздить, нагроможжать), проборматывать; в) что изъ правила *«ронить, ронять—выранивать»* неисключаются тѣ *о*, которые произошли на Русской почвѣ, изъ того ъ, которое въ Ст.-Слав. при образованіи глаголовъ ае/а остается неизмѣннымъ: молчать, помалчивать, толкать—выталкивать, вздрагивать, проглатывать, взбалтывать, выдалбливать, помалчивать, помаргивать, намарщивать и пр. Для меня неподлежитъ никакому сомнѣнію, что эти послѣдніе случаи могутъ быть отнесены не раньше, какъ ко времени замѣны глухихъ чистыми, стало быть къ XIII—XIV вѣку, т. е. ко времени, когда *о* въ языкѣ давно уже существовало. Къ какому времени относится *а* въ полногл. словахъ (заворачавать и пр.), это опредѣлить трудно, но можно думать, что и оно гораздо новѣе втораго *о* въ *оро*, *оло*. Въ старинныхъ памятникахъ при *уганивалъ*, Лавр. 104, *пристраивати*. Новг. 1, 40, *укаривахуть*, Ип. 85 (столь же древнихъ, какъ и удержаніе усиленія *ь* въ *и* въ *испирывати*, Възращ. Кюр. Калайд. 185, при *испрати*), нахожу не только *подмолвливашеть*, Ип. 81, ся *обороччвая*, ib. 56, но и *пристроивайся* Л. 41, *створиваше*, ib. 82.

Такое удержаніе въ отглагольныхъ глаг. уе/ува, юе/юва основного *о*, будетъ ли оно единственное, или второе, составляетъ правило въ Вост. Малорусскомъ и, если не ошибаюсь, во многихъ мѣстностяхъ заднѣпровья *підголювати*, *видóювати*, *засмóлювати*, *піджóвчувати*, *видóвблювати*, *дотóвплюватись*, *випорóжнювати*, *доколóчувати* и пр. Замѣчательные случаи, въ коихъ глаголы *ова*, *ева* какъ бы отказываются отъ усиленія, которое

однако сохранилось въ глаголахъ $^{ае}_{а}$, напр. *гонити*, *ганя́ти*, *догóнювати*; *котúти*, *качáти*, *закóчувати* (у Квит. по изд. Кулиша «позакачували рукáва» — ошибка); *клонити*, *кля́нятись*, *підклóнювати*; *мочúти*, *вúмачати*, *вимóчувати*, *ломúти*, *ламáти*, *відлóмлювати*, объясняются тѣмъ, что всѣ эти глаголы на *ува*, *юва* отнесены, какъ къ первообразнымъ, не ко глаголамъ съ характеромъ *а*, а ко глаголамъ $^{и}_{и}$, то есть *ломлювати* — не отъ *ламати*, а отъ *ломити*. Если бы отъ *ламати*, въ коемъ удержано усиленіе, былъ образованъ глаголъ *ова*, то онъ бы звучалъ (од-) *ламувати* (какъ и есть), какъ отъ *скакати*—*підскакувати*. Только близъ границъ Мр. нарѣчія съ Вр. встрѣчается и въ Мр. усиленіе *а* въ случаяхъ вигаварувать, Рудч. Ск. 1, 47. Напротивъ, многіе (но не всѣ) говоры Бѣлорусскіе раздѣляютъ съ Мр. отсутствіе въ этихъ случаяхъ усиленія *а*.

Хотя Малорусское измѣненіе *о* въ *і* (resp. *уо*, *у* и пр.), *е* въ *і* (resp jе), завѣдомо фонетическаго происхожденія, но при образованіи глаголовъ болѣе длительныхъ, гдѣ оно неусловлено качествомъ слога, т. е. стоитъ въ слогѣ прямомъ, оно, мнѣ кажется, должно быть разсматриваемо какъ этимологическое усиленіе (Зам. о Мр. нар. 36). Случаевъ съ *і* изъ *о* мнѣ извѣстно всего два. Въ обоихъ *і* изъ втораго *о* глаголовъ съ полногласіемъ, въ которомъ, какъ извѣстно, *о* обыкновенно остается неизмѣннымъ даже въ среднемъ слогѣ (город, а не горід): *виволікати* и «*посполіскує* дощъ». Случаевъ съ *і* изъ *е* больше, при чемъ *е* (изъ і оего *і*) частью общеславянское, частью 2 е въ полногласныхъ словахъ, частью *е* изъ *і*: а) въ глаг. $^{ае}_{а}$: *постерігати*, *поберіráти* (по спережáти); б) въ *ува*, *юва*: *одбріхуватись* (брехати), *випліскувати* (плескати), *витісувати* (тесати), *зачісувати* (чесати), но заклепувати, вимелювати, застелювати, віддептувати; *підперізувати* (перезати), но випережувати; *вивірчувати* (вертіти), *вищірблювати* (щербити) *одхріщуватись* (хрестити), *вивіршувати* (вершити), но додержувати, перетерплювати.

3) Возвращаясь къ отношеніямъ звуковъ *ъ—ы*, *ь—и*, *е—ѣ*, *ѣ—и*, *о—а*, постараюсь показать разницу, какъ мнѣ кажется, существенную, между моимъ взглядомъ и взглядами предшествующими. Суть въ томъ, что въ разсматриваемыхъ случаяхъ *ы*, *и*, *ѣ*, *а* суть усиленія совершенно тождественныя по своему значенію въ словообразованіи, почему въ общемъ и должны быть разсматриваемы, какъ принадлежащія къ одному и тому же наслоенію языка. Они должны быть строго отличаемы отъ тѣхъ усиленій болѣе древняго слоя, которыя или неясны относительно значенія, или образуютъ, за немногими исключеніями, глаголы причинные и фактитивные. Между этими двумя родами усиленія гораздо большая разница, чѣмъ между гуною и вриддги, ибо и гуна и вриддги предполагаютъ въ языкѣ одинъ и тотъ же комплектъ гласныхъ, одну и туже привычку языка ставить усиляющую гласную *а* v. ā спереди усиляемой. Между тѣмъ усиленія 1-го рода въ Слов. языкѣ, къ коимъ относятся случаи соотвѣтствующіе какъ гунѣ, такъ и вриддги, предполагаютъ общеарійскій составъ гласныхъ, а 2-го рода—составъ спеціально славянскій, съ *ъ*, *ь*, *е*, а, и по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ случаяхъ, съ *о*, при чемъ само это усиленіе состоитъ *отнюдь не въ препозиціи а* или *а*. Обыкновенно на это смотрятъ иначе.

У Шлейхера (Formenl. 76—7) *ы* занимаетъ второе мѣсто ряда *ъ*, *ы*, *у*, *ов*, *ав* и вовсе не есть усиленіе, а лишь замѣна основнаго *у*: *дыхати*, *сыпати*, *тыкати*, *по-зы-вати* (sic, а не *по зыв-ати*) относительно *ы* стоятъ у него на одной ступени съ *быти*. Раздѣленіе *по-зы-вати* показываетъ, что Шлейхеръ видѣлъ корень этого слова отнюдь не въ *зъв-а ти*, а въ болѣе древнемъ *гу* v. *зу*. Какъ понимаетъ это дѣло Гейтлеръ, видно изъ слѣдующаго: «*ы* слѣдуетъ иногда принимать за *ослабленіе оу*, при чемъ нельзя опредѣлить, по какому закону... Ср. *оусоушити—оусъхати*...» (§ 59, 2). «Дославяское краткое ў можетъ удлинняться въ *ау* и *āу*.. *быти* возникло изъ būti, Лит. búti, отъ корня бў, но краткое ў (=ъ) нигдѣ до насъ недошло; «ovšem ve

въздъхнѫти, *въздыхати*, a však nelze již s jistotou určiti, je li toto *ъı* původně *ū*, či *au*», то и другое возможно. Вѣрно только то: *ъı* и *оу* суть рѣшительно гласныя болѣе полновѣсныя, чѣмъ *ъ*; они являются исключительно въ формахъ болѣе интенсивныхъ по значенію; *ъ* усиляется въ *оу*... *сѫхнѫти*—*соушити*... *ъ* усиляется (se stupňuje) въ *ъı*; сюда же принадлежатъ случаи въ коихъ *оу ослабъло* въ *ъı*... *вздъхнѫти*—*въздыхати*, рдѣти—рыждь.. *съ лати*—*сылати*» (Fon. § 21). Я въ этомъ немогу выйти на чистую воду. Однако довольно ясно сказано, что *ъı* въ *въздыхати* можетъ быть первоначально или долгимъ *у*, или *ау*, чему мы противопоставимъ свое мнѣніе: усиленіе *ъı* имѣетъ отношеніе только къ неусиленной формѣ съ *ъ*, и никакого отношенія къ тому звуку, который предполагается этимъ *ъ*, такъ что говоря объ усиленіи *гыбати* и *мыкати*, мы должны имѣть въ виду только формы *гъб*-, *мък*-, при чемъ совершенно безразлично то обстоятельство, что въ первомъ первоначальная коренная гласная есть *у*, а во второмъ *а*.

По Шлейхеру выходитъ, что «*ь* (гласная порядка *и* «ein i-laut.») есть ослабленіе основнаго *ă*, a *и*, *ѣ*—усиленія этого ослабленія, напр. *рьци*, *прорицати*, *наръковати*» (Formenl. 68—9). Считая отъ *ь*, *и* въ *заплитати* будетъ 1-е усиленіе, а *заплѣтати* 2-е, не смотря на то что *заплѣтати* поставлено въ одномъ ряду съ *сѣсти*. Въ Formenl. 72 и Comp. § 81 *процвитати*, *поминати* признаны формами заключающими въ себѣ основное *и* т. е. отнюдъ не усиленными, имѣющими съ одной стороны ослабленіе въ *мьнѣти*, *цвьтѫ*, а съ другой—единственное усиленіе въ *мѣнити*, *цвѣтъ*. Между тѣмъ для насъ *поминати*, *процвитати* суть усиленія совершенно равныя съ *заплитати* и *заплѣтати*.

Мнѣніе Гейтлера: «*ѣ* возникшее изъ *ā* ослабилось въ *и* .. *мѣнити*—*поминати* (кор. *ман*). Въ слѣдующихъ случаяхъ *ѣ* возникло посредствомъ усиленія краткаго *е* (=*ă*), потомъ ослабилось въ *и*: *избирати* отъ *беру*, *набиръкв* (въ Чеш. еще paběrek); въ *запинати*,

запирати (*пърж*, кор. *пер*), *отирати* (*терж*—*тер*), *понирати* (*нърж*—*нер*) мы предполагаемъ переходную ступень съ *ь*; она сохранилась въ *дёрж*, *дьра*, *раздирати*, *грети*—*погрѣбати*—*погрибати*, *решти*—*нарѣцати*—*нарицати*, *плести*—*оплѣтати* — *оплитати*, *тешти*—*тѣцати*—*тицати*. Ср. далѣе: *бѣда*—*обида*, *вѣсити*—*висѣти*... *отрѣяти*—*отринѫти*» (Fon. § 78, 1). «Посредствомъ ослабленія *ѣ* въ *и*: *мьгнѫти*—*мизати* (nutare, Лит. mëgoti, dormire); однакоже *и* (i) могло также возникнуть изъ *й* (ī); безъ сомнѣнія *и* возникло изъ *ӣ* (ī, а не изъ *аи*=ѣ) въ *чьтѫ*—*читати*.... *и* можетъ быть также=ī въ *льпнѫти*—*прилипати*, *свьнѫти*—*свитати*...» (ib. § 93). По моему же мнѣнію: *поминати* неимѣетъ никакого отношенія къ *мѣнити* и возникло изъ *мьн-ѣ-ти*; *бира* возникло не изъ *бер*, а изъ *бьр-ати*; точно также и *пина*, *пира*, *тира* изъ *пьн*, *пьр*, *тьр*, а не изъ *пен* и пр.; *бира* отнюдъ не предполагаетъ формы съ *ѣ*: *бѣр*; Польск. ie въ zabierać, umierać (и ie въ нѣкоторыхъ другихъ нарѣчіяхъ), напротивъ, предполагаетъ i: umirać. Мое мнѣніе объ отношеніи формъ *погрѣбати* и *погрибати* было высказано выше. Я считалъ до сихъ поръ достаточно прочнымъ, что *обида*, *обидѣти* относится къ *видѣти*, какъ *завидѣти* и *завидовать*, а отнюдъ не къ *бѣда*; такъ и теперь думаю. *) Считать въ *висѣти* и за ослабленіе того *ѣ*, что въ *вѣсити*, значитъ понимать дѣло на выворотъ: *вѣсити* есть причинный глаголъ при *висѣти*. Въ *миза-*,

---

*) Несмотря на возраженія акад. Грота (Филол. разыск. 455): еслибъ *обидѣть* изъ *объ* и *видѣть*, то а) почему бы было причастіе *обиженъ*, а не *обидѣнъ*, какъ *видѣнъ*? Отвѣтъ ib 559: потому же, почему отъ *вертѣть*, *вертишь*—*верченъ*; б) почему бы было *обижать*, а не *обидать*? Но отъ *завидѣть* (invidere) тоже не *завидать*, а *завидовать*. *Обижать* отъ *обиди-* (1-я тем.), какъ *рожать* отъ *роди-*. Лит. abyda—abyditi заимствованы изъ русск. Быть можетъ тоже и Норвежское obyde. Серб. *обиједити* и по ударенію равно не русскому *обидѣть*, а русскому *обѣдить*.

липа-, *чита-* *и* изъ ъ: *мыг*, *чьт*, *льп*. Читатель можетъ возразить мнѣ, что вѣдь я непривожу никакихъ доказательствъ того, что напр. *поминати* изъ *помьнѣти*; но мои доказательства—въ смыслѣ словъ: значеніе *поминати* объясняется изъ *помьнѣти*, а отнюдъ не изъ *мѣнити* и т. д. Дѣло въ томъ, смѣшиваю ли я разнородныя формы или точно, какъ мнѣ кажется, группирую лишь однородныя?

Шлейхеръ, поставивши въ три слѣдующіе другъ за другомъ ряда формы. какъ *тешти*, *точити*, *истачати*, изъ коихъ въ первой *е* есть замѣна основнаго *а*, а во 2-й и 3-й *о* и *а*—усиленія, говоритъ: «Славянскій языкъ, благодаря своему *а*, еще болѣе полновѣсному чѣмъ *о*, получаетъ новую степень усиленія, именно вриддги отъ *ă*, между тѣмъ какъ въ другихъ языкахъ *ă* основное можетъ быть усилено только одинъ разъ» (Formenl. 66). Стало быть *а* въ *тачати* есть вторая степень усиленія, что высказано и въ Comp. § 80: «а=â явственно оказывается вторымъ усиленіемъ, т. е. усиленіемъ *о*, которое само есть усиленіе (*тек*, *ток*, *так*). Точно такъ отъ *и* въ *пити* 1-е усиленіе есть *oj* (*поити*), а второе *aj* (*напаяти*), (Comp. § 81; Geitl. Fon. § 93). Но если *истачати* и *напаяти* суть вторыя усиленія, то ы, *и*, *ѣ* въ совершенно равныхъ имъ формахъ *надымити*, *начинати*, *измѣтати* суть тоже 2-ыя усиленія. Это однако же невозможно, потому что формы предполагаемыя 3 мя послѣдними, именно формы *дъм-ж*, *чьн ж*, *метж*, не суть усиленія. Какимъ же образомъ *истачати*, *напаяти* могутъ быть вторыми усиленіями?

Такое противорѣчіе произошло отъ того, что изслѣдователи считали здѣсь степени усиленія съ своей личной, произвольной точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія самого языка. Для послѣдняго усиленія древнѣйшія и новѣйшія несоставляютъ одного ряда (continuum). Производя глаголы болѣе длительные, языкъ принималъ за исходную точку глаголы 1 й степени длительности (конкретно-длительные), совершенно отвлекаясь при этомъ отъ того, что эти послѣдніе весьма различны по дру-

гимъ формальнымъ значеніямъ и времени происхожденія. По отношенію къ глаголамъ второй степени длительности всѣ глаголы имъ предшествующіе принимаются за равно первообразные, то есть *тешти*, *пити* суть глаголы одностепенные съ *точити*, *поити*, хотя 1-ые суть глаголы простые, а вторые причинные. Новая категорія большей длительности не стираетъ этихъ различій, а лишь покрываетъ ихъ собою, придавая имъ одинъ общій оттѣнокъ: отъ *текѫ* болѣе длит. глаг. будетъ *тѣкати*, *тицати*; отъ *точѫ*—*тачати*, при чемъ *тѣкати* по степени усиленія и степени длительности=*тачати*. Четырехъ формъ: *тешти*, *точити*, *тачати*, *тѣкати*, или четырехъ формъ: *пити*, *поити*, *напаѩти*, *испивати* невозможно построить въ одинъ такой рядъ, въ которомъ всякій послѣдующій членъ предполагалъ бы предъидущій. Четыре эти формы распадаются на 3 ряда: а) *тешти*, *пити*—*точити*, *поити*; б) *тешти*, *пити*—*тѣцати*, *пивати*; в) *точити*, *поити*—*тачати*, *паяти*.

Есть лишь нѣсколько уже упомянутыхъ выше случаевъ, въ коихъ *а*, по отношенію къ *о*, дѣйствительно съ точки зрѣнія самого языка есть второе усиленіе, именно тѣ (*важдати*), коихъ ближайшіе первообразные (*водити*) означаютъ уже вторую степень длительности по отношенію къ своимъ первообразнымъ (вести). Здѣсь три формы дѣйствительно составляютъ одинъ послѣдовательный рядъ, коего члены относительно значенія различаются только степенью длительности. Языкъ, пользуясь здѣсь древнимъ способомъ усиленія (*нести*—*носити*) для категоріи большей длительности, ненуждается въ новомъ способѣ усиленія: отъ *вести*, *нести*, *брести* и пр. нѣтъ такихъ усиленій, каково *тѣкати* отъ *тешти*.

Такимъ образомъ прямолинейная правильность языка здѣсь нарушается тѣмъ, что усиленіе *а* лишь отчасти равносильно съ *ы*, *и*, *ѣ* и вмѣстѣ съ ними есть усиленіе первой степени, отчасти же есть усиленіе 2-й.

Положеніе, что усиленіе *ъ* въ *ы*, *ь* въ *и*, *е* въ *ѣ*, *о* въ *а* составляютъ особенность Славянскаго языка, хотя въ главномъ вѣрно, но должно быть до нѣкоторой степе-

ни ограниченіе, именно указаніемъ на явленія отчасти соотвѣтствующія этимъ усиленіямъ въ Литовскомъ. Вообще говоря, Литовскій языкъ стоитъ на той степени, на которой Слав. въ *водити*, именно въ Лит., по правилу, образованіе глаголовъ болѣе длительныхъ сопровождается тѣми же усиленіями=гунѣ, что и образованіе причинныхъ: lekiu lěkti, летѣть (е=основ. *ѣ*), болѣе длительный lakioti, порхать, причин. lakinti, заставлять летать (а=Слав. усил. *о*); въ Латыш. lékt, прыгать, болѣе длит. (iter.) lakstit, прыгать, порхать; при основномъ *i*, какъ въ riszti, Латыш. rist, вязать, Лит. gywenti, жить, Лат. dzîstu dzit, заживать о ранѣ, — болѣе длит. Лит. raiszyti, вязать, Лат. raisit, причинный Лит. gaiwinti, живить (*ai*=Слав. *ѣ* изъ *i*); при основ. *u* (bûgstu, bûgti, пугаться, kupti складывать въ кучу)—болѣе длительный kaupinti ii, прич. bauginti, пугать (Лат. baudit?). Сходство глаголовъ болѣе длительныхъ и причинныхъ, составляющее въ Слав. языкѣ исключеніе, здѣсь — правило, почти невстрѣчающее исключеній. Измѣненія гласныхъ, наиболѣе подходящія къ Слав. усиленіямъ втораго рода, въ Лит. распространяются не на всѣ формы составляющія спряженіе, а *приурочены къ одному времени, прошедшему*. Литовско-Латышское прошедшее простое отличается отъ настоящаго не формою личныхъ окончаній, а частью только характеромъ, равнымъ основному *aja* (ср. Слав. преходящее съ *ва*), или сложному съ этимъ послѣднимъ, частью же вмѣстѣ съ этимъ—видоизмѣненіемъ гласной относительнаго корня. Это похоже на то, какъ если бы прошедшее въ Слав. отъ *мести*, мету, было не *метохъ* или *метлахъ*, а *мѣтахъ*. Но такой глаголъ, какъ послѣдній, въ Слав. требуетъ во всѣхъ формахъ усиленія гласной (мѣтаж), или ея качественной неизмѣнности при обратномъ ударенія; въ Литовскомъ же усиленіе гласной въ прошедшемъ является лишь въ нѣкоторыхъ разрядахъ, между тѣмъ какъ въ другихъ видимъ ея ослабленіе. Это обстоятельство слѣдуетъ положить на вѣсы, сравнивая Слав. усиленія *ѣ*, *а*, *о*, съ измѣненіями гласной въ Лит. прошедшемъ.

Литовское ė, которое может соответствовать Славянскому ѣ изъ ē (въ отличіе отъ Лит. ai = Слав. ѣ изъ ai), не играетъ почти никакой роли при образованіи глаг. болѣе длительныхъ: Лит. mėtau, mėtyti (что, переведенное на славянскіе звуки, было бы мѣтаю, мѣтѣти); болѣе длит. (iterat.), при metù, mest (бросать), относительно своего ė представляетъ случай въ Литов. весьма рѣдкій (Schl. Lit. Gr. § 67). Но это ė часто появляется изъ е лишь въ прошедшемъ (Schl. Gr. § 115 кл. IV. B. b. 1, *); Латыш. ē и ê, Biel. Lett. Spr. I, 369—70, № 194 сл.) напр. Литов. periù, pėriau, неопр. pėrti, мыть, прать, парить вѣникомъ) или вмѣстѣ и въ неопредѣленномъ, напр. lekiù, lėkiau, lėkti, летѣть (Schl. ib. § 115, IV B. b. 2).

Лит. o тоже чрезвычайно рѣдко встрѣчается во всѣхъ формахъ глагола болѣе длительнаго (напр. noszczioti), но какъ усиленіе a оно стоитъ тамъ же, гдѣ ė изъ e: kariu, прошед. kóriau, неопред. kárti, Латыш. kariu прошед. kâru, неопред. kart, вѣшать; Литов. vagiu, vogiau, vogti, красть (Schl. ib.).

Славянскому ь въ мьнж и пр. соотвѣтствуетъ Лит. ĭ; Славянскому и въ минати (изъ ь) Лит. y (î) только въ прошедшемъ (minu, прошед. mýniau, miti, мять, топтать, Schl. § 111, кл. 1. и, 2; giriù, gýriau, girti, хвалить, Schl. § 115 кл. IV. B. b. 1). Въ Латыш. это удлинненіе въ прошедшемъ почти не замѣтно: Biel. Lett. Spr. 344.

Аналогично съ этимъ удлинненіе короткаго u въ прошедшемъ: důriu, dúriau, dùrti, колоть, dumjù, dúmiau, dùmti заносить пескомъ? До нѣкоторой степени, т. е. кромѣ постйотаціи, это сходно съ ы въ дымати.

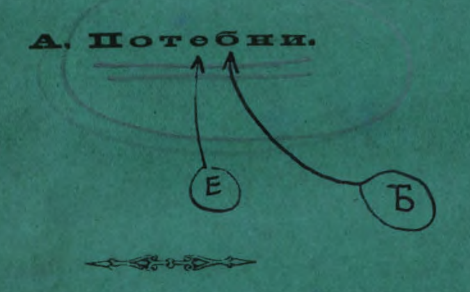
Въ Латышскомъ при образованіи глаголовъ болѣе длительныхъ (iterativa, frequentativa) на $^{aja}_{a}$ замѣчается

---

*) Сюда же отъ корня jam Лит. imù, прошед. émiau, неопред. imti; въ коемъ формѣ усиленія ė въ прошед. быть можетъ соотвѣтствуетъ въ Слав. удержаніе основнаго ja = ѭ въ ѥмлѭ, имати при имѫ.

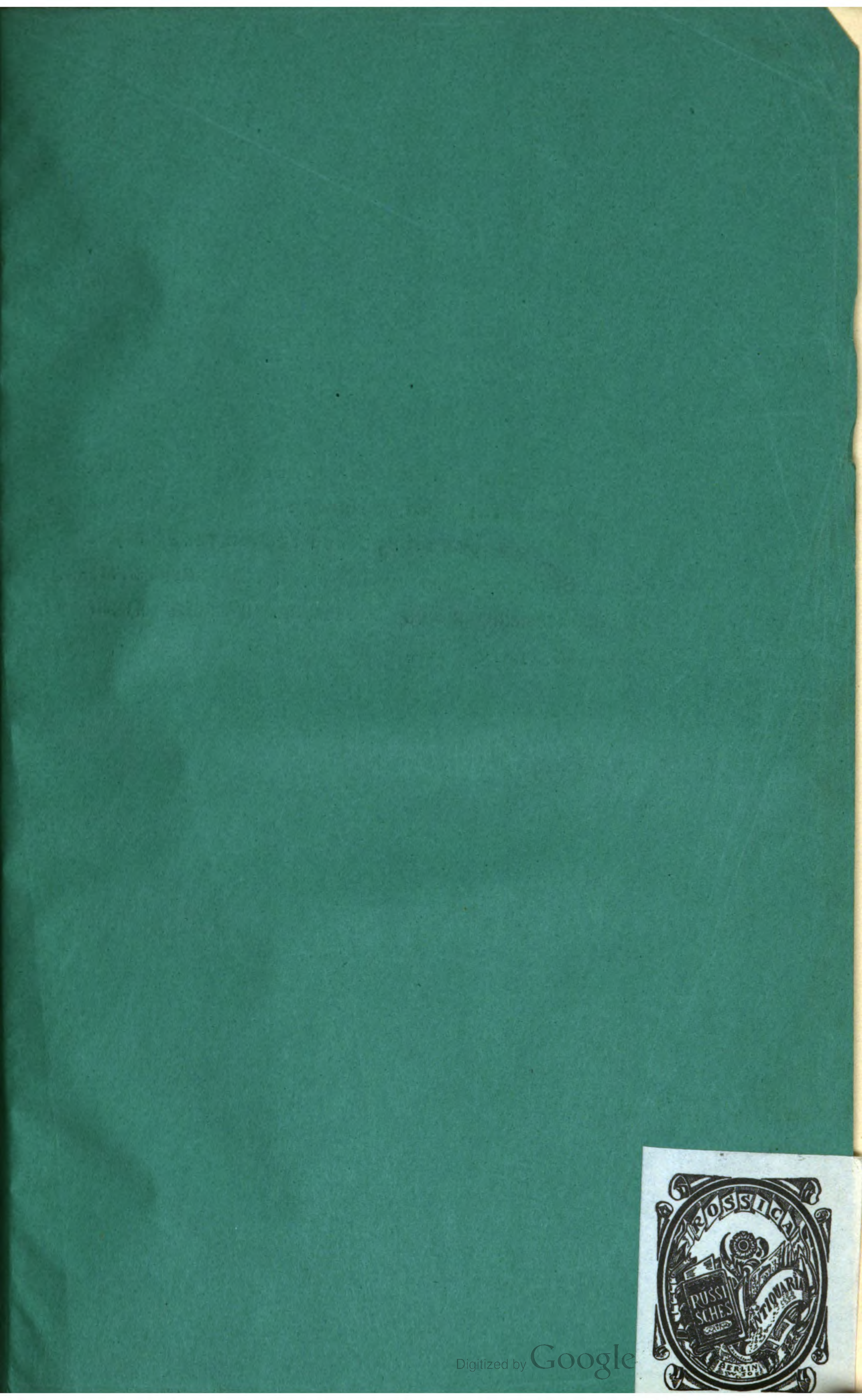
троякій способъ обращенія съ коренною гласною: а) или она таже что въ первообразномъ глаголѣ: nessat=Лит neszioti, при nest; б) или гласная усилена тѣмъ же способомъ, какъ при образованіи причинныхъ глаголовъ одинаково съ Литовскимъ, т. е. *ai* изъ *i*, *au* изъ *u*, al если основная гласная такова, *a* если основная *a* (walkát, braddát, lõdat изъ landát, lûkat изъ laukát), в) или, наконецъ (что можно сравнить со Слав. усиленіемъ 2 го рода), появляется особое произношеніе долгой гласной, которое Биленштейнъ обозначаетъ чрезъ надстрочное ^. Это произношеніе (der gedehnte ton) повидимому состоитъ въ тонической равносильности элементовъ долгаго звука и противополагается такому произношенію der gestossene ton), при коемъ удареніе падаетъ на первый элементъ: lêkat прыгать при lékt, mêtat при mést, lînat при lit, лти о дождѣ, plûkát, zausen, при plúkt. Иногда der gestossene ton надъ долгою есть усиленіе короткой: dírat при dirt, драть кожу (Biel. Lett. Spr. 386 слѣд.).

КЪ ИСТОРІИ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. Потебни.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ Типографіи В. И. Исаева
1876.

ROSSICA
RUSSISCHES
BERLIN

